

Воронежский
Государственный
Университет

День поэзии LXII

К 100-летию ВГУ

В оформлении обложки и разделов использованы графические работы
M. Саратовой, акварели *B. B. Тулупова*, фотографии *H. Мерзликиной*
и *C. Лейхтвейстера*, фотоснимки архивных номеров газет
«За научные кадры» и «Воронежский университет»

Редактор-составитель альманаха *Д. А. Чугунов*
dr-chugunov@yandex.ru

24 марта 2018 г.

Поэзия.doc

Первым даром человеку от Бога был дар творчества. Дар творчества в Слове. Словом человек познавал мир вокруг себя, давая имена предметам, птицам и зверям. Словом он описывал себя и тот универсум, что открывался ему. Словом он сохранял всё найденное и познанное.

Кому, как не поэтам, знать эту тайну бытия?! Мы готовимся отмечать столетний юбилей ВГУ, но разве не поэты прежде других увидели его вдалёкой дали, где-то за сиянием грядущих лет? Воспевая в самом начале XX века дороги, ведущие к светлому будущему, они прозревали тот праздник, участниками которого выпало быть нам с вами. Неравнодушное слово всегда гремело в университетских аудиториях и коридорах, будь то лекции по естественным наукам или семинар по литературе, партийное собрание или поэтический кружок студентов. В Слове раскрывались студенческие «Весны» и конкурсы первокурсников. Слово оставалось жить в научных изданиях. Слово расцветало в стихотворных строчках.

Кому, как не поэтам, знать сложность испытания словом?! И дебютанты Дней поэзии, и их давние участники — все испытывают волнение, выходя на трибуну. И это происходит не от внутренней робости, не от природной скромности человека. Поэзия — хроника нашей душевной и духовной жизни. Стихи — наш современный хронограф. А потому нельзя сфальшивить в своём выступлении, ибо каждая строчка вписывается в огромный документ под названием «жизнь».

И в этом отношении поэзия всегда была вместе с университетом.

С праздником, родной Воронежский университет!

Дмитрий Чугунов

История

Поэзия как зеркало университетской жизни

Где живёт университетский дух?

В наших учебных корпусах и общежитиях. В легендах, связанных с аудиториями и коридорами, лабораториями и закрытыми комнатами. В сборниках научных трудов и грамотах на стене. В наградных кубках со спортивных соревнований и фестивалей культуры. Во всех многочисленных и милых сердцу мелочах, которые мы, университетские люди, воспринимаем как должное...

А ещё этот дух живёт в стихах.

Достаточно полистать подшивки университетской газеты! Вы совершите удивительнейшее путешествие в прошлое. На хрупких страницах по-прежнему ждут своих читателей непохоже-далёкие и вместе с тем искренне-близкие строчки стихотворений филологов и физиков, геологов и журналистов... И мы думаем: жила страна, жил университет и жила Поэзия — зеркало долгой университетской жизни!

«Печатная газета — большая победа ВГУ на культурном фронте»

Такова была шапка первой полосы газеты, вышедшей в ВГУ **30 марта 1929 года**. Называлась она символично —

«Красный университет»

Среди заметок, посвящённых учёбе, трудовым свершениям, партийной борьбе, изредка проскальзывали и поэтические публикации. Разумеется, лирика тех дней была прямо подчинена происходящему в стране. Среди того, что волновало поэтов, на первом месте — учёба, поступление в вуз, борьба с кулаками в деревне, создание колхозов и строительство заводов, воспитание в молодёжи нового, коммунистического сознания...

Так, например, очень красочно описаны вступительные экзамены в ВГУ в 1921 году. Автором этих шуточных строк является Николай Петрович Самбикин (1882—1928), блестящий университетский математик и педагог, чьи стихотворные экспромты были широко известны в среде образованных воронежцев.

Правдивое описание приёма на физмат ВГУ в сентябре 1921 г. (Фрагмент)

У зала в узком коридоре
Гудят две сотни голосов.
Бурлит; волнуется, как море,
Толпа встревоженных юнцов
И ждёт, бледнея от волненья,
Что с десяти часов утра
Начнут младенцев избиение
Сушкиевич, Берг, et cetera < ... >
Но вот и поле страшной битвы.
Шепча последние молитвы,
Толпа влилась в открытый зал.
Уселись. Раздаются темы.
Все стали глухи, стали немы,
И в наступившей вдруг тиши
Шуршат одни карандаши. < ... >
К концу приблизилось сраженье.
Волной объятые смятенья
Бегут разбитые врачи.
Их торопливые шаги
Звучат тоскливо и уныло...
Но там у дальнего стола
Сидит ещё исчадье зла,
И бедной юности могила
Там верно роется рукой.
С тупым отчаяньем, с тоской
Дрожит пред Сахаровым строгим
Несчастных дев последний ряд.
Как в лихорадке, все горят
И ждут суда. Увы, не многим
Удастся в схватке роковой
Не поплатиться головой,
Бежать от вечного позора.
Поднять наверх не смея взора,
Сидит перед физиком Аннет,
Нежна, прелестна, как расцвет

Весны лазурной и душистой.
Пред нею лист бумаги чистой,
Печать молчанья на устах...
Но боже мой, увы и ах! —
Она о свете не читала,
О звуке — звука не слыхала,
И знает только теплоту,
Но преимущественно ту,
Что сердце девы согревает,
Огнём воспламеняет кровь,
Когда ей милый напевает
Про счастье, ласки и любовь.
Когда ж со вздохом сожаленья
Девицу физик попросил
Изобразить сложенье сил,
Анюту с чувством оскорбленья
(Не зная, впрочем, как начать)
Решила горда промолчать.
Тогда, не видя больше прока
В беседе с девою немой,
Ещё вопрос о силе тока
Тихонько задал физик мой.
И тут, смутившись в высшей мере,
Анюту нежным голоском
Шепнула что-то об Ампере
И приплела к чему-то ом,
Но по созвучию с ампером
С игривой лёгкостью ума
Смешала вольт она с Вольтером
И снова сделалась нема,
Сама смущённая ошибкой.
Но с сардонической улыбкой
Встречает Сахаров ответ
Обворожительной Аннет.
Зардевшись вся, как маков цвет,
Кляня позор и неудачу,
Она бежит, предавшись плачу,
Бежит, куда глядят глаза.
Увидев бегство бедной Ани,
Решили все без колебаний,
Что физик Сахаров — гроза.
И вдруг, объятые тревогой,
Какой не знали никогда,
Сбежали тою же дорогой
Из зала страшного суда.
А в протоколе заседанья,
Весьма довольный сам собой,
Вписал потомству в назиданье
Наш славный физик: «Кончен бой,
Бежал разбитый неприятель».
С улыбкой тонкой председатель
В сем протоколе закрепил
Свою подписью победу
И всех соратников к обеду
На пир весёлый пригласил.

Пресыщенному сознанию наших постмодернистских дней стихотворения тех далёких-далёких лет иногда могут показаться совершенно невероятными: наивными, нескладными, смешными, даже — непоэтичными! Многие авторы неумело (и беззастенчиво) подражают Маяковскому, Демьяну Бедному... Не все стихотворения достойны того, чтобы перепечатывать их. В иных — лишь несколько удачных фрагментов, ибо слишком сильным оказывался всеобщий пафос просветительства, пафос идеологического воспитания, который входил во внутренний конфликт с классическим пониманием качественной поэзии. В поэзии первых двух десятилетий университета содержание оказывалось куда более важным, нежели форма, отделка строки. Вот, например, типичные антирелигиозные стихи:

...Мещане — глухие к призывам эпохи
(Их мир граммофон да герань).
В обитель обмана несли свои вздохи
В рассветную влажную рань...

«Костры и залпы революции горят и гремят почти во всех стихах, сводя на нет старый мир во имя нового. Поэзия как бы стушевалась от кинжалного звона лозунгов, призывов, клятв, угроз, чисток. Вся она — на поверхности лозунгов и знамён, в ней нет никакого психологического грунта, углубления в душу, в личность» (В. М. Акаткин). Однако мы не берём на себя смелость пристрастно оценивать лирические излияния тогдашних стихотворцев. Перефразируя великие строки Г. Бенна, тот, кто судит слабости предков, должен вспоминать про «тёмные времена», которых он сам избежал.

И потому — внимание и понимание! Внимание к характерным образам тех лет, к самому Времени. Понимание тех чувств и переживаний, которые захватывали жителей молодой Страны советов.

Мы приводим здесь наиболее интересные и показательные отрывки (с сохранением, по возможности, авторской орфографии и пунктуации).

1929

Г. Рыжманов

Звонкий профессор

...Но лишь «удами» страдные дни отмечая,
Отгоняли мы лирику прочь.
На качелях экзаменов сердце качая,
Измеряли страницами ночь.
Пришла с полевым загаром, в портупее,
стала проф,
И зовут тебя звонким профессором в вузе
За твой смех, разговор, за зачёты, за взгляд...

Студентам-бойцам

...Шумят аудитории,
Дубрава так шумит,
Стихами, пульсом вторю я,
Весёлый строя ритм...

Козлов

Победа нового

...Конь и соха — иное в колхозе:
Трактор, урожай высокий.
Пораздумав — решил он всерьёз
И с Серпом и с сохою проститься.
Записался он членом в колхоз
Для того, чтобы с пользой трудиться...

1930

Г. Рыжманов

В колхозе

(Студент-агроном получил письмо от отца,
зовёт к себе)

...Мы зажили совсем наизнанку.
Частной рухляди нашей капут.
На версту распахали делянку,
Прямо чудом дела наши прут...

Александр Ковалев

Газета

...Опрокинулся день, словно с мёдом сосуд.
Я качаюсь в могучих качелях науки.
Друзья! Потерпите! Сейчас принесут
И положат мне дивную гостью на руки.
Ах, сегодня и вузовский воздух сочней,
Типографскою краскою пахнут страницы...
А в чудеснейшей ленте студенческих дней
Разве можно, скажи, не любить, не трудиться?..

Скляров

Чумак-одиночка

Мы завтра поедем в колхоз.
Так думал чумак-одиночка.
Так думал и целый обоз.
Деревня порою хромала,
Но шла неуклонно в колхоз.

1931—1933

Вперёд, за овладение наукой!

Рифмованные призывы и лозунги

Дружнее, студент, за учебу берися,
Смелее с наукой в бой выступай.
Сполня овладеть ей быстрее стремися,
Умом и желаньем свой путь пробивай.

Горденич

Очень люблю смех и смеющихся людей

«Мы научились работать, умеем радоваться своим достижениям. «Но мы иногда боимся показать, что мы умеем смеяться... Входя в университет, по привычке «сметаем» брови, настраиваем глаза на серьезный тон и считаем кощунством показать в улыбке свои зубы.

...Очень редко можно увидеть студента, который бы читал худ. литературу, интересовался ею. Кто-то установил такое правило, что химик не должен выходить из круга положенных программами вопросов...

...Кто-то решил, что не следует организовывать таких развлечений, как обсуждение художественной литературы, как литературные кружки, музыка и т.п.

А ведь это в высшей степени интересная область.
Без этих моментов специальная односторонность
задавит студента, будущего специалиста высшей
квалификации, человека, который должен быть
в высшей степени культурным.

...Культурно жить — это не только содержать в чистоте свою комнату, койку.

...Весёлость, энтузиазм в работе, в быту — это
напор на все новые крепости ещё незнакомых нам
областей»

В.М. Акаткин:

«1931—1933 годы — самый мрачный период в жизни университета: идеологическое давление, политическая борьба, коллективизация, поиск врагов, разоблачения, уход из университета педфака — всё это превратило его в военизированное учреждение. В университетской газете перестали появляться даже плохие стихи: за 1932—1933 годы — ни одного! Зато было напечатано много материалов о лагерях, артиллериии, о шести наказах Сталина, об укрывшихся под маской врагах, лжеударниках, о колхозах и т. п. Не случайно в 1933 году появилась статья Горденича».

1934

Несмотря на заявленную в статье Горденича идею перемен в культурной жизни, появляющиеся на страницах «Красного университета» стихи по-прежнему напоминают рифмованные передвицы. Авторы славят новый мир, щедро раздавая обещания учиться, бороться, отстаивать...

М. Саввина

Новому набору

Привет Вам дружеский
Товарищам учёбы!
Пришли вы к нам бороться за одно:
За качество отличное в учебе.
Включаясь также в нормы ГТО,
И в битвах никому не уступая,
Пойдём вперёд к победе новых дней.
Не страшен вой врагов голодных,
стая —

Тех, кто скулит над участью своей.
Науки трудные годами постигаем
И с гордостью работать и учиться успеваем,
Чтоб выполнить программу за пять лет.

А через пять — научными трудами
Побьём рекорд всех буржуазных стран,
Вступая в жизнь железными рядами,
Любой отпор сумеем дать врагам.
Науку, технику, свободную культуру,
Освоим в вузах, втузах и быту
И пролетарскую, стальную диктатуру
Мы, укрепляя, станем на посту.

Иван Вольный

На просторе

По дороге пыльной, скучной
Ветер гонит лист прогнивший,
А повыше — в небе тучи
Луч затмили золотивший.

Солнце будто потерялось,
В беспорядке пляшет в выси,
В огневой комочек сжалось,
Затая ненависть в мыслях.
Вдруг, сверкнуло небо гневно
Освещая поля, дали;
По широкому простору
Звуки грома грохотали.

Откололась тучи доля
И на лист упала пыльный.
Лист почувствовал свежесть поля
И воспринул духом сильным.

Освещали всплески молний
Серебристым светом каплей,
И гремел оркестр небесный,
Пока туча не иссякла.

По дороге уж не скучно,
Не пылится лист прогнивший,
А повыше в небе тучи
Луч не прячут золотивший.

Первая литературная страница в газете

Идея прозвучала ещё в 1931 году. И какова ирония судьбы: после этого поэзия совсем исчезла со страниц «Красного университета»! Лишь в осенних номерах 1934 года вновь зазвучали поэтические строки. Не удивительно: поэты тоже должны были откликнуться на очередную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

Сергей Гранин

Привет

В соревновании школ и вузов
Дойдём мы
До решающих побед.
Ударникам учёбы наилучшим
Наш комсомольский,
Пламенный привет.
За освоение наук
По-большевистски драться,
За темпы драться
Также хорошо,
Как в заполярье
Шмидт,
Каманин, Ляпидевский
И... и многие ещё.
Пусть много туч
Над нашим горизонтом,
Но шире, ярче
Пятилетки свет.
Ударникам учёбы
Вузовского фронта
Наш пролетарский,
Боевой привет.

К. Гусев

Рождение Земли

В тот день был мир распахнут настежь
И в город первого Петра,
В раскрытые проспектов пасти
Врывались грозные ветра.
Кромсая сумерки сырьи,
Во мглу не уставали несть...
До бурь татарского пролива
До черноморской синевы,
С неповторимой силой взрыва
Ветра летели от Невы.
Неслись по колким травам суши,
По волнам вспененных морей,
Туда, где рвались ядра пушек
И судна рвались с якорей.
Трепались выцветшие флаги,
Рвались полотнища знамён...
В тот день земли военный лагерь
Был на две части разделён.
Злой ветер рвал туманы дебри...
Под разварной октябряской мглой
Две силы, издавна враждебных,
Вступили в генеральный бой.
В тот день был мир в основе вспенен
От столкновенья этих сил,
И звонкий ветер имя — Ленин! —
Над штурмом мира возносил.
И поднимал тот ветер пурги,
Во мглу бросая громкий клич...

В тот день Россию в Петербурге
Ударил третий паралич.
Пурга с весёлой вестью мчалась
До обветшалых стен Кремля...
В тот величайший день рождалась
Необычайная земля!

Первые поэты Воронежского университета довольно серьёзно подходили к вопросу качества стихов. Вот чудесное пожелание, адресованное собратьям по перу, которое сохраняет актуальность и в наши дни:

«Наивный лепет 7-летки
Не выдавайте за стихи!»

К. Гусев

1-й литстранице

Товарищ! За каждый стих мы
Перед всей страной ответ несём.
Мы твёрдо знаем, что не рифмы
Стоят на первом месте в нём.

Не будьте, юноши, как детки,
И не вдавайтесь в пустяки –
Наивный лепет 7-летки
Не выдавайте за стихи!

Смешно играть в стихи-игрушки,
Вести подборозвучных слов.
Всё это хлам, всё это стружки,
Лишь стыдно от таких стихов.

Мы входим в мир, открытый настежь,
Искатели и мастера.
В стихе студент такой же мастер
Задорной мысли и пера.

В завоевании культуры
Всех впереди — Советский ВУЗ,
Мы не должны вносить халтуры
В литературный ценный груз.

Своей поспешностью халтурной
Мы оставляем грязный след.
Не делайте культурной урной
Наш «Красный университет».

Давайте доблестно учиться
(Забудем прежние грехи)
И добросовестно, и чисто
Начнём писать свои стихи.

В те далёкие годы в поэзии закладывалась база для многих характерных метафор советского сознания, закладывалась образная система мышления советского человека. Многократно воспроизводимые, появляющиеся едва ли не в каждом стихотворении, эти ритуальные фразы становились неотъемлемой частью бытия. При этом нельзя не отметить их удивительную живучесть — многие из них звучали ещё в 1990-е годы! Происходило ли это только благодаря цензуре, благодаря «руководящей и направляющей» роли партии? Отнюдь нет! Можно сколь угодно долго смеяться над шаблонным языком эпохи, однако многим авторам нельзя отказать в искренности, их убеждённость в правоте своих слов подкупает.

«...Мы справедливо, резко кроем
Тех, кто на месте топчется,
Кто не желает быть героем
Бесклассового общества...»

Без имени

Северный ветер

Тебе махает старый тополь
Своей седою головой...
Холодный ветер, ты мне тёpel,
Мне задушевен голос твой!
Ты мне, суровый ветер,— пенье
О славе молодой страны.
В далёкий край твой вне терпеньи
Глаза мои обращены.
Большое море не шумит там,
Заковано в оковы льда,
Там был недавно лагерь Шмидта,
Глядела вся страна туда.
Геройский рейс «Сибирякова»
«Челюскиным» не повторён,
Но нет сомненья никакого —
Лёд будет нами покорён,
Ветры суровые — гудите!
Пой гимн величественный норд,
Недаром «Литке» — победитель
Приходит в Ленинградский порт.
Мечтаю я идти на север
К героям трудных дней и дел,
Мы север вспашем и засеем
И путь проложим по воде.
Мы справедливо, резко кроем
Тех, кто на месте топчется,
Кто не желает быть героем
Бесклассового общества.

Твой мощный голос убедителен
И он зовёт к геройству нас.
Всегда и всюду победителем
Становится ударный класс.
Там люди бьются. Не легко им.
Но путь тяжёлый — путь побед.
Ты, ветер, северный Бетховен!
Твоих симфоний лучше нет.

К. Гусев

Начало боя

Голодны и полубосы, одеты в тень и в пургу,
Рабочие и матросы держали ответ врагу,
На обещания и речи давал пулемёт ответ.
Это было в Октябрьский вечер,
назад семнадцать лет.
Смешались ветер и порох, свистел
и звенел свинец.
Дула пушек «Аврора» уставила
в зимний Дворец.
За голод, за всеувечья, за убитых —
пощады нет!
Это было в Октябрьский вечер
назад семнадцать лет.
Мир воровства и религии был повержен
во прах.
Горели священные книги
в ночных октябрьских кострах.
К чорту ладан и свечи — одежды и хлеба нет.
Это было в Октябрьский вечер
назад семнадцать лет.
Как в лихорадке. Смольный кипел
в четырёх ветрах...
Тысячи звонких молний
в мир посыпал телеграф,
Срочным курьером ветер спешил
облететь весь свет.
Это было в Октябрьский вечер
назад семнадцать лет.
В кипеньи, в пене, в мыле
разгневанный мир гудел...
Так начиналось в столице
громаднейшее из дел.
Фейерверком расцвечен во времени этот след.
Это было в Октябрьский вечер
назад семнадцать лет.
Воюющим армиям рапорт был деловит и сух.
Вставали Восток и Запад,
вставали Север и Юг.
Готовились к новой встрече
две армии на земле.
Это было в Октябрьский вечер
назад семнадцать лет.

Революционный образ мира и молодое племя бури

Было бы невозможным представить себе литературную страничку газеты без стихов, пропитанных именно революционной фразеологией. В них запечатлена вся палитра устойчивых представлений советского человека о своей стране и о мире в целом, о роли Октябрьской революции в жизни человечества. В них звучит неуклюжая по форме, но, очевидно, искренняя попытка заклеймить сползание Европы к идеям фашизма, откликнуться на борьбу пролетариата за свои права, на испанские события (так, например, «Астурия» С. Гранина поразительно напоминает по своему ритму и тематике знаменитую «Гренаду» М. Светлова)... При всём несовершенстве их в этих стихах рассыпаны детали того революционного мифа, который прочно вошёл в сознании масс. Настолько прочно, что его осколки мы замечаем и в наши дни.

Сергей Гранин

В осенние дни

Пускай слегка хмелеют мысли,
А краски льются в перелив,
Когда летят осыпанными листьями
Ноябрьской осени осыпанными листьями
Ноябрьской осени растрёпанные дни.

И каждый вспомнит
Пасмурные ночи,
Полуголодных лет
Нестройные ряды
И беспросветную нужду миллионов,
И деспотизм Романовых,
И керенской Руси.
Как пулемётной дрожью задыхаясь,
Глотая залпы с хлебом и водой,
Страна моя из ям подвальных
И из окоп вздымалась,
Чтоб стать ведущей
Мировой страной,
Чтобы расстреливая «зимний» из «Авроры»,
Расстреливать Кузнецком Нью-Йорк,
Чтобы в гниющем старом горле
Вставал бы строй наш новый поперёк,
Чтоб вихрем пламенным летели дни,
Пургой экзотики страну советов омывало
И Арктику торопил Шмидт
И стратосфера чтобы пласти взрывали,
Чтоб на удар врача
Ответить громовым ударом,
Чтоб власть советская могла
Гореть победным мировым пожаром...

...Так что ж, что иногда хмелеют мысли,
А краски льются в перелив,
Когда летят желтеющими листьями
Ноябрьской осени растрёпанные дни.

Астурия

Красивое имя,
Высокая честь
«Альянса Абрера»
В Астурии есть.
Горняцкое племя,
Горняцкий союз,
Великое дело –
Рабочий «Аншлюс».
И клич боевой,
И красное знамя
Астурии дерзко
И гордо подняла.
И партизанской войной
В долинах Пикос-де-Европа
Толчком смела фашистский строй,
И дрогнула фашистская Европа <...>

Михаил Плутанов

*Студентам ВГУ, отбывшим практику
в Беломорском канале. Посвящаю.*

Тополь

Тополь белоногий шелестит тоскливо.
Долгий век он прожил с головою сивой.
С головою сивой, сивою не зря,
Стал он уж прадедушка многим старикам.
Видел он и немцев, видел и японцев,
Все на том же месте и под тем же солнцем.
Помнит и октябрь, воздух рвался с воем.
Пролетарии брали шаг за шагом с боя.
Закипела жизнь стойкою на деле,
Радость разливная и в душе, и в теле.
Ваяли Беломорье, вздыбив Днепропрогес,
К этому ведут нас дни прогресса.
Пусть в границу прутся грудью рубежи,
Мы все также строем новую жизнь!
Сквозь седые листья выглядит он тоже,
Будто зеленее, будто-бы моложе.

Вассо Дарьялов

Призыв

...«Нет оружия более острого,
чем знание»
(М. Горький)

О молодое племя бури!
Побеги пламенные идей
В сияны розовом лазури
Пульсируй, бей ключем сильней!

Пред нами новая эпоха
И дерзкой мысли и труда,
И сердце с радостной тревогой
Стучит, клокочет с жизнью в такт.
Дерзай, твори, пытай, как пламя,
Из жизни мудрость жадно пей.
Творец с мозольными руками,
О, гордость, гордость наших дней.
В порывах радостных волнений
Эпоха ждёт от нас дары
Дышащих свежестью творений,
Как море шторма, ждёт порыв
Так устремим порывом бури
Мысль молодую вглубь и ввысь
Всей человеческой культуры.
Упорно мысли и борись!
Призыв мой мчись быстрее пуль
Взываю с гордостью к себе,
О, молодое племя бури
Будь пламенем в огненной борьбе!

Новый Воронеж

Сергей Гранин

Воронеж

Губернский город черноземья,
Притон купеческо-дворянской лени.
Церквей доходные трезвоны
Да митрофановские кельи.
И облегчая пеших путь
Для жизни безопасно
По главной улице дворянской
Носилась конка как-нибудь.
И жизнь лампадой коптила,
Тряслась трухливой стариной...
Все это я нашёл в архивах
За девятьсот недавний, довоенный год.
А нынче.
Клич сирен фабричных,
Да перегул трамвайных рельс.
СК приветствует сиреневою дымкой
Сияющий и огненный ВОГРЭС.
И Утюжок втесался так нахально
На место низеньких купеческих лачуг,
И профиль утюжка прекрасный
Он будто Красин в Ледовитом рассекает путь.
Давно готов включиться в эстафету
– Попробуй-ка его попридержи.
Промчит по бурному,
В асфальт одетому, Проспекту
Считать отстроенные этажи.
Проспект запружен многолюдьем
И светофор путёвки не даёт.
Да вон у очереди шумной
Авто обиженно ревёт.
И долго думал мраморный Никитин

ВГУ Митрофаньевский монастырь

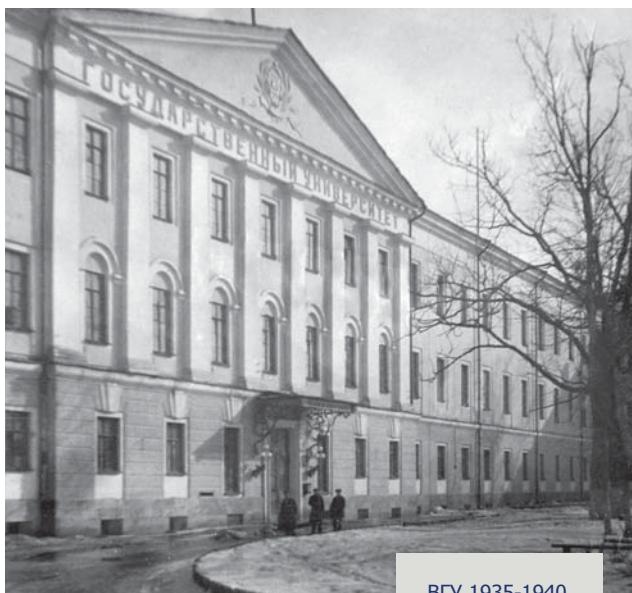
И многое хотел понять,
Но только ниже головою никнул
И... с площади решил удрать.
Привык он к тихому уюту,
Любил подслушивать шуршанье камыша,
Любил полынь на межах убаюкивать,
Да изредка пером шуршать.
Теперь в Кольцовском отдыхает
И каждый раз морщинит лоб,
Когда над головою пролетают
Гудящей стайкой самолёты.
А за плечом поэт – Кольцов
Тоскливо шепчет то и дело:
«Соловьём залётным – Саввич
Юность пролетела».

«За научные кадры» (1935, 11 февраля – 1956, 30 декабря)

Университетская газета сменила название в самом начале 1935 года. Однако по-прежнему востребованными оставались стихотворения на злобу дня: об ответственности перед обществом, о неукротимой ярости в отношении врагов Страны Советов. Жизнь по-прежнему сравнивалась с фронтом, от отдельной личности всё так же ждали героических поступков...

Организуем сбор средств
(Из решения комсомольского собрания
университета от 26 мая)

Нелепый случай, недисциплинированность только одного человека привела к гибели экипажа самолёта «Максим Горький» и ударников ЦАГИ — строителей погибшего гиганта...

Александр Путилин

Память погибшим

Их было много в птице сказочной
Мужчин и женщин, и детей,
Их всех роднила мыслью праздничной
Героика советских дней.

Они в неё садились с пением,
Без колебаний и без мук,
Здесь всё – с винтом до оперения
Носило след их мудрых рук.

Призвав в цеха взамен истерики
Математический расчёт,
Они без помощи Америки
Создали чудо-самолёт.
Всё вверх и вверх... И вот под стойками
Блестит река, как серебро,
И вглубь плывёт Москва с постройками
И вестибюлями Метро.

Казалось, день и тот обрадован,
Как вдруг... В мозгу всё поплыло...

Фигляр непрошенный негаданно
Гиганту врезался в крыло.

Ломались в воздухе скрепления,
Но страха нет среди них.
Одним горели все стремлением –
Спасти товарищей своих.

И даже в этот миг губительный,
Когда земля легла в разлёт,
МИХЕЕВ с ЖУРОВЫМ стремительно
Затормозили самолёт.

Уже им смерть в глаза смеялася,
Но сломит что большевика?
Спасти живых – внизу, пыталася
Сама, уж мёртвая рука.

Здесь было все рулю послушное
Машины, люди, экипаж.
И только ухарство воздушное
Их превратить смогла в мираж.
Их нет в живых, идейных, пламенных,
Но имя их войдёт в века
И будут памятником каменным
Им сотни «Горьких» в облаках.

«...Все три горели на работе,
Не знали слова “не могу”...»

А. Путилин

На заводе

Нас было трое на заводе,
Три практиканта ВГУ.
Все три горели на работе,
Не знали слова «не могу».
Был труд наш радостным, ударным,
Лентяя брали на буксир
И с каждым днём в станке токарном
Нам открывался новый мир.
А вечерами, в комитете,
Забыв, что время уже спать,
Мы спор бросали на рассвете
О том, как Форда перегнать...
В последний раз грохочет клёпка,
Прощай, завод, и, бодрый труд,
И мастер нам в зачётке
Поставил жирное «зер гут.»
С тех пор мне снится индикатор,
Металл в сияньи тысяч призм,
И ты, завод, и вы, ребята,
И битвы за социализм.

«...Врагу готовы дать отпор...»

Ал. Путилин

Песнь о герое

Стоит молчание в рядах
И в них – притихшие ребята.
Один из нас ушёл туда,
Откуда не было возврата.

Он был сиротка свинопас.
Юнец «без племени и рода».
Принёс с собой он сил запас
И нерастреченные годы.

Шёл в вузе первым наш Семён.
Он жадно рылся в книжных полках
И был в науку он влюблён,
Как комсомолец в комсомолку.

Мечтал Семён, оконча вуз,
Лететь на звезды пионером.
Но злобный враг полез в Союз
И стало меньше инженером.

В ту даль, где тает горизонт,
Где разгоралися пожары.
Ушёл Семён бойцом на фронт
Гнать от границ врагов отары...

С тех пор, читая про войну,
Гудели мы пчелиным роем:
Семён наш храбро бьёт шпану!...
Семён вернётся к нам героем!...

Разбитый враг забил отбой.
Вернулись в город добровольцы.
А мы, в ячейке, меж собой
Не досчитали комсомольца.

В тот день, когда пожар угас,
В чужих заснеженных равнинах,
Заснул на сени свинопас,
Штыком пронзённый ржавым в спину.

Вот от того, друзей стена
Стоит в молчанье без движений.
Погибших в битвах имена,
Мы сохраним для поколений.

И если снова, с дальних гор,
Нахлынут вражьи легионы –
Врагу готовы дать отпор,
Как раньше тысячи Семенов.

Мы любим родину свою,
Страну свобод, угля и стали.
Где с нами в сомкнутом строю
Шагает вместе мудрый Сталин.

...Великий Сталин... 1936

В университетской газете вновь прозвучал голос поэта-женщины! (номер от 29 марта). До этого была лишь М. Саввина в 1934 г. Впрочем, даже «женские» стихи ничем существенным не отличались от прочих. В них был тот же порыв к будущему, те же декларации защитить свою страну от врагов. И в них так же, как и в стихотворении Ал. Путилина (см. выше) появляется Сталин.

Н. Тарасова

Вперёд к победе

Плыт в борьбе с стихией
Корабль могучий – советский строй,
Давно покончив с былой Россией
Он стал страной передовой.
И он стремится к свободе, к свету,
К земле счастливой, где классов нет.
Социализмом звать землю эту,
Она вершина его побед.

Чем ближе к цели, тем выше волны,
Сопротивление врагов растёт.
В предсмертной муке и злобой полны
Они готовят на нас поход.

Но мы смеёмся над их стараньем.
Нам бой не страшен, ведь мы сильны.
И все мы вместе горим желаньем
Стать на защиту своей страны.

Пусть путь наш длинный – мы не устали
Все ближе, ближе видна земля.
Ведёт нас кормчий – Великий Сталин,
Стоящий твёрдо у руля.

Пусть бурно море, пусть часты мели,
Пусть выше волны, пусть ночь темна,
Мы смело едем, нам ясны цели
Вперёд к победе идёт страна.

Качанья «влево», качанья «вправо»,
Никак не могут нас сбить с пути.
Рулём ведь правит Великий Сталин,
Он твёрдо знает, куда итти.
Ему знакомы все вражьи мины,
Он не утонет в волнах борьбы,
Он знает также, что путь наш длинный,
Но, что мы можем его пройти.

Так прочно качанья! Уж близок берег,
Пусть ярче веётся победный флаг.
В нас нет сомнений и нет истерик,
Чем ближе к цели, тем твёрже шаг!

Маяковский. Создание мифа

Литературный разворот газеты от 14 апреля 1936 года был полностью посвящён Маяковскому. Анонсировалось, что 23 апреля «в актовом зале состоится вечер, посвящённый жизни и творчеству Маяковского».

«...Поэзия Маяковского глубоко действенна. Его поэзия — это тучи разящих стрел, направленных против косности, рутины, бюрократизма, мещанства,— это боевой трубный голос, зовущий на бой, на последний решительный бой.

Пролетариат принял наследие своего поэта, он умел понять и оценить Маяковского, вопреки критическим бюрократам, становившимся между Маяковским и народом и кричащим, что он народу непонятен...»

Любовь и Родина

И.В. Бударов

Песня на границе

Был чудесный майский,
Лучезарный день,
Песни пели птицы
И цвела сирень...
Ехал вдоль границы
Павло Лебедень.

Под Павлом ревнится
Белоногий конь,
Бьёт копытом по граниты
Сыплется огонь;
Не давал удрать бандиту
Быстроногий конь.

Получил Павло сегодня
От любимой письмо —
Радость светится во взоре,
Улыбается лицо.
Изумрудом счастья зори
Расцветают перед бойцом.

Зародилась песнь и вскоре,
Славя молодость и жизнь,
Зазвенели сталью, силой,
Героизмом рубежи:
Чтобы жизнь была красивой,
Дни чтоб были хороши,
Охраним страны любимой
Рубежи!

Пусть их точит злость слепая,
Пусть попробуют, придут!
В светлый праздник Первомая
Славим труд!

Эту песню пели птицы,
Лес, озера и поля.
В сердце каждом песнь струится,
Переливами звеня, —
И как зеркало, все лица,
Отражали радость дня. ...

1937

Константин Гусев

Ровесник

Счастливый —
Я горя не знал,
Нужды и бесправья не ведал.
Свежа моя жизнь, как весна,
Прекрасна, как бой и победа.
Спокойный —
Всех метче ружье
Мои охраняет границы,
Но знанье — оружье моё,
С которым ничто не сравнится.

Могучий —
Безмерно любя,
Любим я отчизны любовью.
И враг, посягнув на меня,
Поплатится плотью и кровью.

Уверенный —
Каждый мой шаг
Хранится чудесным законом:
Повсюду — от неба до шахт
С ним жить и работать легко нам.

Все 20 счастливейших лет
Из мрака в свободные дали
Великой дорогой побед
Вели меня Ленин и Сталин.

24 марта 2018 г.

Могу я смеяться и петь:
Безоблачен путь мой и светел.
Вчера, и сегодня, и впредь –
Я самый счастливый на свете!

1938 – 1940

Университетская поэзия этих лет окончательно превращается в служанку политики. В немногочисленных номерах, сохранившихся в архиве, поэты безостановочно прославляют советских вождей, партию, конституцию...

Большие надежды... 1941

В. Транин

Новогодняя песня

На празднике нового года
Мы вечер весёлый встречаем,
Мы вместе пируем сегодня –
Друзей молодая семья.
Споёмте застольную песню
О силе и славе народа,
О юности нашей привольной
Споёмте сегодня, друзья!

Поднимем же выше бокалы
За светлые наши законы,
За партию нашу родную,
За наших любимых вождей!
Пусть солнце нам ярче сияет,
И наши стальные кордоны
Хранят нерушимо границы
Великой отчизны моей!

В сиянье невиданных вёсен
Уносятся бурные годы,
И песни о наших победах
Все ярче звенят в вышине.
Растёт молодёжь боевая
В лучах всенародной свободы,
Шагая навстречу работе,
Навстречу счастливой весне.

Поднимем же выше бокалы
За девушек наших весёлых,
В работе и жизни достойных
Подруг на великом пути!

За нашу работу и дружбу,
За жизнь – нашу лучшую школу
В стране, где так вольно талантам
И силам народа увести!

На труд, на ученье и отдых
За всеми записано право,
И сердце отвагой пылает
И бьётся сильнее в груди.
Уносятся бурные годы,
Овеяны новою славой,
И каждый приносит успехи,
А сколько годов впереди!..

Поднимем же выше бокалы
За дружбу народов счастливых,
За славных певцов и поэтов,
За новые годы страны!
Растите, гиганты-заводы!
Тучнейте, колхозные нивы!
Да здравствуют новые люди –
Большого народа сыны!

Григорий Липсон

Новому году

Новому году –
почёт и привет
Всем новорождённым –
наши заботы.
Пусть хоть и дня
тебе ещё нет,
Все же мы знаем давно уже,
кто ты.
Мы узнавали тебя
по всему,
Еле заметным для глаза
приметам:
По санаториям новым
в Крыму,
Архитектуре
Дворца Советов,
Улицам новым,
проспектам, мостам,
Новым республикам,
новым народам –
Все, что огромным
казалось нам,
Перед сегодняшним
Новым годом.
Все у нас молодо:
жизнь и дела,
Звучные песни,
хорошая память.
Все, что нам родина
наша дала,
Все, что и в будущем
будет за нами.

Новому году –
почёт и привет,
Лыжам и звездам,
и звончатой дали,
Всем, кому нынче
всего двадцать лет,
Всем, кому дороги
Родина,
СТАЛИН!

«...Потому что ей всего
только девятнадцать...»

Это были бы самые обыкновенные стихотворения о любви, о любимых... О молодости, о больших надеждах, о милых мелочах повседневности... В них удивительным образом почти не ощущается ветер политики. Просто — юный задор, просто — переполняющая человека радость бытия. Если бы не 1941 год...

Григорий Липсон

На лыжах

Хорошо на лыжах
с девушкой любимой!
Ехать бы да охать
облакам вослед.
Все сомненья станут
вдруг неоспоримы,
Потому что мыслей
вовсе даже нет.

Все ушло куда-то
в радостном порыве,
Что рождают в людях
скорость и простор,
И шумит равнина
в снеговом разливе
От полоски леса
и до белых гор.

Хорошо на лыжах
с девушкой хорошей!
Розовеют щеки
в инее волос.
И, как будто солнечной,
ласковой порошей,
Конопляным семенем
чуть осыпан нос.

Ну и что ж такого!..
Это ль не красиво!
Значит, что весенние
не прошли года...

Это значит — молодость,
это значит — сила,
Что у неё не кончается,
может, никогда.

Потому глаза её
блестками полнятся
И смеётся весело,
друга тормоша,
Потому что ей всего
только девятнадцать,
А в такие годы
радость хороша.

Где же тут останется
место для печали!..
Даже ветер сумрачный
нам кричал «Держись!»,
Когда лыжи скользкие
нас по снегу мчали.
Вот тогда мы поняли
молодость и жизнь.

Г.Л.

Неподнятый листок

Мы с девушкой
гуляли в парке,
В тени берёзовых аллей,
Был день не сумрачный,
не жаркий –
Один из предосенних дней.
Вдруг перед нами на песок
Упал коричневый листок.
Мы оба бросились к нему,
Я с ней руками повстречался...
Теперь я понял, почему
Листок неподнятым остался.
Он жизнь свою уже прожил,
А мы лишь набирались сил.

25 марта

Есть некая символичность в том, что университетский День поэзии родился в эту дату. Это означало торжество Поэзии над обыденностью, торжество духа над плотью. Потому что всего лишь за пятнадцать лет до того в газете прозвучали весьма скептические слова в адрес всех поэтов...

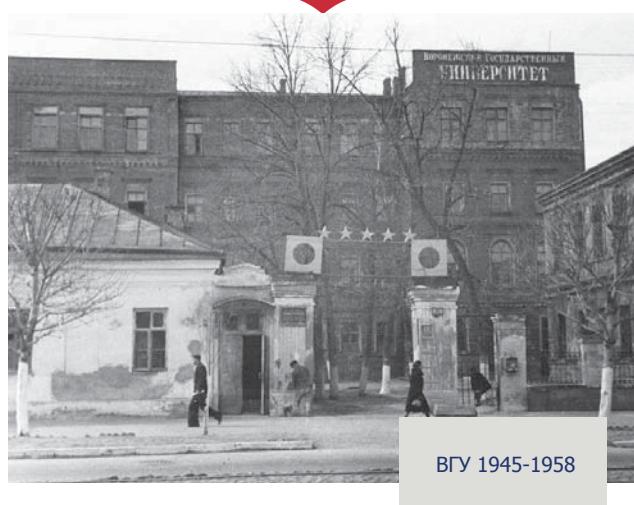
Обзор стенгазет

«...А оставшиеся две колонки заняты стихотворениями. Целесообразно ли такое расточительство газетной площади? Ведь газета выходит один раз в 15—20 дней. Не лучше ли заполнить её

материалом о повседневной работе и учёбе на факультете?..» (МАЗО // За научные кадры. 1941. 25 марта).

Последний номер газеты «За научные кадры» за 1941 год, сохранившийся в архиве, был напечатан 5 июля.

Военное время 1942 – 1946

1947

«...Мы мир хотим построить человечно,
Чтоб человечно можно было жить...»

Яков Гудошников

Университету

Любознательный мир. Разговоры кругом
О зачётах, о танцах, о Греции.
Коридорный поток остановлен звонком –
Собралися студенты на лекции.

Здесь беседа идёт о запасах земных,
Вспоминают античные мифы.
Менделеева, Дарвина – много иных,
Цифры, схемы, слова, логарифмы...

Голос лектора льётся, взволнован слегка,
Перьев скрип, лёгкий шорох тетрадей.
Демонстрация лучших, проходят века,
Будто армий поток на параде.

В. Вороненков
студент 2-го курса

Нам 30 лет

Нам тридцать лет, стране и людям вместе.
А сколько песен, дел и новых мет!
И с каждым годом жить всё интересней,
И с каждой песней шире взмахи лет!

Нам тридцать лет. И утром с багряницей
Страна встаёт в рабочую страду...
Пусть эти дни сверкающей страницей
На все века в историю войдут.

Мы все росли под грохот пятилеток,
Под пафос созиданья и труда.
Как наше тело состоит из клеток,
Так в днях работы сотканы года.

Мы все сейчас по духу одногодки.
Посланцы Родины, мы молоды везде.
Мы каждый месяц смотрим жадно сводки
О новых домнах, нефти и руде.

Слова прямые, как досок новых сходни.
Они в строку срываются с пера.
Сильнее завтра будет, чем сегодня,
Хотя сейчас сильнее, чем вчера.

Лиши в наше время радость жизни вечна,
Лиши только мы умеем мир хранить.
Мы мир хотим построить человечно,
Чтоб человечно можно было жить.

Крепчает ритм и нарастает песня.
Страна в кипенье пламенного дня.
Нам с каждым утром жить всё интересней,
В нас с каждой песней больше жар огня.

А в селе – голод...

Яков Гудошников

Урожайная осень

...Всё убрали в садах, огородах –
Будет тесно зимой на столе.
После лета заслуженный отдых
В беспечальном и дружном селе...

1948

Яков Гудошников

Советской девушке

Зимний день морозом щеки трогает,
Оседает инем на мех.
Ты идёшь своей походкой строгою,
Каблучком прокалывая снег.

С кем могу сравнить тебя из прошлого?
Лариньи, Болконские? – бледней...
Как прекрасна ты, моя хорошая,
Девушка советских, светлых дней!

Тридцатилетнему ВГУ

Я стремился к тебе через сотни дорог,
Поднимаясь в атаку под скрежет металла.
Ты вставал предо мной как желанный итог,
Как мечта и как новой дороги начало.

С днём рождения, наш дорогой ВГУ,
Рад, что мы его празднуем вместе.
В дружном, мирном советском кругу
Ты достоин и песни и чести.

Жизнь с наукой встречается здесь,
Книга с камнем, приборы с цветами,
И рождается сплав самый лучший, что есть –
Мысли старца и юности пламя.

Ты нас ввёл в человеческой мудрости храм,
Ты собрал наши мысли – ускорил движенье.
По полям, по посёлкам, по рощам, горам –
Командиры труда, в наступленье!

И за всё это я пред тобою в долгую,
За твою и Отчизны заботу,
Обещаю от сердца платить, ВГУ,
Первым в мире богатством – работой!

XXXI Октябрь

Наша жизнь многоцветней любого романа,
Час достоин поэмы, минута – стихов.
Тридцать первый Октябрь – воплощённые планы,
Трудовые победы полей и цехов.

Те, кто в жизни не ищет дороги попроще
И в борьбе устоял на великом пути,
С бодрой песней сегодня на Красную площадь
Боевыми колоннами будут идти.

В Ленинграде, Баку, Барнауле и Минске
Наши люди подводят итог трудовой.
Это их так хотел бы увидеть Белинский,
Ради них стал героем Олег Кошевой.

Старый труженик, солнце! Вставай из-за тучи,
Небо будет твою почётной доской, –
Посмотри! Ничего нет и не было лучше,
Чем великий Октябрь наш в Отчизне родной.

1949

Анализируя итоги творческого конкурса, проводившегося в университете, доц. Е. П. Андреева в номере от 9 февраля так оценила качество присланных стихотворений: ««Их произведения страдают композиционной нестройностью, отдельными неудачными выражениями, незрелостью. Но их определяющее качество — Коммунистическая направленность, искренность и патриотический пафос».

И. Жарких

Первое Мая

...Они идут – и поступь их тверда.
Улыбка глаз спокойна и горда.
И свод небес над ними чист и светел.

Вперёд ведёт их Сталина рука,
И их знамён пурпурные шелка
Полощет гордый свежий майский ветер.

И. Толстой

Памяти И.С. Никитина

В Кольцовском сквере на высоком пьедестале –
Задумчивый Никитин, как живой.
Кругом душистые цветы повырастали
И дети бегают весёлою гурьбой.
Но мрачен он.

Так, может с мужиками
У дома своего он некогда сидел, –
Беседу с ними вёл понятными словами
И вниз задумчиво глядел.

А после, вечером, когда свеча горела,
Склонялся он над письменным столом.
Толпились образы... И на бумагу смело
Он перекладывал их пламенным пером.

И песнь его лилась не умолкая, –
Поэт грустил о бедных земляках.
И Русь великая,
могучая,
родная
Вставала в его искренних стихах.

И всюду русское:
И русских сил избыток,
И русский склад живого языка,
И гордость за народ,
И всё, что пережито
Душою нашего поэта-земляка.

Никитин жив. Его простая лира
Нам дорога особенно теперь,
Когда народы, жаждущие мира,
С надеждою глядят на СССР.

1950

И. Николаев

Наш новогодний тост

Поднимем тост за наше завтра,
За яркий коммунизма свет.
За тех, кто смело в авангарде
Идёт со знаменем побед.
За нашу партию родную,
За Сталина поднимем тост!

И. Толстой

Советской армии

Вожди всегда ведут тебя на бой –
За нашу власть народную,
За нашу жизнь свободную,
За партию, за Сталина,
За милый край родной.

А. Абрамов

Стяг победы

Он, как маяк, горит над нашим краем,
Его сиянье – всюду и везде.
Мы по нему дорогу выверяем,
Мы с ним всегда – в покое и труде.

В. Рахманин

Эдуарду Мазэ

Эдуард Мазэ – французский рабочий,
погибший при расстреле демонстрации
в Бресте 17 апреля 1950 г.

За дело мира, за радостный труд
Ты, товарищ, – в бою.
Призывом к борьбе миллионы рук
жизнь пронесут твою.
За то, к чему нас вожди зовут,
За счастье своих детей
Знамя они над собой понесут
В каплях крови твоей.

Они встают за рядом ряд, –
всё больше и больше друзей...
и капли крови твоей горят
залогом грядущих дней.

1951

К сожалению, о поэзии 1951 года нельзя ничего сказать. В университетском архиве **ничего не сохранилось**.

1952

«...Идём мы маршем прямо в коммунизм»

В. Иванов

Весна отчизны

...И бьётся пульс работы напряжённо,
И с каждым годом радостнее жизнь.
И день за днём упорно, непреклонно
Идём мы маршем прямо в коммунизм...

Колонны бойцов, сражающихся с врагами, никогда не смогут дойти до светлого будущего без своего запевалы. Песня, как известно, «строить и жить помогает». И запевал нужно растить заранее, не заниматься же этим во время марша! Поэтому обратим внимание на номер газеты от 17 апреля 1952 года:

Сонно-творческий кружок

«Не первый год при кафедре литературы значится литературно-творческий кружок. Однако беда в том, что кружок только «значится», на самом же деле никакой работы он не ведёт».

Даже стихи появились — иронические!

Дм. Демин

То ни в басне, то ни в сказке
Спит «малыш», закрывши глазки,
И сосёт, сосёт рожок.
Вдалеке от жизни бурной.
Это наш литературный
Сонно-творческий кружок.

На критику отреагировали! В новом семестре развернулась активная работа по воспитанию молодых поэтов.

Творчество студентов

(номер от 7 ноября 1952 года, без автора)

«На днях состоялось обсуждение рукописного альманаха стихов начинающих поэтов историко-филологического факультета.

С интересом прослушали собравшиеся выступление студентов Д. Демина, И. Озеровой, Л. Горбачевой, В. Мирошникова, А. Беляева, которые прочитали свои стихи.

Выступали воронежские писатели Г. Воловик и М. Подобедов. Они отметили успехи и нацелили на «необходимость более глубокого изучения жизни, упорной и настойчивой работы над словом».

Заседание литературного кружка

(А. Беляев, 18 декабря 1952 года)

«Недавно состоялось заседание литературно-творческого кружка. С докладом выступила староста 1 курса И. Озерова — по книге Исаковского «О поэтическом мастерстве». Руководитель кружка доцент А. Абрамов и другие отметили, что большим недостатком в творчестве наших начинающих авторов является неточность, расплывчатость образов, выражений, недостаточная наблюдательность...»

1953

В. Листенгартен

Первомайская

Нам светит ярко солнце коммунизма,
Его всё больше с каждым днём примет.
И каждый рад прекрасной светлой жизни,
И каждый лаской партии согрет.

1954

...Молодой поэтессе товарищи помогли
разобраться в отдельных недостатках
её стихов...

После смерти Сталина из поэзии стала постепенно исчезать обязательная идеологическая нагрузка. Стали всё чаще звучать в стихах простые человеческие темы. Тем не менее серьёзное отношение к поэзии как к воспитательнице душ по-прежнему проявляло себя в «узаконенном» желании воспитывать самих поэтов. Заглянем в номер от 16 ноября!

На литературном объединении

«Состоялось занятие литературно-творческого объединения ВГУ, на котором обсуждались стихи студентки 1 курса истфилфака С. Филиушкиной. Молодой поэтессе товарищи помогли разобраться в отдельных недостатках её стихов.

Последнее заседание говорит о том, что интерес к работе литературного объединения растёт с каждым годом.

Завязалась дружба между студентами ВГУ и пединститута».

1955

«...Сочинители бродят без присмотра
и где-то в кулуарах обсуждают свои
произведения...»

В. Гусев

Без руля и без ветрил

«Когда заседает литературное объединение студентов университета, крики разносятся очень далеко.

Официальный рецензент хвалит поэму И. Озеровой «Школьный поэт»: углубление образов, стройная композиция, свежие описания.

А. Беляев — Новая поэма — шаг назад по сравнению с поэмой «Дороги в жизнь». Она построена на песке, сюжет фальшив, композиция рыхла. Язык неестественный и вычурный. Например, «поцелуй, как луч». Образ не работает!

Реплика В. Мирошникова Беляеву: «А кто написал: «звёзды падали в кусты»? — на эту тему тоже «сражались».

Собрание немедленно делится на два враждебных лагеря. Шум и споры. Председатель Д. Демин умоляющим голосом увершевает неприятелей. Но его голос тонет в буре возгласов.

Споры, противоречия, твёрдой оценки произведениям в итоге так и не дано.

Почему же безрезультатно проходят эти в целом интересные и полезные заседания литобъединения?

Дело в том, что литобъединение «варится в собственном соку». Не привлекаются воронежские писатели. Довольно равнодушно относятся к объединению и преподаватели истфилфака. Может, считают заседания пустой тратой времени?

Не совсем внимательно относится к литобъединению и редакция газеты «За научные кадры». Чаще надо печатать молодых авторов. Редки заседания — с декабря не было ни одного заседания. В промежутках между заседаниями кружок не живёт. Демин — студент пятого курса, ему не до творчества. А без Демина все рассыпалось. Сочинители бродят без присмотра и где-то в кулуарах обсуждают свои произведения» (номер от 1 марта).

Тем не менее, сочинители продолжали бродить и где-то в кулуарах мечтать, например, о настоящей любви в новогоднюю ночь.

Е. Петрова

С новым годом

Ёлка, свет люстр, вино, танцы.
И чуть-чуть обоим одиноко:
Ты грустишь о ней, а я – о нём.
Оба мы с особенным намёком
Рюмки «за отсутствующих» пьём.

И не нужно игрушечное счастье.
Знаешь, в жизни – это не в вагоне –
Насорил, ушёл – и в стороне...
С Новым годом, те, кто это понял!
С Новым годом, те, кого здесь нет!

1958? 1957? 1956?

Процитирую здесь заметку, помещённую в 12 номере газеты «Воронежский университет» за 1958 год. Она называется «Настоящий праздник» (пунктуация соблюдена):

«25 марта был необычный день. Первый День поэзии ВГУ.

С утра, разделившись на группы, поэты отправились в поэтический рейд по факультетам. Каждый боялся одного: а вдруг не поймут, освистут, осмеют. Но настроение изменилось после первого же выступления. Слушатели встречали и провожали их чистосердечными аплодисментами.

Система рейдов была налажена так, что за день получилось около тридцати выступлений, причем, всякий раз перед другой, новой аудиторией. Кто-то из поэтов даже подсчитал, что «нас прослушали не меньше двух тысяч человек»!

Вечером актовый зал был переполнен. Сюда собирались те, кто любит стихи, кто по-настоящему увлекается поэзией. У входа в зал — лозунг-предупреждение:

Студента, который не любит стихи,
На вечер пускать нельзя!

Перед собравшимися выступили поэты-студенты: Мартынов, Филюшкина, Наталенко, Порядин, Гуков, Чесноков, Сафонов; студент ЛТИ Жигулин, рабочие поэты: О. Шевченко, Р. Харитонов,

Э. Пашнев; наши известные воронежские поэты Лутков и Гордейчев.

Стихи были «хорошие и разные» и по форме и по содержанию.

Большой успех имели стихи С. Филюшкиной, «Баллада о жизни и смерти» В. Мартынова. Особенно понравилось присутствующим стихотворение Г. Силова, разоблачающее мораль «высокоинтеллектуальной девицы».

С интересными стихами выступил Порядин. Очень красива, светла и прозрачна природа в его «Сказке».

Большие споры вызывали произведения О. Гукова. Некоторые студенты выступили против их нарочитой грубости, сложных образов, «космической» тематики. Но многие были и за манеру Гукова, за его «блестящие образы».

Очень большой успех сопутствовал выступлению рабочих поэтов: О. Шевченко, Р. Харитонова, а также поэтов Луткова и Гордейчева. Им долго и много рукоплескал весь зал. Это объяснялось тем, что сама тематика их стихотворений несла в себе «обычные будни, обычное дело», настоящую жизнь и поэзию, образность их стихов, взволнованность, искренность содействовали их успеху. Замечательно стихотворение Р. Харитонова «Рикша». Автора долго не хотели отпустить со сцены, вызывая снова и снова.

Выступали и университетские поэты-есенинцы: Никулин, Сафонов, Наталенко. Их манера, конечно, отличается друг от друга. У Никулина короткие лирические миниатюры, зачастую афористичные; у Наталенко — лирическая нежность и задушевность; у Сафонова в основном образные описания природы.

Бурный восторг встретили пародии Л. Кройчика на Гукова, Силова, Филюшкину и Наталенко. Зал дрожал от смеха.

В перерывах между стихами исполнялись песни Ю. Удодова.

На вечере разыгрывалась поэтическая викторина. В коридоре работал книжный киоск. Пожалуй, никогда так много не покупалось книг стихов, как в этот вечер. Еще бы: поэты давали свои автографы, правда, все, кроме Гордейчева, на чужих книгах.

Первый День поэзии явился настоящим праздником.

А. ИВАНОВ, А. НАТАЛЕНКО».

«Впервые день поэзии был проведён у нас в прошлом году,— писал В. Гусев.— Тогда же поэты пообещали, что в своё время они вновь организуют его. Как видим, обещание исполнено. Завтра — снова День поэзии» (поэты встречаются вновь // Воронежский университет. 1959. 24 марта).

Однако был ли тот праздник — первым? Мог ли он оказаться таким масштабным без всеобщей готовности в нём участвовать? Откуда взялось и окрепло всеобщее поэтическое настроение? Отмываем ленту времени на один год назад!

С. Никулин, замечательный воронежский поэт и составитель второй антологии поэтов ВГУ «Земная колыбель» (2008), вспоминал в интервью «Воронежскому курьеру» (15 ноября 2008 г.): начало больших поэтических праздников надо искать ещё в 1956 году. Именно тогда на геологическом факультете состоялся большой вечер поэзии.

Ему вторит и Н. М. Сомова, выпускница геолфака 1957 г.:

«Вечер состоялся 25 марта 1956 г. на геологическом факультете и назывался «Вечер поэтов».

Инициатором и вдохновителем этого вечера был доцент геолфака Дмитриевский Владимир Сергеевич, он... знал, что многие геологи пишут стихи. И посоветовал пригласить для участия в вечере студентов других факультетов.

Факультетов тогда было шесть, и мы разнесли всем приглашения.

И вечер состоялся. Замечательный! В новом актовом зале красного корпуса на проспекте Революции 24, на четвёртом этаже, пристроенном с правой стороны, где потом была библиотека...

...В 1957 году тоже был «Вечер поэтов» на факультете...» (Первый вечер // Воронежский университет. 2006. 24 марта).

Так рождалась традиция. В 1960 году поэты всё-таки пришли к единому мнению. День поэзии в этот год был назван **четвёртым** (День поэзии // Воронежский университет. 1960. 29 марта). Значит — отсчёт ведём с **1957 года!**

А первое приложение к газете «Воронежский университет», полностью посвящённое стихам, вышло только в 1964 году. Его создателями стали Валентин Пирогов, ответственный секретарь газеты, Станислав Никулин, литсотрудник «Воронежского университета», и Александр Смирнов, первокурсник филфака. Приложение так и называлось — «День поэзии». Было оно небольшим: восемь страничек формата А4. И всего тринадцать авторов.

Международный женский день

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОРГАН ПАРТБЮРО, РЕЙТОРАТА, КОМИТЕТА ВЛКСМ, ПРОФКОМА И МЕСТКОМА ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

№ 8 (788)

Год издания XXIII.

Вторник, 6 марта 1956 г.

Цена 20 к

Изучение материалов XX съезда КПС в высших учебных заведениях

Большой интерес проявляют улучшения воспитательной работы в вузах Министерство высшего образования СССР

1956

Г. Лутков

Светлый дом

В большом саду тенистом над прудом
Сверкает белизною стен роддом.
Как наша совесть, в нем чисты палаты,
Под окнами весёлый гам пернатых...
И день и ночь гудят машин моторы,
Привозят тех, кого с улыбкой скоро
В отчизне светлой станут называть

Прекрасным и счастливым словом — «Мать!» —
Сияют люстры в коридоре ярко,
Снуют в халатах белых санитарки
И многие отцы, что в радости своей
Точь в точь похожи на самих детей!
И в этом оживлённом коридоре
Не раз услышать можно разговоры:
— Глазами в мать... такой же цвет волос!
Зато, скажу наверняка, мой нос!..
Какие золотые чувства будит,
Как много счастья он приносит людям,
Из всех домов на свете — лучший дом,
Рожденье жизни торжествует в нем!

«Наш университет может гордиться тем, что не сколько лет назад силами и желанием его студентов было создано творческое литобъединение при газете «За научные кадры». Сейчас оно считается одним из значительных в нашей области. Эта

фраза не хвастовство, она сказана по сути дела, ибо литобъединение своим процветанием многим обязано нынешним выпускникам. Всякий раз, когда объявление предупреждало об очередной литературной пятнице, появлялась группа пятикурсников истфилфака: А. Беляев, Л. Горбачева, В. Миронников, Ю. Яновский. Это постоянные «твердо-каменные» члены почти всех бурных заседаний литобъединения. И прошедшие годы их участия в литобъединении не прошли бесследно: они помогли поэтам углубить творческое мастерство, найти свой настоящий поэтический почерк» (О. Ласунский. Творчество выпускников // За научные кадры. 1956. 30 июня).

Владимир Порядин

Сомнения

Если б в наше время корабли
Улетали к Марсу иль Венере,
Я б, наверно, улетел с Земли,
Чтобы в ней свою любовь проверить.
Загрущу ль я, в вечности паря,
Мчась в пространство в бешеном движеньи,
О её пустынях и морях,
Буду ль плакать я по возвращены?
От тебя ж не нужно улетать,
Я в любви своей давно уверен,
Чуть разлука, – я грущу опять,
Лишь закроешь ты, простишись, двери.
А уж сердце вновь тревога жжёт,
Сны один страшней другого снятся...
Мне не до разлук. Наоборот,
Я боюсь с тобою разлучаться.

Виталий Татьянин

За окном в вечернем небе синем
звёзд дрожащих заискрилась россыпь.
Разве выучишь наречия России,
Если ждёт дружок с прямым вопросом.
А вопрос его один и тот же:
– Любишь? – спрашивать готов весь вечер.
Как он догадаться сам не может,
Или не поймёт он без наречий?
Из-за этого дружка порою
Учит девушка до ночи поздней.
Надо ж чувства моему герою
Совместить с учёбою серьёзной.

Лев Кройчик

Девушкам, сидящим в зале (шутка)

Довольно шутить с жизнерадостным видом.
Всем девчата, сидящим здесь,
Говорю открыто: у меня обида
На них в моих глубинах есть.
К одним у них тёплое отношение,
Меня же всерьёз не берут. Хоть плачь.
А почему? Да в их представлении
Кройчик – не парень, а так... «хохмач».
«Коль веселиться, то только с Левой.
Он ведь парень у нас такой».
Но чтобы серьёзной быть с ним? «Ну, что вы»...
И выражательный жест рукой.
Поймите, обидно мне до смешного
Всю жизнь свою в «хохмачах» ходить...
Товарищи-девушки! Честное слово
Я тоже могу любить!
Я тоже могу и грустить, и сердиться,
И даже плакать могу порой,
Я в общем и целом, как говорится,
В трёх плоскостях герой.
Хочу я, чтоб хоть одна из зала
Меня бы, скажем, подозвала.
Пускай бы ни слова мне не сказала.
Намёк бы, что ли, какой дала.
Я все бы понял. Без слов. Глазами.
Где много чувства – не надо слов,
Не знаю, конечно, судите сами,
Но часто случай рождает любовь.
Любовь!.. Она все обиды скроет.
Песней ввысь взовьётся звения...
Товарищи девушки! Ну, что вам стоит!..
Ну, полюбите меня!

1957

Валентин Сорокин

Первомай

Снова год, от мая и до мая.
Нами прожит...

Сердце веселя,
В полной силе, вечно молодая
Снова пробуждается земля.

И волнует, не даёт покоя,
Ветерка ликующий прибой.
Что-то бесконечно дорогое
В синей дали, в выси голубой,

Каждый раз нам кажется все краше
Первомая вешняя краса.
Каждый раз в его широком марше
Все звучнее наши голоса.

Все теснее мирные колонны,
Выше и смелей из года в год
Поднимает алые знамёна
Всей планеты трудовой народ.

Мы гордимся честным и суровым,
Мир преображающим трудом,
Наша сила крепнет с каждым новым
В нашу землю брошенным зерном.

Наша радость – солнце Первомая
Льёт лучи на тучные поля,
Так цвети же, славная, родная.
Мирная советская земля!

Что же случилось в Зимнем дворце?

О влиянии идеологии на литературу можно судить по одной истории, случившейся в творческой биографии С. Филюшкиной, ныне профессора филологического факультета, а тогда – студентки. В первомайском номере университетской газеты напечатали её стихотворение.

С. Филюшкина

В зимнем дворце

Белые блестящие ступени
Вырубил из камня человек.
Кажется, ступлю – и по колени
Провалюсь в холодный хрупкий снег.

И порфира стройные бокалы
Розовей, чем яблоневый цвет...
Чай же глаз, поблёкший и усталый,
Отдал им последний слабый свет?

Но молчат угрюмые столетья,

и не скажет песня или быль

Имя тех, кто делал вазы эти,

В грудь вдыхая мраморную пыль.

Я иду по солнечным паркетам,
Обхожу сверкающий музей,
Только не найти мне их портретов
Средь тупых, напыщенных князей!

Русский мастер с грубыми руками,
словно закалёнными в огне,
Превращая в сказку дикий камень,
Был тогда рабом в моей стране!

Ржавые лопаты перерыли
Уж давно его могильный холм,
Нет, на нем – не мрамор лилий, –
Крест гнилой торчал под серым мхом.

Но теперь, когда морщины рабства
Стер народ со своего лица,
Я по праву равенства и братства
Прохожу под сводами дворца!

И со мною скульптор и строитель,
В тишине волненье заглуша,
Верят, что таится в малахите
Человечья пылкая душа.

И сейчас, шагая рядом с ними,
Знаю я – они не только труд,
Но и человеческое имя
В светлое грядущее несут!

Авторская радость от публикации была тут же омрачена тем, как редакция обошлась со стихотворением. Три строфы, выделенные нами курсивом, НЕ принадлежат С. Филюшкиной! «Тупых, напыщенных князей» заклеймил позором тот, кто отвечал за соблюдение правильной идеологической линии в деле воспитания молодёжи. Авторский же вариант был иным:

Белые блестящие ступени
Вырубил из камня человек.
Кажется, ступлю – и по колени
Провалюсь в холодный хрупкий снег.
Из порфира стройные бокалы
Розовей, чем яблоневый цвет...
Чей же глаз, поблёкший и усталый,
Отдал им последний слабый свет?
Но молчат угрюмые столетья,
и не скажет песня или быль
Имя тех, кто делал вазы эти,
В грудь вдыхая мраморную пыль,
Тех, кому свободу приносили
Только саван да могильный холм,
А на нём не мрамор ярче лилий –
Крест гнилой торчал под серым мхом.
Но теперь, когда морщины рабства
Стер народ со своего лица,
Я по праву равенства и братства
Прохожу под сводами дворца!
И со мною скульптор и строитель,
В тишине волненье заглуша,
Верят, что таится в малахите
Человечья пылкая душа.
И сейчас, шагая рядом с ними,
Знаю я – они не только труд,
Но и человеческое имя
В светлое грядущее несут!

Просыпалось утро над Россией,
Занимался новый светлый день.
Он вставал, рассвет народной воли,
И никто затмить его не мог!
И, увидев счастье новой доли,
Поклонился Ленину ходок.

При чтении этих стихотворений перед нами зримо встают образы эпохи, возникают те знаки и символы, которые были так понятны советскому человеку. Нынешним поколениям «внуков» и «правнуоков» многое незнакомо. Гордость за то, что именно в России произошла революция... освоение целинных земель... мечты о скором построении нового, справедливого общества... Воспоминания о войне...

Вряд ли кто из нас, жителей XXI века, сможет так пронзительно рассказать о войне и о первом послевоенном десятилетии. Задумайтесь: мы, дети и внуки сражавшихся, до сих пор понимаем, о какой войне идёт речь, даже не прибавляя к ней слов «Великая Отечественная». Однако поколение правнуоков уже давно называет фильмы о войне «военными приключениями». Загляните в телепрограмму, чтобы убедиться в этом! И потому мы обязательно должны сохранить слово тех, кто был в те годы школьником, кто входил во взрослую жизнь, уже зная, чего он никогда не забудет!

Миф о Ленине

Н. Бирюкова

Просыпалось утро над Россией

Просыпалось утро над Россией.
Далями заснеженных дорог,
Где бураны выюжили лихие,
Торопился к Ленину ходок.
Громко пел в берёзах ветер вольный,
И, устав, пришёл ходок чуть свет
В колыбель свободы в Питер, в Смольный,
К Ильичу в рабочий кабинет.
Шапку сняв, он замер на пороге,
Сразу все поведать не горазд,
Как-то оробел под взглядом строгим
Умных и чуть-чуть лукавых глаз.
А потом, забыв своё смущенье,
Он шагнул порывисто вперёд:
– Ты скажи мне, дорогой наш Ленин,
Что за доля к мужику придёт?
Ходоку открыто улыбаясь,
Встал Ильич и показал: – Смотри!..
За окном, в полнеба разливаясь,
Ало полыхал кумач зари.
Брызнули отсветы золотые,
Прочь гоня испуганную тень,

С. Филюшкина

Отцовские письма

В потемневшие окна заглядывал вечер,
И тогда, соскочив потихоньку с крыльца,
Я бежала вдоль леса, накинув на плечи
Довоенную старую куртку отца.

Здесь, у пня, опушённого мохом зелёным,
Под корявыми ветками хмурой сосны,
Я ждала и ждала старика-почтальона
С толстой сумкою писем, пришедших с войны.

Я сжимала листок в запылённом конверте,
Я под хмурой сосной стояла одна:
Может быть, извещенье о папиной смерти
Жёстким почерком мне написала война?

Выходили из леса холодные тени,
подымались туманы по сонным прудам,
положив дорогие листки на колени,
Я по письмам училась читать по складам.

Эти чёткие, чуть торопливые строки,
Освещённые отблеском тёплой зари,
Эти письма отца из сражений далёких –
Мои первые азбуки и буквари.

1958

Страницы «Воронежского университета» сохранили для нас первые шаги тех, кто потом вырос в больших мастеров красивого, художественного слова. Так, например, в одном из номеров появились стихотворения Людмилы Бахаревой, позднее — известного поэта, прозаика, редактора Центрально-Чернозёмного книжного издательства...

Редакция писала: «После знаменитого «Дня поэзии» многие говорили: «Ну, теперь раскроются новые таланты: поэты тайные станут явными». И действительно, вскоре литературное объединение бурно обсуждало стихи студентки IV курса ист-филфака Л. Бахаревой. Вряд ли кто из ее сокурсников знал о том, что она пишет стихи.

В её стихах не все ещё действительно поэтично, много серых, ничего не говорящих строк, не все продумано. Но вдруг блеснет удивительно впечатляющий художественный образ, строчка, которая, как афоризм, врезается в сознание. Радует то, что Л. Бахарева не довольствуется сентиментально-созерцательной подделкой под поэзию; она ищет поэзию больших чувств и мыслей» (Доброго пути // Воронежский университет. 1958. 17 июня).

Людмила Бахарева

Звезда

Пусть даже нам о первых звёздных вёснах
До сей поры никто не рассказал —
Мы видели, как умирают звезды,
В последний раз отдав свой свет глазам.
Где родилась? — да это и не важно.
Но смерть твоя — как мужественный гимн.
Я знаю тех, кто, умирая, так же
Хоть каплю света отдали другим.
Уж если так нам умереть пристало,
Преодолев земные рубежи —
Законом жизни, чтоб навеки стало,
Как и для звёзд: «Сиять — или не жить».

Моему ровеснику

Ровесник мой, ведь нам уже по двадцать.
О чём сумеем людям мы сказать?
О том ли, как в огне эвакуаций
Надолго слезы высохли в глазах?
Ещё мы детских песен всех не спели,
Не отцвела нам пятая сирень,
А нам одну из лучших колыбельных
Война забила голосом сирен.
Ещё не зная всех грядущих бедствий,

Безмолвный голос в темноте застыл,
А нам уже перечеркнули детство
Бумажных лент оконные кресты.
Я не боюсь — ни много и не мало —
С огнём сравнить оранжевость зари:
Ведь с той поры я много лет считала,
Что запад там, где что-нибудь горит.
У нас в глазах — не Волга лентой синей,
А переправ ночная карусель,
Когда в воде, пропахнувшей бензином,
Теряли мы детсадовских друзей.
Мы, может быть, немножко меньше пели,
И было детство чуточку серей:
Ведь нам одну из лучших колыбельных
Война забила голосом сирен.
Зато теперь, перешагнув за двадцать,
Не плачем мы, как много лет назад:
У нас тогда, в огне эвакуаций,
Надолго слезы высохли в глазах.

1959

Воронежский УНИВЕРСИТЕТ

24 марта 1959 г., № 11 (915)

Завтра — День поэзии ВГУ Поэты встречаются вновь

Об эпохе легко судить по образу её жителей.
В одном времени мы встречаем «лишних людей»,
в другом — энтузиастов, в третьем — скептиков
и философов... Каким же были пятидесятые?

С. Филюшкина

То ли секунды, то ли удары сердца...
Я считаю, сколько ж до звонка?!
Только вчера мне читали спецкурсы и лекции,
И зачётка была так привычна и так легка.

А теперь вот — журнал. Классный, толстый, солидный.
Недоступный когда-то, а теперь вот — мой.
Ставить «двойку» в него иней, и обидней,
Чем, бывало, ее получать самой.

Сразу так и сказать им: «Садитесь, ребята!»
По-хозяйски коснуться учительского стола...
Столько лет я смотрела на жизнь из-за парты,
Ничего не давала, а только брала:

И рифмы, рождённые на баррикаде,
И холодную чёткость десятичных дробей,

И тепло той руки, что в моей тетради
Выводила сурово: «Пиши поровней!»

А теперь я начну отдавать, наконец-то,
Я ещё не умею, но это – пока...
То ли секунды, то ли удары сердца:
Я считаю, сколько же до звонка!

Владимир Сисикин

Лирическое

Занесённые снегом,
Сыпучим снегом,
Синие
Помнишь кварталы?
Звонкий ствол
Толкну с разбега –
Осыпают тебя
Кристаллы.
В волосах твоих звезды,
Морозные звезды.
Ты Снегурочкой стала,
Нет, ты волшебней её –
Слышу же я,
Да-да, серьёзно:
Снег под тобой
Поёт...
В этих синих кварталах
Жителей сны
Мы не раз
Тревожили смехом,
А сердце наших стук
Долетал до Луны
И возвращался
Эхом...
Теперь здесь тихо.
Тихо.
Серебряная,
Синяя
Пляшет,
Пляшет

Пародии, эпиграммы, дружеские шаржи

* * *

Ты меня не ревнуй, дорогая жена,
Я встречаюсь с любимыми
только в стихах.
Г. ЛУТКОВ.

По зиме, по жаре, по дождям, по весне
Никогда не снимаю галоши,
Я встречаюсь с любимыми
только во сне,
Эх, ма, вот ведь какой я хороший!
И сейчас, в ожидании желанного сна,
Я лежу на кушеточке дома.
Я бы, может, встречался
с другими, женой,
Но боюсь и тебя и месткома.
Л. КРОЧИК.

Морозная пыль.
Что это было?
Сказка зимняя
Или быль?
Трогаю ствол
Озябшими руками.
И снова,
Снова
Под двумя каблуками
Снег: хруст...
хруст...
хруст...
хруст...
Грусть.

Мы любим поэзию

Мы — это студенты 2-го курса
филологов. Большинство из нас
в прошлом — солдаты, токари,
шахтеры, колхозники. И все мы
пришли в университет, чтобы полу-
чить знания, приобщиться к до-
стижениям мировой культуры.
Мы понимаем, что коммунизм не
мыслим без людей высокого худо-
жественного интеллекта.

Мы от души радуемся новым
талантам в нашей поэзии. Поэтому
мы так близко приняли к
сердцу обмельчание чувств та-
лантливого молодого поэта Евге-
ния Евтушенко, собрались всем
курсом и беспощадно, без скидки
на талант, осудили его стихи,
опубликованные в девятом номере
журнала «Октябрь».

Да, мы очень любим поэзию,
любим музыку, живопись, театр,
если они пробуждают в нас боль-
шие, настоящие чувства, если они
не размениваются на мелочи, не
пытается подсунуть нам, прикры-
вясь талантливостью, эрзац.

В. СЕМЕНОВ.

1960

Валерий Мартынов

Звёзды

Звёзды, звёзды...
Медленный и слабый
Звёздный свет
Теряется в веках.
В высоте висят они, как слёзы,
Как напоминанье о богах.
И смотрел на звезды питекантроп
В непонятной,
Бешеною тоске,
И уже он силился построить
Звёздный замок
На простом песке.
Звёзды, звёзды...
Время шло, стирая
Питекантропов
Корявые следы.
Над землёй пополз,
Как призрак грозный,
От костров кровавых
Чёрный дым.
Даже и тогда
Тянулись люди
К звёздам,
Переламывая страх.
И за это черные монахи
Их живьём
Сжигали на кострах.
Звёзды, звёзды...
Время шло, развеяв
И золу, и пепел навсегда.
Но людей все так же
Манит в воздух
Вечная
Полярная звезда.
Люди поумнели,
Стали старше.

Их не запугать богами,
Нет!
Человек протягивает к звёздам
Тоненькие щупальцы ракет.
Закружились
Головы людские
И быстрей,
И яростней планет.
Во Вселенной
На века остался
Небывалый дерзкий
Русский след
К Звёздам!

Георгис Веллас

Сегодня

Сегодня стоят трамваи,
Сегодня стоят пешеходы,
Сегодня стоят машины,
И солнце стоит сегодня.
Боги молчат в Парфеноне,
Сегодня грустна Эллада,
Сегодня ломают крылья
Тому, кем она гордилась,
И шепчут боги Парфенона:
Кого же сегодня судят?
Кто жало змеи фашистской
Вырвал из пасти смердящей?
Кто даровал крылья свободы
Народу, чьё имя эллины?
Он даровал небо – птицам,
Он даровал землю – людям,
Он вил в их сердца надежду
На лучшие времена.
Зачем же сегодня судят,
Того, чьё имя люди
Дают лишь тому ребёнку,
Что должен быть всех смелее,
Что должен быть всех умнее,
Чтоб землю святую дедов
Победами мог восславить.

Не удержать за решёткой
Наших орлов, чьи крылья
Солнце затмить способны!
Нет! Не сломить народа,
Чьё гордое имя – эллины!
(пер. с греч. В. Сухомлина)

Мы уже писали о подражании классикам, часто обнаруживающемся в стихах университетских поэтов. Так, например, человеку, знакомому с творчеством Есенина, сразу же придут на ум следующие строчки:

Я иду долиной. На затылке кепи,
В лайковой перчатке смуглая рука.
Далеко сияют розовые степи,
Широко синеет тихая река.

Тем не менее – как умело использует этот ритм поэтический потомок Есенина!

С. Анохин

Возвращение

И опять – Воронеж!
Стал я в изумленье...
Как ты изменился!
Здравствуй, город мой.
О тебе я часто
Думал в отдаленье
В годы трудных будней
Службы боевой.
Ты меня встречаешь.
Как родного сына.
Огляделся; «Ух, ты...
До чего хороши».
Всюду – пафос стройки,
К небу клубы дыма;
По земле от фабрик
И заводов — дрожь.
Я иду проспектом.
Всматриваюсь в лица.
Радостным волнением
Мой отмечен путь.
Вот и закрываю
Прошлого страницу,
Чтобы смело завтра
В новый мир шагнуть.
Что со мною стало?
Так и не пойму я.
Я или влюблённый,
Или я – поэт?
Предо мной широко
В свою жизнь большую
Раскрывает двери
Университет.

Рубеж

*Итак,
Мы стали инженерами —
В обычный день,
В обычный час.
Но что-то происходит с нервами
И прорастает
Что-то в нас.
И слушая слова приветствия,
Припоминая блеск идей,
Не забывай:
Ты стал ответственней
И за себя,
И за людей.
Где бы ни был ты:
В Москве или в Кинешме,
Душою чтобы стал не стар.
Коснувшись ленточки на
финише,
Мы поняли —
Пришли на старт.*

В. МАРТЫНОВ,
выпускник геологического
факультета.

1961

Л. Коськов

Беспокойство

Живёт человек.
И вдруг,
Срываюсь с насиженных мест,
Задыхаясь на гневном ветру,
Лезет на Эверест.
Идёт он к высокой сини,
В слепящую белизну.
Что он этой вершине?
И что вершина ему?
Тугой раскалённой тропою
Уходит в пески караван...
Усталые китобои
Бороздят океан...
Зовёт человека жадно
В мир ветров и тревог
Великая вечная жажда
Поисков и дорог.

С. Никулин

Перевалы

Жизнь свои имеет берега,
каждый в жизни
своё место ищет.
На горах
уже лежат снега,
давний мой и преданный дружище.
И ночами свет
шальной луны
заливает голые долины.
Если ночи поисков полны,
значит, ночи те
совсем не длинны.
Я пока ещё
немного смог
самоцветов отыскать хороших,
правда чувств
и правда грубых строк
мне любой красоты дороже.
На тропу находок и утрат
дерзкие глаза
меня позвали,
юности стремительный закат
встречу я
на трудном перевале.
И когда костёр
густую тьму
трепетным огнём своим затронет,
испытанья новые приму,
 выпью сладкий воздух
из ладоней.

Поэзия шестидесятых

В. М. Акаткин: «Поэзия "молодых" в 50-е годы была поэзией своеобразного лирического очеркизма, это освоение пространства души, её контактов с многочисленными проявлениями жизни, освоение главных настроений, мыслей и концепций времени, их накопление. Теперь идёт их интенсивная переработка, новая ступень обобщения, освоение души по вертикали — в её связях с духовной и социальной историей. На этой ступени наблюдается символизация материала, некоторый отход от внешних проявлений жизни. Современная поэзия обращена не столько к жизни, сколько к её урокам. «Я» сливается с миром, становится его конфликтным прообразом, драматической душою этого мира.

Формально уходя на задний план в структуре стиха, растворясь в голосе самой жизни, содержательно это «я» является центром стиха, в каждой клетке его разлитым настроением, Думой, трево-

гой. «Тихая» лирика по-своему отражает в себе эту общую тенденцию.

Считают, будто «тихая» лирика — это сама простота и ясность, наивность и определённость. Между тем это далеко не так. Возьмём самого показательного из «тихих» — А. Жигулина. Несмотря на графическую чёткость рисунка, твёрдо очерченные контуры предметов, несмотря на определения «прозрачный», «чистый», «ясный» и т.п., мир его в целом зыбок, размыт, неуловим» (В недрах «тихой» лирики // Молодые о молодых. Сборник литературно-критических статей молодых критиков.— Москва, 1974.— С. 293—307.).

1962

«Тот, кто зачёркивает память,
На будущее ставит крест»

«Мало кто узнает в этом старшем лейтенанте Анатолия Михайловича Абрамова, нашего крупного учёного-литературоведа. С юношеских лет он влюблён в поэзию, а поэзия и война — несовместимы. Но когда над Родиной нависли свинцовые тучи опасности, Анатолий Абрамов тоже встал на защиту страны.

И оружием, и словом служил он отчизне. Среди карельских снегов в тяжёлой должности военного корреспондента провёл он войну. Муга молодого поэта сражалась в солдатском строю. Стихи А. Абрамова, полные энергии и любви к Родине, заучивались солдатами наизусть, с ними они шли в бой. Орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Советского Заполярья» и другими награждён Анатолий Михайлович...» (Н. Манжурин. За радость родной земли // Воронежский университет. 1962. 20 февраля).

Анатолий Абрамов

Память

Кто знал войну, тот видел сотни
Смертей товарищей-солдат.
Но мне припомнилось сегодня
Совсем другое...

Чистый взгляд
И голос чистый — это дети
Рассказывают без прикрас,
Как в школе их «учили» плетьью,
Как плетьью загоняли в класс...
Я видел вынутые ими
На Вознесенском большаке
Противотанковые мины,
А рядом — трупы на песке.
Ребячьи трупы.

Так к победе.
Из оккупации спеша,
Рвались шелтозерские дети,
Живой Карелии душа.
Потом я видел их в санбате —
Кульяпки рук и ног в бинтах...
И пусть мне говорят —

мол, хватит,
Мы это, знаем, мол, и так.
Я должен все переупрямить,
Все помнить, бывшее окрест.
Тот, кто зачёркивает память,
На будущее ставит крест.

Из боя в мир

Вот она правда —
шли мы
От света
и от тепла.
Шли мы,
огнём косимы,
Туда, где беда была.
Милых не замечали,
В очи им не глядели.
Запросто надевали
Скомканные шинели.
Уже не искали убежища —
От совести
не убежишь!
Вслушивались в режущие
Звуки пробитых крыш.
Как рушилось,
как рвалось
Клёпаное
и литое,
Как осыпались колосья,
Поле жглось золотое.
Шли против ветра крутого,
Что —
как хомут на шее.
Так —
до норы кротовой,
Так —
до любой траншеи,
Болотами вязли тяжёлыми,
К горящим домам спешили.
А после атаки —
голые
У тех же домов сушились.
Сгорали в огне,
на свете
Ни слова не оставляя,
Лишь имя на партбилете
Пальцами зажимая.
и опознав обгорелых,
Стояли оцепенелыми.
— Друзья, да ведь это ж
Маркелов!
— Что они с ним сделали!
Шли в черные переулки
Занятых городов.
Шли в казематы гулкие
Взятых в бою фортоў.
Раненые —
лесами
Шли по лесным приметам.
Совсем молодые
маме
Боялись писать об этом.
По скалам
к коням привязанные
В госпиталь
эвакуировались —

Черные,
дымные,
грязные,
Будто из ада вырвались.
И все-таки
с мыслию дерзкой,
И все-таки
с гордой думою,
Что мы на земле карельской
Пробьёмся сквозь даль
угрюмую.
И пусть мы о том негромко
Калякали в буднях быта.
Настала пора —
потомкам
Мы можем сказать открыто:
Мы сердце
в огонь бросали
За радость родной земли.
Такими победу взяли,
Такими и в мир вошли.

1963

И. Ильин**Открытие мира**

Где человек
Открывает мир
В тиши кабинетов?
В Дубне?
А может, его
открываем мы,
совсем об этом не думая?
Может, мир —
десять соток земли —
наша дневная норма?
Чтобы свёклу
убрать до зимы,
целый мир открыть
надо снова.
Мы её открываем
не микроскопами.
мы её отрываем
двумя руками.
Маленький мир
в селе Московском
мы вручную открываем.
Бывает трудно,
и каждый день
болят ладони.
По открытию мира здесь
самая главная лаборатория.

В. Гааг

Простое сложное

Мне, конечно, не быть
Ни Ньютоном, ни Юмом,
Мой автограф, пожалуй,
Не стоит гроша,
Даже просто не скажут,
Что малый, мол, умный,
Лишь заметят: «Чудак и
простая душа».

Кто-то скажет: «Опять усложняешь дорогу»
Скажет: «Проще на вещи,
Приятель, смотри».
Кто-то высмеет просто:
«Пустые тревоги –
В жизни два – это два,
Ну, а три – это три».
Ну, а если ошибся
советчик столикий?
Может, три – это пять
Может, сложное – просто.
Мне, конечно, не быть
Ни большим, ни великим.
Все же я усложняю
Простые вопросы.

Литературный Учодок

ПЕРЕВАЛЫ

Жизнь свои имеет берега,
каждый в жизни свое место ищет.
На горах
уже лежат снега,
данный мой и преданный
дружине.

И почами свет
шальвой луны
заливает голые долины.
Если ночи полоков поляны,
значит, почки те
с совсем не длины.

Я пока еще
немного смог
самоцветов отыскать
хороших,

правда чувств
читателями и почитателями.

С наними творческими силами
мы приходим к седьмому

и правда грубых строк
мне любой красоты
дороже.
На тропу находит и утрат
дерзкие глаза
меня позвалы
юности стремительный
закат

ветрucha я
на трудном перевале.
И когда костер
густую тьму
трепетным огнем своим
затронет,
испытанные новые приму,
вспышью сладкий воздух
из ладоней.

С. НИКУЛИН.

Л. Коськов. Свидетельство тому
его «Бесспорядка», опубликуемое
нами сегодня. Заметно вырос Н. Дубищев. Он не новичок в нашем любительствии,
и тем приятнее видеть, как муржает и крепнет голос начинавшего поэта.

Словом, поэтов в университете много. Приходите – послушайте.

Б. КУЛИНИЧЕВ.

Это будет 25 марта

В понедельник, 25 марта, в 19 часов в переполненном актовом зале ВГУ соберутся любители поэзии. Здесь состоится очередная встреча университетских поэтов со своими

Весна запоздала, поэты – нет

Поэты по традиции встречаются весной. И хотя на этот раз весна что-то запаздывает, поэты все-таки встретились. Читали свои стихи университетские «барды» — А. Заякин, Т. Гришина, С. Никулин, В. Гааг и гости — В. Гордейчев, Р. Харитонов, В. Мартынов. В перерыве начинаю-

щие поэты охотно давали автографы. Как всегда, любители поэзии (не университетской) осаждали книжный киоск. А со стен актового зала строго смотрели дружеские шаржи, хорошо выполненные В. Кулиничевым.

А воздух, осенний и звонкий,
Остатками лета дымится,
Звенит колокольчиком тонким
Насмешливый голос синицы.
И странно мне думать, что где-то
В мире, большом и мудром,
В такой же тиши, как эта,
Войной начинается утро.

А. Слуцкий

Далёкая звезда

Горит далёкая звезда,
Зовёт, сбивая с толку,
Мы в городах, как в поездах,
Всегда на третьих полках,

Мы любим жизнь, и, стало быть,
Желанную свободу,
Километровые столбы,
Как прожитые годы.

О, эта скорость, взлёт и миг –
Все будни наших судеб,
Но часто в этой спешке мы
Не замечаем сути.

Себя не в силах обуздать,
Звезда сбивает с толку.
Мы в городах, как в поездах,
Всегда на третьих полках.

Николай Дубищев

Красота

Её мы ищем
звёздными ночами,
и мир нам кажется
собраньем простоты,
и, хоть убей,
никак не замечаем
той трудной
и негромкой красоты,
которая звенит
с утра трамваями,

В. Заякин

Утро

Уводит дорога длинная,
Куда-то бескрайность манит,
По листьям, хрустящим от инея,
Иду я рассветной ранью.

живёт в гудках
фабричных мудрых труб,
в глазах мальчишки,
что домой шагает,
в упрямом взмахе
заскорузлых рук.
И вот однажды
зашагаем сами
с работы трудной
мы к себе домой –
и вдруг увидим
красоту глазами
во всём, что раньше
звали простотой.

1964

А. Смирнов

В вагоне

Наш поезд шёл вторые сутки
по направлению к Москве.
В вагоне,
бросив свои шубки,
средь нас девчонки были.
Две.
Они болтали без умолку
О Мопассане и Рено,
то вдруг,
забыв о книжной полке.
переходили на кино.
Весьма смазливые болтушки!
И к ним совсем не без причин
приглядывались старушки
и пассажиры – из мужчин.

Один из них, чуть понахальней,
решил девчонок штурмом
взять:
с лицом, как тот кулич пасхальный,
им стал Есенина читать.

Восьмой традиционный

Еще до начала выступлений люди стихов были уже знакомы почти со всеми поэтами. Ведь в этот день в руках у студентов, преподавателей, вахтера дяди Миши можно было увидеть красочно оформленное приложение «День поэзии».

И вот наступил вечер. В зале гаснет свет. Где-то за сценой звучит шутливая команда:

— Становись! Равняйся!

Раскрывается занавес. Ведущий

знакомит присутствующих с поэтами, и начинают звучать стихи.

Сначала выступили поэты университета Н. Дубышев, А. Анохин, Л. Косыков, Г. Веллас, С. Никулин, И. Ильин, прочитавшие стихи о своем отношении к жизни, о любви к Родине, о дружбе. Телевидение было встречены гости: Евгений Красников, из Орловской области, Анатолий Сушкин, работающий на заводе.

Много аплодисментов досталось сатирику Льву Кройчуку, который рассказал о Днях поэзии университета и прочитал пародии.

В заключение выпускница филологического факультета Л. Бахарева, студент заочного отделения О. Шевченко и воронежский поэт В. Гордейчев познакомили слушателей со своими новыми произведениями.

К. ПЕТРОВ.

Новые книги

В издательстве университета вышла из печати книга «Охрана водных ресурсов и очистка сточных вод», в которой помещены исследования наших ученых, проведенные совместно с обществом охраны природы и областным советом НТО.

Но те стихи не о Рязани
из жалких вырывались уст,
а о хмельной – кабацкой –
славе.
И все, конечно, наизусть...
Стихи звучали то надрывно,
то замирали, словно лесть,
но в тишине вдруг
кто-то крикнул:
— Ты прекрати читать!
Есенин
у нас совсем другой
ведь есть!

Все изумлённо замолчали,
и видел я, рождался, рос
в глазах девчонок,
что не знали
иных Есениных, вопрос.
И тут такая старушенция,
которой сотню лет бы дал,
письмо читать нам стала
к женщине,
то, что Есенин написал.
Тот «чтец», краснея,

стушевался,
девчонки прятали глаза...
А рядом жил,
грустил,
смеялся
Есенин – чистый, как гроза.

Николай Дубищев

Ответственность

Растёт трава,
и зреет колос,
ракеты бороздят зенит.
Мальца окрепший
слышу голос
и мирный вижу
динамит.

Мне по душе земли
естественность:
янтарный дождь и
гулкий гром.
Я сердцем чувствую
ответственность
за мир,
в котором мы живём;

за эту землю,
что Россией
привыкли с детства
называть,
за горизонт над нею синий,
за поезда, дворцы, плотины
и первоклассника тетрадь...

Иду по жизни, как
по лестнице,
навстречу новому спешу.
И пусть живёт всегда
ответственность
в любой строке,
что напишу.

1965

Георгис Веллас

Улыбка Ленина

В Пятигорске, на скале, художник Веснин выполнил портрет В. И. Ленина. Фашисты пытались уничтожить портрет, но им это не удалось.

Сорок третий.
Тёмное сердце горы
Пахнет весной...
Спокойно стоит
под расстрелом
Огромный Ильич.
Трусливые автоматы
фашистов
Глядят на него в упор.
Стонет протяжно гора.
На Ленина сыплются пули,
Врезаются в улыбку.

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

Актовый зал ВГУ был... не переполнен в этот раз. А жаль! Девятый традиционный «День поэзии» был интересным и со-

ВОРОНЕЖСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

4 стр. 30 марта 1965 г.

держательным. Со вступительным словом к собравшимся обратился А. М. Абрамов. Далее выступили со своими стихами С. Никулин, В. Мартынов, Г. Веллас, молодые А. Слуцкий, Г. Умывакина, В. Исаянц, Д. Коноплин и др. 10 минут зал смеялся. Это выступал со своими пародиями «лев университетского юмора» Л. Е. Крайчик.

Бьют по живым глазам.
Не сдаётся скала;
Улыбается Ленин,
Плытвёт, качаясь, весна
Над зелёной горой.
Не сдаётся скала.
Уходит враг побеждённым.
Гордый Машук цветёт
Улыбкою Ильича.
(Перевод Л. Коськова)

«Читатели хорошо знают стихи Станислава Никулина, бывшего литературного сотрудника нашей газеты, ныне работника «Молодого коммунара». В только что закончившемся поэтическом конкурсе «Комсомольской правды» «Горизонт» стихотворение Станислава «Сердце» удостоено третьей премии. Мы публикуем это стихотворение» (Сердце // Воронежский университет. 1965. 25 мая).

Станислав Никулин

Сердце

От золотых крупинок
Небо вычистив,
К стеклу рассвет,
Дрожа, прижался с нежностью,
И рвутся почки
На осколки листьев,
Забрызгав ветки все
Зелёной свежестью.
А у меня в груди
Живыми соками
Набухло сердце,
Словно почка, грунное.
Продутое насквозь
Ветрами тёплыми,,
Привыкшее к весёлому
и грустному.
Оно стучит
Над каждой моей
строчкою
И бережёт в себе
Мечту крылатую:
Быть для друзей –
Раскрывшееся почкою,

А для врагов –
Взорвавшейся гранатою.

1966

В. Архипов

Юность

Нет их, вздрагивающих, искристых,
Всплесков утренней чистоты.
Степь продутая.
Солнце.
Исстари
Не пылают в степи цветы.
Место выбрано, колья вбиты.
Нерешительно, издалека
Подбираются к сердцу нити
Неожиданного холода.
Две палатки – наш новый город,
Чувства будут ли холодны,
Если бываются сердца, которые
Силой юности озарены!
Мёрзли мы в снежных кристаллах,
Нос белеет – хоть три не три.
Мы под парусом согревались,
Подплывающей к нам зари.
Юность, юность!
Где стрелы просек,
Где таёжная стыла мгла,
Твоя сила, как корни сосен,
В земляные пласти вросла.
Может, сложены мы не очень,
Невнушителен, может, рост, –
На земле мы колючки топчем,
А глазами касаемся звёзд.
И ложатся дороги зrimо...
Если слишком шаги трудны,
Греют нас, как глаза любимой,
Голубые глаза страны.
Степь не пятится оробело,
Да и мы не идём назад...
На разбуженных параллелях
У палаток цветы горят.

В. Исаянц

И опять я стою на перроне,
Поезд медленно катит вагоны,
Позади перестрелки ироний,
Впереди города, перегоны.

Зеленеют глаза светофоров.
Переводятся дальние стрелки.
До свиданья, до встречи нескорой...
Уплываю от пристани мелкой.

Георгис Веллас

Смерть пастуха

Весною хоронили
Без дьяконов, попов,
Слезы не уронили,
Не проронили слов.

Ни эпитафий громких,
Надгробья в серебре –
Дырявая котомка
Да посох на бугре.
Единственная плата
За многолетний труд,
А поминать и плакать
Родные не придут.

Ни близких нет, ни милых.
Потеряны ль, мертвы?..
Лишь овцы у могилы
Не трогают травы...
(Перевод Л. Горяева)

1967

«...Жизнь его запечатлела травмой, которую он перенёс в полуторагодовалом возрасте, лишив одного глаза. После нескольких неудачных операций, в пятилетнем возрасте он полностью утратил зрение. Учился в школе-интернате в Киеве, а затем в Харькове. В школе он полюбил русский язык и литературу, начал писать стихи и решил поступить в русскоязычный университет. Романтика юности была его поводырём в буквальном смысле этого слова. Он настолько поверил своему преподавателю русской словесности, что в тот день, когда он посоветовал ему ехать в Воронеж, ближайший город, где находился русскоязычный университет, Михаил решился ехать туда даже без сопровождения, не имея там родственников или знакомых.

Невзирая на протесты родителей, Михаил самостоятельно отправился в Воронеж. Первую ночь Миша провёл на вокзале. На другой день он уже со всеми абитуриентами поселился в спортивном зале, затем успешно сдал вступительные экзамены в Государственный Университет. Закончил он филологический факультет с отличием...» (Михаил Бурчак // Поэзия для Христа. URL: <http://www.poems4christ.com/ru/users/burchakm>)

24 марта 2018 г.

Михаил Бурчак

Мой стих

Мои стихи уходят от меня,
Как дети от родителей уходят.
Мы с ними счёт событиям и дням
Ведём раздельно, хоть и вместе вроде,
Взращённый мной в отчаянном труде,
Как птица, стих стремится жить свободно...
Он может подружиться с кем угодно,
Он руку даст мне, если я в беде.
И только неудавшийся мой стих
Всю жизнь калекой на руках моих.

День поэзии

Каждый год 25 марта — это день поэзии. Вечером в течение всего дня звучат стихи в аудиториях, в коридорах... И у физиков, и у романтиков-геологов, и у химиков, и у находящихся внешне «турбоярами» математиков — словом, все в этот

день становятся почитателями поэзии.

А вечером — в актовом зале большой гимназии — юбилейный, посвященный 50-й годовщине Советской власти, а от этого еще более румыт и звонок, еще крепче голос наших поэтов, кто давно покинул

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРОПЕ

Поэты, обычно, «открывают» кто-то... Олег Столяров, как то ни странно, открыл себя

— первокурсники и в геологии, и в поэзии. Родился и вырос в поселке Воробьевка Воронеж-

А когда читашь его стихи, не возникает ни малейшего сомнения в том, что он — непосред-

«— Стихи мои — отголоски рассказов, услышанных в детстве. Когда учился в пятом-шестом классах, жил в Средней Азии, на руднике среди геологов. Это были очень интересные люди, и слушать их можно было бесконечно. Их было много, побывавших в самых-самых дальних уголках страны. И каждый рассказывал так, как будто листал интересную книгу. С тех пор в душе поселилась мечта стать геологом. Шёл к ней долго и трудно. Ну, а о стихах не думалось никогда.

Жизнь по-своему распорядилась. Повернулась неожиданной стороной, заставила писать, не спать ночами, взахлёб читать стихи классиков — русских и зарубежных, с нетерпением ждать новых стихов современных поэтов.

На тропу поэзии вышел ещё один человек. Свернуть с этой тропы трудно, потому что она увлекает вступивших на неё все дальше и дальше. Счастливого пути, Олег!» (С. Фролова. На поэтической тропе // Воронежский университет. 1967. 21 марта)

Олег Столяров

Разговор с отцом

Небольшой фронтовой треугольник. Польша.

Сорок четвёртый год.

«На рассвете снова в полёт.

И какой раз, не помню по счёту

Отбиваем фашистам охоту...»

Я не видел тебя, отец.

Ты в июльском небе Варшавы

Налетел на зенитный всплеск...

На гранитном стоишь пьедестале,

Чтобы в мире цветы расцветали.

Ты дышать перестал в 25.

И я тоже прожил четверть века.

Пред тобою ответ мне держать,

Как я прожил свои 25.

Мы с тобою сейчас одногодки,

И как другу тебе скажу,

Что мой путь до того короткий,

Что как будто совсем не жил.

Уголь в шахте пришлось рубать,

И ракеты пришлось запускать.

Вот и все.

Только это так мало.

Ты же больше в свои 25

Смог для Родины пользы дать.

Я в долг у тебя, отец!

...А теперь вот геологом буду.

Ты прости,

Снова мать одна.

Ты, я знаю, поймёшь меня,

Ты, познавший свинцовость огня.

Кто же лучше тебя рассудит?!

И я долг свой верну вам, люди!

Илья Фурман

Золотоискатели

Ущелье вздымается к водоразделу, обрывы, как стены, круты.

Здесь дело для смелых,

здесь тропы для смелых,

для тех, кто с удачей на «ты»...

Гляди, эти двое прошли по карнизу

всего лишь в стопу шириной,

и как только к вечеру спусяются книзу

они этой змейкой одной?

Но разве об этом их мысли? Им надо

и выше ещё и вперёд,

взломать неприступности скальной преграды,

а спуску придёт свой черед!

Ведь рядом совсем

снежнобелая жила,

прорвавшая серый гранит,

она из долины влекла и манила

и тянет сейчас, как магнит...
 Усилие воли... Последние дюймы...
 и первый отколот Кусок...
 И грезится – жильное золото умой
 с породой течёт на лоток...
 Исчезла усталость, забыта опасность
 пути к этим кварцевым снам...
 В таких не померкнет, в таких не погаснет
 стремленье открыть свой сезам!..
 Такие не жмутся к путям проторённым
 и не оробеют нигде,
 коль нужно – пройдут по заоблачным склонам,
 коль нужно – стартуют к звезде!
 Всегда у таких в жизни важное дело,
 и мысли ясны и чисты.
 Хребты долголетья
 Формируя смело,
 такие с удачей «на ты»!

1968 Университету – 50 лет!

Сергей Милько

В лесу природа строже.
 Дурманит запах хвои,
 Плынут облака, похожие
 На медные кудри твои,
 За Волховом топь непролазная.
 За Волховом клюква да мох.
 Бредёт моя рота грязная
 Не зная ни снов, ни дорог.
 Иголки на ёлках синие
 Засмолялись в тепле.
 Летние дни очень длинные
 На новгородской земле.
 Наше пойми положение:
 Патронов, продуктов нет,
 И в чёртовом окружении
 Неделю как путаем след.
 Не скрою, Людмила, нам трудно
 Долг чести – нелёгкий груз.
 По лесу несётся занудно:
 «Сдавайся, болотный рус!»
 Придётся принять предложение:
 Весом мы стали легки,
 И чтоб не блуждать в окружении,
 Ночью пойдём в штыки.

«Смысл жизни – в службе революции»
ПРОЕКТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЛДАНИЯТЕСЬ!

Воронежский университет

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОРГАН ПАРТОКОМА, РЕКТОРАТА, КОМИТЕТА АЛЕКСИ ПРОФКОВА И
 МЕСТОКОМА ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 11 (110)	ПЯТНИЦА, 29 марта 1968 г. Год издания 35-4	Цена 1 коп.
------------	---	-------------

1868–1968

УЧИТЕЛЬ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ю. Хвостиков

Ночные звуки

...Ночами кажется,
 как будто надо мной
 неяркий лунный свет
 бесшумно рушится,
 наполненный щемящей
 тишиной...
 Но тишиной ли?..
 Стоит лишь прислушаться...
 Недвижно
 постояв немножко,
 в ночном саду услышать

можно,
 как скрипнет гравием
 дорожка
 под чьим-то шагом
 осторожным...
 И даже кажется,
 что слышно,
 как облака шершавым боком
 скребут луну,
 что неподвижно
 взирает вниз бессонным

оком.

...Ночными звуками насыщен
 сам воздух
 неподвижный, сонный...
 Невольно в них
 аккорды ищем
 всех ненаписанных
 симфоний.

Валерий Исаянц

Мавзолей

Проходят уверенно годы.
 Умеренно память взрослеет.
 Стоят постовые наарода
 В строгих дверях Мавзолея.
 Минутная стрелка – маэстро
 Незримо клавишу кивнула.
 Шагнул на почётное место

24 марта 2018 г.

Торжественно строй караула.
Изваяны будто Роденом
Солдат огранённые лица.
Вверху –
над кремлёвской антенной
Варят беспокойные птицы...
Я дерзкой мечтою взлеял –
Окинув минувшее взглядом,
У мраморных стен Мавзолея
Стать с теми солдатами рядом.

Владимир Чесноков

Сапоги

Мне со склада завхоз
Выдаёт сапоги.
Для моей словно сшиты ноги:
Новые, кирзовые,
С медными гвоздями,
И в маршрут отправиться
Рвутся прямо сами.
Походил по скалам я,
Через реки брёл,
В сапогах по тропам
Сотни вёрст прошёл.
Будто все в порядке,
Только у сапог
Не хватает пятки,
Появился рот,
Изо рта портянка
Вместо языка –
И это ничего ещё,
Можно жить пока.
А потом история
Печальная пошла,
Вся подошва сразу
С гвоздями отошла,
С медными, блестящими,
Только не держащими.

И теперь свободно,
Не разув сапог,
Обмотать портянкой
Я бы ноги смог.
Долго, долго думал я,
Наконец решил –
Из сапог я тапки
Кирзовые сшил!

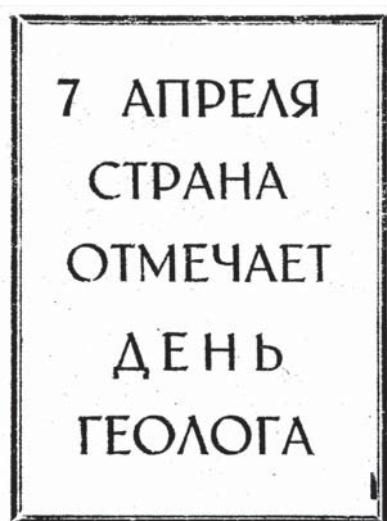
А. Моисеев

До чего же здорово в апреле!
Нет, не усидишь, пожалуй, дома...
Я пройду по парковым аллеям,
Слушая скворцов весёлый гомон.
Воздух – опьяняющий напиток,
Буду пить, и не смогу напиться
Из цветов наделаю улыбок,
По пути раздам всем скучным лицам.
В синем-синем акварельном небе
Облака кудрявые развешу,
В зелень я закутаю деревья,
А из грусти сделаю подснежник.
Подарю я модницам-девчонкам
Озорного ветра птички трели,
А потом, смеясь, скажу негромко:
«До чего же здорово в апреле!»

Олег Столяров

Доверие
(отрывки из поэмы)

Отдалённостью ветхой хранимый,
Здесь когда-то стоял монастырь.
Здесь монахи бубнили псалтирь –
С тупоумьем навек побратимы.
Колокольного звона осколки
Гасли, падая в серую пыль.

Грязь месили, скрипя, двуколки,
Да в степи волновался ковыль.
Да внизу по реке беспокойной
Уплывали на юг корабли.
Мужичонка в рубахе посконной
Мерял потом краюху земли.
Ни конца.
Ни начала.
Здесь ли?! Где и удаль, и слёзы вдвоём,
Полыхнуло таким огнём,
Что лохмотья, сгорев, не воскресли!..
.....
Помню дед мой, качаясь на праздник,
Начинал: «Как прогнали господ...
Славный был восемнадцатый год,
Хошь с кобылы в ту пору не слазил.
Порубал беляков на славу.
Сам был срублен.
Валялся в степи
Я по этому самому праву.
С Митрофаном... тово... распил.
Ты, старуха, нешибко ругайся,
Ты внучонка свово пожалей,
Ему жить среди добрых людей,
Нашей жизни с его не сравняться.
Может, станет учёного званья,
А то мы – расписаться ни в жисть.
Тут хошь плачь,
Хошь на лавку ложись
Головой под иконы узванивать».
.....
Добрый дед мой.
Твои рассказы
Я запомнил. Но в те года
Не понимал мальчишеский разум
Как это можно в жизни – страдать.
И только позже сознанием смеря
Всё слышанное от тебя,
Понял, как велико доверие
Родины Октября.
.....
С той поры по наследному праву
Я доверьем в свой век втиснён.
Если крылья успел расправить –
Быть полёту. Полёт рождён.
Мне дано узнавать о многом,
Как и каждому. В этом смысл
Жизни нашей.
А быть убогим
Достоянье племени крыс.
Жизнь свою подвергая огранке,
Я от боли вселенской кричу:
Не хочу быть живым на свалке,
Я и мёртвым туда не хочу.
По ночам обострённый от боли,
Ожидая далёкий рассвет,
Ухожу слушать на синополье
Убелённый университет.

ГОЛОС УНИВЕРСИТЕТА:

Я помню дни, когда дожди
Кругом свинцовые хлестали.
И люди, как колосья ржи,
Валились, скошенныестью.
Я мог бы без вести пропасть.
В меня стреляли,
Но я выжил.
Как память тем, которым пасть
На долю выпало. И выше
Всех обелисков вознесясь,
Скорблю ночами я безмолвно,
Седею,
Только каждый раз
Мне седину стирает солнце...

Я вхожу под торжественность свода.
Мне вахтёр, улыбаясь, кивнул.
С добрым утром, любимец города,
Знаменитый на всю страну.
С добрым утром, мой старый знакомый,
Ты не стар, хоть тебе – пятьдесят,
И не зря про тебя говорят,
Что ты вечно останешься новым.
Не завидую я, что ты
Не стареешь,
Что я старею.
Каждый раз, как к мавзолею,
Увидать дорогие черты.
И я вижу их так же зримо,
Как на Красной площади. Где
Среди первых декретов, что принял
Наш Ильич,
Был подписан в Кремле декрет –
Постановлением Совнаркома России
Организуется Воронежский университет.

ВГУ от монастыря к университету

Владимир Молчанов

Август

Август кончается,
Грустно
падает первый лист,
Август прощается,
Гуси
К речке спускаются

вниз.

Август кончается,
Лето
тихо теряет след.
Август прощается,
Где-то
звезды роняют свет.
Милый мой,
Милый август! –
Синие дни дорог...
...Ты –
моя тихая радость,
Ты –
мой источник тревог...
Август кончается...

Понимаете – беда, –
Всеми так заучено:
Если падает звезда,
То она падучая.
Если листья из лесов
Закрывают сушу, –
Значит осень налицо
Обнажает душу.
Если кружатся снега, –
Значит, жди метели.
Если тает март в ногах, –
Значит, жди апреля.
...Все придумано. Но кем?
По какому случаю?
Звезды падают затем,
Чтобы быть летучими.
Листья сыплются – когда
Негде им согреться,
И иначе им – куда,
Ну куда им деться?
Понимаете – вот так!
Что вы мне киваете? –
Я же вижу: ни черта,
Вы не понимаете...

Предчувствие

Уже осенняя пора
Едва заметно мною движет,
И все уверенней и ближе
Теснятся строки у пера.
Опять касаюсь полюсов,
Меж небесами и землёю.

Небесные, как и земные,
Сияет осени лицо.
Пройдёт, пройдёт листвы игра,
И станет снег на землю падать,
...но долго будут листопады
Дрожать на кончике пера.

Лев Коськов

Смири последнюю гордыню,
Забудь зелёную звезду.
Тебе завещано отныне
У слова быть на поводу.
Так без уловок хитреца
Прими навек его щедроты:
Работы грязь, и честь работы,
И непризнанье до конца.

Анатолий Нестеров

Предел возможности желаний –
Печальнейший из всех предел.
Я в юности забыто-ранней
Пределам верить не хотел.
Я думал: в жизни всё доступно,
Что жизнь без края и конца.
За всё мы платим – и по крупной...
...А годы капают с лица.

1969

«...Поэты пишут о себе,
Поэты пишут о России»

«Над чем сейчас думает человек? Вы возьмите его стихи — они расскажут всё.

В этом небольшом выпуске мы представляем не поэзию вообще, а поэзию нашего университета, маленькую поэтическую каплю Большой Поэзии.

Впервые вы прочтёте стихи А. Кобзева, студента РГФ. Вы почувствуете, как в его поэтических строчках восстаёт гнев против нелепости смерти, войдёт в сердце ваше героическая романтика Испании. В стихах математика А. Петрашкевича — обострённое чувство Родины, понимание её простоты и величия. О том же стихи А. Моисеева, выступающего в Дне поэзии тоже впервые. Мудрой древностью Руси веет от плавных и певучих строк филолога А. Пресмана. «Пролётка» В. Исаинца заставит вас взгрустнуть о далёком прошлом и остreee, поэтичнее ощутить сегодняшний день. О любви и о нена-

виости, о правде и горечи — о многом вам скажет поэт-лирик В. Молчанов, студент отделения журналистики.

После долгого перерыва на суд свои стихи вынесла пятикурсница филфака Г. Умывакина. Понравятся вам стихи филолога Р. Носковой.

В малом отражается большое. Посмотрите поэтические рубрики солидных журналов. У Большой Поэзии и у наших начинающих поэтов одна тема — учить человека мыслить, понимать прекрасное и осознавать величие Родины, имя которой — Россия» (Воронежский университет. 1969. 25 марта).

Галина Умывакина

Вчера и всегда

Вновь в кухне, в полумраке, у стола,
Меж тусклых стен, тарелок и пельменей
В который раз рука моя вела
Любимое из всех стихотворений,
И в раковину падала вода,
И так же тряпки горбились по стульям,
Когда во мне воробышком постукивало
Весёлое предчувствие труда.
И вновь весомо ощущала я,
Вертесь на табуретке неудобной,
Себя — такой же равной и подобной
Среди других, не знающих житья —
Без топора, без скрипки, без страницы,
Без рук рабочих доброго тепла.
И кончив песню, так же шла напиться
Воды. И улыбалась, что смогла.
И прядь устало двигала со лба.

КЕМ БЫТЬ—ВЫБИРАТЬ ТЕБЕ. ПРЕДЛАГАЕМ СПЕЦИАЛЬНОСТИ:

Геологическая съемка и поиски месторождений полезных ископаемых.
Геофизические методы поисков и разведки месторождений полезных ископаемых.
Полупроводники и диэлектрики.
Радиофизика и электро-

Гидрология суши.
Агрономия и почвоведение.

Зоология и ботаника.
Биофизика.

Планирование промышленности.
Бухгалтерский учет.

Английский язык и литература.
Французский язык и литература.

Испанский язык и литература.

Немецкий язык и литература.
История.
Математика.
Механика.
Физика.
Химия.
Биология.
Журналистика.
География.

Николай Романов

ВГУ

На фронтоне герб висел крылатый.
Но какой он —
Вспомнить не могу...
Я встречал за этою оградой
Лишь всегда родное — ВГУ.

И совсем неопытным мальчишкой
На зачёт, волнуясь и спеша,
Я летел сюда с зачётной книжной
И ломал копьё карандаша.

И друзья приветствовали встречу,
В коридоре сдержанно бурля,
А в саду на молодые плечи
Блеклый лист роняли тополя.

Жизнь нам ставит новые зачёты...
Эта юность нам затем дана,
Чтоб цвела великою работой
Нераспаханная страна.

Но, свершая нужные заданья
Никогда
Забыть я не смогу
Жёлтое
Облупленное зданье
И родное сердце — ВГУ.

Г. Карпунин

Чернозём

Быть нынче дома не резон:
Мир широко распахнут.
Я выхожу, а чернозём
Старатально распахан.

Действительно: к черте черта,
И вот вокруг — новинка.
Земля вращается, черна,
Как будто грампластинка.

Тумана медленная мгла
Рассеялась немножко.
Я на дороге. Как игла
На звуковой дорожке!

24 марта 2018 г.

И потому-то вот сейчас
Начнётся изначала
Та песенка, что много раз
В душе моей звучала.

Бесхитростная, напрямки.
Про напряжение суток
И про ночные огоньки
мужицких самокруток.

Насквозь о хлебе золотом,
О предстоящем лете,
Короче, песенка о том,
Как мы живём на свете.

Дипломники

Ходили гордые дипломники,
Мерцая стёклами очков.
На пиджаках сверкали ромбики
Академических значков.
Так долго маялись, картинные,
За эту синюю эмаль.
И отражали их витринами
Многоэтажные дома.
И было что-то неподдельное,
Пожалуй, в радости шальной,
Когда на площадь обалделую
Из ресторана шли толпой.
И перед входом в общежитие
Откалывали номера,
И кто-то сверху раздражительно
Кричал, что спать давно пора.
Всю ночь шумели, окаянные,
Мешая труженикам спать,
А на рассвете в кастелянную
Помчались простыни сдавать.
Потом дипломники уехали,
И старый город опустел.
Универсалы, политехники...
Она уехали, уехали...
Совсем.

Л. Бартеньев

Кордон Пески

Хорошо на кордоне Пески:
Пахнут сосны смолою душистой,
На откосах Воронеж-реки
Открывается вид живописный.
На высоком крутом берегу
Расступились лесные массивы
На широком зелёном лугу
Притаились лесные заливы,
Хорошо на кордоне Пески:
Земляничные вьются узоры,
Ловят рыбу себе рыбаки
У песчаного древнего бора.

А мне весело так на душе:
Сколь мила ты, сторонка родная,
Глухоманью лесных рубежей,
Разнотравьем цветущего края.

А. Семенов

Лето кончилось

Ты, конечно, спросишь:
– Ну, как лето?
Как отряд
Ребята,
Целина?
Хороши ль закаты
И рассветы?
Необъятна ль степи
Глубина?
Так прозрачны ль
Реки голубые?
Так ли строен
Птиц степных трезвон?
Так ли звезды
Холодны ночные?
Так ли воздух
Зноем напоён?
– Да, – отвечу, –
Красоты хватало;
Ал рассвет,
Хрустальная ночи сень,
Зноем жёг
Нам лица летний день.
А ребята
В бронзовом загаре
В шесть будили
Степи глубину:
Клали стены,
Пилами визжали,
Застраивая домами
целину.
Я скажу:
– Немало
Нам досталось.

Лишь сентябрь
Замкнул работы круг,
Лето мозолями
Расписалось
На ладонях
Огрубевших рук.
Вот и все:
Мозоли – это лестно.
Я не буду больше говорить.
На словах –
Не очень интересно.
Надо просто это пережить.

Над землёй тяжело повисших,
Словно первые чьи-то седины.
Я смотрю на неё, печалясь,
И во мне всё заметней чувство
Непременно большого начала
Со студёного этого утра.
И боюсь я спугнуть, поверив,
На дороге, залитой грязью.
У берёзки, раздетой ветром
И заломленными ветвями.
Но меня заставляет быть сильным,
И поверить, отбросив страх,
Эта осень со словом – Россия
На холодных и сжатых губах.

В. Биценко

Пробуждение

И только тонкая и тёплая луна
Сквозь небосвод сиреневый продета.
Пусть будет тишина.
А после – лёгкий стык земли и ветра
А после – два ствола, как две руки,
Из одного взметнула корневища.
А после – и легки, и нелегки,
Придут дороги, что сейчас не ищем

Н. Бородин

Осень

Я встречаю туманным утром
Осень с мокрыми волосами,
Я целую холодные губы,
А она по дороге босая...
Её платье в дождях остывших,
Её руки из стай лебединых,

1970

«Я хотел бы к нашим идеалам
На горячей лошади скакать»

«Конечно, вы помните эти светловские строчки:
“Я всегда мечтаю лишь о малом.
Я могу немногую желать –
Я хотел бы к нашим идеалам
На горячей лошади скакать”.
Самая объёмистая папка нашего редакционного
стола – папка со стихами. Через несколько дней –
День поэзии, ставший в университете традицией.
У нас несбыточное желание – взять да напечатать
все. Смотрим на солидную папку и скучное про-
странство газетных полос нашей многотиражки,
куда не войдёт и десятая доля сокровища, которым
мы обладаем...»

Семидесятый год двадцатого столетия. Год ленин-
ского юбилея. Пятьдесят третий год торжества
ленинских идей. Идеи ленинизма... На них воспи-
таны наши отцы. Дыханием и мыслию молодёжи
нынешнего поколения стали эти идеи. В стране
Ленина, в свободной стране Советов человек по-
особому познает прекрасное. В этом Прекрасном –
чистота взаимоотношений между людьми, чёткое
осмысление и понимание назначения Человека на
земле, умение проникновенно любить просёлки
российских деревень, проспекты больших городов,
туманные росы заливных лугов. В этом Прекрасном
– стремление приблизить идеалы нравственности,
коммунистической морали.

В этом Прекрасном – осмысление сложности
Истории рядовым гражданином страны, в которой,
в первую очередь, от человека требуют честности,
принципиальности, непосредственного участия во
всех сферах многогранной жизни Великой державы
и всегда чувствовать: рядом человек, которому ты
друг, товарищ и брат.

Не просто рифмы, а сердце, чувства, раздумья, горячность стремлений к «нашим идеалам» выражают стихотворения В. Молчанова, А. Кобзева, В. Неведровой, Р. Носковой, Л. Коськова, О. Столярова, Ю. Черных, А. Лисицкого, В. Исаянца, В. Биценко, А. Пресмана, Г. Велласа, А. Петрашкевича, В. Бородина, Л. Бартеневьева...

У многих из перечисленных, разумеется, нет ещё известного мастерства, многие из них не станут поэтами-профессионалами... Совсем дело в другом — говорят молодые, говорят искренне, прочувствованно и учат этому нас с тобой, студент семидесятых двадцатого века» (Воронежский университет. 1970. 25 марта).

Е. Неведрова

Летописцы – седые инки
Счёт деяниям не вели:
Отравившиеся алхимики,
Затонувшие корабли.
Порастала планета плахами,
Полыхала со всех сторон.
Ветры горькие тошно плакали
Над буграми земли сырой.
А потом все над той же пропастью
Шли другие к своим садам
Не по просеке, не по прописи –
По неровным, в крови, следам.
Всё вчерашнее, всё всегдашнее,
Всё, чему завтра имя дашь,
Начинается с неудачников,
Начинается с неудач.

Раиса Носкова

Поиск

Ухожу, оставляя
кого-то,
Отправляюсь за
новою тайной.
Снова спорю
с самим горизонтом
И улыбку ищу
для печальных.
И пою ли
о радости
в строчке
или тихо над ней
я грущу –
Все чего-то
ищу на листочеке,
На тетрадном
листочеке ищу...

Виктория Биценко

Ленину

Не годятся слова,
Что застыли трудом поколений.
Не годятся – и всё.
А придумать других – не берусь...
Это ясное имя,
Это светлое имя – Ленин –
Только Русь могла вызненить,
Только лишь мудрая Русь,
Я прислушаюсь ночью
К задумчивым шорохам ветра.
Уловлю вдалеке
Паровозный тревожный гудок –
И встаёт тихий дом,
И качает апрельскою веткой
Под окном его юный зелёный
Симбирский кленок.
А утрами шаги по земле,
И тревожны, и гулки.
А утрами – заря на полнеба,
Ясна и светла.
По весеннему полю,
По улице иль переулку
Рядом с вами проходят
Его, Ильичёвы, дела,
Это дом, это стройка,
Зелёные заросли рощи,
Это юность, блеснувшая
Светлой улыбкой вдали.
Это чистая совесть твоя.
Это Красная площадь.
Это именем Ленина
Названные корабли...
Что слова! Что слова!
Оглядись и задумайся молча.
А слова я тебе не могу подсказать,
Не берусь...
Ясным именем Ленина
Светится Красная площадь.
Мудрым именем Ленина
Светится гордая Русь.

«Байкал, о. Ольхон, до востребования, Валерию Исаянцу — это новый адрес знакомого нам университетского поэта. Второй год он работает в тех краях учителем. Переписывается со Львом Коськовым, не только поэтом, но и одним из самых внимательных и чутких людей. Это Лев пришёл и редакции рассказал новости о Валерии и принёс его стихи: "Если будет возможно, подборите Исаянца публикацией... Тоскует по университету, газете, дому... Много работает... Если стихи пойдут, отошлите пару номеров ему и его матери — первый взбодрится, а второй будет просто очень приятно..."» (Воронежский университет. 1970. 17 февраля).

Валерий Исаянц

Февраль

Ещё природа прячет краски,
Рассвет туманами привит.
Ещё в поношенной повязке
Земля бесчувственно лежит.

И вдруг – отпущена морозом,
В бреду о мартовском листе
Непостижимая берёза.
Запела вдруг о красоте...

И чуть дыша и еле рада,
Все ждёт, стряхая с веток тлен,
Пока искусный реставратор
Отчистит старый gobelen.

Пусть будут вечны:
вечер у реки,
Не помнящий названья
переулок,
И вы, ушедшая от света
и от гула.
И я, идущий слева от руки,
И в клёкоте полуночном ручей,
Пробивший залежалые сугробы,
И блеск внезапно найденного тропа,
И ясная доверчивость речей.
И старенькая тумба для афиш –
Пусть будут вечны –
гравий под ногою,
Впервые – ощущение покоя.
Огни, и церковь, и разлив, и тиши.

В. Бородин

Астроном

Проглядел всю ночь на звёзды
Очень юный астроном.
«Может, завтра будет поздно!» –
Возбуждённо думал он.
«Может, я от телескопа
Отойду,

а там в ночи
Запылает суперновая!
И ищи её, свищи...»
День за днём и год за годом
Глаз, приставленный к трубе.
Он искал, он был голодным
По невидимой звезде.
Так прошло лет тридцать–сорок.
У трубы он поседел,
Не сходил ни разу в горы,
Не курил, не пил, не ел.
А когда вдруг оторвался

От проклятого глазка,
Потрясённый, разрыдался
У немытого окна.
Бросить все решил – и бросил!
Сразу море и жена...
А уж следующей ночью
В небе вспыхнула звезда.

Анатолий Кобзев

И жизнь прожить. И поле перейти.
И суть не знать в её самой же сути.
Голодным быть, раздетым и разутым.
И не зайти в уютные порты.
Однажды всласть обшаркая асфальт,
поднять кургузый воротник зуйдвестки.
С координат, где ложа и лафа,
не получать ни весточки. Ни вестки!
В широтах, где сам черт не разберёт,
закинуть сети. Покурить в тумане.
И, сплюнув мученически за борт,
черкнуть письмо коротенько... маме.
На всю бы жизнь вдаль уходить пора.
Не стало чтоб вдруг безмятежно поздно,
Одним единственным взмахом топора
Морская глубь, вершины гор и звёзды

Проснулось солнце тёплое, как сон.
Холодное, как осень перед снегом.
Мы шли крутою валкою косой,
чтоб выйти у селения Пинега.
Набитые камнями рюкзаки
ремнями резали доверчивые плечи.
И жизнь была до самой смерти вечной,
и самыми бессмертными шаги.
От ветра суховаты и рябы,
вспухали волны. Берега лысели.
И плыли брёвна – древние рабы
По синему проклятью Енисея.

1971

Перемены проявляют себя подчас неуловимо — в мелочах, в мельчайших нюансах происходящего. XXV День поэзии ВГУ показал, как всё увереннее на первый план выдвигается личность поэта. Оттого повторяется и повторяется в стихах лирическое «я» — в противовес прежнему «мы». Оттого о каждом из авторов редакция хочет сказать что-то, хочет представить читателю не рядового бойца революционной армии, а поэтическую индивидуальность.

Виктор Панкратов

«Закончил филологический факультет ВГУ. Журналист. Заведовал отделом поэзии журнала "Подъём". Печатался в центральных и воронежских изданиях. Автор поэтического сборника "Столица детства". Характерные черты творчества В. Панкратова — гражданственность, тонкий психологизм, оригинальность пейзажных красок...» (Воронежский университет. 1971. 25 марта).

Сорок раз, увы, мою весну
Журавли на крыльях уносили.
Сорок раз подснежники в лесу
Для меня цветли, в моей России.
Ландыши звенели по утрам,
И в траве алела костянника...
Ветки мне, ольшаник, протяни-ка,
Поклонись со мной земно ветрам.
Поклонись затокам рек и пущам,
На юру проветрым ветрякам,
Поклонись ушедшим и живущим
На земле степенным старицам.
Пусть весны бунтующие соки
Много раз ещё пьянят меня...
К караванам облаков высоких
Тянутся упруго зелена.

Галина Умывакина

«Закончила филфак ВГУ. Сейчас преподаватель. Путь её в поэзию начинался в нашей газете. Выступал в "Коммуне", "Молодом коммунаре", в коллективном поэтическом сборнике "Начало". Голос Галины крепнет. Лучшим её стихам свойственны лирическая откровенность, глубина чувств» (Воронежский университет. 1971. 25 марта).

Воронеж

Не я иду тобой. Ты входишь
В меня, как воздух или взгляд.

Не учишь ты, не верховодишь —
Ты равный мне любимый брат.
Пока я есть — мы оба живы,
Пока ты цел — и я живу.
И улицы твои, как жили,
Идут по телу моему.
Вон, видишь, дом, покособочась,
Ушёл почти по плечи в снег,
И потому, наверно, ночью
Здоровье изменяет мне.
И потому ты день за днём,
И в дождь, и в зной, и в тьму,
Всезнающим поводырём
Меня ведёшь к столу.

Светлана Ершова

«Учится на II курсе исторического факультета ВГУ. Имя малоизвестное, хотя дарование несомненно. Стой её поэтического языка отличается той внешней простотой, за которой упорная и небезуспешная работа над словом» (Воронежский университет. 1971. 25 марта).

И вьюжит серебряный ветер,
И снятся осенние сны.
В них день удивительно светел,
И дали волшебно ясны.

На сердце легко и беспечно,
И пальцам у щёк горячо.
Большая и тёплая печка
Задумалась бог весть о чём.

А в сумерках рыжие тени
В оранжевом кружат саду.
Я руки кладу на колени
И жду, не тревожься, я жду.

Мне снятся весёлые дети
На чистом осеннем снегу.
И будто шумит то не ветер,
А сено вздыхает в стогу.

Раиса Носкова

«Студентка III курса филологического факультета. Лучшие стихи её мелодичны, задушевны. Поэтический голос крепнет. Печаталась в "Воронежском университете", в республиканской газете "Советская молодёжь"» (Воронежский университет. 1971. 25 марта).

Читал стихи,
сжав губы трубочкой,
смотрел в газету,
как в меню.

А я в углу
стояла дурочкой,
боясь, что тайне
изменю.
Вдруг подбегу,
не в силах вытерпеть
кривой ухмылки
на губах.
И дам слова обидным
Выkipеть
о боли, правде
и стихах.

Анатолий Кобзев

«Студент V курса факультета РГФ. В поэзии не новичок. Некоторые стихи его спорны, но это лишь говорит о поисках Анатолием своего поэтического "я". Небезинтересны бывают находки молодого автора в архитектонике и образном строе стиха» (Воронежский университет. 1971. 25 марта).

Густого ветра серые цветы.
Фигура одинокая в тумане.
Серебряный молитвенник воды.
Распухший свет. Прокисший.
Меж кустами – заборы.
Гран. Деревий парка ропот.
Скамеек потемневшая длина.
Дожди кору рябинную коробят
домов неразличимы номера –
под воробышные карнизов лона
взлетают чёрно-белым (калачи).
Там где-то дом под тучею зелёной
все той же дивной музыкой молчит.
В расколы улиц – пенье водостоков.
Церквишки студень, мраком залитой,
в гнилое небо выбросил высокий
распятья пламень золотой.

Рассвета распростёртая стерня,
Дум тёмное пророгшее запруже,
отихшим сердцем
медленно
по лужам
идёт к себе Волхонкой Пастернак.
Из тёплых окон ни лица, ни слова.
Призываю-разметанная во сне
любовника, прекрасного и злого,
земля ждала – осенний снег.

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПОЭТЫ! ЗА РАБОТУ

Объявляется конкурс на лучшее стихотворение для будущей песни о нашей альма матер.

Надеемся, не только «у московских студентов горячая кровь»...

Победитель получит денежную премию, памятный диплом и лавры известности.

Создадим студенческий гимн о нашем университете!

Самый поэтический

«Филологический факультет ВГУ среди других самый поэтический. Здесь всегда много начинающих стихотворцев и прозаиков, которые потом становятся профессионалами. Можно так сказать об Олеге Шевченко, Григории Пресмане, Светлане Филюшкиой, Ирине Озеровой, Станиславе Никулине, Людмиле Бахаревой, Геннадии Силовой, Льве Кройчике, Ирине Ростовцевой, Владимире Гусеве, Александре Наталенко, Адольфе Беляеве и др. Известные ныне поэты, прозаики, критики также начинали с факультетской литературной самодеятельности.

На факультете более 15 лет существует литературно-творческое объединение, на заседаниях которого обсуждают стихи и рассказы студентов.

Хорошей традицией в университете является проведение ежегодного дня поэзии 25 марта. В этот день поэты университета, большинство из которых являются студентами филологического факультета, читают товарищам свои стихи во время перемен и дают вечером большой литературный концерт в актовом зале.

Их ждут в будущем большие аудитории и встречи с читателями на страницах сборников, газет и журналов» (Воронежский университет. 1971. 20 апреля).

Валерий Кириллов

Художники

Весна! А мы вдруг отрезвили,
Хотя положено пьянеть,
И стали, словно Руставели,
Чеканить слов горячих медь...

Чтобы звенели, как динары.
Лишь намекая на узор...
Весна, твои глухие чары
Нас не чарут с этих пор.

И я, и он – простой художник!
Но нашу страсть не перебить:
Рисующий Джоконд не может
Свою натурщицу любить.

Теперь в глазах ищу не ласки,
А светотень, оттенка высь,
И, торопясь, мешаю краски
И тереблю сырую кисть.

Напрасно кто-то ждёт ответа –
Меня заботит лишь одно:
Как взгляда мысль и брызги света
Перенести на полотно?

Памяти товарища

«Как всё неестественно и нелепо...

Кому-то стал на дороге благородный и честный парень — Анатолий Петрашкевич. Мне довелось больше знать его как поэта. Он в поэзию входил скромно, не претендую на многое, не замахиваясь на авторитеты. В его поэтическом начале (это редко бывает у молодых) было стремление не ломать традиции, а найти в них тропинку своего продолжения, простого и ясного, выстраданного пока только им...

В его тихом стихе не было боя: торжество гармонии, природной соразмерности во всем — вот к чему он стремился.

Его стихи не учили драться, они учили просто любить...

Он был поэтом... В своём Подгорном он был ещё и дружинником. И кому-то он был страшен в своём спокойствии и справедливости. Какой-то подлый трус испугался открытого боя... Спокойно бившееся сердце не ожидало удара сзади, оно никогда не верило в подлость.

...Анатолия не стало. И вот сейчас его тихие стихи обретают иной смысл. Они зовут драться. Только драться! Ибо всё же ходит нечисть по земле...

В ПОХОДЕ ЗА ЗНАНИЯМИ СУДА ПОДВИДЫ ОЧЕНЬ ВЫСОКИ, СОМНЕНИЯ И ПА, В ПОХОДЕ ЗА ЗНАНИЯМИ НЕ БЫВАЕТ БОЛЬШИХ ПРИВАЛОВ.

Анатолия нет, но он среди нас — в каждой строчке, которые сейчас для нас обрели зрелую силу бойца» (Э. Ефремов. Памяти товарища // Воронежский университет. 1971. 8 июня).

Анатолий Петрашкевич

Тройка мчится,
тройка скакет...

За судьбой — не срежешь угол,
Пропадать — так в простоте,
Колокольцами на дугах
Сердце вызванивает версте.

По полям и по яругам —
Кони вскачь и сани влёт,
Ночь, ошпаренная выгой,
Гриву до неба взметнёт.

По глазам ударит снежность,
И безбрежность у лица,
И домчится неизбежность
До высокого крыльца.

Утро выведет дорогой
В залилобевших снегах...
Вот и счастлив я — до гроба
Ты живёшь в моих стихах.

Б. Аскоченский

ФЭДу

Мой старый друг, мой верный ФЭД.
Чего висишь понуро?
Припомн лучше-ка рассвет
На берегу Амура.

Не падай духом, напряги
Рассудок, часовой!
Ведь это ты снимал круги
На глади Чусовой.

Ведь это мы с тобой телись
По предуральской глине,
А над Тунгускою неслись
Брюхатой «Каталине».

Ты, старенький, больной сейчас.
Знавал иную пору.
Но, как и прежде, изловчasz,
Все щелкаешь затвором.

Мешают колики в кассете,
Нуждаешься в штативе.
Но ты, как прежде, непоседлив,
С зарядом полным, объективен.

И я ведь знаю, не лукавь,
Мечтаешь, хоть притих ты,
Увидеть вновь бурундука
На лапе старой пихты.

Григорий Пресман

Закончил историко-филологический факультет ВГУ.
Журналист. В настоящее время работает на Воронежском механическом заводе. Автор поэтических сборников и одной книги рассказов, выходивших в Воронеже

Я помню на окнах крест-накрест полоски,
Зенитки за старым дощатым мостом.
Я помню, как нас, вездесущих подростков,
Повестки раздать попросил военком.

Мы шли по асфальту, рябому от трещин,
На чых-то дверях нажимали звонки,
И в доме кому-то притихшие женщины
Готовили в путь вещевые мешки.

Прижалась девчонка к белесому парню,
А он пацанов застеснялся, чудак...
Но в каменном доме, напротив пекарни,
Все было иначе, все было не так.

Здесь сумраком веяло, словно с колодца.
И зябко платок подбирай к плечам,
Собой заслонивши притихшего хлопца,
Хозяйка навзыд закричала: «Не дам!»

Не дам! И стучась в потолочные плиты,
Взвало на сотню надрывных тонов,
Как будто у бога просили защиты
И кары просили на нас – пацанов.

Мы молча, потупясь, открыли калитку,
Мы просто не знали, что только с крыльца
Сошёл почтальон, приносивший открытку,
В которой писалось о смерти отца.

Иван Щёлоков

Студент II курса филологического факультета.
Это его первое выступление в газете

Луг некошенный над Доном
вновь зовёт в рассветный час,
и размашисто, со звоном
вдруг коса пустилась в пляс.
И пошла легко, упруго,
только свист, да звон, да блеск,
и роса с травы над лугом –
радугою до небес.
Я забылся в этом вихре,
Мне усталость нипочем...
Вправо, влево ходит лихо
молодецкое плечо.
А за мною вторит эхо,
все в единый ритм слилось,
будто вышла вся планета
ранним утром на покос.

1972

НАВСТРЕЧУ ДНЮ ПОЭЗИИ

25 марта 1972 года состоится XVI университетский День поэзии. По традиции специальный выпуск газеты «Воронежский университет» будет посвящен поэтическому творчеству студентов и преподавателей ВГУ.

Редколлегия многотиражной газеты начинает принимать для рассмотрения стихотворения университетских поэтов. Лучшие стихи будут опубликованы в тематическом номере «День поэзии».

Стихи, поступившие в редакцию «Воронежского университета» позже 5 марта 1972 г., в специальный выпуск газеты не будут включены.

Редколлегия.

Елена Неведрова

Прочитать на ладони судьбу
В неразрывном сплетении линий,
Убежать в грозовую стрельбу,
В молодое сплетение ливней.

Пошататься с гурьбою цыган,
Не давая гитаре покою,
Раскопать заповедный курган,
Подобрать на дороге подкову.

И с подковою той подобрать
Непростую мятежную долю –
И хоть малую строчку добра
Написать у земли на ладони.

Михаил Гурьянов

Студент II курса физического факультета. Этим стихотворением дебютировал в «Днях поэзии»

Не в первый раз, не в сотый
Теряет время вес,
Навязчивой дремотой
Оковывая лес.
Утихший ветер, каясь
За вихревую боль,
Озёрную зеркальность
Навёл под полироль.
Нетоптаные травы.
Безлюдные места.
Скрипят дубов суставы,
Сто лет шуметь устав.
Не ждут гостей нечастых –
Туристов-поселян –

Оазисы цветастых,
Нетронутых полян.
Не стать бы степью голой,
А остальное – пусты.
Погода за погодой
На радость и на грусть.

Валентина Петрова

Я тростник. Безропотно клонюсь
под порывом ветра. Солнца зной
и раздолье неба надо мной.
В мыслях – примиренье. В сердце – грусть.

Полушёпот волн меня манил.
Скрипки плач врываются в полутиши.
Голос вторил, и внимал камыш,
Но однажды слух мне изменил:

Скрипка замолчала, ветер стих.
Есть ли смысл в молчанье? Где приют?
Спит камыш. Не плачут, не поют.
– Кто там просит бури?
– Я, тростник...

Владимир Гордейчев

Чу...
 Серебряный соловья
 слышу поклик, и щёлк, и ропот.
 Он, соловушка, ни копья
 для себя про запас не копит.
 Слышишь лад его «плю» да «плю»?
 Сыплет золотом без корысти.
 Невдомёк ему, как люблю
 я его заревые свисты.
 Ты не ведаешь, соловей,
 словолей словолитни вешней,
 как в черемушнике твоей
 ты меня огружаешь песней!
 Брат твой названный по перу,
 тёзка песенный по руладам,
 я гремучесть твою беру
 даровым самородным кладом.

Елена Немировская

Яблоневым соком,
 Лето налилось.
 Сколько мне осталось,
 Сколько рос,

Сколько сенокосов,
 Синих вечеров.
 Или это сладость
 Предрассветных снов...
 На медвяном сене
 Руки разметать,
 Чудотворной силы
 Из земли принять.
 Если спросишь строго:
 Что со мной стряслось?
 – Это лето соком
 Сладким налилось.

Владимир Молчанов

Всему суждено

Всему суждено изменяться,
 И снова всего не начать.
 Ну где они, наши семнадцать,
 Вздыхают по лунным ночам?
 Любовную горечь изведав,
 Мы держим сердца под замком,
 И клином вот этому свету
 Уже не сойтись ни на ком.
 Страшнее змеиного жала
 Предчувствие новых тревог:
 Романы крутить – так пожалуй,
 Любить – упаси меня бог.
 Но сердце – как скрытая мина,
 А может, не мина, а клад,
 Помимо ошибок, помимо
 Прозрений, зароков и клятв...
 Послышатся наши семнадцать
 В гуденье весенних лавин,
 И как-то неловко сознаться,
 Что хочется всё же любви.

ВЕРСИТЕТ

ората, комитета ВЛКСМ, профкома и месткома
государственного университета имени Ленинского комсомола

ВСЕ—НА ДЕМОНСТРАЦИЮ

Через неделю коллектив университета выйдет на язвничную демонстрацию, чтобы отпраздновать о выполнении своих социалистических обязательств и 55-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и успешной подготовки к юбилею образования ССР.

К празднику Великого Октября университетские профсоюзные ВГУ пришли с хорошими достижениями в научно-педагогической, учебной и общественно-политической жизни. Вместе с нами в октябрьских колоннах пройдут посланцы многих стран мира, обучающиеся в ВГУ, чтобы продемонстрировать интернациональную солидарность с советским народом. Ведь в ВГУ учатся 342 студента, стажера и аспиранта более чем из 30 стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

АКТИВНОСТЬ И АГИТИРОВАНИЕ

1973

А. Есин

Абитуриент ВГУ 1973 года

Партия

Когда-нибудь далёкие потомки,
 Учебники истории раскрыв,
 Увидят, как рождались новостройки
 За строками партийных Директив.

По вехам времени — партийным съездам —
 Изучат путь моей родной страны
 От букв корявых на доске ликбеза
 До позывных с поверхности луны.

XVII ДЕНЬ ПОЭЗИИ ВГУ

воронежца В. Г. Гордейчева.

Праздник поэзии явился своеобразным стартом «Университетской весны». Вчера уже состоялся концерт молодых талантов географического факультета. Начался показ творческих сил факультетских и университетских коллективов художественной самодеятельности.

К. СКВОРЦОВА.

НА СНИМКЕ: такому вниманию студентов позавидует ни один профессор: стихи читает наш гость поэт В. Гордейчев.

Фото Ю. Малышева, нашего корреспондента.

Они узнают, как к вершинам гордым
Нас ленинская партия вела –
Единственный неукротимый форвард
Во всех великих подвигах, делах.

Подвластно время планам коммунистов.
По ним страна выравнивает шаг.
И будет вечно в свете звёзд лучистых
Гореть над миром большевистский стяг.

Павел Винтман

Беззвучная симфония

Короткий гром – глухой обвал –
Рожденье света и озона,
Далёких молний карнавал
Над чётко чёрным горизонтом.
Родиться, вспыхнуть, осветить,
Исчезнуть, не дождав рассвета...
Так гибнут молнии в степи,
Так гибнут звёзды и поэты.

Олег Шевченко

Мне многое давалось нелегко.
Но то, что я обрёл, – моё. Навеки.
Я – зимний лес. Отяжелели ветки.
На них так много снегу налегло.

Вкусил я кроной воздуха высот
И глубины корнями прикоснулся,
И целый мир в груди моей проснулся
И вечный стал вершить круговорот.
Я по весне так молодо шумел,
Таким я сильным становился к лету,
И звонкую осеннюю монету
Про чёрный день копить я не умел.
И не хотел. Мне мир принадлежал.
Земля и небо мне принадлежали.
Они меня собою продолжали,
И в то же время я их продолжал.
Я – зимний лес. Подлесок мой в снегу,
Посапывает мирно до апреля.
Пусть спит. Познанья сладостное бремя
Я для него до срока сберегу.

Ольга Борисович

Студентка II курса математического факультета.
Дебют в Днях поэзии

А молчанье бывает разным:
Равнодушием и любовью,
И весенним звенящим счастьем,
И холодной осенней болью.
Как ночные дожди, суровым, –
как зимию в реке вода.
Можно друга обидеть словом
И молчанием иногда.
Но ещё есть одно молчанье –
Пониманье, воспоминанье,
И тогда оно все подскажет,
Чистой радугой в сердце ляжет.
Вот тогда, чтоб понять друг друга,
Станут лишними вдруг слова.
Всё, о чём промолчали губы,
Выдают, говорят глаза.
И ложатся в ладони тайны
Легким шорохом лепестков.
Молчаливое пониманье –
Это выше красивых слов.

Валерий Кириллов

Снежность

Снега февральские светлы.
Сугробы – белые тюлени –
Легли у высохшей ветлы,
Уткнулись в жёсткие колени.
Дымит трубою низкий дом.
Как пароходец у причала,
И кажется, что мы плывём
Туда, где май берет начало.
Когда мы встретимся с весной,
Зайди, любимая на почту;
Я напишу тебе письмо
О развернувших сердце почках.
И для себя откроешь ты,
Письмо с улыбкой прижимая,
Что на окне твоём цветы
Из мною встреченного мая.

Как горько одиноко слабым
очнуться после всех утрат
среди пустопорожней славы
и обесцененных наград.

Галина Умывакина

Аспирант кафедры советской литературы

Смотри: опять тот близок миг,
когда дарует нам природа
неуловимость перехода
в привычной смене черт своих.
Тот миг, когда на небе мглистом
Вот-вот прорвётся солнца луч,
Но ёщё медлит среди туч,
и нету явственной границы
меж тьмой и светом... Но к чему
нам знать: он был тот миг иль не был?
Как будто нет забот уму
Иных, чем наблюдать за небом.
Как будто там найдём ответ
Сумятице людских вопросов...
Или средь всех земных примет
мы ищем родственность и сходство
себе? С тем опытом души,
что знает, как порою трудно
любовь с игрой не перепутать
И правду отделить от лжи,
И не заметить, что давно
на друга смотришь без участья,
что даже счастья и несчастья
нам разграничить не дано.

Аркадий Пресман

Когда сквозь разные преграды
Мы рвёмся к цели наугад,
друзьями жертвовать не надо
во имя славы и наград
Не надо в безрассудной спешке,
увлёкшись мелочной борьбой,
друзей разменивать, как пешки,
как шашки, подставлять под бой.
Почувяв пропасть под ногами
в пути, что может быть непрост,
не надо мост мостить друзьями,
пусть даже прочен этот мост.

Никодим Тесемкин

Графоману

Отъевши глобусный живот,
От преферанса одичалый,
Он дни и ночи напролёт
Поёт вокзалы и причалы.
Из-поц привычного пера –
И даль, и парус, и дорога,
И, разумеется, тревога,
И дым походного костра.
Да, так бывает, так бывает,
Что на глухих задворках вдруг,
Как коршун, крылья расправляет
Тупой откормленный индюк.
От опостылевшего проса
Зовёт подругу в дальний край,
блекочет клич, мотая, носом,
И залетает на сарай.

3 стр. ● «ВОРОНЕЖСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ» ●

Татьяна Некрасова

Студентка вечернего отделения факультета РГФ

Лес в октябре,
как будто в тридцать
седеть начавший человек
Чуть на висках
посеребрится –
на клёнах профиль заострится
и листья доживают век.
Тридцатилетие – пора
итогов, планов и раздумий,
когда уже остыл Везувий,
но не проиграна игра.
И осень свой имеет взлёт,
свою вершину – бабье лето.
Счастливцем станет, видно, тот,
кто, образумясь, соберёт
богатства. И оценит это...
Вот так бредёшь своим двором,
а годы – оземь, оземь, оземь,
и над дымящимся костром
седеет осень.

Хатынские колокола

Трава сквозь плиты проросла...
ХАТЫНЬ.
Колокола позванивают:
Дзынь –
Над пепелищем этот перезвон
Как разговор, как шёпот
и как стон.
И ветер хрипло прокричит:
Не стынь!

Ты сердце, это ведь ХАТЫНЬ, –
Порог, ведущий в пустоту двора,
Когда-то здесь играла детвора
И сладко шелестела до утра
Трава... Как будто бы вчера
Случилось... И застыл старик.
Колокола срываются на крик,
Колокола срываются на вой:
Не стой же так, старик,
Прошу, не стой...
И девочка давно уже мертва,
И горлом – это кровь,
А не слова,
Кровь – память пепелищ твоих,
ХАТЫНЬ,
Колокола напоминают:
ДЗЫ-НН-НЬ!

Михаил Гурьянов

Три алые астры, покинув землю,
Ещё смятеньем не зажжены;
И сок последний течёт по стеблю
И мир прекрасен – без желтизны.
Но вот скатился, скользнув по ветру,
С цветка, в котором ещё есть сок
Бежал на землю, как неба недруг,
То ль паучишка, то ль паучок.
С цветка второго коровка божья
Взлетела, крылья не шевеля,
Но тут же с неба, как с бездорожья
Метнулась в траву – искать жилья.
Рука с букетом не ощутила,
Как с третьей астры сполз муравей...
Напрасно, видно, ещё есть сила
В цветах, лишённых земли своей.

Вл. Матвеев

Комсомолу

Я трудностей в жизни немало прошёл,
Немало ещё прошагаю.
Я был и останусь твоим, комсомол,
И в этом тебе присягаю.
Порой выпадают такие пути,
Такие дела и тревоги,
Что хочешь не хочешь, а надо идти, –
И молодость снова в дороге.
Безжалостно пусть говорит седина,
Что возраст мой – дважды по двадцать,
Мне наши заботы и наши дела
Велят молодым оставаться.
И это призывное чувство само
Задорными делает старших.
Я был и останусь твоим, комсомол,
Упорство во мне воспитавший!

И. Давиденко

Выпускник ВГУ 1956 года. Старший научный сотрудник института геологии Кольского филиала АН СССР

Сорокалетье – строгая пора

Сегодня мы на всё имеем право...
Забудем все высокие слова
И запросто поговорим о славе,
Пока не закружилась голова.
О времени поговорим... Как скоро
Летят года. От них рябит в глазах,
Нам с факультетом вместе стало сорок!
Могу вам даже паспорт показать.
Всего лишь сорок...
Мало? Да, немного,
Но, подытожив, мы удивлены:
Маршруты все связав в одну дорогу,
Длиною в два полёта до Луны!
А сколько в жизни встречено каменьев?
(За пазухой – не будем ставить в счёт).
Состав думпкаров в 45, не менее,
Груз рюкзаков всех наших увезёт!
Как долго путь: от тесных общежитий
До персональных чистеньких машин...
А сколько не свершившихся открытый?
А сколько не доживших до седин!
Я говорю, не лысым, не матёрым,
Узнавшим жизнь и повидавшим свет,
А тем, кто в зал глядит из коридора:
Они ещё прославят факультет!
Но им я не завидую...
Я с теми,
Чьи голоса проглоти века гул...
Но я светло горжусь, что академик,
Как я и ты, учился в ВГУ.

Валерий Исаинц

Вы слышите – деревья говорят...

Устал я думать с голоса чужого

И книжного не понимаю слова...

Вы слышите – деревья говорят.

Остановись!

В запальчивости зыбкой

Готов ты все оспорить невпопад,

Меж тем как с затаённою улыбкой

О нас деревья глухо говорят.

Пусть не дано нам возвратиться

В проверенное бытие,

Ты видишь эту ветку тиса?

Она всевремене твоё.

В ней ток листвы вечнозелёной

Над нами шелестит слегка,

И не прощаясь, облака

Уходят за предел суждённый.

Л. Горяев

Выпускник ВГУ

Когда над миром, не мигая,

Горит полярная звезда,

И, полночь с воем рассекая,

Свистят по рельсам поезда,

Вы пережили в полной мере

Среди кромешной темноты

То ощущение потери,

Беды и собственной тщеты?

Как будто не успел за всеми

И сдан без времени в запас,

И не курьерские, а время

Летит со свистом мимо вас...

«Зрелость традиции»

«Все говорили о совершенолетии. Ну что ж, традиция вступила в зрелый возраст: восемнадцать. В 1957 году университетские поэты впервые вышли на эстраду. Через семь лет, когда стало ясно, что «день» в поэтическом календаре города закрепился, ежегодно 25 марта Дню поэзии стали полностью отдавать все полосы университетской многотиражки. Трёхтысячный тираж расходился за считанные часы, а вечерами актовый зал переполнялся до отказа.

Эстрада эстраде рознь. Если в первые годы поэты «самоорганизовывались» и на сцену мог выйти любой — иные и выходили затем лишь, чтобы потрясти публику своей, придуманной непохожестью, — то со временем дух удалой самодеятельности из Дней поэзии стал выветриваться. Бывали годы, когда «на поэтов» приходит слушателей не более сотни.

Стали говорить о кризисе. Но, скорее всего, то был не поэтический кризис, а симптом углубления — и творчества, и культуры восприятия поэтического слова...» (Э. Ефремов Зрелость традиции // Воронежский университет. 1974. 2 апреля).

«Пoэзия — дeло государственное»

Университетский поэтический праздник никогда не был только вузовским мероприятием или городским событием местечкового масштаба. В разные годы в Дне поэзии ВГУ принимали участие — лично или присыпая свои стихотворения и слова поддержки — поэты, известные на всю страну. Назовём здесь лишь некоторые имена! Это были Белла Ахмадулина, Пётр Вегин, Сергей Васильев, Олег Дмитриев, Анатолий Жигулин, Тамара Жирмунская, Егор Исаев, Игорь Кобзев, Вадим Ковда, Наум Коржавин, Юрий Левитанский, Николай Панченко, Всеволод Рождественский, Роберт Рождественский, Валентин Сидоров, Марк Соболь, Николай Старшинов, Василий Фёдоров, Владимир Цыбин, Галина Чистякова, Феликс Чуев, Борис Юхананов.

Так было, например, в 1974 году, когда к молодым читателям университетской газеты обратился Игорь Кобзев.

«...Я так думаю, что поэзия — дело большое, государственное, очень-очень серьёзное. Однако в последние годы в моду вошла некая игра в поэзию: этакая формалистическая манерность, бряцание доспехами — неизвестно ради чего, туманные шёпоты о том, о сём...

Пусть лучше молодыми поэтами руководят прямое и ясное утверждение С. Есенина, что главное для поэзии чувство Родины. Этим великим и прекрасным чувством, по моему мнению, продиктованы все лучшие творения отечественной поэзии — от «Слова о полку Игореве», до «Полтавы», «Бориса Годунова», «Анны Снегиной», поэм «Хорошо» и «Василий Теркин»... Желаю молодым держаться именно такого ориентира.

г. Москва».

Анатолий Жигулин

Воронеж!.. Родина. Любовь.
Все это здесь соединилось.
В мой краткий век,
Что так суров,
Я принимаю, словно милость,
Твоей листвы звенящий кров.
Согрей меня скопою лаской,
Загладь печальные следы.
И приведи на мост Чернавский,
К раскатам солнечной воды.

И как навязчивая морочь,
Как синих чаек дальний плач,
Растает вдруг пустая горечь
Московских бед и неудач.
И что ты там, судьба, городишь?
Тебе вовек не сдамся я,
Пока на свете
Есть Воронеж —
Любовь и родина моя.

Виктор Панкратов

На Задонском шоссе

Стою у Вечного огня.
Здесь раньше поле боя было —
оно поры той не забыло,
в себе и жизнь, и смерть храня.
На парапете не цветы —
то наши горькие утраты.
И не меняют, как солдаты,
берёзы белые бинты.
О, поле, поле!.. Но оно
молчит, тревожно вспоминая:
шли танки, грузно подминая
под траки спелое зерно...
Своим безмолвием кричит,
напоминает поле боя
о тех, кто жертвовал собою...
Не с тех ли пор полынь горчит?!

«О, поле, поле» — тем словам
и мужеству мы цену знаем,
и сами с болью вспоминаем
последний день, что выпал вам
в боях за каждый метр высот,
за метр дороги,
за Воронеж...
Ты в памяти не похоронишь
того, кто свято в ней живёт.
Закинул голову солдат.
Он видит звезды в небе раннем.
Нет, он не умер, только ранен.
Он будет жить, мой старший брат.
В глазах ромашки полевой,
в берёзах, что подняли кроны,
раскинули наряд зелёный
над непокрытой головой.
Над телом каменным бойца
и над цементным автоматом.
Солдат тот для меня был братом,
иной в нём узнает отца.
Стою у Вечного огня.
На камне — имена и даты:
сороковых годов солдаты
от пули здесь спасли меня.
Верны мы делу одному.
Нет у меня важней заботы —
вот эти метры и высоты
не уступлю я никому!

1975

В. М. Акаткин:

«Трудно представить себе поэтические «Дни» без газеты «Воронежский университет». Она являлась читателю в лучшем своём виде.

Её портретная галерея, пейзажные заставки, ёмкие и красочные рисунки — все это словно побеждает бегущую однодневность газеты и становится приметным событием университетской культурной жизни.

Итак, «День поэзии ВГУ» уже перешагнул порог своего совершеннолетия — ему сегодня 19. Но молодость он не оставил за порогом. Он взял её с собою в дальнюю дорогу, ибо Красота и Поэзия всегда неожиданны и молоды, всегда обновляющи. К тому же он настоящий разведчик молодых талантов, он хочет открывать и открывать новые имена. Да и участники «Дня» всегда молоды, для них всё — словно впервые. С ними не постареешь!

И всё же, не прощаясь с юностью, наш поэтический праздник ощутил в себе важные перемены: прибавление взрослой уверенности и силы... Годы делают своё дело. Кипение буйных и незрячих сил уступает место сдержанности и анализу, запальчивость и провинциальное гениальничанье — самокритичности, литературные поветрия — самостоятельным поискам и решениям» (Работа ума и сердца // Воронежский университет. 1975. 18 марта)

Павел Винтман (1918–1942)

Поэт-фронтовик, погибший при обороне Воронежа. Его творчество стало известным благодаря разысканиям студентки ВГУ М. Дацковской

Ямбы

Какой бы урожай росы
Ни собирали с трав рассветы,
Но если не было грозы,
Ещё не начиналось лето.

Я повторять готов азы
Твоих путей, моя эпоха.
Живу я, может быть, неплохо
Но с нетерпением жду грозы.

Я люблю тебя моё время
Не за то, что ты лучше вчераших.
За скрипучие жёлтые ремни,
За косые полёты шашек.
Пусть порой мы теряем стремя,
Пусть порою мы бродим без цели,
Я за то люблю тебя время,
Что умру я не на постели.

Григорий Пресман

Я помню на окнах крест-накрест полоски,
Зенитки за старым дощатым мостом.
Я помню, как нас, вездесущих подростков,
Повестки раздать попросил военком.

Мы шли по асфальту, рябому от трещин,
На чых-то дверях нажимали звонки,
И в доме кому-то притихшие женщины
Готовили в путь вещевые мешки.

Прижалась девчонка к белёсому парню,
А он пацанов застеснялся, чудак...
Но в каменном доме, напротив пекарни,
Всё было иначе, всё было не так.

Здесь сумраком веяло, словно с колодца.
И зябко платок подбирай к плечам,
Собой заслонивши притихшего хлопца,
Хозяйка навзрыд закричала: «Не дам!»

Не дам! И стучась в потолочные плиты,
Взвывало на сотню надрывных тонов,
Как будто у бога просили защиты
И кары просили на нас — пацанов.

Мы молча, потупясь, открыли калитку,
Мы просто не знали, что только с крыльца
Сошёл почтальон, приносивший открытку,
В которой писалось о смерти отца.

Иван Щёлоков

Студент II курса филологического факультета.
Первое выступление в газете «Воронежский университет»

Ударил гром, но прежде разом
сверкнули молнии ножи
и василёк голубоглазый
к плетню прижался у межи.
Над рощей крикнула кукушка,
камыш от ветра задрожал,
и по берёзовым верхушкам!
разбойный ливень побежал.

Луг некошенный над Доном
вновь зовёт в рассветный час,
и размашисто, со звоном,
вдруг коса пустилась в пляс.
И пошла легко, упруго,
только свист, да звон, да блеск,
и роса с травы над лугом –
радугою до небес.
Я забылся в этом вихре,
Мне усталость нипочём...
Вправо, влево ходит лихо
молодецкое плечо.
А за мною вторит эхо,
всё в единый ритм слилось,
будто вышла вся планета
ранним утром на покос.

Татьяна Некрасова

Своя мелодии в оркестре.
Как это трудно.
И порой
То станет скрипкам
Слишком тесно.
То громок
Барабана бой.
То заглушают всё
Литавры.
То слишком сладок

Соловей.

Своя мелодия в оркестре...
Её попробуй,
Одолей!
Лишь ей одной
Останься верен,
На трудных нотах
Не сфальшивь.
Пусть будет жизнью
Лад измерен
И сердцем выверен
Мотив.
Пусть будет ясной
И негромкой,
Но с правдой чтоб
Не вразнобой,
Веди мелодию в оркестре,
И будет крепнуть
Голос твой!

Ксения Савич

Студентка-первокурсница заочного отделения
журналистики. Публикация – дебют в газете

Город струится в дождливой влаге.
Как акварель по мокрой бумаге,
Серое небо стекает в грязь.
Мокрые липы танцуют вальс,
Кружатся, веточками звеня,
Но увидали в окне меня –
Поразбежались, позатаились.
Просто деревьями притворились.

Ты спрашиваешь, как мои дела.
Всё хорошо, лишь на деревьях тени,
И серо-монотонный дождь осенний
Касается оконного стекла.
Ты спрашиваешь, как мои дела.
Дома застыли буквами, словами,
И отражают город вверх ногами
Застывших луж большие зеркала.
Ты спрашиваешь, как мои дела.
Вчера шёл снег, задумчивый и сонный,
И таяли снежинки на ладонях.
Сиренью белой улица цвела.

А в Дрезден, бомбами распятый
И в землю вбитый, как в могилу,
В тот незабвенный сорок пятый
Солдаты русские входили.
Борясь со страхом потаённо,
Шли к ним голодные, босые,
Не светоликие мадонны,
А просто бабы, как в России,

Смотрели на солдат с опаской
И снова смерти ждали с неба.
А им таскали воду в касках,
Делились и теплом, и хлебом.

1976

«Помогать людям строить жизнь лучше, идти доро-
гой родной партии, быть голосом Родины и народа
— на этом пути поэзия обретает прочное место
в обществе, какой бы она ни была, великим океа-
ном или только каплями, мечтающими об океане.

Каплями Великого океана хочется назвать лучшие стихи, лучшие строфы и наших университетских поэтов. Войдут ли они в океан поэзии или нет, эти стихи делают и будут делать своё благородное дело: они помогают в труде и учёбе, они помогают воспитывать душу, создавать в каждом настоящего человека» (А. М. Абрамов. Ритмы России // Воронежский университет. 1976. 23 марта).

Александр Немировский

Доктор исторических наук, профессор ВГУ.
Автор двух поэтических сборников и четырнадцати
историко-художественных книг. Участник
Великой Отечественной войны

Скала Ифигении

– Ты узнаешь меня? Я твой Орест.
А вот мой друг. Его зовут Пиладом.
Пришельцы мы из тех далёких мест,
Что называют именем Эллада.

Я жил века. Я видел много стран.
С людьми делился песнями и горем,
Пока не отыскал тебя, сестра,
В утёсе, нависающем над морем.

Взгляни! Бореем вздуты паруса,
Дрожит, как норовистый конь, триера.
Но почему ты спрятала глаза
И облачком от нас укрылась серым?

И от скалы pontийских волн прибой
Доносит голос дочери Атрида:
«Уйди, Орест, ещё не стихла боль
И точит душу древняя обида.

Ведь в Новых одеяниях жрецы
Детей отдать готовы на закланье
Богам войны. И внемлют им отцы.
И не моё, а их сердца из камня».

* * *

Как найти тебя, паутинка,
Удержать тебя навсегда,
Слово ломкое, словно льдинка,
И слоистое, как слюда.
И не сделать тебя иконой
Иль картиною на стене,
А остаться в тебя влюблённым,
Задохнуться тобою во сне!

* * *

Много в небе коней голубых и зелёных,
Опушу их на землю, где зреет овёс,
Напою их из омута ясного слова,
Что я вместе со сказкой из детства принёс.

И пускай говорят, что таких не бывает.
Я их сам отыскал. Они всюду со мной,
Когда хлещут дожди и пурга завывает,
Когда годы встают неизбывной стеной.

Игорь Ильин

Выпускник геологического факультета.
Участник Дней поэзии с 1962 года

* * *

О, есть немудрёная связь
Меж этой разбухшою глиной

24 марта 2018 г.

И длинной иглой журавлиной,
которая в небо впилась.

И тело объемлет прохлада,
И нет ничего мне родней,
Чем ветви намокшего сада
На родине тихой моей.

Какая огромная осень!
Тончайшая времени нить
В ней связает и яркую озимь,
И бледный небесный зенит.

И птичьим проникнется зовом
Все сущее этой земли:
Суровая плоть чернозёма,
Клочок перелеска вдали...

И сердце частицею глины
Впитает небесную боль,
Как дальний призыв журавлиный
Влекущий с земли за собой.

Наивная песенка

Стихи всегда наивны,
Стихи всегда просты.
На веточку, на иву
повесишь солнце ты.

Поставишь две берёзы
на взгорье у ворот,
оставишь все вопросы,
и всё само придёт.

В твоём рисунке светлом
проснётся утро вдруг,
и вслед за первым ветром
проснётся первый звук.

Стихи всегда наивны,
стихи всегда просты,
На веточку, на иву
повесишь солнце ты.

Александра Тамбовская

Выпускница отделения журналистики

Фотография

Желтеет фотография, желтеет,
Как будто в ней начали листопад.
И тонкие, как листики шалфея,
Твои глаза над столиком летят.
Желтеет все: и линии, и жесты,
Полоска губ, натянутость бровей.
Как будто мы – из дерева и жести
И осеню линялем от дождей.
Желтеет горечь, охваченная тайно,
Желтеет голос, ставший тишиной,
На столике твоя желтеет тайна,
Прошедшая как ливень проливной.
Желтеют блики. Песенка; их слёта,
Но и в опале высохшего дня
Над столиком, над томиком поэты,
Летят глаза, любившие меня.

ДОБРОГО ПУТИ

СВЕЖАЯ ПОРОСЛЬ

Дорогие товарищи, студенты и преподаватели Воронежского университета!

С интересом познакомился я с «Днем поэзии-75» вашей газеты. Вижу, что на воронежской земле, давшей русской поэзии Кольцова и Некрасова, поднимается свежая поросль молодых поэтов создающих реалистические и демократические традиции родной нашей литературы.

Доброго им пути, добрых достижений в науке и жизни!

В. Рождественский

(Всеволод РОЖДЕСТВЕНСКИЙ).

УДАЧИ!

Желаю «Дню поэзии ВГУ» встретить и свой 50-летний юбилей.

Больших удач студентам (на экзаменах и после)!

Счастья всем, кто пишет стихи, и всем, кто их не пишет, но читает.

От сердца

Роберт Рождественский

(Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ).

СЛОВО ДРУГА

Дорогие друзья!

Посылаю по вашей просьбе новые стихи.

Спасибо за прошлогодний «День поэзии». Сделан он с большим вкусом — и содержание, и фото, и верстка.

С уважением

Анатолий Жигулев

(Анатолий ЖИГУЛЕВ).

ПЕРВЫЕ СТУПЕНИ

«День поэзии-75» вашей университетской многоти-

ражки я прочитал с большим интересом. Через многотиражные газеты страны прошли многие и многие ныне известные наши поэты. Не последнюю роль сыграли они и в моей личной жизни. Первые мои стихи и очерки появились в них. Мне кажется, многие молодые допускают большую ошибку, когда пренебрегают ими и пытаются, чаще всего безуспешно, толкаться со своими первыми опытами по редакциям столичных газет и журналов.

Надо научиться побеждать на тех первых боевых площадках и площадках, которые дает жизнь. Все хорошее будет замечено и поддержано на творческом пути.

Василий ФЕДОРОВ

(Василий ФЕДОРОВ).

БЕРЕГИТЕ ТРАДИЦИИ

Молодым поэтам ВГУ я желаю избежать суетности бытия: суета жизненная мешает человеку воспитывать в себе характер и личность, без которой самая прекрасная рифма и виртуозность стихотворной техники — ничто.

Постижение языковых тайн и глубин родной речи в конце концов неминуемо приводит поэта к нравственному началу поведения человека в обществе. Безъязыкость поэта — первый признак его нравственной углости. В языке отражена вся история народа, весь его душевный опыт.

Слушайте, слушайте, как говорят наши современники. В их речи таятся богатства распевов и ритмов, противостоящих эпигонскому копированию известных образцов.

Берегите и развивайте традиции великой русской поэзии!

Смелее!

Виктор БОКОВ

(Виктор БОКОВ).

1977

Новая Конституция!

Анатолий Мясников

Романтики

Я вас вижу, звёздные романтики.
 Прыгнув революции в седло,
 Мчались к Чёрному, летели к Балтике
 Над страной, от горести седой.
 От садов весна лилась и пенилась –
 У природы не было пустот –
 Но, весну связав со словом Ленина,
 Вы не пили запахов настой.
 Вам тогда не пилось, только пелось,
 В даль неслись, кружилась голова.
 Падал кто-то... очень уж хотелось
 Раньше всех весну поцеловать.
 Над Россией мамаши,
 Вы клялись, врагов своих кляня,
 Подымали смятые ромашки,
 Целовали землю и коня.
 И опять в сраженье уходили,
 И в бою, чтоб руки не ослабли,
 Вы горящим взглядом не ловили
 О закат окрашенные сабли...

Архипелаг «Колхоз»

Галина Умывакина

В.П. Скobelеву

Простор картофельного поля,
 грузовика далёкий гул...
 Да кто тут не набил мозолей,
 потов не лил, спины не гнул!

Земли усталой голос древний
 вносил поправки в курс наук –
 сближенье города с деревней
 узнали мы из первых рук.

Попробуй вынуть ими центнер
 картофеля из борозды:
 носили мудрые доценты
 мешки студенткам молодым.

День гаснул, отдыхало поле,
 усталый человек сидел,
 глазами, близкими до боли,
 на небо красное глядел...

УХОДИТ в историю 1977 год — год 60-летия Великого Октября, время замечательных достижений советского народа в политической и экономической и культурной жизни страны. Уходящий год всегда войдет в летопись нашего государства как год принятия новой Конституции СССР, законодательно закрепившей успехи развитого социалистического общества, утвердившей шир-

ования в СССР, заметным инициатива будущих молодых специалистов юридического факультета, прививших своим товарищам пошузы хорошей и отличной учебой, активной научной и общественной работой знаменитеты коммунистический юбилей Коммунистического Союза Молодежи.

Его чем гордиться и виноградисты Воронежского университета СССР, коммунистическое соревнование в честь юбилея Советской власти в нашем кузе вызвало творческий подъём ученых, преподавателей, сотрудников и студентов. Это

УСПЕХОВ, ЗДОРОВЬЯ, СЧАСТЬЯ!

рокие демократические права трудящихся, Великое обобществление и одобрение Солженицына. Завтра трудовой и творческий энтузиазм масс в связи с принятием этого важнейшего государственного документа — яркая демонстрация единства Коммунистической партии Советского Союза и всех граждан нашей великой Родины.

Прошедший год был примечательной вехой в развитии системы высшего и среднего специального обра-

положительно сказалось в обществе — политической, научно-исследовательской и инженерной деятельности Воронежского университета, готовившегося в 1978 году отметить 60-летие своего рождения.

1978 год будет юбилейным для Ленинского комсомола. Вместе со всем передовым авангардом советской молодежи как большой праздник юности грядет встретить 60-летие ВЛКСМ студенты-комсомольцы нашего университета. В связи с этим за служивает горячий поддерж-

Латинской Америки. Крепнет и развивается дружба зарубежных юношей и девушек, сверстников, разлученных судьбой. Вместе с нами встречают Новый год обучающиеся в ВГУ студенты, аспиранты — посланцы стран Европы, Азии, Африки и

Сердечно поздравляем весь коллектива ВГУ с наступающим Новым годом, жемчаем вам, дорогие товарищи, успехов в учебе, науке и труде, большого личного счастья!

ПАРТКОМ, РЕКТОРАТ
МЕСТКОМ, КОМИТЕТ
ВЛКСМ, ПРОФКОМ.

О, это было всё когда-то,
 но средь моих высоких дней
 оставил поле, свет заката
 и человека на земле.

1977 год стал удивительной вехой в истории университетской поэзии! С одной стороны, в её строках по-прежнему звучали темы дорог будущего, героического труда на благо родной страны, а с другой — так властно и так неожиданно заявила о себе потребность сказать о «малом»: о своей душе, о малой родине, об очаровании тихих сельских пейзажей... Конечно, передовица к 21-му Дню поэзии ВГУ естественным образом несёт в себе революционный пафос преобразования мира — «Идут в наступление строки». Сейчас нам несколько непривычно слышать это сочетание слов, мы спрашиваем: почему поэзия обязательно должна «идти в наступление»? Вероятно, и в том году многие спрашивали себя об этом, ибо рядом с передовицей вдруг напечатали стихотворение Николая Романова, написанное в далёком октябре 1926 года! В отличие от типичной поэзии в духе «взвейтесь» да «развейтесь» оно — просто о любви...

Николай Романов

Мы новых слов у радости не просим,
 Сомненьями осеребрён висок.
 И в звёздах я свою читаю осень,
 Как ты любовь читаешь между строк.

Да, ты умела, как никто на свете
 Вплести мне в сердце золотую нить.
 Ты, женщина, возникла на планете,
 Чтоб звёзды видеть, мыслить и любить.

24 марта 2018 г.

Умрёт закат, отбросив сквозь туманы
Отраженье раненой земли,
И мы поймём, что есть иные страны,
Иных времён и странствий корабли.

Но там не будет радостной расплаты
За пылкость дум наперекор судьбе,
Ни этих слов, печальных, как сонаты,
Что в мире я сложил одной тебе.

А. Лисняк

Отделение журналистики

Ромашки

Ромашки – словно по полю позёмка.
О, сколько их, не сосчитаешь ты!
С трудом поверишь, что из чернозёма
Растут такие белые цветы.

Порой считаем доброту по зёрнам,
Угадываем козней злых наплыв.
Но верим мы, что даже в очень чёрном
Ромашкой зреет белоснежный взрыв.

Рис. В. Тулупова (кафедра журналистики).

Валерий Кириллов

Студент отделения журналистики

Село ещё не проснулось

Выгоняют коров на заре
Пастухи устрашающим свистом
На луга, где росе догореть,
На траве августовской повиснув.
Вот и стадо уже далеко
За окольцей вышло на клевер.
Пахнет утро парным молоком
И теплом опустевшего хлева,
Я ходил пастухом по лугам,
Но и ныне скажу откровенно,
Что осталась душа дорога
Сельской жизни извечная сцена.

Игорь Ильин

Выпускник геологического факультета

Прийти сюда за золотом и медью,
За цветом светлых, солнечных волос,
Прийти сюда как можно незаметней
И стать в ряды трепещущих берёз,
И стать листвой, и этим ветром в поле,
И полною прохлады тишиной.
Осеннюю медлительную пору
Понять в себе и стать самим собой.
Прийти сюда как можно незаметней,
Остановиться меж берёз без слов,
Чтоб стать звенящим золотом и медью,
Чтоб стать листвой и этим ветром вновь...

1978

Владимир Гордейчев

Член Союза писателей с 1957 года. Автор более 20 стихотворных сборников. Лауреат премии имени Николая Островского. Ответственный секретарь Воронежского отделения Союза писателей. Постоянный участник традиционных поэтических фестивалей ВГУ.

Стихи без срока давности

Привезли в запаянном гробу.
Было рядовому только двадцать.
Брат стоит, мальчишечью губу
прикусив, чтоб вслух не разрыдаться.
Капельмейстер знак оркестру дал.

Скорбь идёт по лицам, как по маскам...
Я – прохожий. Я его не знал,
парня, что убили на Даманском.
Жил и рос в Воронеже родном
стропальщик с завода Коминтерна, –
с ним на перекрестке не одном
приходилось видеться, наверно.
В чем ходил он – в куртке ли, пальто?
Ведь в толпе, бурлящей безгранично,
ахнешь вдруг: «Черёмуха!..» – а кто
белый куст проносит, безразлично.
Вот и я не думал в эти дни,
что в бою вставали брат за брата
на Даманском именно они,
очень даже близкие ребята.
Эту близость я осознаю
болью и живой и не заочной, –
здесь, где склонил я мать мою,
где земле сегодня предаю
свежий гроб с земли дальневосточной.
Родина! Родная сторона!
Сколько её пространство ни огромно,
каждую потерю она
прямо к нам относится. И кровно.
Все её защитники – родня.
И, покуда сердце не остыло,
никогда не будет для меня
чуждой эта братская могила.

Станислав Никулин

Окончил филологический факультет университета.
Работает в редакции журнала «Подъём». Автор
трёх поэтических сборников: «Планета», «Добрый
свет», «Причалы». Лауреат премии воронежского
комсомола имени Василия Кубанева.

Слово о словах

Всё меньше и труднее пишется,
Нет лёгкости былой уже –
Всё больше видится и слышится
И замечается душе.
Я до поры её не трогаю,
Не тороплю и не гоню:
Душе просеять нужно многое
И многое предать огню.
Тогда ничем не замутнённая,
Как родничок, забытая мысль,
И слово, правдой просоленное,
Приобретёт и вес и смысл.
Не увлечённый ложной внешностью,
Я вью спокойно строчек нить.
О, дай-то бог, слепой поспешностью
Порыв души не оскорбить,
Чтобы она, меня не мучая,
Не растворялась в чепухе,
А, словно дудочка певучая,
От счастья плакала в стихе.

Анатолий Ионкин

Выпускник литературного института им. М. Горького. Заместитель ответственного секретаря областной писательской организации. Участник предыдущих «Дней поэзии ВГУ». Оказывает большую помощь молодым университетским поэтам.

Хотел товарища в беде
Согреть словами тёплыми,
Да никого не разглядел
За розовыми стёклами
Собрался место уступить
Старушке – ну и что же?
Подумал: рядом, может быть,
Найдутся помоложе.
Мгновеньям этим нет и числа.
Когда, душой несмелые,
Не принесли мы людям зла,
Но и добра не сделали.
Кому-то рубим мы сплеча,
Не слышим чью-то исповедь.
Так и мельчаем невзначай,
Так и черствеем исподволь.
И пусть легко идут дела, –
Обходятся нам дорого
Дни без душевного тепла
И дни без слова доброго.

Верьте первому снегу
И не верьте последнему.
Верьте старому другу
И не верьте посредникам.

Верьте первой удаче,
Вас согревшей по-летнему,
Верьте первому слову
не верьте последнему.

До конца испытав
В жизни все круговорти,
Верьте первой любви...
И в последнюю – верьте!

Владимир Молчанов

На рижском взморье

На взморье чудная погода,
Волна встречается с волной.
Вокруг сиянье небосвода
И ты, любимая, со мной.
С восхода солнца до заката,
Забыв гостиницы порог,
Лежим в песке, жуём купаты,
А также жареный горох.
Вокруг галдёж, неразбериха,

24 марта 2018 г.

И смех – куда ни появись.
А рядом старенькая Рига
Взметнулась готикою ввысь.
В ней так уютно, так в ней мило:
Булыжник, улиц лабиринт.
И циферблат минуты мира
В своей округлости хранит.
Но что покой – когда природа
Волну приносит за волной.
На взморье чудная погода
И ты, любимая, со мной...

Даниил Заславский

Старший научный сотрудник НИИ
математики университета

Зима хлестала снегом,
Трамвай тревогу бил,
Стихи бежали следом
За голосом твоим.
Что им в твоих тревогах,
Когда сама себе
Ты высказать не можешь
Своих обид и бед?
Как птица, примерзаешь
К своим прозрачным дням
И музыку впускаешь
Метаться по углам.
Как страсть, тебя, взволнует
Крылатых звуков лёт,
Невзгоды заврачует
И беды отведёт.

Наталия Боброва

Аспирантка юридического факультета

Бабушкины поминки

Изба – у кладбища в ногах,
в ногах у стульев – сапоги.
Идут поминки, на столах –
картошка, водка, пироги.
Отголосили дочки-матери,
подруги умершей, бобылки...
И как отчаянье на паперти,
стоят на скатерти бутылки.
Ты, бабушка, зовёшь, бывало,
детей и внуков на обед, –
кого-нибудь да не хватало.
И вот тебя сегодня нет.
Не ты ли скрипнула калиткой?
Обрадуешься враз с порога:
мол, нынче пироги с «молитвой»,
хоть и не верите вы в бога.
И слово, русское исконно,

ожило, память теребя.
Да, ты молилась на иконы,
а я молилась на тебя.
– Как пироги она любила, –
старушка всхлипнула одна.
Другая тут же подхватила:
– Война все, бабоньки, война.
Ораву вырастить без мужа!
Без передыху воз везла.
Да тут какой характер нужен!
Святая женщина была.
– Не верю, чтобы не грешила, –
прервал какой-то мужичок, –
И у двужильных – тоже жилы.
И захихикал в кулачок.
Ну что ж, у всех свои законы...
И поглядев на образа,
Я чуть не вскрикнула:
С иконы
Глядели бабушки глаза.

1979

В. М. Акаткин:

«Дерзость начинания, вызов безмолвию, щедрость заявок и обещаний — вот с чем выходят на сцену многие. Что за этим вызовом? Сумеют ли оправдать его стихом и творческим поведением в зрелости? Не обвиснет ли поэтический парус в безветрии быта и прозы? Не потопит ли тяжёлая солёная волна будней юное вдохновение? Как знать, всякое бывало...

Молодой задор и понимание, дыхание нового и «уважение к преданию», лёгкость на подъём и основательность опыта в равной мере необходимы поэту. Если этого нет, поэзия быстро превращается в баловство стихописания или зуд честолюбия. Слава — тень поэзии, а не сподвижница. Чем больше думают о ней, тем меньше сил остаётся стиху. Поэзия не годится на роль житейских рыбаков, она дружна с теми, кто не знает иной цели, кроме неё самой. Стихи не вьют гнёзда, тем более в мягких служебных креслах... (Высота полёта впереди // Воронежский университет. 1979. 21 марта.).

«Завсегдатай Дней поэзии ВГУ подтвердит, что без Галины Умывакиной их трудно представить. Многим запомнилось, как эта серьёзная, строгая поэтесса уверенно, с завидным самообладанием выходила к рампе и медленно, слегка нараспев читала свои многозначительные строки, словно высматривала их на какой-то неведомой высоте, куда были устремлены её глаза. Все в её выступле-

нии было продуманным, складывалось в законченный и целостный жанр» (Долг мой ещё не оплачен // Воронежский университет. 1979. 18 апреля).

Галина Умывакина

Читаю книгу

Читаю книгу белым днём
И тёмной ночью,
в лесу, в дороге, за столом,
с друзьями, с дочкой.
За часом час, за годом год –
пойму, осилю,
как время трудное идёт
сквозным курсивом.
Но, принимая дух и хлеб,
не позабуду
и примечания судеб,
и сноски буден.
Читаю книгу, отложив
парадный супер –
тут не до жиру, надо жить
по самой сути.
Хранить и помнить правды свет
без льгот и выгод,
в начале дня, на склоне лет
читая книгу.
Когда ж последний грянет срок –
пора на выход...
«Ты с чем пришла?» – мне скажет бог.
«Читала книгу!»
Читала книгу черным днём
и ясной ночью,
жила всерьёз и напролом,
взахлеб, воочью.
И там души остался след
в страницах грозных,
где тьма и свет,
где да и нет, –
мой знак вопроса.

Анатолий Ионкин

Чаша поэзии

Мне так близко звучанье русской речи,
И прошибает болью до нутра,
Когда её талантливо калечат
Словесности изящной мастера.
Сегодня всё дозволено поэтам!
Хмелея от апломба своего,
Творят и соревнуются при этом:
Кто переплюнет в вывертах кого
И вроде бы отточены их песни,
А не согреет душу ни одна.
Как если бы гончарных дел кудесник
Из глины чашу вылепил... без дна.

Сотворена таланта щедрой силой,
Затмить весь мир величием грозя,
Она была б действительно красивой...
Вот только пить из чаши той нельзя.

Анатолий Бабушкин

Преподаватель университета.

Деревенские школы

Деревенские школы – медсанбаты запаса.
Ваши стены – под слоем обновлённых белил,
Вы на мирном учёте с того самого часа,
Когда грянули залпы у братских могил.
Деревенские школы – войны медсанбаты,
Не символики ради рядом с вами легли
Люди той краснозвёздной будённовской рати,
Что крылатыми звёздами проросли из земли.
Деревенские школы! В сентябре открываться –
Значит, мир утверждать для питомцев своих.
Будет кровь из могил по стволам подниматься
И выплёскивать красное в память живых.

Александр Бунеев

Студент I курса отделения журналистики.
Печатается впервые.

Друзьям

Мы детство своё покидаем,
Поспешно бросая во тьму
Стихи и зовущие дали,
Что мы посвящали ему.
Последняя исповедь детства,
В шуршании мокрой травы...
Но если получше взглянуться,
Не детство уходит, а мы...

Владимир Чесноков

Гроза

Разлетелось всё небо в клочья,
Ослепило глаза огнём –
Сквозь упругую темень ночи
Грянул вдруг исполинский гром!
Строki молний всё вдохновеннее,
Торопливо – и вкривь, и вкось,
В клочья всё – и вновь озарение,
Новых строк весёлая злость!

Итак: 1950-е, 1960-е, 1970-е...

В.М. Акаткин:

«Типичная картина 50—60-х годов: яблоку негде упасть, люди в проходах, на столах, на подоконниках и, кажется, висят на стенах. В коридоре не протолкнуться, к дверям не подступиться. А там витийствуют наши поэты — ниспровергатели и пророки, выговаривая сокровенное, назревшее, вот-вот готовое у каждого сорваться с языка... Листаю специальные выпуски «Дней», и всё оживает в лицах и голосах, будто это было вчера. Какие они там молодые и задорные, мои товарищи и друзья, как легки на подъём, как многообещающи их взоры! Они переполнены студенческим братством, их любят и ждут, за их плечами невидимые крылья славы. Теперь их называют по имени и отчеству, кто-то из них стесняется говорить, что когда-то писал стихи, некоторые выпустили поэтические сборники, для иных стихотворство стало профессией.

70-е годы были уже иными. Неожиданность праздников перешла в традицию, в привычный жанр. Взрывчатая эмоциональность стихов и публики сменилась ровным (подчас вялым) взаимным интересом. Максимализм и нетерпение переключались в анализ, в отстранённое размышление. Поэзия бросилась искать ответы не в бегущем дне, а в недрах истории и культуры. Память оказалась главным источником вдохновения. Но о чём вспоминать, не имея жизненного опыта? Естественно, о том, что когда-то сделали другие. Поначалу публику радовало углубление в запасники культуры. Но вскоре она охладела ко всяkim переиначиваниям больших и малых классиков. Иждивенчество противопоказано поэзии» (Чтобы строкой дышало время // Воронежский университет. 1981. 25 марта).

1980

В.М. Акаткин:

«Полистайте специальные выпуски «Дней поэзии» прошлых лет — на вас надвинется звонкоголосый пёстрый хоровод, словно вы прошли по весеннему утреннему лесу, где все в тумане обновления и ожидания...

Теперь нередко говорят: поэзия утихла, обвяла, уткнулась в книги. Что ж, это закономерно. Горяч-

ка сменяется сосредоточенностью и вроде бы даже отрешённостью. Но стихотворцы уходят в себя, чтобы вернуться обновлёнными, чтобы окинуть мир новым зрением. Они учатся у больших поэтов, чтобы творить самим. Ведь настоящий поэт — это и память, и пророчество. Для своих пророчеств уходят молодые в Ахматову и Тютчева, Цветаеву и Хлебникова, Фета и Маяковского, Блока и Твардовского. Перед ними — раскрытая книга: на одной странице разворота — жизнь, на другой — поэзия. Когда внимательно читают обе страницы, книга отдаёт свои тайны. Горе тому, кто читает одним глазом, скептически сощуривая другой» (Учиться для творчества // Воронежский университет. 1980. 25 марта).

Н.А. Плаксенко

Участник Великой Отечественной Войны, полковник запаса, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор геолого-минералогических наук, профессор, ректор ВГУ

Утонувший в садах Мелитополь.
В тусклом небе — разрывов дымки.
И снарядом поверженный тополь
Распластался у самой реки.
Заметался в агонии боя
Будто раненый, огненный шквал.
Мне казалось, что тополь собою
Землю-мать от огня прикрывал.
Коль не встретишь меня на пороге,
Как последний закончится бой,
Значит, я повстречался в дороге
С тополиною гордой судьбой.
1943 год, 4-й Украинский фронт.

Лариса Москвина

Студентка IV курса факультета РГФ.
В прошлом году дебютировала в «Дне поэзии»
с переводами сонетов Шекспира

Синяя дорога,
лунная вода,
Александра Грина
«Дорога в никуда».
Первое свиданье,
Звёзды-vasильки,
И твоё признанье
В полночь, у реки.
Там плывут куда-то
Из далёких стран
Облака-фрегаты,
Ветер-капитан.
Голубые тени,

Чёрные кусты,
Пахнет ночь сиренью,
Если рядом ты.

Переводы Патти Шоэн

Мы разделили землю на круги,
Круги различных рас: ведь цветом кожи
Народы друг на друга не похожи,
И мы теперь не братья, а враги.

Мы разделили землю на круги,
Круги религий, вер, исповеданий –
Как будто не едино мирозданье!
И мы теперь не братья, а враги.

Мы разделили землю на круги,
Круги надежд, стремлений, упований,
Проклятые круги чинов и званий,
И мы теперь не братья, а враги.

Мы разделили землю на круги,
Но все живём в едином жизни круге.
Друзья мои, пожмём друг другу руки,
Не будем друг от друга далеки.

Елена Неведрова

Выпускница филологического факультета

Подумаешь с тоскою и со злостью:
Война, война, как поглумилась ты.
Те пахари, топтавшие колосья,
Те инженеры, рвавшие мосты...

И оттого стократно то дороже –
Под солнцем и под синею звездой –
Что дышит поле сильной сизой рожью,
Что мост гудит от скорых поездов.

Сергей Шаулов

Преподаватель кафедры зарубежной литературы

Я вспомнил Адлер: над дорогой дом,
Сад, на откосе выросший кругом,
И комнату с простым окном-крестом.
И нас с тобой я вспомнил молодых,
И громкий южный плеск дождей ночных,
И жизнь, что впереди у нас двоих.
А за стеной хозяин старый спал,
Который молодым себя считал.
Он сам когда-то землю приносил
И на кругом откосе сад садил,
И над дорогой так поставил дом,
Чтоб видно было море за окном.

Лилия Гущина

Учится на последнем курсе филологического факультета. Впервые её стихотворения появились в «Воронежском университете». Голос молодой поэтессы заметно крепнет.

Наполнен город полусветом нежным,
Едва заметен лёгкий пар у губ.
И взгляд нетороплив, и шаг мой скуп,
И зимние нетяжелы одежды.

Приду домой, пальто в прихожей скину,
И вновь – к окну. Не дали, не миры –
Сараи, за салями – дворы
Увижу и опять на час застыну.

Потом строки ахматовской мерцанье...
И книгу закрывая, в полусне,
Подумаю, что родилась в стране,
Где снег глубок и глубоко дыханье.

Лев Коськов

Мгла нежная на город наплывала,
Крест золотой над церковью мерцал,
Луна такая рдяная вставала, –
Как будто дьявол уголь раздувал.
Огни переливались за рекою,
И наяву, как бы в кошмарном сне,
Мы были оба дурой городскою
Припёрты к белокаменной стене.
Она всё бормотала, бормотала,
Но тайный смысл в бессмыслице той был.
Тянуло холодком, как из подвала,
И страх глубинный душу леденил.

Александра Тириченко

Окончила историко-филологический факультет в 1962 году. Сейчас работает преподавателем начальных классов в средней школе № 72. Стихи публиковались в журнале «Подъём», «Молодом коммунаре».

Я спать не лягу в старом доме.
Тихонько стану у ворот.
Мышь пробежится по соломе,
Н месяц в небе поплыёт.
Я буду слушать долго, долго
Звенящий шум ночных берёз.
С реки туман потянет волгло,
Уткнётся в темень жёлтый плёс.
В душе дурное одолею,
Не застыжусь несчастных слез.

И, может быть, постичь сумею
Звенящий шум ночных берёз.

Октябрь косится жёлтым глазом,
Тумана виснет бахрома.
Я повзрслела как-то разом.
Взнуздала близкая зима.
Гуляка-ветер воет в чаще.
Дождинки стынут на лету.
И почему-то боль всё чаще
Во мне рождает доброту.

Наталья Цымбалистенко

Выпускница филологического факультета ВГУ.
В настоящее время работает преподавателем
подготовительного факультета университета.
В «Дне поэзии» участвует впервые.

Прощай! – я говорю тебе.
И уж сама готова верить,
Что искренность моей любви
Годами можно лишь измерить.

Спокойно говорю о том,
Что страсти все перебушуют,
А время сгладит и сотрёт
Родных морщинок вязь густую.

Любые паузы в любви
Страшнее ненависти жгучей.
Душою выболеть хочу,
С тебя снимая эту участь.

Веду бесстрастный разговор –
А голос памяти небрежной
Мне предвещает пустоту
И расставанья неизбежность.

Вступив сама с собою в спор –
Вопросов задавать не вправе.
Я молчаливый твой укор
Стерплю дрожащими губами...

Николай Тимофеев

Микромонологи

Не на кого надеяться
И препираться –
не с кем.
Само –
надеянность,
Ты на месте?

Пусть свет на маяке погас,
В тебе – свеча,
надеюсь, не угасла?
Ты бережно через
пространство
Неси её,
как чудо, –
на маяк.

Как в темноту ты ни кричи,
Лицо твоё не озарят лучи. –
Напрасно мы поддержки ищем
У тех, кто от природы
духом нищие.

Юлия Попова

Студентка I курса филологического факультета.
В «Дне поэзии» участвует впервые

Нельзя переложить на чувства
Всё, что выдумывает дождь.
Но ты когда-нибудь уйдёшь,
И будет в целом мире пусто.

Сегодня не было дождя,
А небо тяжелее вдвое
Ты ведь не знаешь, что с собою
Всё забираешь, уходя

К тому же из последних сил
Я начинаю улыбаться,
И скоро мне начнёт казаться,
Что ты совсем не приходил.

А в мире станет очень пусто
И будет очень трудно жить.
Я всё могу переложить
Лишь на мои, земные чувства.

Сергей Гудков

Студент рабфака ВГУ

Перед тобою нищий –
Замри и онемей –
Он ничего не ищет
В чередованы дней.
Базарная толкучка,
Базарная молва,
Тяжёлая текучесть
И громкие слова.
В переплетены нравов,
Характеров людских

Перед любым бесправен,
Беспомощен и тих.
Считает милосердье
Истёршейся рукой,
А там, где было сердце, –
Бессмысленный покой...

1981

«“День поэзии” стал кульминационным пунктом, к которому долгие месяцы каждого года идут начинающие поэты» (19 марта 1981 г. В. Попов, главный редактор журнала «Подъём»).

«От всей души поздравляю участников и гостей юбилейного XXV «Дня поэзии ВГУ» с этим большим праздником. Четверть века назад и я выступал со своим ранними, робкими стихами на I университете «Дне поэзии». Это мне особенно радостно и дорого. Здоровья вам, творчества, вдохновенья и любви, дорогие друзья» (19 марта 1981 г. Анатолий Жигулин).

«Университетскому «Дню поэзии», всем читающим и пишущим стихи. Есть университеты всем университетам университеты... Это как у Горького, жизненные университеты. То же самое можно сказать и о поэзии. Хочется не только стихов в стихах, красоты от заведомо прекрасного, уже бывшего в книжном употреблении, хочется — жизни в стихах, сшибки темпераментов, отлагольной, действующей мысли. А не просто имени без существительного» (17 марта 1981 г. Егор Исаев).

Геннадий Лутков

Луна позолотила сны людские,
И воду в чёрном строгом камыше.
И снова святы все дела мирские,
И снова равноденствие в душе.
Всё правильно сегодня на земле,
И беды нас обходят стороною,
И степь в прозрачной лёгкой полутьме
Поблескивает свежею стернёю.

Виктор Панкратов

За порогом зимы удивляюсь весне,
Удивляюсь высокому, мудрому свету
И тому, что с востока утрами ко мне
Солнце катит свою золотую карету.

Удивителен этот распахнутый мир,
Оглушающий, яростный и многоликий,
Многомерный, как будто гигантский клавир,
Мир, к которому мы до сих пор не привыкли.
Удивляюсь пчеле и творцу-муравью,
И ручью, и лучу – он отточен и меток,
соловью, что хрустальную песню свою
беззаботно роняет с берёзовых веток.
Над слепящим затоном проснулась куга –
слабый ветер огладил, сорвавшись с настеста,
ощетиненные камышом берега
И пеньков оторцованных лобное место.
Вновь бушует весна в центре нашей земли
после сна, и покоя, и долгой отсрочки.
...Всё ещё обозначены, не заросли
на высотах былых пулемётные точки.
А по взгорю – стальные тела горячи:
трактора за собой тянут гулкие громы...
И в сырой борозде маракуют грачи,
голенастые, мудрые, как агрономы.
Над дорогой, над самой моей головой,
над протяжным, глухим волхвованьем кукушки
самолёт белый шнур натянул бельевой
дождевым облакам для надёжной просушки,
Удивляюсь я солнечной, вёрткой блесне, –
лемеха засияли от яркого глянца.
Удивляюсь земле...
Удивляюсь весне...
Значит, есть что любить и чему удивляться!

Евгений Свиридов

Студент III курса вечернего отделения юрфака

Когда везде висит
Ночная тиши
И пальцы музыкальные
Луны
Ложатся на волнистый
шифер крыш,
Поверьте,
Все заботы не сильны.
А если солнце
Склоку облаков
Разбило утром, –
На душе легко.
И кажутся весёлыми.
Трамваи,
И город, как сюрприз,
Неизнаваем.
А сколько не родилось бы
Стихов
Без солнца,
Без луны,
Без облаков?!

24 марта 2018 г.

Сергей Гудков

Студент I курса отделения журналистики

Цветы в суете привокзальной
Рукой торопливой не минут
Цветы в суете привокзальной
Для тех, кого любят и ждут.
Спешите из душных вагонов!
Спешите скорей на перрон,
Где радость от встречи огромна –
Ведь путь ваш уже завершён!
Спешат. Выбегают... Целуют...
Роняют поклажу из рук...
Я вижу улыбку чужую,
Чужую улыбку – а вдруг?..
Но нет, ни к чему ожиданье.
Вздохну. И спокойно пойму,
Что прибыл сюда с опозданьем –
Не нужен я здесь никому.
Не нужен. И снова в дорогу
По рельсам, по жизни – к судьбе,
Чтоб стал я кому-нибудь дорог,
Когда-нибудь всё же успел!

Александр Бунеев

Студент III курса отделения журналистики.
Дебютант «Дня поэзии»

Девочка начала октября,
Что твой взгляд в тумане непогоды?
Ты скакалку быструю не зря
Не отдашь за царства и народы.
Будут люди, будут чудеса –
Это строго. Это изначально.
А сейчас прости. На полчаса
Я в твой мир вошёл совсем случайно.
Вздохи, удивленье... Всё не то, –
Эта осень чудо сотворила,
Я тебя благодарю за то,
Что кусочек детства подарила.

Левон Мурадян

Студент I курса вечернего отделения
исторического факультета

Снег белою мукою
Проходит небосвод,
Над белою рекою
Зима свой хлеб печёт.
Он станет на рассвете
Страданием земным,
И мы его, как дети,
Прижмём к губам своим.

Алексей Попов

Окончил филологический факультет.
Поэт-пародист.

В жизни есть всему свой час и срок:
Вовремя глухарь в лесу токует.
И хохлатка – без посредства строк –
Вовремя яичко публикует
И стихи, глаголами звения, –
Содержаньем длинны или кратки,
Вовремя созрели у меня
Так же, как продукция хохлатки.
Мы близки с хохлаткою в труде –
Точно в срок творим своё на свете.
Только её творчество в гнезде,
А моё – в воронежской газете.

1982

На излёте эпохи

В.М. Акаткин:

«В минувшем году наша газета искала новые поэтические рубрики, разнообразила формы общения поэтов с читателями: "Навстречу Дню поэзии", "На поэтической волне", традиционная "Литературная страница", "Наши переводы", "Пародии" и, наконец, "Поэтические встречи", вызвавшие наибольший интерес. Мы видели поэтов давно известных и только начинающих. Мы читали и строки случайные, пробные, и те, на которых видна печать таланта. Многое пройдёт незамеченным, но что-то останется в памяти и вызовет всякие суждения и споры. И все-таки главным событием останется День поэзии, незаметно подступивший» (Поэзия не терпит остановок // Воронежский университет. 1982. 5 марта).

Татьяна Жиронкина

Окончила химический факультет.
Дебютантка «Дня поэзии»

Как вода святой криницы,
дни и ночи напролёт,
год мне снятся Чертовицы,
клёнов пламенный полет.

Тихо речке шепчут ивы
тайны грустные свои.
Набирают силу нивы
у лазоревой зари.

Словно тень воспоминаний,
листья жёлтые летят.
Наступает первый, ранний,
долгожданный листопад.

Лист так медленно кружится,
в ярком золоте дубы...
Не уйти и не укрыться
от любви и от судьбы...

Семён Гориводский

Выпускник факультета РГФ

На Мамаевом кургане

Ступени, как ступни солдат –
Застывшие, окаменевшие,
И дети, на миг постаревшие,
На этих ступенях молчат.
Впервые беру высоту,
Притихшую, траурно спящую,
И тихо во сне говорящую
Устами солдата в бреду.
Расстрелян последний патрон,
И ты под шинелью, н езнающий,
Что музыкой Шумана стон
Твой вечно звучит угасающий.
И если в тиши дальних стран
Меня невзначай бы спросили:
Где высшая точка России?
Отвечу: Мамаев курган.

Леонид Шифрин

Студент I курса филологического факультета

Когда осенний мелкий дождь
Уныло сыплет за окном,
То, затаив дыханье, ждёшь,
Что кто-то постучится в дом.
И тихий скрип на чердаке.
И шорох старых половиц,
И за окном, там, вдалеке,
Покинутые гнезда птиц...

Как прозрачны стихи у Рубцова,
И какая в них чувств глубина.
А его безыскусное слово
Открывает всю душу до дна.
Не спешите, Рубцова читая,
Эта лирика вовсе не та...
Ты поймёшь, что бывает святая,
Непростая совсем, простота.

Владимир Макаров

Младший научный сотрудник
химического факультета ВГУ

Дорога Гоголя

Не молчи, кричи!
Ты слышишь!
Я своих не слышу слов.
Дождь по крыше тарантаса,
Стук сапог, и скрип колёс.
Полосатые столбы, постоянные дворы,
На цепочке рядом с сердцем
Сумасшедшие часы.
Господи, даруй дорогу
В этой темени ночной.
Только слово, так немного,
Не молчи –
Кричи, кричи...

Игорь Павличенко

Студент V курса физического факультета

Словно выпало что-то из сердца –
Не узнать. Не обять. Не понять.
Не забыть бы нечаянно дверцу.
Что когда-то открыла мне мать...

Корабли из тетрадки в линейку
Не пускать по весенным ручьям,
Самолётом не сделать скамейку,
Потеряв интерес к чудесам.

Не забраться и к клёну в вершину,
Чтоб, укрывшись прохладной листвой,
Разглядеть: куда едут машины?
Где сливается небо с землёй?

Разузнать все подробно и точно,
Что бывало, чему не бывать.
И все зёрнышки жизненной почвы
Детской памятью вместе собрать...

Если выпало что-то из сердца,
Я найду, непременно найду!
Может, это кручинка от детства
Что сильнее всего берегу...

Владимир Чесноков

Море, берег, выжженные склоны,
Волны в гальке шепчутся покойно.
Между небом, морем и землёй
Чайки путь прокладывают свой

24 марта 2018 г.

В даль, неразличимую для глаз.
Чайки, как незыблемая связь
Между нами – мною и тобой,
Между всем, что выдано судьбой.
И летят они, как будто вести

От жены, от друга, от невесты,
Письма тем, кто здесь когда-то пал...
И садятся на вершины скал
Неподвижным белым изваяньем,
Как в минуту скорбного молчанья.

Вновь летят они, летят куда-то
Письма неизвестному солдату,
Письма тем, кто здесь когда-то пал
Среди серых обелисков-скал.

1983

Время зовёт поэта!

В.М. Акаткин:

«Все минувшее десятилетие было наполнено ожиданием нового, большого поэтического явления. Отовсюду слышались голоса: хороших стихов много, однако ведущего поэта нет. Теперь уж можно сказать: молодые в 70-е не дали нам лидера, застrelьщика, задорного запевала» (Время зовёт поэта! // Воронежский университет. 1983. 24 марта).

«XXVII День поэзии ВГУ посвящается
40-летию освобождения Воронежа
от немецко-фашистских захватчиков»

Белла
АХМАДУЛИНА

Дорогие досточтимые друзья!
Рада и горжусь, что мне выпал счастливый случай принять участие в Вашем Дне Поэзии.
Желаю Вам радости — этой весной и всегда.
Ваша Белла Ахмадулина.

Константин Гусев

Отрывок из стихотворения «Город дружбы»

Восходит солнце из руин.
Чугунка топится в подвале.
Трубой железною струим
дымок жилья среди развалин.
Ещё сожжённые дома
черны от траурных обводин.
Но стёрта вражеская тьма –
твой город светел и свободен.
И нет на свете лучших благ,
чем это небо голубое,
в котором плещет красный флаг,
победно взвитый после боя.
И эта мёрзлая земля –
багровый снег и чёрный камень –
была твоей и есть твоя,
твоей останется веками.

Петр
ВЕГИН

Рад, что Воронежский университет так верен Поэзии!
Часто вспоминаю встречу у Вас, хотя это и было давно.
Обязательно встретимся при жизни!

Петр Вегин.

Станислав Никулин

Воробей

Неутомимый забияка,
неугомонный весельчак,
ты, если надо,
лезешь в драку
И не отступишь просто так.
И не пойму,
какая сила
дана природою тебе,
чтобы её на все хватило
в твоей неласковой судьбе?
Не щёголь ты средь птиц,
не барин
с окраской серенькой своей.
И для меня ты –
свойский парень,
хотя всего-то – воробей.
Всего-то птичка-невеличка,
и неприметна, и мала.
Но жить упрямая привычка
меня с тобой давно свела.

Ты только осень глянет хмуро,
в чужие не летишь края.
И по душе – твоя натура,
и эта преданность твоя!

Анатолий Абрамов

Спокойнее!

Спокойнее! Не рвать и не метать.
Любовнее и, может быть, любезней.
И будешь ты не мучеником в бездне,
А человеком, у кого и стать,
И нрав, и жест, и все движенья плавны,
И выравнены тихие шаги,
И мысли простодушны и державны,
И словом усмирённые враги.
И установится покой великий,
И в сердце тишина и благодать...
Вот только вечный бой и битвы клики –
Как с ними быть? Куда от них бежать?

Игорь Павличенко

Выпускник ВГУ 1982 года

Я сильнее, чем святыню,
В своём сердце берегу
Горький запах той полыни,
Что растёт на берегу...

И Кубани быстротечье,
И ковылей мягкий свет,
И слова казачьей песни,
Что я слышал с малых лет.

Тополиный пух весенний,
Голоса былых друзей.
Треск в печи сухих поленьев,
Руки матери своей...

Здесь я вырос и учился,
Познавал добро и зло,
И впервые здесь влюбился,
Бегал с ней «на шесть» в кино.

В руки книгу взял впервые,
Здесь я Ленина читал.
Здесь слова его простые
Я на сердце принимал...

Римма Лютая

Окончила Воронежское музыкальное училище. Студентка Литературного института им. А.М. Горького.

Моя жизнь

Я столько писала о любви,
что, когда она пришла,
все слова обесценились
И потеряли смысл.

Я так часто влюблялась в других,
что, когда появился ты,
сил хватило на одну-единственную,
большую-большую,
последнюю-препоследнюю любовь.

И вот мы живём рядом –
спим, едим, ходим, разговариваем,
и никто не знает,
как многолико наше Счастье.

Вячеслав Лютый

Инженер лаборатории вычислительной техники факультета ПММ ВГУ

...И время несёт меня в своих молчаливых водах,
смывая лицо моё, руки, разум.

Надо мной плывёт в чёрном куполе
маленькая ладонь, скавшая тёмную кружку
с белым жерлом,
и струи воды стекают на лицо моё,
смывая морщины и напряжение.

Это крохотная женщина парит надо мной.
заглядывая в лицо мне,
касаясь волос моих своим дыханием,
сопровождая – летит, неизвестно куда,
ибо течение времени
неисповедимо...

24 марта 2018 г.

1984

Анатолий Жигулин

Память

Белогорье. Горы белые
В этих радостных местах
Бились красные и белые
Не за долю, не за страх
За единую, великую,
За счастливую страну –
Шли к Якиру и к Деникину
На кровавую войну.
И враждебными колоннами
В пору горестных утрат
Шли под разными знамёнами
Старший брат да младший брат
И в любви к родному краю
В том убийственном бою
Каждый думал: Умираю
Я за Родину свою...
Возле хутора придонного
И сейчас закат багров.
Пулемётчики Будённого
Там носили юнкеров...
И осталась память ясная
О далёком, но живом.
И рябина ярко-красная
На обрыве меловом.

Крест подкинул урода Земле,
Чтобы жизни любые итожа,
Расплодить мертвцев и калек,
Чтоб кресты на могилах размножить.
И низвергся с небес смертный стоп,
обрывая и старость, и юность!
...Детям светлый и сказочный сон
Снился двадцать второго июня.

Галина Умывакина

«Умри, мой стих. Умри
как рядовой...»
(В. Маяковский.)

Чего юлить? Не в прятки ж мне водить!
Мой век родимый, забирай покруче,
чтоб я лица не смела отводить
от памяти и правды самой жгучей.
Чего хитрить? Я остаюсь меж тех,
кто, верно, ждёт подмоги и участья,
особенных не ведая утех
средь скupo им отмеренного счастья.
Чего искать? Я остаюсь меж них,
кто жизнью терпеливо озабочен,
и с кем, по праву совести, мой стих
и плакать, и гордиться правомочен.
И хоть ему страшиться не впервой, –
Не станет труса праздновать на марше,
А надо, – так умрёт, как рядовой,
На поле жизни без вести пропавший.

1985

Память о прошлом

Альберт Попов

Выпускник географического факультета 1984 года

Кресты

“Только было бы всегда
Двадцать первое июня,
Только б следующий день
Никогда бы не настал”.
Ю. Визбор.

Кто на небе поставил кресты?
Голубое и чёрное – несовместимы.
Режут нежную грудь высоты
Злые чёрточки. Боль нестерпима.
Вырастают кресты на глазах,
Эти крылья, хвосты, фюзеляжи...
Спустилась рука на рычаг,
И родился урод цвета сажи.

Юрий
ЛЕВИТАНСКИЙ

Известный советский поэт
впервые принимает участие
в Дне поэзии. Он – из фрон-
тowego поколения поэтов.

СЛОВНО КНИГА...
(Из старой тетради)

Словно книга,
до дыр зачитанная,
гимнастерка моя
защитная,
Сто логов ее
прочитали.
Сто ветров над ней
прочитали.
Сталь от сапог
от начала
строчки каждую
отмечала.

то от камня, а то от ветки,
то от проволоки колючей,
то от чьей-то слезы горячей.
А она все живет, не старится.
Я уйду, а она останется,
как та книга,
не брося изданная,
но в которой плавала
правда истинная,
и сурьая, и печальная,
грозным временем
отпечатанная.

С самыми добрыми
помыслами
Ю. Левитан
17. III. 85

Сергей Попов

Эти годы останутся с нами,
Наша юность с ними слилась.
Мы оконные щели прощали –
В них не холод, а свежесть лилась.
Не разбитый транзистор за стенкой
Приглашал к нам бессонную ночь.
Стол и стул своей острой коленкой
Нам старались как братья помочь.
Эти общности счастья и ветров.
Эти омыты зябких жилищ,
Где глаза загорались ответно
На открытость обветренных лиц,
Выносились навечно и сразу
Приговоры словам и делам
Где скучные необщие фразы
Разделяли весь мир пополам,
Где казалось почти непреложным:
Изменяться – почти изменять...
Там, куда, позабыв безнадёжно,
Не пропустят на вахте меня.

1986

«Помню, как в комитете ВЛКСМ в 1957—1958 годах за неделю до Дня поэзии собирались поэты и составляли расписание своих рейдов по корпусам ВГУ, предварительно разделяясь на творческие бригады. 25 марта поэты появлялись в потоковых аудиториях, в актовом зале и читали стихи, а студенты в полном составе внимали молодым талантам. И вроде снималась в этот день проблема буфета и других в обычные дни неотложных нужд. Поэзия властвовала в университете, и это было прекрасно.

...И всё это — на всю жизнь наше, всё это украсило наши биографии, и очень хорошо, что это у нас было. И будет» (В. Второв, секретарь комитета ВЛКСМ ВГУ 1955—1958 гг.).

Людмила Бахарева

Сонет облакам

Прощанье длилось дольше, чем любовь.
И плакала беспомощная память.
Но в небесах мелькало вновь и вновь
желанье – нас от облаков избавить.

И в соприкосновенье наших лбов
росло тепло, хранимое веками.
И говорила золотая кровь,

что все пройдёт: разлука, ревность, заметь, –
как эти волны облачной реки,
текущие прогнозам вопреки,
как этих ветров сбивчивая речь.

А облака уходят, нелегки,
чтоб где-то там, вдали, от всех сберечь
мучительное счастье наших встреч.

Левон Мурадян

Всё впереди

Пусть тенью слез моих не застит света.
Есть одиночество. Будь твёрд, молчи про это.
Всё впереди. Ещё пребудет жизнь, –
Голубка в клюве принесла маслину.
Где возраста цветущая долина, –
Восторженно весна моя бежит.
Пусть тенью бедности не застит света.
Не подслащай мне дней, молчи про это.
Всё впереди. Ещё пребудет жизнь, –
Не в зеркалах, а в душах отразится,
Как время человеческое длится,
Как солнца жаркий лепесток дрожит...
Мои несчастья пусть не застят света.
С бессильем не смирусь. Молчи про это.
Все впереди. Ещё пребудет жизнь.
И с голосом Джульетты, с песней ясной
Родится образ девушки прекрасной
И свадьба хороводом закружит.
Пусть смех и радость носятся по свету.
Есть доброта. Ты только пой об этом.
Всё впереди. Ещё пребудет жизнь...

Людмила Горбачёва

Окончила филологический факультет

Здравствуй, Воронеж!

Привет тебе, мой город – старый друг!
Дай мне на счастье пару улиц – рук!
Сожми меня в ладонях площадей,
Вручи перрон с улыбками друзей,

Не будем пред годами падать ниц,
Найдём друг друга сразу в гуще лиц,
Пробьёмся к встрече сквозь морщин обман,
Как будто корабли через туман.

И сразу будто не было и нет
Невзгод, разлук и трудных долгих лет.
Ну кто сказал, что стали мы белей?!..
То пух летит знакомых тополей.

Да здравствует путь молодость души!
Дела и цели, мысли, рубежи!

Пусть жизнь бурлит и радует сердца,
И нет ей ни начала, ни конца...

Лев Коськов

Тот День поэзии прошёл в особом роде –
Попомню я его, покуда жив:
Тогда мы выступленье на заводе –
В обеденный давали перерыв.
В отчаянно прокуренной бытовке –
Комбинезоны, ватники спецовки,
Нехитрая закуска на столах,
И вены, словно грубые верёвки,
У каждого синели на руках.
Покамест ненастроенная лира
Не огласила звуками эфира,
Сидел усталый собранный народ,
Кефиром запивая бутерброд.
Нас было почти поровну – рабочих
И гениев, стихи читать охочих.
Как прав поэт: слова, слова, слова –
Рванули мы, кто в лес, кто по дрова:
Одни рубили воздух в ритмах броских,
Другие пели плавно о берёзках,
И сам я, развевая волоса,
Про волны завывал и паруса
И про иное многое. Но честно
Я понимал, как это неуместно.
Пока в устах свободный реял стих,
Я слушателей наблюдал своих
И видел в людях чувство превосходства,
Достоинство, а в общем – благородство.
«Ведь это не взаправду, а шутя,
Пускай его – потешится дитя!
Пой, ласточка, тебя мы не осудим,
Играй, порхай, но не мешай ты людям.
Курнуть бы всласть да замочить козла,
А тут тебе стихи – ну и дела!»
Войдя в кураж, под собственные трели
Мы под конец порядком обалдели.
Но вот финал. Хлопки вовсю гремят,
Нам руки жмут, спасибо говорят.
И – врозь пути: одних ждала работа,
Другие вышли гордо за ворота.
Была весна. Упруг и лёгок шаг,
И нараспашку душу и пиджак!
И, праздную поэзии победу,
Вели мы оживлённую беседу
О наших удивительных стихах
И менее значительных делах.
Но в памяти мелькало особливо,
Что на вокзале продаётся пиво
И что, пожалуй, тамошний буфет
ещё не закрывался на обед...
.....
И с той поры прошло немало лет.
Иные дни, иные эпизоды,
Но этот почему-то не забыт,

Он вечно молод, и меня сквозь годы,
Как уголь, жжёт тяжёлый старыйстыд.

1987

«В год памяти Пушкина особенно стыдно плохо писать, стыдно пасовать перед натиском посредственостей.

...Появятся, непременно появятся новые имена, ведь заря новой эпохи занимается на дворе. Давайте их разглядим, давайте к ним прислушаемся!»
(В. Акаткин. При свете Пушкина // Воронежский университет. 1987. 25 марта).

Ольга Мусатова

Студентка I курса факультета ПММ.
Дебютант Дня поэзии

Идёт по свету человек.
Несёт в кармане счастье.
Над ним кружится летний снег
Легко и безучастно.
Седые вздохи тополей
Рассыпаны на части.
А он шагает по земле,
Несёт в кармане счастье.
Он ловит спутанный туман
Своих вопросов прежних.
Он счастье положил в карман
Так бережно-небрежно.
Идёт по свету человек.
И не один деляга
Ещё увидит счастья свет,
Просверлит хищным взглядом.
И в душу синюю его
Не раз войдёт без стука.
И не один карманнй вор
К нему протянет руку.
...А он идёт – и облака
Срывает, как ромашки.
С разбегу прыгает в закат,
Рукой кому-то машет.
Недоуменно вниз глядит:
Его глазами глажут.
А до кармана – ни один
Никак достать не может.
Идёт по свету человек.
Большой и ненормальный.
В его кармане вьётся свет.
И в лунный взгляд печальный
Впадает медленной рекой...
Но рад чужому счастью

Июньский ветер. Он такой,
Беспринцестный
Шуршит в негнущейся траве,
Моргает часто-часто...
Идёт по свету человек.
Несёт в кармане счастье.

Юлия Санина

Выпускница филологического факультета

Над забытым колодцем склонюсь –
И себя в глубине не увижу.
И шепнёт его горькая грусть,
Что, как люди, он чем-то обижен.
– Не печалься, – скажу я ему, –
Это солнце над нами смеётся.
А сама не пойму, почему
На земле высыхают колодцы.

Ирина Дуленкова

Дебютант Дня поэзии

Я обретаю равновесие,
И все дела идут на лад
Когда дождливою завесою
Укутан город мой до пят.
Смотрю глазами удивлёнными
Сквозь запотевшее стекло,
Где акварелью нарисовано
Знакомых улиц полотно.
Где в зыбком мареве колышутся
Машины, люди и дома,
Шуршанье медленное слышится –
То льётся музыка сама.

Михаил Болгов

Выпускник ВПИ. Участник Дней поэзии ВГУ.

Осенью поздней омыть покои,
Пахнет повсюду живою водою –
Это ли туча летела, летела,
Крыльями души обоих задела...
И зацепилась, и сдвинуть не может –
Скованы нежной и хрупкой любовью,
И тяжелы, словно цепи осторожных,
Неперетёртые общие боли...
Это случится не скоро, не скоро:
Туча промчится, не встретив опоры.
Видя равнину, где выселись двое,
Видя, как годы бегут с волчьим воем, –
Цепи пусты – со следами зубов их...

Только лишь эхо небесного зова
С той же свободой и с той же любовью
Встретит её в опустевшем покое.

Маргарита Мельгунова

Но я люблю тебя:
Я сам такой, Кармен.
А. Блок

Я – рисковая девчонка:
Или – или.
Не крыло – под чёрной чёлкой
Глаз подбили.
Исподлобья – будто свечка
Под киотом,
Той же сумеречной мечен
Позолотой.
Знать не знаю: сплю я или
Не живая?
Разлюбивших – разве били? –
Убивали!
Иль не в моде эти счёты,
Раз сегодня
На целованную щёку
Руку поднял,
Руку с пальцем перевитым –
ПОЗОЛОТОЙ!
Золотой мой, вот и квиты,
ВОТ и...

Владимир Вигутов

Выпускник биофака ВГУ 1979 года.

В поле, где пасутся кони,
у привольной у реки
крепко в землю врыли корни
синецветки- васильки.
Пусть глядится простовато,
но – упрямые и тонки,
словно здешние девчата,
что плетут из них венки.
То в саду, то в огороде,
то в пшенице – там и тут
летом при любой погоде
гордо василька цветут.
В них коса не раз впивалась:
– Сдайся, сорная трава!
Через зиму поднималась
голубая голова.
Рвали с корнем их, травили.
заодно травили рожь.
Васильки живут, как жили, –
семена не соберёшь.
Знать, крепка у них порода,
хоть коси их – не коси...

Так устроена природа.
Так ведётся на Руси.

1988

Крик отчаянья

В.М. Акаткин:

«Зачем нам Дни поэзии? Раз в году собраться, принять на себя одуряющую лавину стихов, прослушать несколько (для "оживляжа") песенок, десяток острых пародий да шуток ведущих и разойтись по домам до следующего раза, до очередного Дня? Не надоело ли?»

Зачем мы вообще собираемся? Не на литературный же ликбез и не для того, чтобы получить руководящие указания. Мы собираемся для того, чтобы поделиться наболевшим, чтобы прикоснуться словом к душе друг друга, чтобы обменяться открытиями, как рукопожатием. Наш университетский День поэзии — уже 32-й по счету. Всякими они бывали: накалёнными, бурными, острыми, порой ведущие не знали, какие камни полетят на их головы после неожиданно прозвучавших "запретных" стихов. А вот в последнее время эти Дни стали какими-то вялыми, скучными. Многие видели, понимали: уходит из них душа, азарт, гражданская зажигательность. Стихи перестали быть событием, хотя, наверно, хуже прежних они не стали. Постепенно зал входил в свои берега, потом стал и вовсе заполняться наполовину. Что же случилось? На рокеров валят толпой, на панков и хиппи смотрят так, что шея вот-вот оторвётся, а к поэтам все прохладнее. И все-таки продолжали собираться в традиционный день — 25 марта. По инерции? Из-за боязни нарушить формализованный ритуал? Пусть уж что-нибудь будет — пустое, выхолощенное, привычное, чем ничего. Быть может, у кого-то и закрадывалась мысль: а не пора ли кончать с этими Днями? В плане они не стоят, отчёты о них не подавать. Но вслух произнести эту мысль никто не решался.

Отказаться было бы проще всего. И в отказе ли выход? Разве стихи уже никого не интересуют? Разве это плохая традиция, которая держится вот уже более трети века?» (Преодоление // Воронежский университет. 1988. 18—25 марта).

Георгис Веллас

Миндаль

Прекрасно дерево миндаля,
Светло цвело в моей судьбе
И никакого увяданья
Таить не думало в себе,
Но нас заставили расстаться
На двадцать лет, на двадцать зим.
Теперь миндаль убогим старцем
Со мной беседует один.
По шелесту листвы печальной
Его угадываю боль:
Он двадцать лет таил отчаяние,
Что я не взял его с собой.
Он пробивал корнями землю,
Он ветку каждую тянул
Туда, где под чужую зелень
Я не случайно заглянул.
Он чуть не умер от разлуки.
В родной стране он был один.
Отверг он вражеские руки!
Ему был друг необходим!
Перевод В. Самойлова

Валентин Нервин

Сотрудник МЛЭУ ВГУ

У каждого свои проблемы:
дурак бросается вперёд,
животрепещущие темы
за горло запросто берет.

Ему, по сути, все едино:
что перестройка, что застой —
одна дурацкая малина —
и дым густой, и шум пустой.

А умный, реорганизуя,
обалдевает иногда,
перелопачивая всуе
плоды дурацкого труда.

Уже весна охрипла от капели,
уже отголубели небеса,
а птицы — несознательные — пели,
свистели на любые голоса.

Эх, кабы мне в такую же минуту,
как говорится, стоя на краю,
свистеть, а не выказывать кому-то
высокую сознательность свою!

Александр Ромахов

Дебютант Дня поэзии

О будущем так розово мечталось им, –
Записанным назавтра во враги.
И по ночам скрипели, словно жалуясь,
Конвойных молчаливых сапоги.
Ровесники мои конца тридцатых!
Не развести мне времени руками,
А как хочу взглядеться в лица их! –
Под сводами оглохших смертных камер,
Под злобным лаем псов сторожевых.
Молчания минувший полувек!
Мне будущее снится нынче розово,
Мне двадцать семь – безоблачных моих!
Но знаю я – во времена Иосифа
Я вряд ли дотянул бы и до них.

Лилия Гущина

Мы разучились наживать врагов,
Все наши страсти – просто курям на смех.
Любовь, что не затопит берегов,
И ненависть, которая не насмерть.
К нам полудруг заглянет вечерком,
Попьёт чайку, потравит анекдоты.
А после на паях с полуварогом
Нас оклевещет. Так, с полуохоты.
И мы простим. Какой с бедняги спрос?
Он человек. Ему ничто не чуждо.
Взаимопониманья телемост
Нам позволяет жить легко и чудно.

Алексей Козлов

Старший художественный редактор
издательства ВГУ

Сегодня

Во дни, когда каждый с надеждой встречаешь
И веришь, что быть должно именно так,
Есть правда, которую не променяешь
На сырую роскошь ворованных благ.
В минуты ходьбы от забывшихся снаими,
Где каждый не знал, не хотел, не сумел,
Есть люди, которые держат плечами
Громаду, увы, неоконченных дел.
Их право, их вера – не брякать словами,
Открыто смеяться, творить и любить.
Есть счастье, которое не за горами
Для тех, кто способен его заслужить.

Константин Кондратьев

Выпускник экономической факультета

В погребке

Он ронял неторопливо
Острые кристаллы слов.
Улыбался чуть лениво
Из-под фирменных очков.
Без усилий и сомнений,
Без азарта и без зла
Замки наших представлений
Спинной он сжигал дотла.
Он потягивал свой рислинг,
Интереса не искал –
И одним движеньем мысли
В тайну сути проникал.
Тривиальный и привычный
Мир запутанных проблем
Представлялся вдруг логичной
Совокупностью систем.
Не встречая возражений,
Допивал он свой стакан.
Мы подумали: он гений...
Оказалось – просто пьян.

Сергей Шаулов

Выпускник ВГУ

**Стихотворение, написанное рано утром на
вороноежском Центральном рынке, где мы
с Серёжей имели номера 174 и 175 в очереди
за мясом**

Достался дух мне.
Что мне делать с ним,
Таким всеобщим и таким моим?
О, если б он был с жизнью совместим –
С очередями, где мы все стоим
За мясом, за квартирой, за бельём,
За рыбой, продаваемой живьём,
за пивом, золотом и хрусталём,
За «Жигулями» или на приём!..
О, если бы равен жизни он, –
Я бесконечно был бы облегчён.
Достался дух мне.
Что мне делать с ним,
Таким высоким и таким моим?
Как болью вечной, я владею им:
Он жив во мне, со мной несовместим.
Он в сердце мне обрушил времена,
Где ни одна не кончилась война,
И жизнь моя, как вечная вина,
Печально компромиссами полна.
Влеки, топи, дроби меня, поток!
Я никогда не буду одинок.
Я слишком счастлив, я запасся впрок:

24 марта 2018 г.

Дух – беспределен, вечен и высок,
И всё же дан мне на ничтожный срок.

Владимир Чесноков

Нынче вокруг беспорядок сплошной,
Снова в природе потерян покой –
В полдень капель в барабаны бьёт,
А ночью весь мир превращается в лёд.
Мечется выюга, колдует азартно,
Лепит на чёрное белые пятна.
На белое – снова, в порядке обратном,
Чёрные пятна, чёрные пятна...
Странные игры «в наоборот»
Белое с чёрным лихо ведёт.
Ни красного нет, ни зелёного цвета,
Тоска в чёрно-белом мелькании этом,
Что происходит? Мне непонятно.
Чёрные пятна, белые пятна...

1989

Зинаида Лыкова

Лаборант биологического факультета

Какая ранняя весна,
Какие талые погоды!
И в этой спешности видна
Связь человека и природы.
И мы, к грядущему спеша,
Живём светлей и беззаветней,
И в нас от спячки многолетней
Теперь отаяла душа.

О, как я пристрастно
Завидую юным,
Хохочущим звонко,
Бренчащим по струнам!
Не свежей их силе,
Не яркой их моде –
Завидую только
Прекрасной свободе.
За смелую песню,
За вольное слово
Никто не припишет
Им умысла злого.
А если и будет
Наклейка пришита,
Найдётся заступа,
Найдётся защита.
Дай бог им не знать

Пустоты умолчанья.
Пусть сбудутся песни,
Дела и мечтанья!

Анатолий Абрамов

Все перепуталось, переплелось –
Что было свергнуто и что свергало.
Одно вдруг из могилы поднялось,
Другое вдруг на край могилы встало.
Кто побеждённый? Победитель кто?
Ответы вроде бы даются бойко.
Но времени кровавое плато
Их столько знало – и узнает сколько!
Но мысль не только о путях страны.
Армения... Чернобыль... Эти боли
Какой-то страшной силой сведены
В одно – и на одном отцовском поле.
Вот отчего в душе уже не год
Всё заняла великая надсада.
...А Страшного суда совсем не надо.
Он был уже, и он сейчас идёт.

Лев Коськов

И было сказано: свободен!
Тебе открыты все пути! –
А ты уж ни на что не годен,
И некуда тебе идти.
Где путь? Где правда? Где ошибка?
С сухим измученным умом,
С неврастенической улыбкой
Ты криво судишь обо всём.
Но полно плакать – эко горе!
Есть у тебя в запасе море.
А также летняя гроза,
Созвездия над головою,
И свет, и музыка с тобою,
И женщина – глаза в глаза.
Есть дружбы пятая стихия
И детство вечное твоё,
И есть по-прежнему Россия –
И вера странная в неё.

Ле Ван Нян

Аспирант ВГУ из Вьетнама

Я в России не в гостях, а дома.
Кажется, уже давным-давно
снежные сугробы мне знакомы,
за окном кругом белым-белым...
Я тебе, Россия, благодарен:
с зимним пухом ты меня свела,

на всю жизнь, как дорогой подарок,
мужества урок ты мне дала!
Вовсе я тебе не чужестранец –
связана судьба моя с тобой.
В паспорте указано: вьетнамец,
но вьетнамец с русскою душой.
Не могу же я родиться дважды,
отчий край Вьетнам навеки мой,
но тебя я полюбил однажды,
навсегда ты стала мне родной!

Вячеслав Лютый

Вначале было отрицанье,
А после стало – утвержденье.
Вначале было упованье,
А после стало – наважденье.
И старый бог ещё не умер,
А новый бог – без рук, без ног.
И вместо бога – чёрный юмор,
И горечь вместо слов и строк.

И всё-таки – новая эпоха!

В 1970—1980-е годы сложилась определённая традиция публикаций в университетских днях поэзии. На первую полосу попадали стихотворения известных воронежских поэтов и тех, кто имел определённый статус в общественной и преподавательской среде. Затем шли поэты рангом пониже. Ближе к концу газетного номера располагались публикации новичков. Впрочем, ярких дебютантов могли поместить и на третью, и даже на вторую полосу. Было забавно наблюдать, как поэты-первокурсники хватали выпуск «Дня поэзии» и начинали торопливо листать его... с конца, чтобы найти свои вирши.

Приход В. М. Акаткина к руководству Днями поэзии ознаменовался большими переменами. Новый, молодой декан филфака распахнул редакционные двери перед всеми желающими. Не снижая планки требований к качеству стихов, он терпеливо вслушивался в новые голоса новой эпохи.

В. М. Акаткин:

«На литературных горизонтах замелькали знамёна и программы поэтических групп, школок, объединений. В общей массе молодых уже обозначились "черты пленительного "Лика", слышатся голоса "Зинзивера" — новой творческой группы стихотворцев, самим названием, взятым у Хлебникова, называющих нас на то неведомое и мифическое, что

может нести в себе поэтическое слово» (На переломе // Воронежский университет. 1989. 25 марта).

1990

Михаил Касаткин

Фортуна

Порой ни то ни се...
Слепая наперёд,
Судьба, что колесо:
Отпустишь – в бок вильнёт.
Зигзаг – на пару дней,
И ты уже смешон,
Ты в стороне видней,
Чем если б рядом шёл.
Начнут тебя жалеть
Иль жалить – все равно
Ты счастлив повзрослесть,
Кругля зигзаг в звено.
Преодолений цепь
Кандалко волоча,
Ты ясно видишь: цель
На уровне плеча.
Жена или стена.
Какая из опор
Вольна спросить с тебя
За каждый перебор?!
Ты будешь им под стать,
Спрямивший свой уклон
По кривизне пространств
По кривизне времён.

Ольга Кузина

Для падающих звёзд
Не существует расписаний.
Они падают тогда,
Когда им хочется,
А не тогда, когда надо,
Или должно, или
Следовало бы упасть.
Они падают потому,
Что им не хватает
Новизны ощущений,
Свистящего ветра в ушах,
Незнакомых лиц,
Неведомых красок.
А может быть,
Им просто тяжело
Оставаться там,
Где они были счастливы...
Были.

24 марта 2018 г.

Алексей Любушкин

У одиночества
Титул палачества.
Как оно корчится,
Как оно прячется,
Ласково сыплется снегом на головы –
Чаша не выпьется
С блекнувшим оловом,
Память притронется
к прежнему, бывшему,
Озимь полонится солнцем остывшим.
Разве не плачется,
Разве не слышится –
«Ваше палачество!
Ваше величество!»

Светлана Стёпичева

Лист орешника

На память о людях не лица,
Давно позабытые мной, –
Храню пожелтевшие листья
Я в книжке своей записной.
Рябиновый – грустная нежность,
Берёзовый – детские сны,
Кленовый – как знак неизбежный
Моей непрощённой вины.
И Вашего голоса эхо
Останется мне навсегда
Листком молодого ореха,
Простым, как сама доброта.

Рамиль Бесермен

Настало время сумерек и снов,
бродячих псов, оледенелых окон,
стоящих в переулках, на дорогах,
с подвешенными лампами столбов,
тоски, обочин, редких ходоков,
внезапно исчезающих в воротах,
скрипящих, видно, от усердия и пота
и рано наступивших холодов,
в провинции, где медленный рассвет,
вползая на прогнувшееся небо,
не прячет неприветливую бледность
и всех своих излишне долгих лет.

Игорь Гуров

Ну вот и день прошёл... и слава богу.
Наброшена вуаль на небеса.
Я прихожу в сознанье понемногу,

Улавливая ночи голоса.
В ночном покое думы так тревожат,
Но их сильнее тихий шёпот твой;
Во сне печаль на странствующей ложе
Несёт к тебе, нетронутый покой.
Земля в тумане розовых причуд
Наносит небу роковую рану,
И раненые звезды тихо лют
Ночную кровь на серебро тумана...
Луны печаль не тронула тебя.
Сошли с волос твоих седые звуки,
И первый луч подбросил снегиря
На лунный воск, остановивши руки,
С холодных окон розовый привет
Спустился на прозрачные ладони –
И поразил ресницы юный свет,
И заиграл в весёлом перезвоне...!
Твой хрупкий пальчик кружит по стеклу
Смешное небо в солнечных уколах,
А юный взгляд – огня весёлый всполох –
Украдкой мчит к знакомому окну.

Татьяна Повалюхина

Поэты – собачьи дети!
Куда вы меня завели?
Ведь вы ни за что не в ответе,
Звени себе да звени.
Вам столько прощают, наверно,
За вашу звонкую речь.
Она испокон по нервам,
Но эта игра стоит свеч.
Пусть мой колокольчик слабенький
Вольётся в ваш мощный звон.
Дай бог, чтобы сытому дяденьке
Он потревожил сон!
Какое жестокое дело –
Корябать вам слух со зла.
Поэты – собачьи дети,
Знают вкус ремесла.

Заявка

Прорезаются зубы.
До свидания детство.
Уважаемый Зубр,
Не считите за дерзость
Небеса накаляются,
Нету времени нежиться.
Нам не надо оваций,
И ругать пока не за что.
Просто ходим мы гордые.
Носим пухлые папки.
Собираем в них горы
Аргументов и фактов.
Мой собрат длинноногий
Впечатлениями делится.
Но не знает, что все это

До него уже делалось.
Повторялось и множилось,
Пело и рифмовало.
Мы талантливы? Может быть.
Только гениев мало.
Маяковский да Пушкин.
Хронологии побоку.
Наши светлые чувства
Боре Гребенщикову.
А ещё Вознесенскому,
Что вознёс нас над одурью.
С корабля современности
Сбросим пышные оды.
Это наше искусство
Беззащитно и голо!
Прорезаются чувства.
Прорезается голос.

Татьяна Шепелева

Самый медленный поезд

Понимаешь, я в жизни была иной,
У меня было много лиц –
Слишком скучно на свете гореть одной
И вдыхать суету столиц...
«Осторожно, окрашено!» – этот крик
Прозвенел в тишине и смолк,
Над огнями ламп, на один лишь миг,
Среди тысяч бегущих ног...
Пролетали мимо обрывки фраз
И знакомых мелодий звук,
Понимаешь, нет больше этих глаз,
Есть колёс невесёлый стук,
Громыхали колёса, сирень цвела,
Унося за собою вдаль...
Просто я, понимаешь, ДАВНО умерла,
Но никто не поверил. Жаль...

1991

Анатолий Абрамов

В госпитале

Ах, Маша милая из Старой Руссы,
Тогда любовь я попросту отверг.
Я испугался. Но сказал: «Турусы
Не развозжу!» И чтобы не померк

Перед тобой совсем, годиной чёрной
Всё объяснил: «Мир и земля в крови,
И нам покажутся игрушкой вздорной
В такую пору прихоти любви».

Потом прибавил: «Наша доля – драться!»
Но с той поры – пусть всюду лился свет –
Я стал, как за соломинку, хвататься
За всё, что говорило: счастье – бред.

Что счастье – это выдумка... Но тьмою
Покрылись дни, всё стало, как во мгле.
И понял я: не так я жил, другою
Идти дорогой надо по земле.

Иначе жизнь становится несносным
Дождем бесцельных пустяков,
А где-то плещет море, стонут сосны,
Звенит дорога тысячью подков.

Цель жизни – человеческое счастье.
И если это я не говорил,
То только потому, что трусом был,
Боялся солнца, бегал от участья.

Не трусь ни солнца, ни дождя, ни снега.
И счастья ураган прими как дар.
И от грозы его не надо бегать,
Как от беды, как от бесовских кар.

Я понял: счастью нужен весь простор.
Оно – передний край. И с ним – непросто.
А остальное всё – труха, короста
И мелкой жизни непроглядный сор.

Татьяна Жиронкина

Родина

Всходит луна над заснеженным полем.
Юной невестой берёза глядит...
Родина, Родина, светлая доля,
нет тебя лучше, и сердце щемит.
Тихо... Укатана тропка полозьями.
Светится снег миллионами звёзд.
Манит рябины пунцовыми гроздьями...
Русское поле, родное до слёз.
Русское поле, покрытое саваном,
сколько познало смертей и обид...
Чудом великим, никем не разгаданным
духом народа Россия стоит.
Верю, теперь, когда правда суровая
стала понятна народу, близка,
Русь не замутят заумные» головы.
Выстоит Русь, как в былье века.

Альберт Попов

Поэзия мертвa.
Поэтов выродилось племя.
Последыши его юятся у пивных.
Учёные слова,

Как гвозди, забивая в темя,
Громкоголосит хор листков крутых.
Как будто осень государство осенила
И унесла его в предсмертный свой полёт.
Цветы засохли. Высохли чернила.
Что происходит? – Что-то настаёт.

Иван Щёлоков

Горечь сырья полыни.
Дождь трети сутки и мрак;
Мокнет на колышке тына
Кем-то забытый пиджак.
Снова не быть сенокосу.
Снова в родимом kraю
Ветры врываются косо
В гулкую душу мою.
Давит, гнетёт непогода.
Если бы знать наперёд!
Возле размытого брода
Шумно толпится народ.

Владимир Чесноков

С нами вместе. И навечно.
Гулким новгородским вече
Снова бьёт набатом. Снова.
Бродит ересь и крамола
Через годы, гой еси!
Протопопом Аввакумом
Ересь бродит по Руси.
Бесшабашной круговертью,
Песней воли, песней смерти
В красной рубице-рубахе,
Через кровь и через плахи,
Через пламя гой еси!
Купиной неопалимой
Снова ересь на Руси!

Дмитрий Чугунов

Признание

Обращаясь за помощью к Богу,
Я не верю, впрочем, ему.
Хоть нуждаюсь совсем в немногом,
Но немногого не возьму.
Не смиренным просителем счастья
Я предстану перед очи Его,
Милосердие и волшебство
Только в божеской разве власти?
...И, окончив молитвы ладность,
Поднимусь с онемевших колен,
Это только минутный плен,
Это только минутная слабость...

Конец эпохи

Ещё год назад газета «Воронежский университет» выходила с пометкой — «Орган парткома, ректората, профкома и комитета ВЛКСМ Воронежского ордена Ленина государственного университета». Слово «партком» стояло на первом месте. В 1991 году это указание на первой странице тихо исчезло. А в номере, отданном под стихи, вообще случилось неслыханное. Широко раскрыв глаза, потрясённо декламировали строчки некоего Вадима Ржавина, адресованные «партии». То ли в них подразумевалась партия «большевиков» (привычная буковка «б» в скобках после аббревиатуры ВКП), то ли автор выступал в роли злостного хулигана, сокращая до одной буквы нецензурное ругательство... В любом случае ещё десяток лет назад за такой демарш со своих должностей слетели бы в один миг все, причастные к выпуску газеты.

Тайна появления этого стихотворения — несомненного знака бурного времени перемен, времени перестройки сознания — так и осталась нераскрытым. Якобы в коридоре филологического факультета появился некий человек, который потом заглянул в деканат. Он вручил декану, ответственному за выпуск «Дня поэзии», листок со стихами и сказал: «Вот, напечатайте, пожалуйста!» И спешно удалился. Кем он был? Откуда? Тем не менее стихи напечатали.

Вадим Ржавин

Товарищу по партии (б...)

САМ ГОРИ В СВОЕМ АДУ!
Сам дуди в свою дуду.
Сам натягивай узду.
Сам воюй свою вражду.
Сам малюй свою звезду.
Сам молись на ерунду.
Сам скирдуй свою скирду
Иль откапывай руду,
Получая «по труду» —
Добывай себе еду.
Да не суй сию бурду
Ни арийцу, ни жиду.
Сам взимай с народа мзду.
Загоняй его в нужду.
Пестуй сволочей орду
Ко всеобщему стыду.
В перестройку-чехарду
Сам-играй. Топись в пруду,
Словно пьяный какаду.
«Петь кончай!» — кричи дрозду —
Да шрапнелью по гнезду!..
При с собой «в одном ряду»
Штурмом хоть на Катманду!

Чрез Кавказскую гряду,
Заповедну Теберду,
Распевая на ходу:
Как в семнадцатом году
Всей России на беду,
Съев марксизма лебеду,
В большевистском том бреду
Да по Финскому по льду
Начал в никуда езду.
Но имей себе в виду:
**САМ ИСТОРИИ СУДУ
ОТВЕЧАЙ!..**
...А я пойду.

Лирический герой решил «пойти» своей дорогой. Да и вся страна в 1991 году пошла в неизвестность. СССР прекратил существование. В этом смысле символичным оказалось и другое напечатанное стихотворение, посвящённое поэту-музыканту, выбросившемуся из окна.

Владимир Шевченко

Александру Башлачеву

Ах, Маша! Быстрая душа
Твоя страдала от гипноза
Власть предержащего мороза,
В каком мы жили, чуть дыша.
Как много ты хотел успеть!
Но словоей на мёрзлой ветке,
Торчащей среди прутьев клетки,
Не может в полный голос петь.
Ты из немногих, кто спешил,
Чтоб мы сумели возродиться,
Тебе Всевышний разрешил
Разбить, разбить, а не разбиться.

летит под откос. В самом деле, разве она воспевала когда-нибудь оборотистого дельца, хищного ростовщика или пленника роскоши — буржуя? А теперь эти сумеречные персонажи, вышедшие из подполья на законную охоту, открыто предают забвению наш платонический социализм, издеваются над нашими быльми устремлениями, сбрасывают с парохода современности наши лучшие песни и марши. Стремительно ветшает и обессмысливается, превращаясь в забавную шелуху, наш беспредельно политизованный словарь, на котором мы проговорили почти целое столетие. Подобной встряски не переживала ни одна предшествующая эпоха. Обморочные судороги пробегают по сердцам тех, кто по идейным соображениям подбросил в костёр мировой революции хотя бы одну веточку. Кто отличит живое от мёртвого в серых сумерках разлома и распада? Кто не растеряется от поругания всяческих норм и границ, когда сама Святая Красота уже не мыслится без примеси уродства и бесстыдства? Бесы темных соблазнов витают над нами, определяясь в помутившемся сознании пружинистыми дьяволятами, властно извлекающими из нас крики одобрения и восхищения. Кажется, последние наши силёнки уходят на то, чтобы дорушить недавние опоры, едко усмехнуться надо всем, что нас давило и душило. И поделом! Однако не проломим ли мы последнюю стену, которая ограждает от пропасти, не отринем ли такое, что придётся потом со стыдом и покаянием возвращать? Да, пока по первому зову является к нам лишь слово гнева и разрушения, слово жалобы и отрицания, тогда как лексикон любви и созидания лежит нетронутым.

Мы давно и прочно уверились, что важнее наших горестей и тревог нет ничего на свете — ни мира, ни бога, ни бессмертия. При таком убеждении поэтическое слово неизбежно становится суetным и мелкотравчатым, ему не по силам духовная необъятность, добро и красота. Недавно я прочитал у одного поэта начала века: зачем мне Храм, если в нем строителя больше, чем Творца? Зачем нам поэзия, если в ней только уличные впечатления раздражённого пешехода, ещё не успевшего обдумать увиденное, соотнести его с вечностью? Поэзия сейчас подобна этому пешеходу, бредущему неизвестно куда под грузом тягостных наблюдений. Пусть себе идёт, авось, всё уляжется, прояснится, обернётся стихом и песней, а там и сумерки рассяются, и дальние цели засветятся...» (В сумерках обновления // Воронежский университет. 1992. 16—31 марта).

В.М. Акаткин:

«По всему видно: современное стихотворство тащится на обвисших парусах, либо паразитирует на прошлом, забубённо повторяя давно открытое, либо безнаказанно ёрничает надо всем, что было вчера святым и высоким. Конечно, новое слово рождается долго и мучительно, особенно в такие переломные моменты, когда почти всё, на чём всходила литература прошлых веков, кажется,

День поэзии того года был действительно пропалым. Пожалуй, единственным стихотворением, достойным внимания, оказалось следующее:

24 марта 2018 г.

Руслана Короткова

Влюблённость

Акварели солнечной печали.
Грозовая духота июня.
С чёрными зовущими глазами
Человека у порога жду я.

В горечь слов я верю безвозвратно,
Как и в смех, похожий на рыданье,
В губы, что целуют беспощадно,
Без молитв, без клятв и без страданья.

Ветер волн рассыпал звёзды ночи.
Входит дождь в спокойный, спящий город.
Тротуаров плач – чернильных строчек.
Лунный диск фарфоровый расколот.

Форточка распахнуто щебечет.
Силуэты на копирке шторы.
Волосы змеятся и ладони,
Как лианы, оплетают плечи.

И в оконной обнажённой раме
Он, склонившись, ей целует руки.
В чёрном шёлке, как в исповедальне,
Губы нижут бисерные звуки.

И никто мой профиль не узнает
В этой строгой застеклённой ночи.
Пальцы в тёмных прядях замирают.
Лунный рот осколочно хохочет.

1993

Даниил Заславский

Бабочка

...и вдруг слетела с моего плеча
И вся ушла в мельканье рваных линий...
Как на пригорке глина горяча!
Как на воде белеют пятна лилий!

И впрямь её зигзаги хороши,
Она летит – и ты следишь за нею...
И шепчут то в истоме камыши,
Что вымучено думою твою.

Екатерина Цецура

Студентка I курса факультета журналистики

Жертвам Чернобыля

В старом доме – ни свечи,
Только капли воска на столе затвердели.
В старом доме – ни мысли, ни движения плоти.
Только серая пыль. И раскрытая книга.
И разбитый стакан.
С пожелтевшего снимка молодые люди
Удивляются собственной старости.
И часы не спешат.
И безжизненны стрелки.
И вокруг пустота.
В заколоченном доме – ни звука,
Только ветер где-то шумит листвой...
Упокой их души, Господь, упокой.

Валентин Нервин

Памяти дезертира

Как на той, на далёкой гражданской,
не скакал
на горячем
коне,
Не сражался Овидий рязанский
И стихов
не писал
о войне.
Он, естественно, не был героем –
Забулдыга
тире
патриот.
Да такого, как он, перед строем
Полагалось
без всяких
в расход.
Так за что же ему, дезертиру,
Синеглазая
муза-вдова
Подарила российскую лиру
И дала
неземные
права?
...то ли красная конница скачет,
То ли белая конница мчит –
А тальянка по-прежнему плачет
И гитара, как прежде, звучит...

1994

Ольга Бредихина

Свети ветер ваших лет,
Медь на пальцах осыпалась.
Бесполезная усталость,
Пыль вчерашних сигарет.
От каштановых ежей
На асфальте беспокойство,
Этих дней осенних свойство –
Равнодушность рубежей.
Было лето, а теперь
То же самое, но осень.
И уже темнеет в восемь,
И уже жаре не верь.
Тихо-тихо листопад,
Тихо-тихо грусть ночная.
И никто не виноват
В том, что я так мало знаю.

Вячеслав Солдаткин

Вы ко мне? А у меня пыль осела в коридорах,
На лице угрюмом – ворох седины и бороды.
На фанфары не похожий, осторожный мерный
шорох.
От дивана до прихожей одинокие следы.

Вы ко мне? А у меня груды книжек на комоде.
Обхожденье не по моде; седина и старина.
Пылью стольких лет покрытый, мрачен я не по
погоде.
Все минувшее забыто. И не вasha в том вина.

Вы ко мне? А у меня кофе в зёрнах не намолот.
Взгляд на жизнь давно не молод, паутина на окне.
В коридорах с темнотою вперемежку жуткий холод –
Дом заполнен пустотою и для вас в нем места нет!

Юлия Макарова

Плясала на балу у Сатаны,
Заправив кофту в узенькие джинсы,
Её кружили герцоги и принцы,
Она жила предчувствием весны.

Она любила Моцарта и рок,
Она ложилась спать уже под утро,
Не смыв с лица дешёвенскую пудру.
Но лето уж ступило на порог...

Не видела сиреневой зари,
Хотела быть красивой и богатой
И облака считала просто ватой,
Но осень подошла к её двери...

Ушла из дома и пришла домой,
Счастливой быть давно уж надоело,
И стало жить неловко и несмело.
Сменилась осень нищую зимой...

1995

Николай Плаксенко

Боевому другу

Шлю тебе стихи солдатские.
Среди них есть и мои.
Сорок лет мы – люди штатские,
А всё помнятся бои.

Весны зимами сменяются
В веренице лет седых,
А друзья не забываются,
Что остались в молодых,

Что безусыми солдатами
Обагрили белый снег
И остались неженатыми
И бездетными навек.

Вновь дорогами неблизкими
Навестить друзей иду,
Что остались обелисками
У планеты на виду.

24 марта 2018 г.

Алексей Попов

Фронтовое утро

Небо бледно-бледно голубое,
Отпылал зари густой кумач.
Сосны молодые над собою
Выбросили солнца рыжий мяч.
Шепчут сосны языком иглистым –
Полюбуйтесь, как прекрасен мир!
Но радистам некогда – радисты
Сторожат таинственный эфир.
Их глаза устремлены в оконца,
Каждый взгляд внимательно прилип
Не к окошку, где ликует солнце,
А к оконцу, где железный лимб.
Но молчат приёмники. Лишь свистом
Утомляют мозг и чуткий слух...
А в лесу, прохладном и лучистом,
Все пьянит сосновый терпкий дух.

Анатолий Абрамов

Сегодняшнее

Только мне не забыть той вины,
Той, что делала парня калекой...
За разруху, за горе войны
Отвечаю по суду человека!

Только есть ли он, праведный суд?
И когда же придут эти сроки?
Все ещё не востребован труд
Извлекать из трагедий уроки.

Я же сам был на странной войне,
Не забыл Карикувайвит кровавый.
Сроки те, те мученья – во мне.
И они мне не кажутся славой.

И не знаю, пройдут ли они.
Эти сроки и эти мученья...
На дорогах и в скалах Чечни
Та же тьма. И ни капли прозренья.

Роман Бутов

Тихий дом

Тихий дом и контуры беседки
на снегу, и справа от окна
тянутся каштановые ветки

сквозь белёсый сумрак полотна.
Воздух замер, только за оградой
слышен шелест высохшей травы.
А на стёклах, тающей громадой,
след от непокорной головы.

Затихают медленные тени,
Осторожно, как перед прыжком.
Обходя вокруг кусты, ступени,
словно сетью, накрывают дом
серой пеленою. Поневоле
здесь поверят в обречённость дней.
Чем-то голубым покрыто поле,
и дорога, и следы на ней.
Но не развернуться этим крыльям
без полёта, не подняться вверх.
Слышишь, по дороге едет кто-то,
бьёт хрустящий снег.
И уже не кажется далёким
этот голос, ставший золотым.
И на небе облаком высоким
тает чёрный дым.

Светлана Ляшова

Кое-что из портняжного заговора

Голубит избы вечер,
Морщинка залегла...
Ты спросишь, я отвечу:
Я – нитка, ты – игла.
В глаза посмотришь долго,
До звёзд на дне души.
В руке легка иголка,
сшивает – не спешит:
То рвы, то сны, то строки,
То тишину лесов...
Восходит свет высокий –
Терпенье и любовь!
Пока меня ты любишь,
Судьба не будет зла.
Среди постылых рубищ
Ты – нитка, я – игла.
И этот вечер вечен,
В окне луна кругла.
Ты спросишь, я отвечу:
Я – нитка, ты – игла.

Алексей Мельников

«Эй! Кыш, пернатое!
Баржу потопиши!» –
Угрюмо крикнул
старый шкипер
На птицу,
что с небес спускалась
К нему на судно,
что тонуло.

...Не ведал, бедный,
Что спугнул он
не чайку глупую,
А счастье –
То ангел был,
его хранитель,
Спешивший шкиперу на помощь.

Пал петербургский динамитчик,
Застигнутый врасплох у бани.
Эх, мчитесь сани за грибами.
Пусть телеграфными столбами
Путь будет устлан перед вами!
Коммунистический начётчик
Пришёл на смену проравёрстке.
Ты задыхаешься в известке
И стонешь от тоски по звёздам,
Как стонут тонкие отвёртки
В разлуке с маленьким шурупом.
Один в полупустой квартире
Ты куришь злые папиросы,
На дым переводя вопросы,
И множить двести на четыре,
И варишь суп из мухоморов...
И ночь прошла. И завтрак скоро.
Такие, братец, пиландросы.

Татьяна Повалюхина

По утреннему городу бреду
И, бреду повседневному покорна,
Успею в пламя полденного горна,
Чтоб остывать потом в полночном льду.
По утреннему городу свой бег
Означив самым медленным маршрутом,
Доверюсь ускользающим минутам,
Пойму, что время – честный человек.
По утреннему городу кружить
Мне вольно с невидимкою-судьбою,
Поскольку здесь придётся нам с тобою
Болеть несовпаденьями и жить.

1996

Аркадий Пресман

Юбилейное

День поэзии сороковой –
сорок памятных трудных ступеней –
он пришёл к нам не стёжкой кривой,
не в обход, а дорогой весенней.

Одолел он и стужу, и тьму,
и неверья крутые преграды.
И недаром сегодня ему,
словно гостю желанному, рады.

В зачарованном тесном кругу
широки вдохновенья истоки.
И звучат в корпусах ВГУ
Пастернака и Тютчева строки.

Наступает, приходит пора.
И на зрительский суд откровенный
Отдают свои пробы пера
и студент, и профессор почтенный.

Праздник слова – приметный, живой –
снова с нами. И это не бредни.
День поэзии – сороковой!
И надеемся, не последний.

Леонид Шаповалов

Эти строфы неведомой саги,
Что сама по себе не нова,
Я пишу на случайной бумаге,
Где случайные, в общем, слова.

Мне судьба непокорна. Мне не с кем
Рыть всю жизнь жизни стылую твердь,
Но звучит, как валторна в оркестре,
Просветленье, сменившее смерть.

Тут смешались и «лento» и «скерцо»,
Тут надежды и слезы в горсти...
Пропусти их сквозь светлое сердце
Или просто – совсем пропусти.

Алёна Пояркова

Развезли людей повсюду
Удалые поезда...
Ты, наверно, не отсюда,
Я, должно быть, не сюда...

Возлюбивший радость стужи,
Принц Июль на все готов.
Отчего же, почему же
Мы из разных городов?

Ты сойдёшь на полустанке
В миг случайности надежд.
...Вечер. Ветер. Пиво в банке.
Нет со мной свободных мест.

Не сошлись пасьянс и дата в мире
сонного двора...

Были, были здесь когда-то...
Я – сегодня. Ты – вчера.

1997

Ольга Демченко

Судьба нам посыпает испытанья,
И каждому назначено свое.
Разлука, одиночество, страданья –
Звено к звену слагают бытие.
Нам луч надежды кажется спасеньем,
когда уже ничто не изменить,
когда былое кажется забвеньем,
а будущность не в силах ободрить.
Храни, Господь, в печали безутешных!
Не покидай во мраке души их!
В печали нет ни праведных, ни грешных,
а счастье не всегда удел святых.

Дмитрий Курилов

Подари мне звезду,
С самой дальней горы
До вечерней зари
Дотянувшись рукой.
В тёмно-сизом чаду
Моей душной норы
Лишь лучина горит
Да коптит над строкой.
Подари мне звезду,
С бледноликой луны,
Обмахнув волосами
Небесную пыль;
Я тебя подожду
Там, где тени длинны,
Где, придавленный снами,
Вздыхает ковыль.
Подари мне звезду –
Ту, что светит сильней, –
Я не бедный чудак.
Не гордец и не Крез.
Не в горячем бреду
Я мечтаю о ней –
Просто эта звезда
не нужна позарез.

Владимир Чесноков

Я иду по улицам детства
Самой ранней утренней ранью.
В одиночестве. Верное средство.

Память тоже бывает раной.
Все знакомо и незнакомо...
И шаги мои стали тихи.
Фонарям да чужим балконам
Я свои читаю стихи.
Обращаюсь я прямо к Луне,
Больше не к тому обращаться...
Я родился в одной стране,
А в какой я теперь оказался?
Объясняют. Время иное,
И Другие теперь законы.
Говорят: гражданство двойное,
Даже если остался дома.
Было вс. Вопросы анкеты:
Где, когда и зачем побывали?
И сурово ложились запреты,
И дороги перекрывали...
Прихотлива судьбы десница –
Даже если остался дома...
Те же улицы, те же лица –
А граница уже за Доном.
Сколько раз истории фарсы,
Не понять анкетным приверженцам,
Почему мой дед из-под Карса
Возвращался на Родину беженцем?
Моей матери задавали
На допросах суровые лица:
Кто давал ей такое право –
За границей, в Карсе родиться?
Снова, как на гражданской войне,
Оказалось всё непросто.
Снова беженцы по стране
Погорельцами дни и ночи.
Да и мы. Как в стране незнакомой –
Ищем Родину мы на Родине,
Ищем дом, оставаясь дома.
Но одно. Пусть гореть в огне.
Не вдали и не где-то рядом.
Пусть невидима. Пусть во мне
Моя Родина. Китежем-градом.

Михаил Дудкин

Колыбельная

Дядя, мягкий, как омлет,
Спит, ключом во рту играя.
Вор наводит марафет,
В тон рубашку выбирая.
Пусть нескладная, но дочь
Снится тёте с длинным пузом
В переполненную ночь
С недоеденным арбузом.
А за лесом басурман
(Что скакал двенадцать суток)
Видит в девичьих руках
Истомлённых солнцем уток.
Спят деревья и цветы
На окраине поляны.

А когда уснёшь и ты –
...Я пойду читать газету.

1999

1998

Вячеслав Солдаткин

Уже билеты куплены, и можно
Пускаться в путь – дорога впереди.
Но море бьётся пенно и тревожно
О плиты набережной. Волнолом гудит,
Как паровоз. Стремительный и мощный,
Сметая всё на собственном пути,
Ему на встречу днём и еженощно
Другой такой же ухарски летит.
Но призрак катастрофы неизбежной
Не вопль для меня, а просто шум.
Воронеж ждёт. Задумчивый и нежный.
И я к нему на всех парах спешу.
Жестокий мир и железнодорожный
Меня не столь путает, как манит.
А море бьётся буйно и тревожно
О железобетонность белых плит.

Георгис Веллас

Русская Офелия

*Девочкам, покинувшим Россию
в поисках лучшей жизни...*

Красный бант в волосах, и фигура стройна,
И глаза голубые, небесного цвета.
Просто Светой зовут её все, но она, –
Как Офелия, – русская девочка эта.
Потянувшись осеннею птицей на юг,
Улетела, бежала она от недоли.
Почему ж её кудри прекрасные вдруг
Стали быстро седеть, словно зимнее поле?
С ней сравниться способна лишь прелесть весны,
Ей подобны лишь краски степные, быть может.
Но глаза эти боли великой полны,
А какая тоска в них таится – о Боже!..
Не Офелии этой, конечно, вина
В том, что голод с нуждою её одолели
И загнали сюда, где так скоро она
Поддалась на обман в закордонном борделе.
Так и кажется: ангелы взяли её
И – с угасшей – взлетают к небесному свету...
И уже разрывается сердце моё,
Что болит за Офелию русскую эту –
За Офелию эту, что так молода,
Что так рано познала и горе, и муку.
Неужели отныне шептать ей всегда:
«Протяни мне, о Родина, помоши руку...»?

Аркадий Пресман

Диктатор

Опять за стенкою свекровь
сноху бранит, не уставая.
А та молчит, смирясь вновь,
молчит, покорно уступая.
Грозна старуха и грузна.
Ругаться – дело непростое.
Живёт не как-нибудь она,
а по уставу домостроя.
Хоть вид её радушно-тих
среди соседок на скамейке,
она – диктатор для своих
и деспот в тёплой душегрейке.
На календарь глядит опять
и ждёт, как праздника большого,
когда пойдёт голосовать
за генерала Макашова.

Яна Ткалич

Ученица 11 класса колледжа № 1 при ВГУ

Я хочу рассказать про мой город,
Город странный, немного чужой,
Я не знаю, за что он мне дорог,
Ведь я знаю: он мне не родной.
Этот город смеющихся клёнов,
Площадей и красивых домов,
Город скверов, старинных, зелёных,
Город парков и город садов.
Здесь на сером прибрежном граните
Распускаются тихо цветы.
Я прошу: тишину не губите!
Здесь так мало осталось мечты!
Есть такие места, что случайно
Забредёшь – и не в силах уйти,
Там качаются ветви печально,
Нежно птицы поют, не спугни!

24 марта 2018 г.

2000

Наталья Михина

Бежевый сумрак печального лета –
Было ли – не было странное это?
Я повзросла на тысячу зим
С ним, с ним, с ним...

Пристальный взгляд сквозь туман сигареты –
Было ли – не было ль странное это?
Голос рассудка исчез, словно дым,
С ним, с ним, с ним...

Истина – страх перед первым рассветом –
Было ли – не было ль странное это?
Самообман – it's only my dream –
Вечно быть с ним, с ним, с ним...

Екатерина Бутова

Не дальше и не ближе. Просто свет.
Далёкий, ровный, никакой. Слепящий.
Такой знакомый... Пристальный. Пропащий.
Вот так – замри. Шагни. Сойди на нет.

На то, что вовсе, кажется, не в счёт.
Прорвав сухую оболочку слова,
Надуманного, мнимого, смешного,
Смотрю с почти космических высот

На высоту, что некогда звалась
Тобой. Теперь зовётся по-другому.
Как весело, что вовсе не знакома
Руке рука. И даже цвета глаз

Не сохранила, бережно любя
Лишь только свет. Не пламя и не пропасть,
Достаточно луча. Люблю бесплотность
В том мире, что касается тебя.

Едва касаясь. Не касаясь. Снясь.
И разбиваясь. Первое касанье
Решает все. И святость расстоянья –
Та пустота, что порешила нас.

Сквозь ледяной забытый материк,
Скользя по глади стоптанного слова:
«Послушай, я давно люблю другого».
Не пойман, не сражён: «Хоть пятерых...»

Роман Жолудь

Ты по ночам глядишь в окно.
В окне качаются туманы,
Как будто призрак каши манной
Решил вернуть Бородино.

Тоска по сердцу бьёт хвостом,
О что-то кто-то где-то бьётся,
На речке селезень смеётся,
А ты все думаешь о том,

Что тон в искусстве задаёт
Не Сумароков и не Тютчев.
И что меня, увы, не лучше
Ни Мандельштам, ни Элиот.

О поэзии

Во блин, гоблин ехал в Дублин,
Корок горки в норке Лорки,
Не минуту, видно, порки
От поэзии отцов –
Седовласых мертвцевов.

Если б жив был Ломоносов,
Я б ходил с разбитым носом,
Если б вдруг увидел Фет –
Все, считай, что почек нет.

Нахватался б оплеух
От Ивановых, от двух,
Депрессивный Элиот
Дал бы мне ногой в живот.

Обязательно бы Белый
Что-то гадкое мне сделал,
Если жил бы Лермонтов,
Я бы был давно готов.

Я люблю поэтов сих,
Но на полках в виде книг.
И хвалю свою судьбу,
Что они уже в гробу.

Юлия Шевченко

Студентка факультета РГФ

Любовь – свята. Она, как свечка,
Перед Спасителем горит.
Она рассчитана на вечность,
А не на краткий жизни миг;
Пребудет чистою и верной,
С верою забудет и простит,
Искупит жертвою вечерней
Все предыдущие грехи.

Мир озарён – не вспышкой сердца,
Но Светом – без границ и слов.
К нам от добра и милосердья
Нисходит дар с небес – любовь.

Светлана Ляшова

Зимний пейзаж

Зима. Простуженный посёлок.
Леса озябшие обочь.
В ежовых рукавицах ёлок
Зажата сумрачная ночь.
И ни горящего оконца,
Ни звёзд,
Ни лунного салюта.
Лишь тихо светится иконка
И дышит, словно хлеб, изба.

Валерия Ливина

Когда сгущаются тревоги,
И нет просвета на пути,
Когда, застыв на полдороги,
Я не имею сил идти,

Судьбу уныло озираю.
Себя жалею и люблю,
Уже почти что умираю,
О снисхождении молю,

Тогда мне главная опора –
Мой дух, поддержанный с небес,
И мысли тонкого узора,
И воли праведный замес.

Житье изменчиво моё,
Но вера – что я без неё?

2001

Ирина Сорокина

Жизнь теряет свои устои,
Рушит стройки, меняет судьбы.
Что такое суть мы с тобою?
Что такое века, секунды?
Кто-то высший построит город
Из осколков разбитой жизни.
Кто-то больший, чем я, историк
Глаз людских и людских мыслей.

Исчезаю в задумчивом небе,
Каждый взгляд твой ловлю усталый;
Я боюсь, что в толпе замёрзшей
Обернусь, – а тебя не стало.

Интересно, кто из ныне живущих расшифрует аббревиатуру «КИМ»? Современные выпускники школ точно знают, что «КИМЫ» – это «контрольно-измерительные материалы». Стихотворение А. Глаубермана – словно осколок минувшей эпохи, светлой, радостной, наполненной оптимизмом и радостью созидания. КИМ – Коммунистический интернационал молодёжи. В постперестроечные времена многие авторы старшего поколения стали обращаться мыслями в прошлое, противопоставляя искренность – ёрничанью, надежды на лучшее – беспросветному пессимизму, прекрасную наивность души – циничному неверию никому и ничему.

Александр Глауберман

Полустанок КИМ

Залётный ветер над сосновым лесом
Качает кроны с ропотом глухим.
Дощатый дом, скамейки под навесом,
Ведро на срубе – полустанок Ким.

Разъезда нет, но утренний, рабочий
С гудком коротким чинно подойдёт,
И спрыгнется с подножек на песочек
Простой, немногочисленный народ.

А перед ним недальняя дорога,
Когда с котомкой, но с душою налегке
Идёшь, блаженно утопают ноги
В глубоком, теплом, сладостном песке.

Идёшь, почти не вглядываясь в лица,
Как будто бы и дома, и в гостях,
В пути невольно можно приобщиться
К волнующим окрестным новостям.

И скоро расступаются деревья,
Простор нагретым воздухом размыт,
И возникает русская деревня
С погостом в окружении ракит.

А дальше мимо старой башни,
Что испокон ржавеет в стороне,
Пройдя косой тропинкой через пашню,
Протоптанной упрямо по весне.

И всё вокруг открыто и понятно,
К дождю уже клубятся облака,
Но золотые солнечные пятна
Ещё лелеет близкая река.

2002

И, хвойным ароматом опоённый,
Пойму ёщё, возможно, блудный сын,
Что здесь пересыпаются беззвучно
Моих сует песочные часы.

Какое оживительное счастье,
Превратности судьбы преодолев,
Через любые годы возвращаться
Под сень твоих мудреющих дерев.

Прошу, с моим сознаньем нерастанный,
Ты оставайся бережно таким,
Сосновый и песчаный полустанок
С названием позавчерашним – КИМ.

Анастасия Иващенко

Студентка I курса филологического факультета

Микроскопические чувства...
На кухне чайник хрюплю свистнул.
С отметкой «минус ноль» уюта,
С пометкой в обожжённой книге,
Мы тихо раны спиртом лечим.
Работа – дом – кровать – будильник...
И снова день, и снова вечер...
И белой дыркой холодильник.
И воздух спёртый в сером зале,
И в белой вазе жёлтый «веник».
И простучит в душе вокзальной
Холодным «скорым» холодильник.

Татьяна Жиронкина

На Серафимовском кладбище

Памяти отца

На Серафимовском с войны растёт трава –
«Блокадною» её назвал народ.
И меркнут навсегда земные все слова –
Здесь ПАМЯТЬ мироздания живёт.

О, безымянная блокадная трава!
Ты помнишь голоса и жизни тех,
Кто тут лежит в земле... И потому жива,
Что Память освящает Человек.

Здесь Жизнь и Вечность в скорбном торжестве.
А молодая светится листва...
И тихо припадаю я к родной траве:
«Отец мой, слышишь? Дочь твоя жива...»

Все было в жизни: травля, злобная молва
И солнце равнодушное во мгле...
Но снится мне во сне блокадная трава
Как память сердца на святой земле.

Даниил Заславский

Я сегодня любовью распят
На кресте семейных невзгод,
В белоснежных ромашках халат
Неизменно тебе идёт.

А над Доном идут облака,
равнодушные ко всему,
Я налью себе молока, –
Может, позже что-то пойму.

Но понять, если мне не дано,
Прозу жизни пролистанных лет,
То спасенье моё одно –
Синих глаз предвечерний свет.

Татьяна Повалюхина

Православие... что это? –
Вы спросили меня.
Это позднее золото
Покаянного дня.

Это седенькой матери
О, заблудших мольба,
На житейском фарватере
С флибустьером борьба.

Православие... где это?
Покажись, отзовись.
Безыскусною девою
В сердце мужа явись.

Это Сергия тяготы,
Это Ксении путь.
Православною тягою
Наполняется грудь.

Владимир Чесноков

У Ракитного под Белгородом стоит крест с надписью:
«Крестьянству России XIX века благодарные
потомки с покаянием

Это пути русской Голгофы –
К солнцам полярным на Соловки.
Шаги – погребальной молитвы строфы:
Куда на погибель нас, мужики?

2003

Надежда Леонова

Спешите в Божий Храм войти
По первому земному снегу,
По белоснежному пути,
По звёздному снежинок бегу...

Спешите в Божий Храм войти
По ручейкам, тропинкам малым,
По обновлённому пути,
по первым ягодкам кровавым...

Спешите в Божий Храм войти
По нежному цветному полю,
По благодатному пути,
По своему-чужому горю...

Спешите в Божий Храм войти
По листопадам сокровенным,
По ярко-алому пути,
По тишины заветам верным...

Спешите в Божий Храм войти,
Пока внутри душа стучится,
Пока вы можете в пути
К пречистым Тайнам приобщиться..

Диана Мулкиджанян

Хочешь быть цветком, чтоб расти в моей плошке?
Стоять с гордым видом на моём подоконнике?
Не подозревая, что у тебя – человека прошлое.
Не боясь, что начнётся мигрень и замучают колики.
Хочешь быть моим креслом или, хочешь, диваном.
Чтоб каждый вечер со мной читать детективы.
Находясь в тупом состоянии нирваны,
не считать ни себя, ни других дефективными.
Давай, я всё сама объясню доступно.
Легко подберу слова без этого яда.
Ты подписался под всем...
Что же, тоже поступок.

Инна Чернышова**Вслед за Гумилёвым**

Владеть волшебной скрипкой нелегко:
Её хозяин болен изначально.
Он то летит куда-то с ветерком,
То умирает от тоски с печатью.

На этой дороге у Белого города
Высокий поставлен крест,
И у подножия – не мраморы гордые,
Камни северных мест.
Судьба тех камней – та же самая доля...
Если бы камни смогли говорить!
Их судьба – поневоле
Наоборот путь повторить.
Оторвало от родины, от гранитной скалы,
В шатунов-валунов превратило...
Ропот я слышу гранитной молвы:
Бока обломило, катило, крутило.
И стоит у дороги крест,
У подножия валуны.
К покаянию эта весть?
Дай нам Бог, чтобы поняли мы.

Дмитрий Чугунов

Я зеркало твоё, я очертанье,
Свершенье всех несбыточных надежд,
Я крах всех идеалов: у невежд
Сыновнего не встретишь почитанья...

Хотя б старался ты меня найти,
Но разве вспомнишь, тронутый печалью,
Мои слова, что прежде прозвучали,
Мой шаг в начале долгого пути...

Я – слабый голос снов твоих и песен,
Созвучия все спутаны во мне,
Но иногда в щемящей тишине
Мне каждый миг бывает страшно тесен...

Я образ твой, и я не так уж плох.
Я – просто человек, ты просто Бог.

Юлия Попова

Студентка V курса факультета РГФ

Жестокость

Сегодня траур по стране,
От взрывов гибнут люди.
Жестокость рвётся из людей,
Жестокость бьётся в людях.
Всего два дня...
И столько сотен жертв.
И смерть бессмысленна –
Удар бьёт в спину.
Так неожиданны сотни жертв в могилах.
А кто в ответе? Нет виновных.
Лишь выражают сожаленье,
А как же матери без своего ребёнка?
Или ребёнку одному на этом свете?..

Не надо умирать – ещё не срок!
Не все, что предназначено, сыграл ты.
Ещё не спел о том, как водосток
Сердечной болью хлынул по асфальту.
Спаси себя сейчас. Для нас. Для них.
Там, за чертой, не обрести финала:
Ты все равно вернёшься, чтобы стих
Оборванный начать писать сначала.

Иван Щёлоков

Отставной генерал

Наивный генерал из отставных
На раутах, точней, на VIP-пирушках,
Ещё к судьбе, как к полковой подружке
Привязчив в домогательствах своих.

Забавная и грустная игра
Официально-деловых приёмов,
Где меж особ высоких неуёмны
Бильярдные сраженья до утра...

Как всё бойцовской ведомо душе,
Как гадко всё воинственному сердцу,
Что просто отдышаться, осмотреться
Не может он на этом рубеже!

И у подножья сданных им высот,
Как пленнику у собственных амбиций,
Натуре генеральской примириться
Гражданский статус духа не даёт.

В манерах преднамеренно суров,
В оценках резок, – кажется, что сразу
Готовы к выполнению приказа
Пять пальцев в кулаке, как пять полков.

И кровь к лицу – обида за Афган,
За преданный по трусости Тирасполь,
Где оборону с армией не раз он
Осмеянным держал как истукан.

И за соседним столиком смешок
Солидной дамы в чудных бриллиантах:
«Вояка некудышний нынче в франтах,
В Чечню б его теперь ешё разок!»

что всякие упования на «разумное, доброе, вечное» кажутся неуместными. А ведь случалось, когда на поэтический праздник приходил сам ректор, читал свои стихи и рассказывал заполненному залу о «замечательной традиции нашего вуза, которая помогает воспитывать молодёжь, зажигает сердца творческой энергией» (В. М. Акаткин. Властная сила традиции // Воронежский университет. 2004. 25 марта).

Александр Нестругин

Выпускник юридического факультета

Стyles пути. И потёмы редели
Даль заступивших лесополос.
Искренне так, на последнем пределе –
И потому молчаливо жилось.

В красных закатах полынь проступала,
Низкий туман позаранками плыл.
К белому свету душа прикипала
Так, будто свет тот единственным был.

Места хватало меж редких снежинок
Думам, безлюдью... И в темноте –
Та, что во всём на тебя положилась, –
Жизнь – проступала на белом листе...

Руслана Переславцева

Провинция – вчерашние газеты,
От выборов до выборов – в пыли.
Известны все простушки, короли
И кумушки. Не знаю только, где ты?

Ночь. Лесостепь. Гремящий полустанок.
Бессонница сквозь сумерки глядит,
Нечёсана, немыта спозаранок.
Провинция – извечный кондукт.

В нём вписаны все местные менялы,
Красавиц прошлогодних круговорть.
В нём вписаны все даты – Жизнь и Смерть,
Общественные свадьбы и скандалы –

В нём вписаны: закрыть и сдать в архив.
Поверив в прочность чувств, в бессмертье духа.
О самый светлый, самый дивный мир,
В прорехах ежедневных и прамуках!

2004

«Всякий раз опасаешься: а вдруг это последний
День поэзии и больше не будет? Оглянешься во-
круг — так непоэтичны времена, так материализо-
вались души в спешке добывания и приумножения
благ, так напряжённы и скорбны лица начальства,

2005

Елена Еремина

Военные фотографии

Сколько ж на них смотреть? –
Они уже не меняются.
Хочется их пожалеть –
Жалость не получается.

Как мы теперь молчим,
Взгляд их ловя пронзительный.
Вот уж неразличим
Облик их удивительный.

Мальчики из войны,
С жизнями лапидарными,
Как вы для нас важны,
Как мы вам благодарны...

Батальоны пылят на солнце.
Задыхаясь, идут солдаты.
И пылают вдали оконца
Обращённой на запад хаты.

И горят за степною ширью
Города – не залить слезами.
Смотрит небо такими большими,
Санинструкторскими глазами...

Это всё за войной, за гранью –
За окопной чертой короткой,
Но чужие воспоминанья
Бьют по сердцу прямой наводкой.

Алексей Колосов

Фотохудожник, преподаватель факультета
журналистики

В январе

Опять бессонница куражится,
Опять ненастье до утра,
И мне давно уже не кажется,
Что жизнь – прекрасная пора.
Себя понять всё больше хочется,
А лишь поймёшь – хоть волком вой,
Душа моя как переводчица
Меж мной и миром, мной и... мной.
Ошибок собственных запасники
Неисправимых, непростых
Всё тяжелее, всё опаснее
Для самых близких и родных.

И мчатся в разных направлениях
Дела мои, мечта моя,
И словно в головокружении –
От января до января.

Лариса Зимина

Выпускница филологического факультета

Собака по имени Ру

Печаль-тоска. Разъехались два сына.
Осталась мне «собака-точка-ру».
И фотографий целая витрина.
Тревожный сон без отдыха к утру.
Весь день в трудах, но память, как собака,
Хранит всем верность и скулит в ночи.
Я жду звонка магического знака,
А телефон по-прежнему молчит.
И вдруг сигнал, зигзаг кардиограммы –
Послание для мамы... и для мамы.
Опять скачу, как кенгуру.
Пришла собака?.. Точка. Ру.

Анатолий Нестеров

Выпускник филологического факультета

Мне снится Альма-Матер-ВГУ...
Примерным я студентом не был, каюсь.
Но радостный, счастливый, на бегу
учусь, экзамены сдаю, влюблуюсь.

Нам прошлое потом предъявит счёт
безжалостно, и грусть берет поныне,
что и во сне никак не сдам зачёт
по трижды мучавшей меня латыни.

Не всё, как надо, я тогда постиг,
врвались в жизнь различные моменты.
Но благодарен я судьбе за миг,
за миг, в котором нищим был студентом.

И, постаревший, понял я теперь:
в полуолодной юности раздетой
Мы съто, мудро жили, без потерь,
И лишь тогда, тогда я был поэтом.

О ВГУ! Ты наш священный сан!
В твоих стенах наш дух ещё витает.
...И полусумасшедший Исаянц
ещё взахлёб свои стихи читает.

«...я знаю: товарищ не прав»

Аркадий Пресман

25 марта

Когда мой товарищ на ветер
бросает окурок, примявл,
и хмуро ворчит: «Беспоэтье», –
я знаю: товарищ не прав.

Наверно, не чует метафор
в чудной перекличке лучей,
наверно, не знает, что автор
весенней баллады – ручей.

Наверно, не верит капели,
что звонче истёршихся слов,
наверно, не помнит о трели
беспечно-шальных воробьёв.

А ветер, шумливый проказник,
сорвать норовит на бегу
афишу про нынешний праздник
поэзии ВГУ.

Ершится, но в тесные двери
ныряет очкарик-чудак.
В его приоткрытом портфеле –
подснежники и Пастернак.

И девочка в кожаной куртке,
Марину читая опять,
по городу едет в маршрутке,
на праздник боясь опоздать.

И сдержанно-строгий профессор
Идет, опираясь на трость...
О, сколько в гостях интереса.
Открытость – особенный гость.

Рождается в зале доверье,
и спор – не взыскующий суд.
Кто мастер, а кто подмастерье –
да в этом ли, в этом ли суть?!

Она – не в уставе суровом,
рассвет превращающем в ночь,
а в том, чтоб оттаявшим словом
и ближним, и дальним помочь...

И солнце всё выше и выше
горит в поднебесье не зря,
Отчизна надеждою дышит,
и ей без поэтов нельзя.

Аркадий Слуцкий

Не пишется который год подряд...
Слова случайны, а стихи бесстрастны.
Друзья и недруги о чём-то говорят –
Я понимаю: говорят напрасно...

Всяк человек – свой путь, свой долг, свой дом,
И дым отечества, и горький хлеб изгнанья,
И то, что нажито годами и трудом,
И то, что пропито... И нет чему названья...

Жив человек... Но с четырёх сторон
Безвременье... А вдалеке столицы –
Гостиница, случайность, телефон...
Который год в гостиницах не спится...

Эмма Старова

Мелодия души

Т.Л. Шипулиной
"Порыв души в союзе с небесами"
"Фауст", Гёте

Мелодия души у каждого своя,
Звучание её не повторит земля.
Душа спокойна – слышится слегка,
В тяжёлый час зовёт издалека.
Лишь избранным дано уменье
На струнах памяти исполнить сочиненье.
Чтоб безразличье к жизни одолеть
И души в унисон заставить петь.

Порою музыкант звучанье создаёт,
В котором всё искрится и поёт,
И песня та в груди не умолкает,
То в небесах парит, то тихо тает.
Кровоточа и плача по ночам,
Его душа вслух жалуется нам,
В сем откровенье уловивозвучье
Мелодии с молитвой благозвучной.

Наш крик души живёт и умирает,
А мир мелодии другие наполняют.
И только музыкант вершит мгновенья,
Всю боль души вложив в своитворенья.
Мгновения восторженного плены,
Мелодию души растратив, не жалея.
Призвание нам всем даётся свыше,
Блажен тот музыкант, кто был услышан.

Владимир Тулупов

Вновь с дорогой-подругой заведу я беседу –
Из Воронежа в Курск на денёчек поеду.

По бокам, как в охране, все столбы-коромысла,
В этом скромном пейзаже столько скрытого смысла.
Вот осины-ресницы в виде лесополос,
И лишились поляны в марте белых волос...
Как покойна земля перед новым зачатьем,
Скоро вешние воды затемнят её платье,
И под солнцем горячим жди зелёные всходы,
А потом принимай долгожданные роды!

Галина Царакова

Выпускница филологического факультета

Пришли снега, пришли морозы,
А ведь давно ль гремели грозы?
Давно ль осенняя листва,
Как золотые купола,
Последним пламенем горела?
И вот земля уж поседела...

Так человек:
В свой краткий век
Шумит, горит, срывает розы.
И вдруг – ударили морозы...
И головой седой поник
Уставший, немощный старик.

Владимир Шуваев

Первоисточник

Я так устал глядеть за поворот
Всех этих гвалтов, судеб и значений,
Пустой итог их видя наперёд
В густой пыли земных захоронений.
Мне не нужны ни книги, ни стихи.
Я б отдал всё за краткое мгновенье,
Когда сует смолкают петухи
И тихой жизни дышит дуновенье.

2006

Татьяна Воронова

Выпускница филологического факультета 2004 г.

Я устала от слов – от прекрасных цитат –
Тех, которыми каждый с избытком богат, –
От костров, породивших спешно во мне
Лишь короткие вспышкиベンガльских огней.
Только жалко, что их золотые цветы
Не пронзят ни моей, ни чужой темноты.

Валентина Гладких

Мой город

Город день встречает ласковым рассветом.
Солнце просыпается, улыбаясь ветру.
Неба купол светится зоревым костром.
Новый день родился в городе моём.

Мой любимый город, ты – столица детства.
Я иду по улочкам с замираньем сердца.
По Большой Дворянской, по Дворянской Малой –
Здесь сама история летопись слагала.

Я погложу Бима, улыбнусь Кольцову
и по скверу старому поброджу немного,
посижу на лавочке рядышком с фонтаном,
это место нравится многим горожанам.

Пушкинская улица, памятник Никитину,
скромный домик Бунина и фасад «Бристоля»,
голоса далёкие и шаги чуть слышные,
скрип карет, пролёток, звонки помнят...

Евгений Корнев

На юбилейный пятидесятый День поэзии ВГУ
Основателям, хранителям и продолжателям славных
традиций университетских Дней поэзии посвящаю.

“Где не погибло слово,
там и дело ещё не погибло”
(Александр Герцен).

Позвольте мне в день юбилея снова
Сердечно вас приветствовать, друзья:
Пока в строю стоят солдаты Слова, –
Жива Любовь и Родина моя!..

Немало юбилеев я отметил,
А ещё больше всевозможных дат, –
Но этот день так дорог мне, так светел,
Что я ему всегда безмерно рад.

Люблю его, как праздник любят дети,
Как самый лучший из весенних дней.
Люблю встречаться в университете
С поэзией, как с юностью своей.

Мне грустно, что талант мой признан не был,
Что мало песен удалось сложить,
Но для меня поэзия – дар Неба
И пока жив, я буду ей служить.

Люблю непостижимое явление,
Когда власть тьмы рассеивает Свет,
Когда с небес нисходит Вдохновение
И на Земле рождается Поэт.

24 марта 2018 г.

Люблю, когда Акаткин, выступая,
Возводит храм Поэзии из слов,
Когда стихи божественно читает
Наш патриарх Владимир Чесноков...

И благодарен я судьбе за это, –
Словами невозможno передать, –
Когда маститые и юные поэты
Льют в мою душу Божью благодать.

Лишь об одном тогда я сожалею,
Что долго День поэзии так жду,
Что поэтическую эпопею
Мы собираем только раз в году.

И вот в пятидесятий День вас снова
Сердечно я приветствую, друзья:
Пока стоят в строю солдаты Слова, –
Жива Любовь и Родина моя!

Александр Лисняк

Поле из детства

Вот вода в повозке конной.
Час комбайнам поостыть.
Мужики идут под копны
Отдохнуть,
Воды испить.
Не обсевок я под солнцем,
Дайте кружку, мужики...
Зачерпнуть стараюсь с донца,
Словно в донце родники.
Выпьешь – пей.
А нет – остатки
В пыль плесни.
И пар пойдёт.
Ни печали,
Ни устата,
И душа во мне поёт.
А душа-то – шире сини.
Вот так славная вода!..
Я таким большим и сильным
Больше не был никогда.

Светлана Ляшова

Что ты знаешь обо мне,
Нарисованной вчерне,
Между снами слюдяными
Замуркованной в окне?
Что ты знаешь обо мне?
Я давно уже на дне
С серым камешком на шее
На беззвучной глубине...
Что ты знаешь обо мне
Там, в столичной быстрине,

Увлекаемый потоком
Пребывающих во сне?
Что ты знаешь обо мне,
Чтоб на шаткой вышине
Изрекать слова цепные
О полынной стороне?
Что ты знаешь обо мне,
О деревне по весне?
Что одета не по моде,
Что обута тоже не...?
Что ты знаешь обо мне,
Жившей в стуже и в огне,
Опрокинутой на землю
И расплёснутой вовне?
Что ты знаешь обо мне?

Елена Матросова

Выпускница химического факультета

Встать бы на цыпочки и заглянуть
За те облака на рассвете.
Жаль, что весну нам уже не вернуть,
И листья уносит ветер.
Годы приходят меня навестить.
К счастью, не все остаются.
И потому продолжает светить
Солнце. И песни поются.
Может, прекрасным случится закат,
Но хочется больше рассветов!
А в зеркале вижу солнечный взгляд:
Нет, я – не Осень, я – Лето!

Светлана Филюшкина

Снова в школе

А он оказался и тесен, и мал
Когда-то огромнейший актовый зал,
И словно бы сгорбился, съёжился класс,
В те годы встречавший просторами нас.

А лестница – в прошлом коротенький взлёт –
Теперь растянулась, ползёт и ползёт,
И в прошлое властно меня увлекает,
И жизнь кинолентой обратно мотает.

Постой, я немного хочу отдохнуть,
Он труден до боли, в прошедшее путь.
Назад, через радость и горечь взросления,
Сквозь опыт, в котором не всё – обретенье,

Тянусь через годы, как будто сквозь строй,
К себе, ученице с косичкой простой.

Ну, здравствуй, моё невозвратное «я»,
Узнаешь ли, примешь, поймёшь ли меня?

2007

Инна Чернышова

Молодёжь целуется под елью.
Я давно уже не «молодёжь»,
Я иду в обнимочку с метелью –
Зимний вечер вовсе не хорош!

На огонь, что полыхал когда-то,
Наползает медленно ледок...
Жизнь, пожалуй, вряд ли виновата
В том, что человек в ней одинок.

Я метель оставлю за порогом
И ключом своим открою дверь...
Я вас обманула ненароком;
В комнатах моих живёт апрель.

Меня позвали в мир иной,
Да не была душа готова
В тот день покинуть край земной
И в тело возвратилась снова.
Теперь она обнажена,
Но не мы боли – для улыбки:
Ей видно, как на дне пруда
Зимуют маленькие рыбки;
И слышно ей, что мыслит парк,
Скрипя стволами в напряжение,
И что бормочут облака
На языке своих движений.
А я так рада, что душа
Пока со мною вместе бродит,
Что листья осенью шуршат,
Что жизнь идёт, а не проходит.

Владимир Щербачев

Выпускник ВГУ

Анафема

Окончен грозный век, и новый наступил,
А в новостях всё тот же курс губительный.
Сказать свободный мог: «Я вас любил...»
А узник лишь промолвил: «Будьте бдительны»
Смешалось всё: завралось, заплелось,
Душа изранена, и сердце кровоточит.
Где истина святая, а где ложь?
Ответа нет, сплошные многоточия...
И нам на всё, пожалуй, наплевать,
Нас ничему история не учит,
Ни Библии священные слова,
Тем более безвестный ныне Фучик...

Денис Баранов

Студент 2 курса факультета журналистики

В суете вчерашних дней
Раскрывая миру слово,
Средь неоновых огней
Что напишешь – всё не ново.

Рвут на части тишину,
По мозгам – тяжёлый молот.
Я, конечно, всё пойму,
Если б не словесный голод.

Выдвигать давно пора
Креатив в бумажном виде.
Может, примут на ура.
Не пойдёт? Да хоть порвите!

Нам не жалко ничего:
Труд – не платный, он – свободный.
Мало слова одного –
Так останешься голодный.

Валентин Нервин

... и вот –
промежуточный финиш.
А дальше – не видно ни зги.
Бессмысленным взглядом окинешь
Знакомой дороги круги.
Неужто паденья и взлёты
На том же пути повторять
И взятые прежде высоты
Опять, без конца, покорять?
И ты – на земной карусели –
Обязан кружить и кружить,
Не зная ни смысла, ни цели,
Не смея ни плакать,
ни жить...

Владимир Тулупов**Осенью 2006-го**

В центре города Воронежа, рядом с площадью вохдя временем треклятым нонешним и под струями дождя мужичок сидит на ящичке – капюшон, в руках баян, из под плаща рубашечка, выбрит и совсем не пьян... Слыши «Шербурские зонтики» – чисто, грамотно ведёт. А народ в осенних ботиках озабоченный бредёт,

24 марта 2018 г.

а вокруг киоски шумные – городская суeta,
люди глупые и умные – кто с зонтом, кто без зонта...
Огибают музыканта, молча с сумками бегут –
на народного таланта нету слушателей тут...
И летит мотив французский от витрины «Утюжка»
в городе типично русском и для русского ушка.
Так, возможно, в сорок пятом – в двадцать с малым
поседел –
инвалид, войной помятый, здесь с гармошечкой сидел.
Может быть, «Землянку» пел он иль про хату и
врагов –
в двадцать с малым поседелый, к жизни мирной не
готов...
Может, батька баяниста, что на ящичке сидит,
или даже дед артиста – с жёлтой карточки глядит...
Сколько песен прозвучало, время выдало итог,
но не мнилось, не гадалось: будет времечко не то...
Филармония направо, а налево – Опера...
Грустно, братцы... Стыдно, право, за такие номера...

2008

Виктор Батраченко

Доцент ВГПУ. Работал в вычислительном центре
ВГУ в 1965–1968 годах

Птица-ночь

Птица-ночь, взмахнув крылами,
Накрывает город, снами
Нас одаривает, сказки
Шепчет, в лёгкие салазки
Усадив, несёт под горку...
Спим, запрятившись, как в норку,
Под пуховым одеялом...
Жаль, что успеваем мало
Полетать под облаками...
Мама тёплыми руками
Утром вынет из постели...
Сны, что в детстве не успели
Досмотреть, неоднократно
Возвращаются обратно...

Светлана Владимирова

Программист, выпускница факультета ПММ

Свиданий на роман не наскрести.
Лишь список несвершившихся событий.
В привычку не успела перейти
В тебе моя потребность: ждать и видеть.
Естественно расходятся следы.
Что были вместе – факт довольно странный.

Костров осенних расселился дым
И, как деревья, оголились раны.
Живу, не зная: где ты? как ты? с кем?
Оборваны связующие нити.
Я их концы сейчас держу в руке
Со списком несвершившихся событий...

Наталия Добровольская

Выпускница исторического факультета.

Я не ищу награды иль призванья...
Лишь об одном прошу тебя, мой Бог.
Дай мне найти на толще мирозданья
Свой верный путь средь тысячи дорог.
Дай укрепиться духом в испытаньях
И всё понять, простить своим врагам
И всё осмыслив, с верой, с покаяньем
Припасть в слезах к святым твоим ногам.

Зинаида Лаврова

На Руси колодцы нынче редки,
Где вода отменно хороша.
У которых, встретившись, соседки
Поведут беседу, не спеша.
Но мелеют с каждым годом речки,
В запустенье отчие дома,
И дрожит оплавившей белой свечкой
Церковь над вершиною холма.

Алёна Пояркова

Училась на историческом факультете.
Член Союза писателей России

Никола

День забот уже на Запад сброшен.
Многогласье зимней тишины.
Белым звёздным снегом припорощен,
Город спит. И город видит сны.

Вновь мечта страданья поборола,
В снах живущих веря и теряя,
И у церкви старенькой Никола
Ходит, ходит, звёздами скрипя.

Сонная, покоится Россия,
Под покровом синей вышины.
И глаза – нездешние, святые,
В сны её, как прежде, влюблены.

О душе, что бесов поборола,
Снова Богу весточку нести.

Ходит, ходит старенький Никола,
Радуясь, по Млечному Пути.

2009

«День поэзии ВГУ не сорвался в пропасть тех тёмных лет, о которых можно сказать: «Всё расхищено, предано, продано» (Ахматова). Теперь, после всяческих дефолтов и протрузий, всё вроде бы утряслось, однако море жизни не знает покоя. Поднимается новая поэтическая волна, и пока трудно определить, куда направится её разбег, к каким берегам она прибьётся. Всё в ней вроде бы подобно тому, что было всегда, но заметно отличается от вчерашнего: минимум гражданского пафоса, никакой политической злободневности, строки как будто без сердцебиения, без горячей крови, написанные не дрожащей рукой вдохновенного автора, а кем-то другим и даже третьим. Появилась тяга к игривости, к словесным забавам, к стихотворному дизайну, к гламурным самопрезентациям. Отчего бы это? От гражданской бесположности? От растерянности перед новыми безднами? От отсутствия «проклятых вопросов», словно всё раз навсегда решено? Но долго ли можно забавляться, когда под нами проснувшийся вулкан? Глубоких, выстраиванных, общенародных переживаний редко найдёшь. А от заданной иронии и дешёвого скепсиса слова мельчают и высыхают, как опавшие листья. Это и есть наш поэтический кризис: переизбыток словес, имитация стиха, придуманные переживания, воробыниевые эмоции, околовалютная суэта. Самое главное в этой ситуации — не капитулировать духовно...» (В.М. Акаткин. Мы около Кольцова // Воронежский университет. 2009. 25 марта).

Лариса Зимина

Я НЕ поэт – так, местный сти-хо-творец!
И НЕ считаю Юнну Мориц
Слабее Бродского. НЕ славлю имена!
НЕ падаю листом в Икорец,
Чтоб рыбы осени НЕ трогали меня.
Чтоб НЕ и НИ, две вечные разлуки,
Готовые приплыть ко мне сейчас же,
Мои отогревая руки,
Отгоревали у излуки
И стали сёстрами мне даже.

Дай Бог мне стать, какой хочу,
На речке Оредеж, как на реке Икорец.
Я за свободу дорого плачу
Полям, полатям, палачу...
Я НЕ поэт – я местный жизнетворец!

И эта живопись – НЕ броская рисовка,
НЕ дерзкое желание уйти
Или пробраться в дом лисой-плутовкой,
Взлететь над лесом хищной совкой,
В закатный час от сорока пяти.

Я НЕ поэт – я просто жизнетворец!
Как вы, я жизнь слагаю на бегу.
Быть может, объяснить я НЕ смогу,
Но я люблю твой сон, твой бег, твой листопад,
Икорец,
Твою крапиву на всевечном берегу.

Дмитрий Ромашенко

Студент III курса филологического факультета

Across the Shrinking Universe

Шипящий воздух хвою оброс,
Восторг, растаявший в дыханье.
И первый фортельянный снег across the universe,
Знакомых улиц светосочетанья.
Над настежь брошенным катком
Твоих ладоней предсказуема внезапность,
Искрится вечер недоученным стишком,
И не перестаёт казаться,

Что всё решится, будто бы само собой,
Не застrevая в искренних помехах
Подслеповатых будней с их общегородской
Осведомлённостью о всех кривляньях века.
Знать, как все сложится – прискорбный, доложу
вам, дар.
Скучнее, чем когда никому не можешь сниться.
Меня он не коснулся.
Иначе б я не сосчитал
Примерное количество снежинок на твоих ресницах.

Монолог смайлика

Я неподвижный грустный смайлик.
Мне и сказать-то, в общем, нечего.
Обид, несостыковок всех словарик
Итоговый. Последний. Незамеченный.

Эмблемой беззвучной тревоги
Застывший, в кратком содержанье
Я втоптан в жизнь. И, одинокий,
Я растворюсь в он-лайн дребезжанье.

Дарья Русова

Студентка филологического факультета

«Мороз и солнце, день» прекрасный,
И ты, наверно, очень счастлив,

Но без меня.
Как много дней счастливых было,
Когда я просто проходила
Мимо тебя.
Но всё забудется когда-то,
Свет солнечный не будет рядом,
Не будет нас.
А жизни счастья не хватает,
Снежок по городу летает
В последний раз.
Дыханьем руки согреваю,
Я больше ничего не знаю,
Снежок ловлю.
Но день приходит так нежданно,
Встаю, и жизни снова рада,
Я жизнь люблю.
Ты в мире есть, и счастье это,
Все озарились тёплым светом.
Храни нас, Бог.

Игорь Страхов

Студент II курса филологического факультета

Колыбельная

Небо колыбельную мне пропело ласково:
«Спи, мальчишка глупенький, и поверь мне на
слово:
Нет на свете слабого, нет на свете смелого,
Доброго, жестокого, чёрного и белого.
Нет любви и зависти, подлости и верности,
Счастья и отчаяния, ярости и нежности...
Одеяло снежное я поправлю ласково –
Спи, мальчишка глупенький, и поверь мне на слово».

Дарья Холина

Студентка V курса факультета РГФ

Вот силы свои набирает волна,
Вот пену на скалы бросает она.
И бьются в тот камень волна за волной;
Покоя им нет, есть лишь вечный прибой.

Раз море ты выбрал – ты сможешь так жить,
И можно все скалы волной сокрушить.
Была бы лишь буря в душе у людей.
Как много потоплено здесь кораблей!

2010

Подводя итог нашему краткому обозрению университетской изящной словесности, мы вновь процитируем слова В. М. Акаткина, многолетнего декана

филологического факультета и такого же многолетнего попечителя Дней поэзии:

«Кто станет отрицать, что годы триумфального шествия наших Дней — это и годы расцвета университета, его обновительного роста, его научного и культурного ренессанса? Разумеется, в одну и ту же реку нельзя войти дважды, но ведь и в другую реку надо входить, дабы она не протекла мимо...»

2010-е годы — это действительно уже другая река...

Евгений Шамильпан

Выпускник юридического факультета

И в сорок пять опять...

И в сорок пять опять как в двадцать два
и в двадцать два как снова в восемнадцать
и сфинкс – тысячелетий плен – всегда
хотелось или хочется казаться –

что невозможнее, страшнее и сильней
нет боли, нет сочувствия и стыдно
признаться в той бессмыслице идей
хватающей за глотку безобидно.

покинутость, оставленность – урок.
а если бы другие перспективы?!
сложилась жизнь совсем наоборот.
сложились мы, как ни были красивы

ни наши дети, дети их детей,
ни сами мы, с приветливой улыбкой.
не оставляйте нас, когда теперь,
нам одиночество является с открыткой.

Дмитрий Чугунов

Профessor кафедры зарубежной литературы

У тебя – другие глаза и другие брови.
Я не знаю тебя, как, возможно, и знал когда-то.
Ты уже не кладёшь листок на кровати у изголовья,
Чтобы ночью – писать, да и сны у тебя – как вата.

Словно тонешь в случившемся. Помощи не попросишь.
Говоришь об античных стойках и поэтах.
Коль не сбудется что-то, скорее всего – бросишь.
Каждый день – новый мир. Самый лучший. Ты
веришь в это.

По случайности – встречи глазами. Нечасто. Дважды.
Провожаем друг друга взглядом, всегда в сомненье.
По утрам – уходя. Возвращаясь – вечером каждый.
Почему я не знаю, кто ты, взирающий из отраженья?..

Светлана Симонова

Зав. кафедрой культурологии ФиПси

Маленькая женщина
Смотрела из окна,
Как в черничном омуте
Плавала луна.

Крутая, похожая
На большой пломбир,
Втягивала женщину
В свой волшебный мир.

В этом странном времени,
В густо-сладкой мгле
Захотелось женщине
Всё отдать луне:

Женщина поверила
В то, что счастье есть,
В этом лунном времени
Чудес не перечесть.

Радость небывалая
Охватила вдруг...
А за ширмой старою
Вскралывал супруг.

Эльвира Пархоц

Студентка филологического факультета

Отслужи, закат, панихиду
По моей погибшей гитаре.
Мы с ней пели о ерунде.
Обе спали, укрывшись небом,
На матрасе из крыш.
Мы орали с бездомными кошками,
Нарушая покой мирных жителей.
Видели, как на деревьях
Появляется светло-зелёная дымка.
Забирались на чердаки, смотрели,
Как сентябрь завоёвывает город.
Были вместе почти всегда.
Только я не успела сказать,
Что люблю её
Хриплый голос.
Отслужи панихиду, закат,
По моей погибшей гитаре.

Зоя Колесникова

Член Союза писателей России

Приходит утро. Как вчера и завтра.
Играет магнитола за стеной.
И за окном снежок пошёл внезапно.
А я хочу поговорить с тобой.

Но завтра будет день и будет вечер,
и на окне цветок захочет пить.
Но март уж февралю назначил встречу.
И я хочу с тобой поговорить.

И вот уж ливень летний обозначил
пейзаж знакомый радугой тугой...
А за стеною и поют, и плачут.
Но я хочу поговорить с тобой.

Алексей Ряскин

Студент факультета журналистики

Иду!

Я сожрал Время, как лиса белку,
Время слабых, согбенных, рабов.
И пошёл по улице, минутной стрелкой
Выковыривая секунды, застрявшие между зубов.

Я иду, теребя в кармане дюжину мыслей-лезвий,
Хищно поглядывая на трепыхание вен города,
А улицы, мерзавки, из кожи вон так и лезут,
Стараясь попасть под удар моего шага-молота.

Иду необъятный, как век, как эпоха!
Философ кухарок, могильщиков и мясников грамотей.
Иду, разбрасывая по пыльной дороге
Бесценные жемчужины моих идей.

Присесть? Отдохнуть? Ещё чего!
Не присяду! Хоть из ведра меня поливайте лаской.
Я шагаю вперёд, раздавая пощёчины
Рожам домов, с облупившейся от старости краской.

Что мне жизнь? Что мне смерть? Так, монеты
разменные.
Не желаю хлебать эту заумную бурду.
Посторонись, Город! Посторонись, Вселенная!
Посторонитесь все! Я – иду!

Обозрение университетской поэзии дела-
ли В. Акаткин, А. Гордейченко, Д. Чугунов

Современность

Университетская муза

Марина Баранова

Выпускница факультета прикладной
математики и механики ВГУ

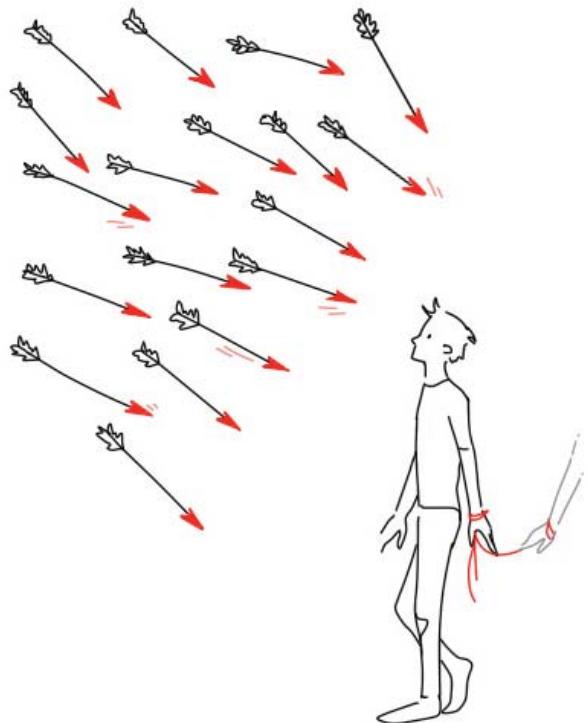
Боюсь

Другу-математику и поэту из Баку

Я не страшусь, что одолеет жадность,
Пороки, как шайтан, сожмут меня.
Бесовских козней гнусных не страшусь.
Улыбку близких потерять – боюсь!

Я не страшусь за правду постоять
И то, что вижу, без прикрас пересказать.
Под градом стрел идти я не страшусь.
Я руку друга потерять – боюсь!

Я не страшусь, что недруги осудят
И никогда не вспомнят обо мне.
С прямой спиной идти я не страшусь.
Плечо подруги потерять – боюсь!

Я не страшусь, что скоро нас забудут
И на земле коротким будет век.
Того, что будет вскоре, не страшусь.
Родных без времени терять – боюсь!

Я не страшусь до старости учиться
И слышать то, что молвит молодёжь.
Мне с юным поколением не страшно.
Я знанье поделиться не страшусь.

Страшусь того, что следует бояться:
Что горы наши распрымятся в луг;
Что скопость сердца одолеет вдруг;
Что закадычный отвернётся друг, –
Отцов заветный разорвётся круг.

Я точно знаю всё, чего боюсь:
Доверие не оценить – боюсь!
Признанье друга потерять – боюсь!
Подругу нежную забыть – боюсь!
Родителей своих терять – боюсь!

Достоинство терять без них –
не страшно!
Достоин ли я их? –
Вот это страшно!

Виктор Батраченко

Постоянный участник «Дней поэзии», доцент кафедры технологических и естественнонаучных дисциплин ВГПУ, руководитель литературного объединения "Откровение" студенческого клуба ВГПУ

Всё пройдёт

Всё проходит – подтверждает опыт –
безвозвратно, но не без следа.
Жизнь моя – всего лишь череда
обретений, беспокойств и хлопот...

Заинтриговав и озадачив,
жизнь сама когда-нибудь пройдёт,
подарив падение и взлёт,
разочарованья и удачи...

Снова бьют вселенские куранты,
пусть неслышен мне их бой, их ход –
время мерно движется вперёд...
Всё пройдёт. Возможны варианты

Рыжий

Жил по соседству клоун «Рыжий»,
служивший в местном шапито,
к манежу нас сажал поближе –
«случайно» вызывать, если что.
И вызывал! Смеялся зритель
над тем, как неуклюжи мы...

А нам-то что, пришли – смотрите,
и – смеха полные штаны!
Он приходил домой усталый:
потухшие глаза, сутул...

Он там, в манеже – добрый малый,
а во дворе, присев на стул,
играл в простого подкидного,
стучал костяшкой домино,
партнёром выбрав Иванова,
с которым был давным-давно
знаком – они по пуду соли
в разведке съели на войне...

Теперь он – «Рыжий», в этой роли
смешить умеющий вполне.

Во двор он в день Победы вышел:
нашивки, два ряда наград!
И сразу стал моложе, выше,
вот только этот грустный взгляд...
И пацанов собрав гурьбою,
позвал назавтра в шапито
работать. «Рыжий», да с тобою
я выступать всегда готов!

.....
Как жаль, но счастья миг не долог –
вой «Скорой» в предрассветный час...
Под сердцем он носил осколок,
в манеже потешая нас!

Выбор слова

Что чувствует зачеркнутое слово?
Его как будто бы уже и нет,
не пригодилось... Но остался след
и, может быть, к нему вернутся снова?

Черкать слова – затея не нова –
Черкай смелей, взамен на выбор – сто их.
Но всяк ли знает, сколько слово стоит,
и кто готов оценивать слова?

Торчит в строке досадною занозой
не очень подходящее словцо,
но всё уляжется, в конце концов,
поскольку автор собран и серьёзен.

Читателя стихи введут в экстаз:
вздохнёт он или прослезится даже.
Зачёркнутое слово не расскажет,
что выброшено было в сотый раз...

Из прошлого

Не в силах спрятаться от прошлого
пытаясь разложить по полочкам:
поближе – что-то из хорошего,
подальше – встречи с явной сволочью,
поближе – синенькое платьице,
ты в нём являлась на свидания...
Увы, от прошлого не спрятаться,
забыть – напрасные старания.

Брошу по заповедным улицам:
дома стоят с резными ставнями,
они нахохлились, сутулятся –
состарившись, такими станем мы...
Нет у калиток мальв оранжевых,
и с вёдрами не ходят по воду...
Здесь двор на двор дрались однажды мы,
не помню, по какому поводу...

Карабкаюсь по шаткой лесенке,
гоняю голубей над крышами,
наивно верю звонкой песенке –
из прошлого так и не вышли мы...

Иван Белоусов

Студент факультета географии,
геоэкологии и туризма

Кличут журавли над сжатым полем
Летние прощальные слова,
А в лесу тоскливо и спокойно
Шепчет пожелтевшая листва.

Это всё когда-то уже было,
Как была извечная тоска.
Пахнет осень горьковатым дымом,
И плывут по небу облака.

И уходят наши поколенья,
Вереницей птиц за окоём.
Их помянет сумрачное небо –
И прольётся плачущим дождём.

Зловеще карканье в молочной синеве.
Извилисты тропинки меж сугробов.
Уходит всё. Теряется во мгле,
Лишь для того, чтобы возродиться снова.

Наш мир зимою станет нем и гол,
Как немы рощи после листопада.
Околицы истлевший частокол
Хранит покой заброшенного сада

Вот из трубы повеяло дымком.
И сумерки нахлынут, предзакатны,
И первая звезда, как маяком,
Покажет: направление – обратно.

Виктория Белоусова

Студентка II курса филологического факультета ВГУ

Время выкинуть прошлое, словно рваный пакет,
Словно дряхлый пиджак или залатанное пальто.

Время шторы раскрыть, впустить в свою душу
рассвет,
Пусть ослепит на миг – но будет потом так светло...

Время выбрать свой путь. И как бы он ни был тернист,
Как бы ветер порывистый больно ни бил в лицо,
Вскоре станет душа столь же светлой, как чистый лист,
И родятся забытые строчки в конце концов.

Можно, крылья расправив, к тёплому небу взлететь
И вдохнуть полной грудью запах дождей и снегов,
Позабыть про жестокость, боль, беспощадность
и смерть,
Осознать, как свобода безумно волнует кровь.

Но придёт осознанье: счастью отмерен свой срок.
Всё исчезнет так быстро, что не успеешь моргнуть.
И тогда будет можно легко подвести итог:
Чем закончился этот внезапный неровный путь?

Может, всё не так плохо? Или не так хорошо...
И не стоило, может, вовсе бежать от себя?
Вдруг окажется жизнь далёким, пустым миражом?
Оказались распахнуты крылья не так и зря?

И полёт обернётся падением в сущий ад,
Вместо воздуха лёгкие взрежет живой огонь.
Не получится, как ни крути, повернуть назад
И изгнать из души безумную жгучую боль.

Всё закончится, чтобы повториться в условный час.
И не выкинуть прошлое, словно ненужный хлам...
Заверши свой нелепый, глупый, безумный рассказ,
Всё равно никогда не поверят твоим словам.

Королева и король

Может, годы спустя или даже века,
Позабыв про потери и ложь
И пройдя через бури, дожди и снега,
Ты свою королеву найдёшь.

Через сотни дорог и бессонных ночей,
Через годы, недели и дни,
Через ветра напевы и пламя свечей
Свою руку ты ей протяни.

Ты останешься с ней в тишине облаков
И забудешь совсем про меня.
Я ведь тоже пройду через скалы веков,
Не найдя своего короля.

И дорога моя так безумно длинна,
Без расплаты её не пройти.
Что с тобой, что навеки до боли одна,
Я застряну на этом пути.

Так иди же вперёд по рассеянной мгле,
Я ж останусь стоять на краю.

Ты иди – и на звёздной далёкой земле
Отыщи королеву свою.

У меня же другая, наверно, судьба –
Лишь дороги да грань бытия...
Я останусь одна и уже никогда
Не найду своего короля.

Тёмная часть

Здесь дворцы и фасады сверкают на солнечном
золоте,
Здесь мосты и дома соревнуются в великолепии,
Здесь речная вода вся в гранит и железо закована.
Кем бы ни был ты – здесь тебя ждёт темнота и
бессмертие.

Здесь метели, дожди, здесь бураны и грозы осенние,
Небеса здесь черны и затянуты вечными тучами,
Здесь забвенья река ежечасно меняет течение.
Здесь разит суетой и безрадостным благополучием.

В подворотнях, дворах и подъездах встречаются
демоны:
Их и ангел с крестом не поможет изгнать в преис-
поднюю.
Здесь исчезнет любое добро, что тобой было сделано.
Это тёмное дно, непроглядное, вечно холодное.

Здесь пустые соборы наполнены пеплом и пламенем,
Здесь улыбки и слёзы на лица как будто наклеены,
Здесь ведётся большая игра по неведомым правилам,
Здесь ничто не подвластно всесильному злому
забвению.

По проспектам и улицам плавают тени неведенья,
На заливе туман разъедает рассветные сумерки,
Здесь забыто лишённое смысла течение времени,
Нервы города тянутся к небу холодными струнами.

Это тёмная часть величайшего в вечности города,
Где прогнили насквозь и дворцы, и святые обители.
Это бездна гранита и мрамора, света и золота,
Это тёмные стороны душно-холодного Питера.

Елена Беспалова

Выпускница факультета географии, геоэкологии и туризма, в 2017 году получила приз зрительских симпатий на «Дне поэзии ВГУ»

Моя Вселенная

Арифметики правила в чувствах едва ль применимы:
Если с кем-то разделим мы радость – тем самым
умножим.
Мы со всею Вселенной судьбою и мыслью едины
И, как зеркало, с каждым прохожим мы в чем-то
похожи.

Отражаясь в других, на себя я смотрю новым
взглядом
И меню свой мир. Этой силою каждый велик.
Чистой мыслью лечиться самим и лечить тех, кто
рядом, –
Это нашей души потаённый, неслышимый крик.

Собирая закаты на память компьютерной плёнки,
Я хочу их с друзьями и близкими мне разделить
И на жизненный хлеб из сияющей в небе маслёнки
Каждый день наносить зажигательный солнечный
бит.

Во всех встречах, событиях видя урок или радость,
Я учусь принимать с благодарностью каждый свой
шаг.
Чтобы счастливо жить, нам надо лишь сущую
малость –
Осознать, что мы сами себе Бог, волшебник и маг.

Моих демонов ты не узнаешь – и это к лучшему.
Запомни меня растрёпанной на клетке лестничной.
Запомни меня влюблённой в тебя по уши.
Запомни с душой ещё чистой, не искалеченной.
Запомни, как я вдыхала твои жёсткие волосы.
Запомни, как я улыбалась, а у глаз морщинки.
Запомни самые светлые меж нами полосы.
Сегодня мы провели по любви поминки.

Ольга Благонадеждина

Выпускница геологического факультета ВГУ,
специалист российской ТК «ЛАНКС»

Ты догадался

Ромашка полевая, мне поведай
О прихотях и тонкостях любви.
С печалью или радостной победой,
Вернётся ли из странствий vis a vis?
Вернётся и, с усмешкой, молвит: «AVE,
К чему скитанья, коль Руно с тобой!»
В ответ шепну ему: «Любимый, браво!
Ты догадался, здравствуй, дорогой!»

в сквозняках

Здесь декабрьские сонеты,
Ноты, скрипки, звук печальный,
Снежность, холод минута,
В сквозняках гул привокзальный.
Отступление от канонов,
От привычной круговорти.
Звон ненужных телефонов –
Перед смертью...
Перед Смертью?

Вот такое настроение

Настроение осенне
С ностальгией по Весне.
Вот такое настроение
В листопадном полуслне.
Налетевший Ветер лихо
Рвёт осенние холсты.
В доме сумрачно и тихо,
И желания прости:
Убежать от непогоды.
Завернувшись в тёплый плед,
Окунуться в сон свободный
И небесный синий цвет.

Тёплый вечер

Скоро в Ленинграде Золотая Осень.
Расцветает неба утренняя просинь.
Прозвенел трамвайчик третий на Сенной.
Завтра мы, пожалуй, встретимся с тобой.
День был очень тёплый, радостный, погожий.
Знать грустить, тем паче, мне сейчас негоже.
Вечер опустился в дымке фиолета.
На год укатило, распрошавшись, Лето.
Катерок знакомый под название «Батя»
Спел мне: «Возвращайся к своей дочке Кате».
Я вернусь. Конечно, в солнечной карете,
В Ленинград к Катюшке и к стихам о Лете.

В Успение

Звон колокольный, на излёте Август.
Под шелест облетающей листвы
Ты не вини меня, пожалуйста,
И не пытайся называть на Вы.
От пряных ароматов Осени
Опять слегка кружится голова,
А небо стынет. В зябкой просини
Теряются столь важные слова.
Забыта прелесть летней утомлённости.
В преддверии потерь, в преддверии дождей
Так долго до Весны, её влюблённости.
Дождусь ли, заблудившись в Осени моей.

Разговор при встрече

Ну, что ещё мне нужно рассказать?
Поведать о печалах и тревогах?
Поверь, мой милый, их совсем немного.
Зачем о них при встрече вспоминать.
Давай-ка лучше ты, Скиталец, Менестрель,
Поведаешь о тех далёких странах,
Где побываю поздно или рано.
Не разделив с Зимой протяжную метель.
Её мотивы холодны, бессвязны,
Тревожен шёпот, утро без Зари.
Скорее, начинай свои рассказы,
Надежду на скитанья подари.

Татьяна Брежнева

Выпускница химического факультета ВГУ, доцент кафедры фармацевтической химии и фармацевтической технологии

Покажется...

Покажется, что жизнь прошла напрасно,
Что радости не будет, жди – не жди,
Но утро за окном светло и ясно
И манит вдаль: «Иди, иди, иди...».

Покажется – душа заледенела
И невозможно лёд тот растопить,
Но на цветке росинка заблестела,
Вернув возможность верить и любить.

Покажется – идти вперёд не стоит,
Ведь лучшее осталось позади.
Но хлынет дождь и тяжесть с сердца смоет,
Проглянет солнце и шепнёт: «Иди!»

За солнце, за цветок и за улыбку,
За этот мир, за наше место в нем
В сраженье тихом, в равновесье зыбком
Идём вперёд и верим, и живём!

Снова в воздухе запах сирени...

Снова в воздухе запах сирени,
Соловей душу нам бередит,
День прозрачный, звенящий, весенний,
Словно в молодость нас возвратит.

Что за странная в паспорте строчка
Нам про возраст напомнит опять?
Возраст этот зимой был – и точка!
А весной нам всегда – двадцать пять!

Солнца луч, сквозь листву проникая,
Вдруг без звука ворвётся в окно,
Льда осколочек в сердце растает.
И, как встарь, встрепенётся оно.

Кто там зеркало ближе придинул?
И что хочет он этим сказать?
Что за возраст? Какие морщины?
Май в душе, и душе – двадцать пять!

Свежий ветер запахнет лугами,
Дождик хлынет – и тут же пройдёт.
Ах, весна! Что ты делаешь с нами?
Сердце дрогнуло, сердце живёт!

Жизнь окрасится новою краской,
Счётчик лет вдруг закрутится вспять,
Вновь и вновь возвращая нас в сказку,
Где мы молоды, нам – двадцать пять.

И опять за души пробужденье
В этом сладком и сказочном сне
Благодарны мы будем сирени,
И лучу, и дождю, и весне!

Итоги

Когда-то в утро наших лет
Мы вышли в мир легко и смело.
Весь мир был прост, как «да» и «нет»,
И сердце вдаль рвалось и пело.

Наш приговор себе был строг,
Бескомпромиссен и негибок:
«Как мало пройдено дорог.
Как много сделано ошибок!»

Но нижутся на нить года
И всё длиннее ожерелье,
В нём перемешаны беда,
Надежды, радости, веселье,

В нём гордость от того, что смог
И горечь, что помочь не в силах,
В нём смех ребёнка, пыль дорог
И крестик на родных могилах...

Вручён нам кем-то при рожденье
Судьбы причудливый букет,
В нем чёрный стебель поражений
И розы алые побед,

Сплетенье дней и дат сплетенье...
Разматывает жизнь клубок,
И каждое судьбы явленье –
На этой нити узелок.

Те узелки перебирая,
Нещадно память теребя,
Однажды утром осознаем,
Что мы построили себя.

Что в нашей жизни всё случилось,
Что к цели правильно идём.
Всё, что задумано, свершилось
И на Земле не зря живём,

Что есть работа, есть друзья
И нет проигранных сражений,
Есть дело, что от «А» до «Я»
Является твоим твореньем,

Что где-то ждёт родной порог,
Тепло заботы, свет улыбок.
Как много пройдено дорог,
Как мало сделано ошибок!

Владислава Бурносова

Студентка филологического факультета ВГУ, 1 курс

Незаметно мы все повзрослели:
Не мечтаем уж, лёжа в постели
Или глядя в окно сквозь метели.
Как-то странно мы все повзрослели...
И глядят из-под пыли романы,
Где герои, чьи рваные раны
Лишь не больше теперь, чем обманы.
Теперь сами мы пишем романы.
Только стало теперь так тоскливо.
Может, взрослая жизнь и красива
Через призму больших объективов.
Но и это ведь тоже обман.
Мы хотели быть взрослыми, только
Под ногами ошибок иголки.
Души бьются на сотни осколков
И расходятся с счастьем пути.
Но надеемся мы, честно верим:
В детство ведь не захлопнулись двери
И когда-нибудь хоть на мгновенье
Мы увидим потерянный мир.
Ну, зачем же мы все повзрослели?..
А в саду нашем старом качели
И в морозы, и в дождь, и в метели
Нас с тобою под яблоней ждут.

Одинокий пастух

Если сердце на части – разум бессилен.
И душа закричала во тьме.
Мы не боги, а значит, нам не по силам
Идти и перечить судьбе.
Вот на небе зажглась молодая звезда,
И свирель заиграла в ночи.
Терпко пахнет сирень, и ночь так светла...
Эй, пастух, я прошу, не молчи!
Боль души ты вложил в той свирели мотив,
И я слушаю, еле дыша.
Ветер южный доносит нам запахи нив,
И моя встрепенулась душа.
Ты играй через слёзы. Ведь боль я твою
Разделяю с собой пополам.
Тихо-тихо в ночи я тебе подпою,
И сверчок подпойёт скромно нам.
Плещет в море волна, я сижу и смотрю,
Как следы поглощает прибой.
Зашуршала, прошла... Я вздыхаю, молчу.
Ухожу, взяв печали с собой.
Так играй же, пастух! Всем ненастям назло
Ты играй, глядя в звёздную даль!
Я тебе подпою, нам с тобою легко
Людям всем обо всем рассказать.
Терпко пахнет сирень, и чуть гнётся трава
Под порывами тёплого ветра.
Ну, а песня свирели всегда права,
Хоть душа вновь живёт без ответа...

Юннатка

Это было утро. Разгоралось лето.
На полях пестрели первые цветы.
Вдруг из-за калитки вышло чудо это:
Яркие веснушки, две тугих косы.

Утро улыбалось, звонко пели птицы,
И дорога с пылью убегала вдаль.
Девочка-юннатка, в платьице из ситца,
Весело шагала в жизненную даль.

И о чем мечтает? Отчего смеётся?
Васильки в ладошках, разные цветы...
А вокруг, как море, поле колосится
Да ромашек листья: любишь меня ты?

Вырастет юннатка, позабудет волю.
Но на миг проступят милые черты,
И в глазах бездонных ты увидишь поле,
Девочку с букетом, две простых косы...

Сиреневый роман

Когда-то об этом слагались легенды...
А может, такая судьба?..
Но в нашем саду, орошённом капелью,
Сирень зацвела.
Когда-то она улыбалась, смущалась
И робко сминала платок,
Но в лёгкие сумерки, рядом с рассветом,
Та ветка легла на порог.

Сбивая с травы чуть прохладные росы
И с робкой надеждой в душе,
Бежала она, разметав свои косы,
Сгорая в рассветном огне.

Чуть слышно ступал он по веткам росистым,
И в лёгком рассветном дыму
Увидел он девушку с взором лучистым,
Бежавшей с надеждой к нему.

Сирень все цвела, и над тихой рекою
Все там же, где солнце встаёт,
Она торопливо шагала тропою,
Держа пожелтевший цветок.

И будут об этом слагаться легенды,
И будет нелёгкой судьба...
А в нашем саду, оглушённом метелью,
Сирень отцвела.

Во сне я видела равнину
И капельки росы кругом,
Цветущую на солнце ниву,
Где по траве да босиком...
Реальность требует другого:
Разлук, дорог и слёз друзей.

И ждать, и плакать, и ждать снова,
Чтобы деньки прошли скорей.
Верните запах трав с покоса,
И дым костра, заката свет,
И птичий хор разноголосый,
Поющий мне через столько лет.
И домик бабушки в деревне,
Где пахнет хлебом и теплом.
Цветёт шиповник у соседки,
Когда идёшь за молоком.
Летают бабочки лениво,
Шмель, разомлевший от жары,
Жужжит, гудит нетерпеливо,
Стремясь успеть вперёд пчелы.
И шум дождя по старой крыше,
И краски радуг над рекой...
Детство! Эй, куда? Ты слышишь,
Не уходи, побудь со мной...
Но тает сон, и запах дыма,
И нива с россыпью цветов.
В окно гляжу. Неторопливо
Скользят барашки облаков,
И где-то там, под старой крышей,
Сидит и вяжет яркий плед...
Я знаю, бабушка, я слышу
Что ты бормочешь тот куплет.
И я приеду, чтобы снова
Мы пели песню ту вдвоём.
Под крышей старенького дома,
Что притаился за рекой.

Роман Бутов

Выпускник филологического факультета

Екатерине Бутовой

Заступил – попытка не засчитана.
Сколько их осталось? Ни одной?
Так о чём, о чём же говорит она –
та волна,

волны,
волне,
волной?..

Может быть, о том, что обнаружено,
и о том, что скрыто в глубине...
Там, где пены солнечное кружево
открывает путь тебе и мне.

Светлана Владимирова

Выпускница факультета ПММ ВГУ

Привыкаешь к зиме, как к соседям и стилю письма.
Привыкаешь к нехватке тепла и дорожным заторам.

За окошком – зима. В целом мире, наверно, зима,
Но однажды душе этот белый простор будет впору.

Привыкаешь к тому, что встаёшь по утрам в темноте
И неясные контуры дня проступают несмело.
По сценарию – смена для нас декораций и тем.
... Но для нас я, пожалуй, любых перемен расхотела.

Маугли

Человек в волчьей стае – волнений и распрай
исток,
Изучать ему джунглей законы нельзя по верхам.
Он наметил горящую цель себе – «красный цветок»,
Чтобы точку поставить в войне под названьем
«Шерхан».

Необузданность дикого нрава в вину не вменить,
И знаком ли он с чувством вины, непонятно пока –
Убеждён только: красный цветок понадёжней
брони
И кинжала язык покороче его лепестка...

Враг уходит. Деревья чернеют в закатном огне.
От ожогов бесчисленных кажется: кожа горит.
... Мне хотелось ему объяснить, что гораздо больней,
Если красный цветок распускается где-то внутри.

Ступени, ступени. Виток, как выраж.
То круто взлетают, то лягут полого –
Мы можем подняться на верхний этаж,
Но к звёздам они не проложат дорогу.

Давай от безделья считать этажи,
Заметим кота в помещенье чердачном –
На уровне каждом кипит своя жизнь,
Но даже сквозь стёкла она непрозрачна.

Верёвки под мокрым бельём напряглись,
Подправлена солнцем осанка растений...
Поднимемся вверх или спустимся вниз –
На этом закончатся только ступени.

Ящерка

Рядом в траве промелькну – не реальней химеры,
И удивлюсь, если кто то мгновение вспомнит.
Предки далёкие были огромных размеров,
Время вмешалось – и я умещаюсь в ладони.

В грубых расщелинах пряча себя и сомненья,
Нежное небо по шагу потом приближаю.
Я оставляю растениям – прикосновенья,
Тем, кто безжалостен – хвост, не имеющий жала.

Нынче, как предки, поверила в искренность солнца –
Капли чешуек в лучах заискрились неровно.
Сердце – на месте. И, как полагается, бьётся.
... Не догадаешься сразу, что я хладнокровна.

Снегурочка

То ль за тридевять, то ль за триста –
Сказка там живёт, в ней всё просто.
Помнишь, снег выпал чистый-чистый –
Из него ты меня и создал.

Хоть рукам алебастр милее,
Прихватил же, что под рукою.
Вышла снежною – Галатея,
Приглядышься – почти живою.

До костра жизнь легла безлико –
Льдом – от белого пьедестала.
Как тогда было страшно прыгать.
Только стала я тем, кем стала...

Вот всегда бы решать – с разбега.
В омут, в пропасть ли – шаг упругий.
... Мне бы заново выпасть снегом,
Чтоб слепили другие руки.

Екатерина Гарманова

Выпускница факультета журналистики ВГУ

Равнодушие, здравствуй

Равнодушие, здравствуй. Теперь мы подружимся.
К барной стойке: «2 кофе!», – и о пустяках...
Ты, похоже, тот самый мой отпуск заслуженный
И за вредность теперь я напьюсь молока.
«Может, в Питер поедем, и всё образуется?» –
Обещают посты социальных сетей...
Сверху – низкое небо, снизу – старые улицы
Как своих принимают там взрослых детей.
Улыбаюсь себе: столько нужно узнать ещё
И попробовать жизнь на неведомый вкус...
И подробности прошлого переиначивать –
Ставлю подпись, отказываясь от чувств.

Жизнь-театр

Ряд пятый,
место слева, вижу свет
как светлое пятно полночной сцены,
распятый
плед венчает силуэт,
и трещина ползёт по льду Вселенной.

аплодисменты.
приглушённый звук,
и пантомима обрастаёт кожей,
одномоментное
движенье рук,
и вся правдивость опадает ложью.

Ни звука.
Отзвенели зеркала.

Так зал вздохнул, распахивая двери.
Разлука
закусила удила,
Сорвав замки с недремлющих артерий.

Течёт,
не прерываясь, разговор
О будущем и бывшем в одночасье
Отчёт,
внезапно переросший в спор,
дробит вселенную-театр на части.

Двое

Что трясёшь головою, Друг мой?
на душе печально твоей?
Так возьми свою старую трубку,
табаком, что покрепче, набей.
я сварю тебе кофе с корицей,
щедро в кружку налью коньяка,
мы могли бы друг в друга влюбиться,
если б между не встали века...
но не вечна беседа. И снова
он отправится к мёртвой реке,
чтоб вершить своё дело сурово
к тем, кто умер с монеткой в руке.
Облака да вороны – не лучше
И не хуже, чем тысячу лет.
Нет, Харон, мне не холодно слушать,
завтрак будет готов в феврале.
Обернётся стариk на пороге,
открывая дубовую дверь,
Скажет: снежной и лёгкой дороги.
Я вернусь ещё, милая Хель...

Храм мой

Искренность, что ж ты наделала?
где же пределы творения?
пишется красным по белому
первая строчка забвения.
свечку поставили жёлтую
под фотографию памяти
и неприятием золота
зимнее утро останется.
храм мой – слова да пословицы,
тело тетрадное белое
рифмы иголками колются
только сложить их успела бы...

Диана Гладнева

Выпускница факультета РГФ

Город сожжён. Есть только голый, трясущийся
март.
Сыплет снежок. Порох за поясом – знаешь сама.

Будет весло. Будет и весело. Будет. Потом.
Это не зло. Это так бесится март за окном.

Город забыт. Медленный памятник с книгой во
тыме.
Город испит. Вот тебе сны – и, пожалуйста, – спи
обо мне.

если бы птицы
могли нам на плечи садиться
и говорить о своих тревогах,
полётах, мечтах, дорогах,
мы бы, наверное,
больше смотрели в небо.
в сумку бы клали хлеба.
ветер в ладони брали,
стали бы с ним возиться,
мы бы ему шептали:
побереги-ка птиц, а?

и когда поднимаешься над, поднимаешься выше,
рискуешь сильнее, но легче, свободнее дышишь...
и приходит привычная серая мысль. но – чёрт с
ней – ты ведь так высоко, что себя и не слышишь.
ты же долго пытался себя отвязать и смотрел
постоянно и пристально в струнные сложные дали,
а теперь и ни думать, ни звать, только чувствовать
также, как те, что когда-то свой дом покидали.
рассосётся тоска, распрямится спина и свобода
взахлёб из души мятной песней и мягкой походкой.
и так будет века, ты её не туши, не глуши, не са-
жай на хлеба и не делай покорной и кроткой. пусть
она станет третьим твоим языком, первой палубой,
вдохом твоим, честной тайной молитвой...
ты придёшь просветлённым. но это потом. а пока
набери её больше, как веры в себя перед битвой.

мы не мерили время опасностью или печалями
мы старались идти по дорогам которых не помнили
мы отчаянье знали но мы его не замечали и
мы всегда сознавали что мир это сложная комната
у костров мы царапали песней будили стихами и
мы по привкусу воздуха знали что сбудется вечером
мы из снов создавали браслеты цеплялись руками мы
поколение поздних которым терять больше нечего

И когда на коленях стоишь возле синего озера,
а оно, словно бочка глубокая, в звёздах утоплено,
лишь тогда понимаешь, что скоро зима, подморозило.
И подобранный кот охраняет ботинок твой
стоптанный.

Андрей Гончарук

Выпускник филологического факультета ВГУ.
Основатель интеллектуального клуба «Кратер»,

автор книг «Новый Элевсин» (2016) и «Сон о потерянном имени» (2018)

Мастер

Мрачной легенды истлевшая, старая карта –
Вечная жажда познанья всему вопреки...
Чёрное знамя скорбей – накрахмаленный фартук.
Древнее тайное братство великой тоски.

Плач у священной стены Соломонова храма...
Он не разрушен, а лишь не достроен пока.
Ужас дерзанья и злое молчанье Хирама –
Циркуль, угольник и молот в жестоких руках.

Чёрные кони несут по пустынным проспектам...
Где же он? Где?! Так давно не слыхали вестей!
Из темноты у колонн тихо скажет им некто:
«Вот его тело! Уж плоть отстаёт от костей...»

Всадник

Он говорил, что их дерзость – порывы отчаянья
Гаснущей искры, влюблённой в своё поражение.
Декурионы ушли, сохраняя молчание,
Чтобы проверить оружие и снаряжение.

Что до того, что любые напрасны старания?
Что до того, что любые пусты обещания?
Молвив «Пароль – «Февда мёртв!», он покинул
собрание.
Крепкой руки я не стал пожимать на прощание.

Не потому, что заветам внимал пифагоровым,
А лишь из страха, что жест не пройдёт безнаказан-
ным:
Он ведь и сам был с каким-то безудержным норо-
вом,
Словно весь мир полагал себе чем-то обязанным.

Против повстанцев послали сирийскую конницу.
«Сброд у реки добивайте, пока не устанете!..»

Странные вижу я сны на подушке покойницы,
Словно смотрю по ночам в злое зеркало памяти.

A. Б.

Холоден свет Орионова банта,
С каждым сомнением всё безучастней...
Юная дева за томиком Канта –
Что может быть в этом мире прекрасней?

Там, где познанье и сущность едины,
Жалкого пьяницы боле не встречу.
В сумраке улиц ночного Берлина
Он в никуда говорил свои речи,

Плача, грубя... Но довольно об этом!
Тот, в Кёнигсберге, не спустится с трона,

Чтоб удостоить последним ответом
Злую печаль Соломона Маймона...

Ноктюрн

Белорусская ведьма курила на кухне.
Синий дым извивался змеёю во мраке.
И, как в книге, пред коей весь разум мой тухнет,
Я искал в тебе новые смыслы и знаки.

А очкам подошёл бы футляр из сафьяна...
«Неужели так сложно понять Стагирита?»
И краснели горячие угли кальяна,
И огонь отражался в глазах Маргариты...

И я думал, что музыка – сущность эфира,
А слова могут только задеть или ранить...
Ты казалась царицей подземного мира,
Разбудившей мою утомлённую память.

A. Б.

Римлянин снимет повязку с глаз.
Тонкую руку сожмёт рука.
Свет всепрощенья сойдёт на нас
Радостью миртового венка.

Кто дал стремленье сиять звезде?
Детские губы шепнут ответ...
Я обниму тебя в мире, где
Смерти и времени больше нет.

Ануш Давтян

Доцент кафедры рекламы
и дизайна факультета журналистики ВГУ

Я не та, за кого себя выдаю

Я не та, за кого себя выдаю.
Выдаю себя замуж, гоню на работу.
До последней зари, до последнего пота.
До гробовой доски, умирая от тоски.
До пугливого оха, до последнего вздоха –
Я не та, за кого себя выдаю.
Где же та? Заблудилась. Ау!

Осень

Осень расплескалась листопадом,
Плакала, швыряла, раздражённая, листву,
Думала, шурша осенним садом,
И растерянно стояла на мосту.

Осень расплескалась листопадом,
И тихонько злилась, не решаясь петь.
Застревала, застыла, выла
И, обрушившись колючим белым градом,
Мстительно решила умереть.

Дом опустел,
Окна открыл в ночи
И смотрел, как горели у гроба
Четыре свечи.
Как сидел рядом сын –
Замерзая и быстро старея,
Как холодный ветер повеял,
Как читалась Псалтирь...

Мария Дарская (Федоринина)

Выпускница филологического факультета ВГУ 1993 года. Автор сборника стихов «Лабиринты и сны» (2005 г.) и повести «Источник света для убийцы интернета» (2016 г.). Директор PR-агентства для экспертов и писателей «Золотые слова».

Хочешь сердце моё?

Хочешь, сердце моё в подарок возьми!
Из груди достану его без крика...
Мы же боги, нам трудно быть просто людьми,
И у нас не лица, а светлые лики...

Растворяем тела, как лаву, в ночи.
Из желаний реальности сгусток творим.
Можем раны душевные лаской лечить
И Москву покорить, как четвёртый Рим...

Улетаем в небо на крыльях снов,
Обнимаем звёзды своей душой.
А в другие миры ты лететь готов?
«Trust me, baby! Устроим в космосе шоу!»

Рост души

Волосы – не зубы, отрастут.
Зубы отрастить дантист поможет.
Рост души, пожалуй, самый тяжкий труд –
Ежегодно обновляешь, словно кожу.
Шелуху обид очистит скраб
Из сметаны и кофейной гущи.
Докажи вселенной, что не раб,
Что создать способен рая кущи
Даже там, где адской сажи мрак
Затемняет в сердце солнца волны.
В неге и тепле любой дурак
Гимн споёт, а ты ноктюрн дождя исполни!
Отрастают волосы, как дни...
На мороз зима, похоже, скоро двинет...
Помни: мы на свете не одни,
Если дух твой вдохновенье не покинет!

Потеряла пуговицы
Для починки шубы...
Поругалась с милым,
В кровь кусаю губы...
Вроде мелочь глупая,
Почему обидно?
Кажется, запуталась,
Куда иду, не видно...
Снова покупаю
Пуговицы с блеском,
А старые нашлись
Под вечер...
Натянулась леска

Нервов измочаленных...
Лопнет, только тронь!
А я достану тайну
Из бурных вод иронии...

Юлия Дорошева

Магистрант 2 курса филологического факультета

Вечно холодное море, узкий резной залив,
Я заряжаюсь запахом хвои и подбираю калибр.
Птицам легко и сладко, я насчитал их шесть,
Детские сказки о голых русалках – самая сладкая
весть.

Корка застывшего утра, крепко заваренный чай,
Здесь пахнет маслом торгового судна, и обрывается
май.

Я ничего не забуду: ветер – снегов решето,
Если бы взял «Учение Будды», им подпирал окно.

Осеребрится пика северной высоты,
Я покупаю у этого мира каплю живой воды.
Ждала бы меня у причала в жаркой иной стране
Мать или женщина, хрупкого стана, в чёрном цвете
каре.

В этом бреду мне снится прочный китовый ус,
Знает маяк на восточной границе имя моё наизусть.
Скрипя сапогами по небу, ходит внимательный
босс,
Опережая шумным движеньем неумолимый
норд-ост.

Ты ничего не слышал о настоящей зиме,
Свечку сжигает память в самой большой стране.
Южным теплом ласкает
Море, и зреет тост –
Все это – «русский космос», русский метаморфоз.

Уехать из города, чтобы почувствовать жизнь,
Чтобы, как раньше, на морозе – хрустящая буханка,
Чтобы никаких отчётов, ипотек и «заграниц»,
А только мокрые варежки и санки.

Вспомнить время, когда ресторан –
Это мамины блюда на день рождения,
Когда твой друг отпетый хулиган
В грязной куртке и сбитыми коленями.

Когда единственный любовный треугольник –
Это ты, математика и сосед по парте,
И все проблемы делятся столбиком,
Решаются фразой: «Дай списать мне».

Уехать и выдохнуть горечь времени,
Там сотни звёзд – нескончаемое электричество,
И всё, что надо для счастья выменять
Не рассчитать бумажным количеством.

Поднять глаза, почувствовать силу,
На вкус ощутить этот воздух пресный,
Как будто важное упустила –
Кому-то казаться крайне полезной.

Уехать из города, чтобы понять –
Как взрослая жизнь из детства
Похожа на толстую, в клетку, тетрадь,
Подписанную неизвестным.

Нас научили – чужое не тронь!
Я соблюдаю заветное правило:
Кесарю – кесарево, (брошу в огонь
Свой драгоценный динарий).

Зависть подло скребёт по лицу,
Осветляя ошибки в системе,
Мне, как почётному подлецу,
Грех предаваться мере.

Я выхожу из крайности в край,
Последний талант забирая,
Словно ступает моя нога
По просторам Синая.

Вот и сейчас стою на ветру,
Слышу спасительный сан:
«Будь твоя воля, украл бы мечту?»
Честно скажу: «Украл...»

Я рассекаю время тонким стальным мечом,
Чтобы успеть сегодня ничего не успеть,
Мне одиноко дома, в городе, и причём
Я состою из амбиций ровно на одну треть.

Кто защищает зону, где обитает комфорт,
Где живёт понедельник, верящий в новую жизнь,
Где погибает встреча с парнем, как Джеймс Бонд,
И одна не зачатая в белой бумаге мысль.

В чем заключается скорость и калибровка дней,
Если по всем расчётам я от себя не ушла,
Пустота в телефоне кажется нам страшней
Пустоты в человеке и родного тепла.

Ночь собирает тайны в звёздный высокий шатёр,
Словно под тусклым небом прячется яркий слой,
Чувствую, во мне на утро тихо покончил с собой
Натуралист-художник и безупречный актёр.

Владимир Емельяненко

Выпускник физического факультета ВГУ 1976 года,
автор книги «Мезозой» (2010)

На десятилетие

Закончен бал. Балов не будет впредь,
Уже не будут в уши нам греметь
Ни скрипки, ни басы, ни барабаны.
В чуланах запылится наша медь,
А мы уйдём в тягучий мир нирваны.

О нет, ни сердцу, ни уму не люб покой,
Уже калам, сжимаемый рукой,
Ждёт слова и картины, ждёт теченья.
Валы подхватят, понесут тебя рекой
Туда, где – правда. Чистое реченье.

Ты станешь ясен. Пред тобою мир
Откроет хор из многих сотен лир.
Услышишь голоса лугов, полей и рощи,
А там, где ты бродил учён, угрюм и сир,
Увидишь рой родни и станешь чище, проще.

Когда-нибудь заглянешь на балы,
Где детки, суетливы и малы,
Смешно глядятся в жерло чёрствой славы.
О них вздохнёшь: «А были-то милы...»...
И вновь уйдёшь своей походкой плавной.

Но это всё: проспекта забытьё,
И дальнее у окружной жильё,
И кранов шеи, и машины, пробки –
Всё-всё родное. Обжито, своё.
Все люди: те нахальны, эти робки.

В тебя вросли и пыль, и водоскат.
А город этот – твой.
Поэтоград.

Словобродное

Растворить ли страхи рифмой?
Мифа шлиф – под лупу.
И косым на рифы, вскользь.
Слово брось,
Твердеет тихо.
Друзы слов –
Вдаль, на мороз.

Костью кость.
Не мастью масть.
Слово – власть
И слово – выюга над вертлявою землёй.

Слово – ворон,
Слово – зной. Но вдыхаешь слово - дело.
Как не петь,

Когда репей за грудки ухватит куртку?
Отфильтруем муть речей.

А поэт и есть репей.

На следу поэта

...в смыслах тонкого мира нет прошедшего времени!
Там остаётся всё – в целости и сохранности.
Юнна Мориц. В целости и сохранности.

Поэт всегда – о жизни и любви,
О человеческом, просторном и высоком.
Поэт всегда – светло и одиноко,
Как взор читателя ты жадно ни лови:

Один тебя поймёт, в себя уйдёт
И точно так же молча удалится.
Другой промчится, словно в небе птица,
Но не возьмёт поэта в свой полёт.

Возьмётся третий злиться и ворчать,
Мол, беспокоят и всё время пишут.
Но есть и тот, кто войн и злобы ищет.
Мы этих знаем: Кайна печать.

Поэт всех нас за пазуху сгребёт,
Чтоб обогреть и дать ногам дорогу.
Поэт один, но в нас поэта много,
Чтоб там идти, где правят мёд и лёд.

Виктория Ерышева

Студентка экономического факультета ВГУ

Билет

Мне надо собираться и идти,
Снегами засыпается проспект,
Оплатит пассажир билет
И скажет: «Ох, уже без десяти».

Без десяти минут, часов, столетий,
Какая разница «куда», коль опоздал,
Ведь жизнь похожа на вокзал,
Но не указано нам время на билете.

Как не указан отправленья пункт,
На «дату» пролил кто-то утром кофе,
Видать, не избежать нам катастрофы,
Но люди утром все равно идут.

Идут куда-то, шепчут «всё достало»,
Вот так пройдёт впустую моя жизнь»,
И лишь последняя спасительная мысль
«Забудь билет свой дома» – умоляла.

Она просила, словно мать дитя,
Оберегая от всего дурного,

Чтоб не услышал ты плохого слова,
Из комнаты-квартиры выходя.

Нам всем пора собраться и идти,
Взять паспорт, адрес, деньги наконец-то,
И взять билет, куда желает сердце,
Пока с другим ему не по пути.

Евгения Жаркова

Выпускница филологического факультета ВГУ

Человек, заключённый в слова

Я человек, заключённый в слова.
Как рассказать о таком, невесомом?
Будет ли в строчках небес синева
Той же – прозрачной, живой и бездонной?

Разве прольётся в них звёздная тишина,
Нового снега полет первозданный,
Радость улыбки, что ты подглядишь,
Боль расставанья влюблённых в тумане?

Как рассказать о рождении сна,
Ветре, качающем майские травы,
Если слова – только отблеск огня,
Лишь отголосок пронзительной правды?

Я человек, заключённый в слова, –
Частность частиц, безучастность причастий...
Чем передать, как тоскует листва,
Вспыхнув недолгой осеннею страстью?

Чем передать замирание и бег,
Шёпот и крик воплощаемых мыслей?
Я – заключённый в слова человек –
Ими играю в подобие смысла.

Что тебе, странник, приснится меж строк,
В то, что незримо, прикажет всмотреться?
Будда беззвучно роняет цветок
В Махакашьяны открытое сердце...

Единственная истина

Так непривычна тишина.
Пуст дом, и в нём легко и странно...
Свист чайника. Вода из крана.
Чуть слышный шелест из окна.

И обращенье дел земных,
Обычных, незамысловатых,
Приобретает суть и святость,
Коснувшись этой тишины.

Ты наливаешь в чашку чай,
Хлеб из печи неспешно режешь
И чувствуешь печаль и нежность

В нём, как в начале всех начал.

Меж грядками ступает кот –
Соседский, словно солнце, рыжий, –
И тишиною небо брызжет,
Как будто дождь грибной идёт.

Смородиною горсть полна,
Малина прячется под листья,
И никаких не нужно истин,
Когда в тебе звучит одна.

И жизнь так явственно-проста,
Проникнутая чудом этим,
Что вдруг сквозит в укропной ветке
Созвездий мощь и красота.

Нежность

У нежности особая цена:
Так птица, небеса узнав в полете,
Благоговейной радости полна
И вторит облакам чистейшей нотой.

Нет, не по зову, что взыскиует плоть,
Но по иному, ангельскому зову
Рождается она и предстаёт
Дерзаньем, Вдохновением и Словом.

Что нежности иные времена,
Пространств и измерений коридоры?..
У нежности особая цена:
Отдашь ей сердце – сердце сдвинет горы.

Так бабочка восторженно-легка
Настолько, что достаточно лишь взгляда,
И незачем изобретать сачка,
Чтоб чудо всюду оставалось рядом.

Но взмах крылом, один лишь только взмах,
Ее, тобой свободы не лишённой, –
Не главная ли мера на весах
Предвечного и верного Закона?

И новые рождаются племена,
Построят храмы, пустят караваны...
У нежности особая цена,
Как у вина из Галилейской Каны...

Помнишь ли ты обо мне?

*Когда тоска становится невыносимой,
я выхожу на северную террасу,
куда ветер заносит цветы невидимого миндаля.
Л. Страфф, «Китайская флейта»*

Ночь вышивает узоры созвездий во тьме.
Голос сверчка раздаётся над спящей бездной...
Где же ты нынче? И помнишь ли ты обо мне –
Той, что единственной звал средь красот Подне-
бесной?

Пальцы сжимая, тревожусь о чём-то и жду...
Будд милосердных не смею просить о покое...
Что из того, что вчерашнему верю дождю,
Если так полнится сердце невнятной тоскою?

Голову кружит полночных цветов аромат.
Тонкую занавесь нежит касаньями ветер.
Дождь не спешит, стороною обходит мой сад,
Но рукава мои – хоть выжимай на рассвете...

К яшмовой флейте боюсь прикоснуться рукой –
Вдруг отзовётся в потёмах, печально и строго.
Где же ты нынче? Но пусть тебе будет легко –
В стане военном, в объятьях чужих ли, в дороге...

Бьётся в висках ожидание нового дня.
Краски зари – словно персик, забытый на блюде.
Где же ты, милый? И помнишь ли ты про меня?
Помню ли я? Я тебя никогда не забуду.

Присядь в июльскую траву

Присядь в июльскую траву.
Ты с ней опять – почти что вровень.
Жучок ползёт по рукаву,
Ко взлёту новому готовясь.

Вокруг толкутся муравьи,
Толкуя на своём наречье,
И васильки в глазах твоих
По-прежнему юны и вечны...

Присядь в июльскую траву.
Когда ещё ты это сможешь?
Скажи: «Дышу, хожу, живу.
Простое заменяю сложным,

Выдумываю «да» и «нет»,
Дрожу – на ниточках паяцем,
И свой высоколобый бред
Несу, не в силах с ним расстаться...»

Трава ответит в тишине
Простым и ласковым касаньем...
Побудь немного вровень с ней –
И станешь вровень с небесами.

Вера Жердева

Выпускница факультета РГФ,
член Союза писателей Москвы

Падал очень красивый снег,
снег классический, идеальный,
как в кино или как во сне,
подзабытый и нереальный.

Падал очень красивый снег,
без подвоя и без подтекста.
Время вспять обращало бег.
Падал снег. Вспоминалось детство.

После ливня на Рождество
падал снег самой высшей пробы.
Сказка. Белое волшебство.
Снег кружился. Росли сугробы.

Красотой сражён наповал,
посреди занесённых улиц
транспорт, в пробках застыл, стоял,
и бездарно часы тянулись.

Понаставило время вех:
детство, юность, теперь вот – зрелость...
Снег летел, долгожданный снег,
а зимы уже не хотелось.

Московские каникулы

В Москву! Стряхнуть провинциальность,
как повелось.
Примерить на себя реальность
столичных грёз.

В Москву! В Москву! Без долгих сборов.
Спонтанно. Вдруг.
И бесполезных разговоров
разомкнут круг.

Пока душа не раскололась –
ведь есть предел –
в Москву! Я ехала на голос.
И голос пел!

У разбитого корыта

Разбитое корыто
чем знаменито?
Оно, как ни банально,
не было реально
ни новым домом
на зависть знакомым,
ни хоромами боярскими,
ни палатами царскими,
ни благородными
чертогами подводными.

Было лишь корытом,
надёжным с виду.
Корытом и только.
Треснуло. Горько.
Я с толку сбита.
Зачем мне корыто?

Александр Журихин

Магистрант математического факультета.
Дипломант открытого поэтического турнира
«Стихоборье 2014»

Каштаны падали вниз

Каштаны падали вниз,
Разбиваясь о мёртвый асфальт,
Попросил повторить на бис –
Отказали. Жаль.

Коричневатые твёрдые ядра
Иdealной природной формы.
Мы кидали их, оставляя пятна
От синяков. Это было нормой...

А теперь не нужны каштаны,
Столько новых, других игрушек,
У детей изменились планы,
И плоды затерялись в луже.

Дарья Зайчикова

Выпускница юридического факультета и факультета РГФ. Лауреат «Российского писателя» (издание Союза писателей России) в номинации «Новое имя» за 2013 год.

В часах нет времени

В часах нет времени.
И правды на часах.
Иссяк песок, как звёзд Его лампада.
И нет ни лжи, ни честности в глазах –
Стоячая вода немого взгляда.

Застыло время.
Прошлого следы
Бесследно испаряются – в незнанье.
И нет ни лжи, ни слёз, ни суеты
Придуманного нами же страданья.

И нет ни преступленья,
ни вины.
И каждый встречный стал, как близкий, дорог.
Твой белый флаг с обратной стороны
Черней теперь, чем самый дымный порох.

Есть только выбор –
Свой замедлить шаг
И утонуть в черёмуховой пене.
И нет ни лжи, ни честности в часах,
Но лишь мерило наших сожалений.

Русло

Одни лелеют крошки и песчинки
И замечают мелкие пылинки
На тёмных крышках фортепьянных спин.
А ты, мой друг, останешься один.

А потому что тот, кто ждёт парома,
Авиарейса, поезда, а дома
Не то что не имеет, но не ждёт, –
Тот, как известно, пропускает ход.

Так говорили те, кто эти крошки,
Обёртки, плошки собирает в стол.
И ты, мой друг, не жди другой «одёжки» –
У них два глаза и один закон.

Ведь это тоже подвиг, в самом деле,
Смиреньем чтить рабочие недели,
Копить, не ропща, шнуровать шнурки.
Впасть чётко в русло жизненной реки.

А ты, мой друг, завязывай с оглядкой
На каменные крепости достатка.
Беги, уговоришь проводника –
На этой карте не одна река.

И стоит свеч

Идёшь себе,
А рядом – отцветанье
Травы, листвы, отговоренье лет.
Старик в окне
За чуть прозрачной тканью,
Как саваном накрытый, смотрит вслед.

Никто не жаждет
Вальса распаданья.
На раз – уже не так проворен бег.
На два – глазами ищешь
– врачеванья –
Скамейку, час, неделю, год и ... век.

Посторонись, попавшийся прохожий,
Я жизнь иду прожить, не умерев.
Я видеть не хочу парик негожий
На головах бессильных старых дев.

Мне так нельзя!
На три – меня положат
В гербарий меж страниц сушить крыло.
Мне так нельзя – но этот путь не сложен
И непроложен, только и всего.

Идёшь себе,
Икотой мысли, страхом
Дыханье бьёт напористо картечь.
Не чтоб уйти... Чтоб жить! Со всем размахом!
Пройти весь путь – о, это стоит свеч!

До магазина

Ты знаешь, продавщице в магазине
Известно больше, чем подумать мог.
Ты забегаешь мимоходом
Или
Когда найдёшь ещё один предлог.

Она запомнит спешку, мешанину,
Как впереди кого-то поносил,
Что позволяет положить в корзину
Запас твоих нелошадиных сил.

В её квартире у неё четыре
Несъеденных кастрюли на двоих.
Зажмурит глаз, не находя в псалтыри
Молитвы за пропавших молодых.

Зашторит свет, заглушит звук. И губы
Взведут каскад молитвенных пружин.
Так все сейчас озлоблены и грубы.
Его храни.
Он мой любимый сын.

Весы фортуные

Есть надёжный залог
«впадения»
в безмятежный земной покой.
Нужно просто забыть
умение
Измерять свою жизнь
другой.

Жизнь не класть на весы
фортуные,
ожидая блаженный куш.
Потому что весы
чугунные
Не для наших с тобою
душ.

Жизнь репетирует осень

Жизнь репетирует осень.
Долго цветёт остролист.
Сонные бабочки в просинь
Кружатся листьями вниз.

Солнце в небесных качелях
Переберётся наверх.
Томно качаются ели,
Сном искупается грех.

Зяблик прощается с полднем,
Малым изволь обойтись –
Ты не узнаешь сегодня
Тайной останется жизнь.

Лариса Зимина

Выпускница филологического факультета ВГУ, пе-
чаталась в антологиях, журналах и альманахах «Подъ-
ём», «Царскосельская лира», «Северный вестник»,
«Мгинские мосты», «Земная колыбель», «Лишь слову
жизнь дана...»; выпустила несколько авторских сбор-
ников стихов и прозы - СПб/Воронеж.

стихи автостопом

стихи автостопом гуляют по свету
зимою и летом
и в межсезонье
летят вслед за ветром
по ветру по метру
по стопам по тропам
по зонам озонным
стеная стоная
плача дождями
гримя громами
терзаясь грозами
над булыжными площадями
над карточными домами
выстилая наш путь шипами и розами
стоп
развилка нехоженых троп
свернуть бы на прозу грозную
где сорок сорок
в назначенный срок
сигналят свой автостоп
остаться в стране поэз
там и подавно без
меня и со мной
одинокой луной
грустят сто тысяч поэтов
стоп
автостоп
у зелёного света

моя страна моя история

под шквалистым ветром
метр за метром
страна бросалась на перекрестках
нале...направо...судьба в напёрстках
.....
в истории тёмной сакральной
выбор всегда сугубо ментальный
в чреве страшных архивных подвалов
в пустом зазеркалье дворцовых залов
.....
вчера и сегодня внутри марафона
мы современники восьмого айфона

рвёмся к ленточке правды-двери
шлюзы открыты хочешь – бери
а... вот уже... сняли разрезав на части
почётные гости куда унесли
а мы нечётные века несчётные
мы марафонцы дорожной пыли

.....
плывут кораблики оригами
над волжскими невскими берегами
и падают снеги наивной веры
на тёплое лоно *inkognita terra*
а мы всё бежим кто нале- кто направо
не понимая что с нами сила
в предзимье всходит трава отава
над чёрной пашней моей России

.....
гримят покаянно ура-оратории
из окон хрюпят пластинки винила
мать сыновей ни в чем не винила
моя страна моя история
Ноябрь 2017 г./ Февраль 2018 г.

Ветры Золотой Орды

Степной ковыль колышется и стонет
Над золотой главой бархана.
Давным-давно могилу Чингисхана,
Стирая память, затоптали кони...

.....
Где степь волнуется, как море,
Где кони мчат быстрей огня,
Где ветры пляшут на просторе,
Стихая на закате дня,
Табун в сто тысяч лошадей
Из Золотой Орды
Сравнял с землёй, в песок втоптал
И всем – «алаверды».

.....
Орда рассеялась по миру,
А с нею ветер-суховей,
Что долетает до Пальмиры
Под стрелы верных сыновей.
Но память сердца – без упрёка –
Живёт и трудится средь нас,
Вдруг вспомнивших урок уроков
И Чингисхана острый глаз.

.....
Не бойся, детка, просто знай
И помни, кто есть ты,
Не то придёт большой Бабай,
А с ним Батый или Мамай,
И рухнут все мосты.
Февраль 2018 г.

Сегодняшнее вчера

*Никогда не бывает поздно –
поздно, когда уже не ждут.*

я ждала тебя сегодня
я ждала тебя вчера

ожиданье жадной сводней
проглотило день на полдник
и ни два ни полтора

я ждала тебя сегодня
я ждала тебя вчера
снова день по скользким сходням
сполз ночью подворотней
завернув в свои ветра

я ждала тебя сегодня
я ждала тебя вчера
благородно несвободна
безысходно старомодна
как калитка у двора

нет ни оклика ни скрипа
нет ни стука ни звонка
шибко плачется ошибка
словно сломанная скрипка
дожидаясь у окна

вдоль по берегу одна
поднимая смесь со дна
шла топила вечера
до рассвета допоздна
лунных ложек серебра

я ждала тебя со дня
называвшимся ВЧЕРА
и оно пришло сегодня
словно праздник новогодний
или детская игра
Декабрь 2017 г.

Яблочный блюз колоколов

На мокрых ветках плакали яблоки...
По серому небу, среди облаков,
Шагали верблюды, плыли кораблики –
Плыл яблочный блюз колоколов.
Дождь моросил и струился по стёклам...
Ветер-пастух гнал стада облаков,
Листья опали, продрогли, промокли –
Плыл яблочный блюз колоколов.
На дальнем пригорке клёнов макушки
Тянули за ниточки сеть облаков,
Звонили к обедне в старинной церквишке –
Плыл яблочный блюз колоколов.

.....
Яблоки в облаках,
Яблоки в тёплых руках,
В царстве осенних муз
Яблочный блюз...
Ноябрь 2017 г.

Друзей моих прекрасные черты
Ясней мне видятся из близкого далёка.
В альбоме времени засветятся листы,

24 марта 2018 г.

И снова я неодинока.
То глаз пропустит, то улыбка,
То чьё-то ухо вдруг настроит слух
На зов реки, где время зыбко...
Но тот костёр сегодня не потух.
Декабрь 2017 г.

Василий Зубков

Выпускник исторического факультета ВГУ

Турбины вой тебя уносит
Через густые облака
В далёкий край,
Где хлещет в просинь
О берег средиземная волна.
Где на арене в прах смешались
Судьба людей и кровь быков –
Та жертва издревле осталась
Во усмирение богов.

Венцом на венец, шрамом на шрам
Вырублен в сердце верности храм.
Но нет загадочнее троп,
Что затаились между строк...
...по ним кибитки кочевые
Скрипят в густой пыли дорог,
Несут в себе огонь задора
Дремучей глубины веков.
В те поры бешено вулканы
Взрывали толщу ледников –
В крутой волне, порыве юном,
В порыве ветра вешний зов.
Земля цветами просияла
До самой кромки берегов,
Лились ручьи и иссыхали
Под пенье хриплое стихов.

Пускай твой взор ласкают краски
С зарёй проснувшейся земли –
Ты вспомнишь лишний раз о боли
Ревниво тлеющей души.
Её, лишённую покоя,
Со звоном нищеты оков,
Всё гонит прочь хула людская
Подальше от своих дворов.
Но и среди большой пустыни,
Где солнцем выжжена земля,
Воспоминаний скорбный камень
Омоет горькая слеза.
Жара полудня отступает
Перед фиестою ночной,
Но пальцы лишь песок сыпают
В порыве нежности пустой.
Вокруг всю ночь бушует пламя,
До неба искры от костров!
Я забываю о пустыне
И тяжесть нищеты оков.

На звоны серебра богата
Гитары тонкая струна,
Да жажду вволю утоляют
Потоки терпкого вина.

...росою нот, аккордом грусти
Ложится утренний туман.
Турбины вой тебя уносит,
Штурмую пятый океан.

Михаил Инев

Студент филологического факультета

Грохот.
Гул.
Гомон.
По битым стёклам
Шаги.
Камень
Разнёс на куски
Мир
Теперь видно
Шире.

Сжавший стекло
Процедил
Сквозь костяшки кровь.
Теперь смешалось
В кровавый комок.
А из стёклышек
Мог бы
Выйти
Прекрасный шар.

Анастасия Картавцева

Студентка факультета журналистики ВГУ

Спящая красавица

Мне ещё нет шестнадцати.
Верю пока словам,
Праздниками и танцами
Полнится голова!

Платье надену белое
(Суженым будет принц)!
Стану царицей первою!
Лучшею из цариц!

Только в текущей вечности
Мне не носить колец...
Видно моей беспечности
Тоже пришёл конец!

Я поступила ветreno,
Душу спалив дотла!
Ах, ну зачем я ведьмино
Веретено взяла!

Нет, мне не быть хозяйкою
Жалкой своей судьбе!
Стало привычкой тайною
Руки колоть себе...

Господи! Что же я делаю?!

Вены огнём горят,
Снова толчками мерными
В кровь попадает яд.

Смотрят скульптуры медные,
Будто в лицо врагу,
Ужас крадётся медленно,
И я во тьму бегу

Залами освещёнными...
Холод коснулся плеч...
Фокусы с веретёнами
Все-таки стоят свеч?!!

Тени по стенам кружатся,
Медленно гаснет свет,
В диком, смертельном ужасе
Падаю на паркет!

Вижу глаза чудовища
В рамках стальных окон...
Тщетно прошу о помощи
И погружаюсь в сон.

Ночь. У забора ветхого,
Молча, склонилась ниц
Девушка, страшно бледная,
Рядом – игла и шприц...

Понимаешь, уже не болит,
И терять-то мне в принципе нечего...
Чай на завтра, нам завтра в Мадрид,
И с тобой нелюбимая женщина.

По брусчатке везу чемодан,
Шпильки бьются о камни неистово,
Задеваю плечом: «Извините, мадам». –
«Пустяки», – собираюсь я с мыслями.

Вот уже мы в вагоне купе.
Стук колёс. И роман Достоевского
Я читаю весь день. И стоят на столе
Чашка кофе, коробочка с кексами.

Каждый час ты выходишь курить.
Вот уже объявляют конечную.
Я беру чемодан. Нам пора выходить,

Натянувши улыбку беспечную.

Снова полдень, и в дверь ты стучишь.
Чемодан запакован был с вечера.
Суп в обеде. Мы едем в Париж...
Мне б исчезнуть сейчас незамеченной!

Старый парк ждал конца ноября.
Каждый день ты проходишь аллеями.
Я же знаю, что ты ненавидишь меня,
Но расстаться с тобой не посмею я.

В понедельник выходим мы в свет,
А на утро – в газету уткнувшись –
Ты читаешь стихи и несёшь всякий бред,
А прислуга вздыхает, заслушавшись.

Нет. Я больше терпеть не смогу
За окном ненавистные ирисы.
Яд на ужин! Мне нужно в Москву!
Но ты спросишь: «А мусор не вынесешь?»

Все обедки отправлю в пакет
И тихонько вздохну с облегчением,
Каблуками испорчу прекрасный паркет –
Он уже не имеет значения.

Больше рук не держать мне по швам.
От притворной тошнит добродетели.
Вслед я слышу слова: «Подождите, мадам!
Я любил вас! Вы не заметили?..»

Мы не живём – мы просто существуем:
Завариваем кофе по утрам,
Работаем и «прём напропалую»,
Рвём все подряд под крики: «Не отдам!»

И, исподлобья глядя на прохожих,
Мы кутаемся в серые пальто,
Вглядевшись в полулица-полурожи,
Мы говорим: «Выглядишь на сто!»

И каждый вечер в уголке дивана
Мы снова пьём – кто водку, а кто чай.
Рождаются бездарные романы,
Под утро гаснет тусклая свеча.

Но все эти детали механизма
Считают, что имеют острый ум,
Что нет конца широкому карнизу,
А кто-то тот карниз перешагнул...

И Он увидел этот муравейник,
Закрыл глаза и не хотел открыть...
Он, молча, опустился на колени –
Ему их так хотелось раздавить.

А мы об этом ничего не знали,
Вновь цены поднимались на слова.

Мы этих слов уже не понимали,
И фоном шёл по телеку «Дом два»...

Виктор Колесниченко

Выпускник филологического факультета ВГУ в 1971 году. Печатался в периодике, в коллективных сборниках и альманахах. Автор поэтических сборников.

Перед ночью

*Буйство глаз и половодье чувств.
С. Есенин*

Где моя утраченная свежесть?
Нет её. А помнится, была.
Ночь вплывает вкрадчиво и блещет,
Раскрывая звёздные крыла.

Жизнь иные высветила скрепы
Перед тем, как стать небытиём.
И текут блистающие реки
И на этом свете, и на том.

В их глубинах бесконечна свежесть,
Что прекрасней юности огней.
В реку дважды хода нет от века.
А река светлее и светлей.

Редеющих лесов и тающих созвездий
Душою не обять и не поспеть волслед.
И не избыть печаль. И не исчислить следствий.
Лишь голову задрав, смотреть, как ясен свет.

Как остывает мир. Белеет паутина.
Иззявшая река ныряет в глубину.
Душа взлетает вверх. А лес покровы скинул.
Но суть вещей ясна и не уйдёт ко дну.

И не уйдёт в бега от пашни праздной пахарь.
И журавлиный клин обратно прилетит.
Не тленом, не бедой – ромашкой поле пахнет,
И, как чертёж, в рулон завёрнуты пути.

Притворство. Апрельство. Соблазны
Девической тонкой игры.
И снова корявые вязы
Среди предполётной поры
Любовной тоскою исходят,
В неясных порывах шумят,
И в синее небо свободы
Раздетые почки глядят.
И зовы небес откровенны
Над пологом первой травы,
И бабочек пёстрых колени
Распахнуты вновь для любви.

Памятник

А кто-то, уходя, как будто не ушёл,
А памятником смотрит с пьедестала.
Суров и одинок, со складкою вдоль щёк,
Он нам представлен в виде идеала.

А он был грешен или был смешон,
И так фигуру ткань не облегала.
Он нам навечно как урок вменён
Из грозно-орудийного металла.

Не поведёт плечами, не смахнёт
Помёт ворон и снежное оплечье.
За что его так взяли в оборот?
За что лишили жизни человечьей?

Солнце

Боливар может вынести всех,
Он один такой, Боливар,
Наши боли, и наш успех,
И недолгий, но карнавал.

А когда отпывает срок,
А когда будет кончен бал,
Станет некому и венок
Положить ему. Сдох Боливар.

Дмитрий Колесниченко

Выпускник филологического факультета 1996 года

Мартовские иды

С хрустом ломают подошвы идущих уверенным
шагом
В марте неверный и хрупкий подтаявший лёд.
Римлян учитель и вождь, чьи недруги сделались
прахом,
Цезарь с охраной и свитой на форум идёт.

Вот на ступенях у храма сидит предсказатель,
Ложно предрёкший несчастье в дни мартовских ид.
«Ликторы! Он шарлатан, но не враг и предатель –
Дайте пинка за обман, и пусть дальше у храма
сидит.

Что угрожает тому, кто отечество поднял с коленей,
Распри в стране прекратил и избавил от смут?
Что мне за дело до всяческих глупых знамений?!
Разве я в чём-то неправ? Отвечай же мне, Брут!»

На улице Корейской нет корейцев,
Как нет там и асфальта. Разве что
У дома кто-нибудь из местных уроженцев
Приткнёт своё корейское авто.

Цветут весной и вишни, и жердели,
Как на агитках Северной Кореи. И слегка,
Чтоб вы поесть и выпить захотели,
Доносит ветер запах шашлыка.

По некорейской улице Корейской
Ходил когда-то. И сворачивал потом
К такой же пыльной и неевропейской
Варшавской улице, где польским языком

Никто не говорил. Да это и не важно.
К чему мне бимбер*, полонез и прочие дела,
Когда та пани, что прекрасна,
На этой улице жила.

*Бимбер – польский самогон

7 Ноября

Проспекты из плакатов платья
Надели ради праздничного дня;
Народы СССР – родные братья,
И негры – наша дальняя родня.

А в магазине бублик – пятакочек,
А булочка – и вовсе три копейки,
В кубанке и черкеске казачок
Несётся вскачь на водочной наклейке,

Картошка – гривенник за килограмм,
А рядом столь же жалобного вида,
С родимым чернозёмом пополам,
Мороженой морковки пирамида.

Под снегом в телевизоре парад.
Смотрю, родного Брежнева жалея
За то, что столько времени подряд
Он мёрзнет на вершине Мавзолея.

Ржавый козырёк над подвальным оконцем.
Миска с «гуманитаркой», выставленной котам.
Мурка щурит глаза на февральское солнце,
Не забывая оглядываться по сторонам.

Рухнула с карниза вниз ледяная глыба,
Грохнула в жесть, осколками застучала.
Мурка нырнула мгновенно, как рыба,
В вонючую тьму спасительного подвала.

Жалкую кошку жизнь видно, как на ладошке:
Будни суровы, опасны, а радости малы.
Но человек может стать беззащитнее кошки,
Если война загоняет спасаться в подвалы.

Людмила Колесниченко

Выпускница филологического факультета ВГУ

Вдвоём

По сути ты, конечно, прав:
Неважно – Киев иль Воронеж,
Здесь золотая осень, там...
Важнее, что ты рядом бродишь
Со мной. Вдвоём, в руке рука,
Нет бытовых забот в помине.
Какое счастье те два дня,
Что подарил октябрь нам ныне!

Быть иль не быть?
Идти иль не идти?
Решиться сделать шаг
Иль отступиться?
Ну, вразуми же, Боже, вразуми!
Не дай в очередной раз оступиться.

Пошли мне ангела
С напутствием Твоим.
Даруй мне знак,
Чтоб, как приказ, был ясен.
Молю тебя я очень: поддержки,
Чтоб дух сомнения исчез –
Он мне опасен...

Чтоб ясен и спокоен
Вновь стал взгляд.
Чтобы уверенность вернулась –
Всё, как должно.
Чтоб сил душевных
Зря не растерять,
Лукавому в угоду
Выбрав ложное.

Людмила Кольцова

Заведующая кафедрой русского языка ВГУ,
член Совета по русскому языку при президенте
Российской Федерации

Светел и свят...

Мне друзья говорят: «Смирись!»
Мне семья твердит: «Уходи!
С темной силою – не борись.
Не тебе её победить».

Душит нас чужебесья ложь.
Оседает в сердце печаль.
«За язык я полезу на нож!» –
Как когда-то говоривал Даль.

За язык, что светел и свят,
Что звенит, как живой родник.
Это где-то в Европе – закат.
А у нас – рассвет впереди!

Только б нам сохранить, сберечь,
Не растратить на рыночный пир
Драгоценную Русскую Речь,
Создающую Русский Мир!

О свободе

Нет свободы у леса и поля,
У луны, что плывёт над рекой.
Всё по Высшей свершается воле,
Управляется крепкой рукой.

Лишь одно в этом мире творенье
Норовит испытать вновь и вновь
Бесконечное Божье терпенье,
Безграничную Божью любовь.

Попирая законы Природы,
Позабыв назначенье своё,
Человек обретает свободу,
У других отнимая её.

Но в незримой истерзанный битве,
Покаянной слезы не тая,
В смертный час вспоминает молитву:
«Да исполнится воля – Твоя!..»

О славе

Признание приходит слишком поздно,
Когда оно уже совсем не нужно,
Когда в Иную Жизнь Иные звёзды
Влекут – от повседневности недужной.

Когда земные горести забыты,
Тоску Души сменяет Ожиданье,
Далёкое от суетного быта.
И близок час Прощения и Прощанья.

И в этот час, всю жизнь припоминая,
Котомку памяти перебирая снова,
Оставлю в ней любовь к родному краю
И драгоценный дар Родного Слова.

Начинающим правдоискателям

Вся жизнь построена на лжи.
Солги – и будешь всем приятен.
Начальству заднице лижи
И заключай врагов в объятья.

Тверди друзьям: «Я вас люблю!» –
Поглубже нож втыкая в спину.
Скрывай любовь свою к рублю
Под бескорыстия личину.

Когда плюют тебе в лицо
Или удар наносят сбоку,
Не зли ответом подлецов,
А подставляй другую щеку.

Хвали за мудрость дурака,
За милосердие – бандита.
И будет жизнь твоя легка.
Как у свиньи – вблизи корыта!..

Константин Кондратьев

Выпускник экономического факультета

Замолчал сверчок внутри –
Словно умер как...
Сиротливы пустыри
В ранних сумерках.

Ветер в гнёздах шевелит
Пух да пёрышко –
Колченогий инвалид,
Экс-сапёрушка...

То в листве навеселе
Дурью маётся,
А потом в сырой золе
Ковыряется,

Но взглянуть на образа –
Не осмелится,
Потому как ест глаза,
Дымом стелется

Пустырями октября
Грусть дочерняя,
Страх сыновий – да заря
Невечерняя...

(«Беседа с Колей не прерывалась
и никогда не прервётся...» О.М.)

...Никогда не прерывался разговор,
потому что говорим совсем не мы...
Мы – соседи: покосившийся забор,
лай собачий, за кустами сгустки тьмы.

Уголёчком наш окурочек горит.
Он бывает красен на миру...
А потом звезда с звездою говорит.
А мы жмёмся по углам в чужом пиру.

Не выгадываем в вечности минут,
не выискиваем истины в ногах...
Лишь под утро – когда стихнут и уснут –
ходим-бродим в русских сапогах.

(отрывок)

"...Ведут ко мне коня..."
А.С.П.

...к иным приходит дева,
и дева вдруг – нагая,
направо и налево
весь мир нам раздвигая...

...к другим приходит бабка
в любое время года,
и всё, что выше тапка
зовётся в ней – свобода...

...а к нам приходит осень,
и тоже, вишь, нагая –
и бьём копытом оземь,
артрит превозмогая...

(Великопостное)

...не зима, не весна. Не беда – не победа.
Тает в сумерках след золотой полосы.
До дежурного ужина после обеда,
как старушки на службу, плетутся часы...

По земным колеям, нынче вусмерть раскисшим,
тяжеленъко добраться до благостных мест.
Лишь воронам вольготно под небом нависшим:
– Где ж ещё перекаркать его благовест!..

...где ж ещё, как не в этом вселенском расколе
на церковнославянский мы переведём:
– «Шевелись, лихоманка!..» – «Петрович, доколе?..»
«Ахти ж, матушка...» – «Ино ишшо побредём...»

Затуманилась, как всегда,
 даль весенняя...
 Слились небо, земля, вода:
 нет спасения –
тонет в омуте цепкий взгляд,
 в мутной ватности,
весь – во всей, на какой-то ляд,
всеохватности!..
...Режет, колется и рябит –
как пред битвою...
Будто снова и я убит
ржавой бритвою –
то ли соль мои очи пьёт,
то ли влага ест,
то ли птицей в зрачках плывёт
дальний благовест.

Ольга Костенко

Выпускница факультета журналистики ВГУ 1990 г.,
член Союза журналистов России

Босоногие

(песня)

Босоногие девчонки, босоногие мальчишки,
Сколько их, сирот голодных,
На войне забыли книжки?!
Артобстрелы и налёты...Их ничто так не пугало,
Как отказы и приказы:
«С фронта – в тыл вернуть обратно!».
Только сердце рвалось снова
В бой жестокий, в бой кровавый,
Только сердце не хотело из огня идти обратно.
В нем мальчишечье стремление
Отомстить врагу за слёзы,
За утраченное детство,
За сожжённые берёзы.
Вместе с тихой колыбелью
Им родная мамка снится
И роняют слёзы снова поседевшие ресницы.
Сколько соли в них и боли,
Сколько памяти и грусти,
Сколько горя, сколько скорби,
Сколько веры, сколько чувства.
В тихом шелесте берёзы
Вновь им слышатся раскаты
И бегут по полю боя очень юные солдаты...
Гимнастёрки и бушлаты берегут они, как знамя,
И в родной земле – горсть пепла –
Той войны – святую п а м я т ь.
Босоногие девчонки, босоногие мальчишки,
Сколько их, сирот голодных,
На войне забыли книжки?!

Екатерина Кузьмичёва

Выпускница факультета журналистики ВГУ.
Специальный корреспондент ТРК «Липецкое
время»

Боже мой! Этим мальчикам
97-го года рождения
Уже двадцать лет! – сосчитать на пальчиках,
А мы для них – мамонты, без сомнения!
Мы с тобой дети Советского Союза,
Выросшие на развалинах коммунизма,
А они новую страну вовсю юзают,
Упиваясь тезисами гедонизма,
А они уже – Боже мой! – взрослые!
Уже девочки эти детей рожают;
На майданах кричат, создают свою Новороссию,
Правда, кто такой Гитлер не все из них знают...
А они в институтах учатся, на работу ходят,
Кто-то бизнес свой вовсю открывает,

Жизнь ведут социальную – по последней моде.
Можно я проснусь? Неужели такое бывает?
А за ними по пятам к совершеннолетию
Поколение юбилейное – миллениума!
Боже мой, что ж вы делаете, дети?
Я не хочу четвёртый десяток разменивать!
Эти страшные цифры видеть в паспорте,
Восемнадцать всего-то вчера и было,
А они – представляешь? - на личном транспорте
И с кредитной историей за плечами нехилой...
Что же делать нам, на какие потыкать кнопки?
Как замедлить бег этой гонки без утешительных?
Мы же тоже дети – вчерашние, робкие!
А часы стучат, отбивая секунды стремительно.

Тихо...

Тихо... Говорить сегодня неуместно!
Губы не для слов, для поцелуев:
Не желаю слушать, если честно,
Про дефолт, драконов и буржуев.
Руки – тоже созданы для ласки,
Нежно пуговки расстёгивать рубашки,
Только тихо! Надоели сказки
Про пингвинов и гаданье на ромашке.
Убирай со лба скорей морщины,
Мысли прочь, пусть мнутся за порогом.
Ты – мой замечательный мужчина,
Мой желанный колкий недотрога...
Я готова подавать патроны,
Драться рядом разъярённой львицей:
Мы потом займёмся обороной,
А сейчас – хочу тобой напиться!
Буду разминать тихонько плечи,
Рисовать узоры на груди:
Пусть твои тревоги нежность лечит,
Только тишину не береди...
Мы её потом порвём на части
Первобытным всполохом страстей,
Ты – моё украденное счастье
У колоды пиковых мастей.

Переписка

Вечер. Тихая прохлада,
Веткой клён стучит в окно,
В небе – синих туч громада,
Я одна. Пишу письмо.

«Здравствуй, милый Евгений!
Посмотри на свою Лебедянь:
Опускаются тихие тени,
Затихает базарная брань.
И печальные домики груятся,
Застигает вечерняя синь...
А мечта твоя вряд ли сбудется, –
Лишь развалины взглядом окинь!
Дом разрушили. Уж не воротишься!
Все отняли – и Родины нет,
И к родному порогу не бросишься,

Поднимая безликий бред.
Помнишь, под светлыми окнами
Ты любил вечерами играть;
Любоваться за книгами блеклыми,
Как рояль открывала мать,
По утрам в прогимназию бегал,
Среди многих стучащих сердец,
Мимо церкви – по улице пегой –
Где священником был твой отец.
Помнишь, после – Воронеж,
А потом – Петербург, новый свет...
Как в немой неизбежности стонешь –
Революции тянется след!
Коммунизм. Хоть его ты понял,
Не побрёл на его поводу,
Спину выпрямив, голову поднял,
Обрекая себя жить в аду.
Заграница. Берлин и Рига:
Продолжая мечтать и писать,
В предвкушенье священного сдвига,
Когда будет в стране благодать...
Ты не принят, не понят Россией,
Как Базаров – ты рано пришёл...
Над Парижем ветра голосили... –
Там покоится тело. Душой
Ты на Родине. Русь! Посмотри:
Во все стороны – в никуда,
И небесные окна протри –
Засверкает твоя звезда!
Память стёрлась. Не видно лиц,
Наважденье подобно року.
Мир падёт пред тобой ниц,
Преклоняясь величию пророка!»

Бесконечность небесного дна
Заполняет солнечный свет,
Пробуждаюсь от крепкого сна –
На столе короткий ответ:

«Опечален, расстроен, увы!
И со смертию нет мне покоя,
Уж не мять лебедянской травы,
А хотелось побывать мне собою!
Возвращается имя моё,
Прохожу свою первую пробу,
Кружит критика, как воронье,
Но восстанет память из гроба!
Я и верю, что будет так!
Дом разрушили... факт неприятен!
Святость отняли... на сердце мрак...
Но я верю! Евгений Замятин.»

Михаил Кулаков

Преподавал на факультете ФиПси ВГУ

Хрупкое растение –
На сквозном ветру...

Замолчу растерянно,
Слов не подберу.
Замолчу, не жалуясь,
И увижу вдруг,
Как судьба безжалостно
Свой очертил круг.
И душа замается
В глубине глазниц,
И умолкнут майские
Перезвоны птиц.
Но в глухих расщелинах
Прорастёт трава
Беззащитно щедрая,
Словно жизнь, права.

Зинаида Лаврова

Выпускница экономического факультета

Двор зима снежком укрыла,
Как салфетку вышила.
О морозе не забыла –
Дым стоит над крышами.

Шапки, шали, рукавицы,
Губы – вишни спелые,
А снежинки на ресницах –
Лёгкие, несмелье.

Лишь глаза закрою – снова
Детство вспоминается.
Всё с тепла родного дома
В жизни начинается.

Ночь, обнажая нас до дна,
С души срывает маску тайны.
Глаз её чёрных глубина
Так безыскусна и печальна,
Что, откровенья не стыдясь,
Ей на алтарь несём признанья;
И там, прохладой причастваясь,
Со светлым утром ждём признанья.

Как метелью, счастье закружило,
Лепестками ложе замело;
Думала: навеки отлюбила,
Оказалось: на сердце светло.

И оно с такой же силой бьётся,
Теми же мечтами говорит.
А душа и плачет, и смеётся,
И всё тот же пламень в ней горит.

То ли ветер в поле веет,
То ли дождик моросит,

Сильной быть я не умею,
Слабой – жизнь мне не велит.

Кликну в гости непогоду,
В красный угол посажу,
Про печали и невзгоды,
Как подруге, расскажу.

Мария Лапыгина

Выпускница филологического факультета ВГУ

Помню, в детстве, ждёшь маму с работы.
Смотришь, смотришь в окно.
Затем встречаешь её в коридоре,
В щеку целуешь легко.
Сетки возьмёшь и, конечно же, спросишь:
«Что ты купила, мамуль?»
Несёшь на кухню покупки и смотришь –
Детский, весёлый патруль.
Если зима, то ждёшь мандаринов,
Хурмы и вкусных конфет.
Летом черешню, клубнику, сливы –
Жаркой поры привет.

Больше зимы в воспоминаниях.
На улице холод, мороз,
А в доме счастье, тепло объятий,
Мир без проблем и угроз.
С папой идёшь по улице ночью –
Тебе не страшен никто!
Какое же счастье, когда с тобой рядом
Те, кто важнее всего.
Хочется в детство, хочется к маме,
Хочется с папой в парк.
Как же так быстро время промчалось?
Как же?
Как?

Пушкин был прав!
Осень – чудесное время года.
Пусть умирает природа,
В этом есть шарм.
Как жаль, что лишь к тридцати понимаешь,
Что осень прекрасна,
А ты также сгораешь,
Словно листва, что течёт водопадом
Рядом с домом, работой, парком иль садом.
Пушкин в саду любовался на осень?
Знаете, «осень» звучит будто «бросить».
Птицы бросают всё ради юга,
Листья – деревья, люди – друг друга.
Осень уходит, грусть остаётся.
Вместе с весною радость вернётся.

В городе моей любви снег!
Застилает радостью душу,

Забывать заставляет тех,
Кто давно мне уже не нужен.

Покрывает счастьем зима,
Согревая пушистым снегом.
Город счастья, и я не одна.
Холода любви не помеха!

Ты кружки и кружки, дорогой,
Заметая боль расставаний.
Мой любимый город со мной –
Город счастья и наших свиданий.

Александр Лисняк

Выпускник факультета журналистики ВГУ. Член СП СССР. С 1964 г. печатался в журналах и альманахах: «Москва», «Подъём», «Молодая гвардия», «Всерусский собор», «День литературы», «День поэзии», «Неман» и др. Живёт в Витебской области.

Над Средиземноморьем

Россия построена заново
Не нами, другими, без нас.
Игорь Северянин

В рассветных Эгейских эфирах
Шуршание ангельских крыл.
Душою убогих и сирых
В груди своей «Боинг» укрыл.

Вот-вот и всплывёт из тумана
Священной земли полоса.
Светлеют глаза Либермана,
А я опускаю глаза.

Мы к Свету летим из потёмок,
Мы сели в один самолёт:
Однажды предавших потомок
И я, кто сейчас предаёт.

Я тень Гефсиманского сада.
Я сразу и гвоздь, и копьё.
О, Боже! Мне надо! Мне надо
Познать милосердье Твоё!

Прости своё чадо-уродца,
Мне прошлая жизнь немила.
О, дай мне глоток из колодца
Где Дева Мария пила.

О, дай мне душою коснуться
Тропы, не забывшей Тебя.
Пусть слёзы раскаянья льются,
Пусть сердце взорвётся, любя!..

Просторы цветущей пустыни,
Сады плодородных камней –

Земля, возрождённая в сыне
Предавших своих сыновей.

И взгляд Либермана растает,
Как будто посадка – в раю.
Он Родину вновь обретает,
А я всё теряю свою...

Про банальность

Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал.
Павел Коган

Уж как сложилось с давних пор –
В природе, Богом сотворённой,
Люблю лишь красный помидор,
А огурец люблю зелёный.

Мир естества – Души оплот.
И гордцам науки в пику,
Пусть пахнет дыней жёлтый плод,
А землянику – земляникой.

Кому нужны почёт и лесть,
Тот может пыжиться и дуться:
На грушу за укропом лезть –
О землю можно звездануться.

Пока до страшного суда
Не перевёрнута страница,
Как ни банальна красота,
А сердце только к ней стремится.

Шиповник ал, закат багров,
Любовник ждёт в ночи подругу...
И сколько не рисуй углов,
А звёзды движутся по кругу.

Жаворонок

То Ерёма, то Матрёна
Ваньку скорые валять.
Даль да ширь – земля ядрёна,
Да еще ядрёна мать...

А над всем, до беспредела,
Песня, как родник, чиста,
Выше слова, выше дела
И соборного креста.

Солнца катится яичко
В лето, в радость и в зенит.
Точкой птичка-невеличка
В солнце впилась и звенит.

Чтобы счастье не дремало.
Чтобы снова бес в ребро.
Как и нам, ей горя мало –
Льёт по свету серебро.

Эх, Матрёна, ах, Ерёма,
И сама ядрёна мать –
С высоты не видно стрёма.
Сверху – только благодать.

Кружит полудня побудка,
Песней грусть-печаль круша:
То ль бубенчик, то ли дудка,
То ли русская душа.

Слова

Мысль изреченная есть ложь.
Фёдор Тютчев

Мудрец домашнего разлива,
Я распознал под старость всё ж,
Что правда – строго молчалива.
Словоохотливее ложь.

Орудя словами бодро,
Возможно воздух сотрясти.
Но все слова – худые вёдра,
В них сложно истину нести.

Слова на русском ли, на идиш –
Приличия во имя лишь:
Ты говоришь, что ненавидишь,
Я вижу, что Боготворишь.

И в судьбоносные моменты,
Как бы под вилами ужи,
Клялись вожди и президенты,
И глазом не моргнув, на лжи.

Мы все живём в формате риска
Словам вверяя бытиё.
Соврёт словами и расписка –
Сам человек – уже враньё!

Неси в крови! Лелей у сердца!
Храни в Душе – Душа жива!..
Ну, а слова, как не усердствуй,
Всего лишь на всего слова!

Так чёрным писано по белу
От Иоанна. Сам взгляни,
Ведь «Логос» – это Мысль и Дело*.
Они и были искони!

* Речь идёт о неправильном переводе слова (Логос) в Евангелии от Иоанна:

Про счастье

Дважды в жизни, если приглядеться,
Птица счастья оставляет след:
Ничего ещё не надо – в детстве.
Ничего уже – на склоне лет.

Остальное – трата сил на нервах
В бесполезных битвах и трудах:
Быть и слыть в богатых, славных, первых.
Царевать в умах и городах.

Где ж ты счастье? Капля... кроха... малость...
Ищем Синей птицы зыбкий след....
Это, если детство забывалось.
Это, если мудрости всё нет.

Солнце, мама, сердце хлебу радо...
Нет кумиров, времени не счасть...
Было – ничего ещё не надо!
Ничего уже не надо – есть!

Многих знаю: лишних дней просили,
Или даже жизнь ещё одну...
Мне бы эту до конца осилить,
А вторую я не потяну.

Татьяна Лозюк

Студентка факультета журналистики ВГУ

Летний дождь

Летний дождь размывает границы
Между будущим и настоящим,
Проливаясь на знойную землю
Чем-то тёплым, искристым, блестящим.

Тёплый запах сухих лопухов
И шершавой коры винограда...
Этот звонкий полуденный дождь
Для усталого сердца отрада.

Я хочу навсегда-навсегда
Затеряться в зелёной листве.
Пусть укажет ночная звезда
На чужбине дорогу тебе!

В это место, где ты, как и прежде,
Слышишь горлиц воркующих трель,
Где так пахнет смолою деревьев
И гнильцой плодородных земель...

Валентина Мажулина (Мелёхина)

Выпускница филологического факультета, член Союза писателей «Воинское содружество»

Нельзя нам гнуться и ломаться

Не каяться нам надо, а сражаться
И побеждать у неба на виду.
В шестнадцать лет пора ума набраться,
Чтоб не дудеть с врагом в одну дуду.

Докладчики фашистов пожалели,
Безвинно убиенных вроде как,
А Сталинград котлом назвать посмели,
Речами умиляя бундестаг.

И как могли доклад такой составить,
В нём о Победе слов не проронить
И осквернить о павших наших память,
Печалиться по врагу, слезу пролить!

Враги крушили города, деревни,
Живых сжигали женщин, стариков –
Страданьям тем нет на земле сравненья
Во всей Вселенной испокон веков.

Мой отчий край горел, над ним и небо,
Мальчишки, обходя патруль ночной,
Ползком и вплавь несли ковриги хлеба
Бойцам на фронт за Олымью-рекой!

Вода в реке была кроваво-красной:
Сраженье шло за Курскую дугу...
В дугу согнувшись, вы надели маски
Спеть дифирамбы падшему врагу.

Вы, «цицероны», мысли разверните
В слова, в которых честь и совесть есть.
Представить не могу, какой учитель
Вам разрешил гнилой доклад прочесть!

Никак нельзя нам гнуться и ломаться,
С Победой нам и правдой по пути.
Нам и сейчас приходится сражаться,
Чтоб Гимн свой петь и Триколор нести!

Листая многих лет страницы

Всё быстрей наши лета внедряются в осень,
Сединой покрывая себя же сейчас.
Сверху льётся на землю небесная просинь,
В октябре солнце греет по-летнему нас.
Открываю я юности нашей страницы
И на фото смотрю, где идёт смена лет,
Вижу рядом с собой незабвенные лица,
Огорчаюсь до боли: иных уже нет.
Сколько б ни было мне, но всё кажется мало:
В зрелом возрасте вдруг затрепещет душа.
В стороне я оставлю «усталость металла»
И весну стану ждать, никуда не спеша.
Память с музой душе надиктует сюжеты
И осыплет все лета цветами любви.
Просыпаются поздно зимою рассветы,
Встретить ранний в росе ты меня позови!

Иван Манаев

Выпускник юридического факультета

Незнакомка

Я смотрю на тебя и стараюсь запомнить черты.
Нет, ещё не любовь, но мне очень понравилась ты:
Этот взгляд серых глаз, беспокойную чёлку на лбу
Я стараюсь запомнить, но вряд ли запомнил смогу.

Только образ неявный, какой-то бесплотный фантом
Мне останется в сердце и, может быть, мысли
о том,
Как я встретил в маршрутке почти идеал красоты,
Будут радовать тем, что есть в мире такие, как ты.

Но я все же пытаюсь. Зачем, пояснить не могу,
Мне так нужно запомнить изгибы коралловых губ.
Может, память об этом однажды на самом краю
Сохранит и спасёт беспокойную душу мою.

Он стоит у окна
И не смотрит на город,
А вокруг тишина
Ему давит на горло.

А вокруг пустота
Ему давит на плечи.
Он не думал, что так
Проведет этот вечер.

Он не думал, что ночь
Обесценит движенье.
У него есть окно
И своё отраженье.

У него есть стекло
И оконная рама.

С неба, словно назло,
Скрылось солнце так рано.

С неба светит луна,
Позабыв слово «жалость».
Он стоит у окна,
На стекле отражаясь.

Белая Дева

Розы прекрасны, но скоро они умрут,
Дом опустеет, а город накроет мгла.
Мне не согреть коченеющих бледных рук.

– Милый, ты плачешь?
– Мне что-то попало в глаз.

Я разучился смеяться и ликовать,
Даже когда вспоминаю о Рождестве.
Вместо молитв «дважды восемь» и «трижды пять»
Снова и снова проносятся в голове.

Падает сверху колюче-искристый снег –
Части стекла, что разбилось на небесах.
Ночью я видел в кошмарно-прекрасном сне
Белую Деву со смертью и льдом в глазах.

Знаю, однажды она позовёт меня,
И мы отправимся вместе в далёкий путь.
Герда, прости, но тебе меня не понять.

– Что ты сказал?
– Просто что-то кольнуло в грудь.

Крысолов

Звуки дудочки – песня без слов,
Но в мелодии скрыто чудо.
Забери же детей, крысолов,
Забери отсюда.

В этом городе так много крыс,
Выются, бегают под ногами.
И одна лишь надежда спастись –
Всем покинуть Гамельн.

Нагловаты, жадны, голодны.
Хоть по виду, как люди, стали,
Но внутри это всё – грызуны,
Это та же стая.

Признают только власть сапога,
Мышеловку как Бога, славят,
Всюду происки, ищут врага,
Пожирают слабых.

Их уже не изгнать, не прогнать,
Не поймать ни в какие сети.
И раз всех ты не можешь спасать,
Пусть спасутся дети.

Гвоздика и табак

Гвоздика и табак.
И пластырь на руках,
Скрывающий рабочие мозоли,
Белеет, словно флаг.
Я с первого глотка
Сдаюсь и подчиняюсь алкоголю.

В стаканах тает лёд,
Но виски бьёт в виски,
И разговор ушёл в другую плоскость.
Как будто – я влюблён,
Как будто – мы близки,
Как будто между нами всё так просто.

На кухне гаснет свет,
И не нужны слова –
Не говори, молчи, я заклинаю.
И шанса больше нет
Тебя не целовать,
Когда уже все ясно между нами.

Но даже в темноте
Я чувствую твой взгляд,
Я трогаю волос твоих пружины.
Прикосновеньем тел
Особый ритм взят,
Единым целым сделав половины.

А после все равно
Покинешь ты мой дом,
Уехав на такси перед рассветом.
Но то, что эта ночь
Была совсем не сном,
Докажет привкус пряной сигареты.

Павел Манжос

Выпускник филологического факультета

Птичья песня

Я на земле живу по-птичии.
Никто не знает суть мою.
Хоть в человеческом обличье,
Но песню птицы я пою –

И о сердечной недостаче,
И о безумстве палача –
По-птичии радуясь и плача,
По-птичии памятью крича.

За дело тёмное, лихое
Судил мне чары Птичий бог:
В сердцах ослушался его я
И от болезни странной слёг.

С тех пор я в день недели пятый
Лечу на свой на враний лов
И граю, вольный и крылатый,
Над миллионами голов.

И как-то, рея в поднебесье,
Я с высоты на мир смотрел
И звал в гортанным бессловесье
Людей, ведомых на расстрел.

И вылетали злые пчёлы
Из вороных калёных труб,
И тяжело и обречённо
Валились жертвы – труп на труп.

«Зачем?.. За что?..» – хотел спросить я,
Но зарывалось слово в крик,
И это горькое открытье
Не в силах выразить язык.

Я видел брошенные пашни,
В немых руинах города,
В огне, в раздрайе, в рукопашной –
Двуногих шумных стада.

Их кто-то вёл – визгливый фюрер
Или генсека тёмный мозг;
Я смутно помню: то ли Дюрер
Живописал их, то ли Босх.

И вновь, безумно-беспокойный,
Мир – в пятнах с головы до пят,
И вновь гремят шальные войны
И накормить меня хотят.

Как заменить орудий рокот
На соловьиных трелей мёд –
Не знаю я. Лишь грай да клёкот
Воронье горло издаёт.

Звонят колокола

Звонят к заутрене. Привычно и светло.
И ни одна душа не скажет: «Звонят».
И тают дымкой ненависть и зло:
Под колокол усопшего хоронят.

Простят ему, что вынесла молва,
И грех, свершённый вольно иль невольно,
И купола гортанные слова
Вслед зазвенят – легко и колокольно.

Венчанье радостно – звонят колокола,
Обвенчанные шествуют из храма,
И донкий звон повсюду разнесла
Колоколов божественная гамма.

Рожденье ли в восторге вострубят
Семь ангелов в серебряные трубы –

Бей, колокол! Тревога – грянь, набат!
И убоятся звона душегубы.

Не оттого ль бубонная чума
Русь обошла, что в звуке этом ленном
Людская хворость сгинула сама,
Как чахнет гниль в прибое свежепенном?

Но минул век – и нет колоколов.
Нет, есть они, да уж не те, что были.
И орды безобразно-сорных слов
Над памятью взвились клубами пыли.

И всё же сердце бережно хранит
Звон – тяжко-нежный, голкий и глубинный.
Не звонит колокол, а колокол – звонит!
Пусть звонит мир, но длится звон старинный.

И в звуке том я слышу голос твой,
Что громче бурь и завываний волчьих,
Разбитый колокол, призывник вечевой!
Во мне звенит твой веющий колокольчик

Памятник воши

Поставили деспоту памятник
Гвоздики к нему возложили,
«Да, был повелитель не праведник
И правил в военном режиме.

Но всё же он генералиссимус,
И были враги...», – возражали.
И гордо над Обью возвысились
Усищи с подобьем скрижали.

Да что тут сказать? Очень надоально
Лжецам извести полнарода,
Чтоб выросла подлая надолба
Для памяти подлого сброва!

Словцо не познал он нюренбергское,
Не дожил злодей до Гааги,
И ада исчадие мерзкое
Мечтает о новом Гулаге.

Иной бы поставил я памятник,
Из тлена и праха возросший, –
Идей возбудителю пламенных –
Гулаговской сталинской воши.

Ещё бы из камня я вытесал
Ста зеков замученных лица,
Чтоб вечно могла с ними видеться
Советского рая столица

И чтобы безумные, страшные,
Тупые и вечно вчерашние,
Не знали ни мира, ни пенсий –
Без слов недопетой их песни.

Кристина Маркова

Выпускница филологического факультета ВГУ

Экскурсия

Чувствуешь запах сожжённых деревьев,
Брошенных в жухлой траве?
Ветер, шуршанье обугленных перьев –
Это в моей голове.
Там растекается краской по скатерти
Красное дерево. Ночь.
Мелкие сны о взыскующей совести,
О человечности – «но».
Там до сих пор ты смеёшься с беспечностью,
Вечностью смотришь в ничто...

Холодно. Холодно. Капает. «Без вести».
Я надеваю пальто.
Капают лучшие в жизни мгновения:
Их растащить – задушить,
Чтобы без прений, а лучше без времени
И без зазрения – жить.

Красное дерево ветки раскинуло
Тенью на день из огня –
Ворон обугленный, смертью застиранный,
Завековечит меня.

Осенний вечер, рябиной горький,
С вершины храма на мох рассыпан.
Царевны леса рукою хвойной
В подол вплетён мой сухим анимом.
И этот вечер, как лёгкий шёпот,
Как тихий шелест, спадает алым.
Рукою нежно берет аккорды
Мелодий ветра, что я играла.
Склонился низко и, клавиш тени
Прохладой мрака в себя вдыхая,
Как в бесконечность, конечно верит,
Что там коснётся, где я касалась.

Елена Матросова

Выпускница химического факультета. Член поэтического клуба ЛИК. Автор проекта «Аллея»

Холодно – жарко... знобит... тридцать восемь.
Чай и малина. С надеждой согреться.
– Может, простыла?
– Да нет... Это осень
и недостаточность нежности сердцу.

Дождь за окошком безжалостно косит
тёплое время. И некуда деться.
– Быль или сказка?
– Да нет... Это осень.

Осень крадётся в открытое сердце.

Ветер тепло беспощадно уносит.
Плед не спасает. В меха бы одеться.
– Может, приснилось?

– Да нет... Это осень.

Осень в душе, за окошком и в сердце.

Стареет Мери. Зонт грустит в углу.
И в парк гулять детей она не водит.
А на крыльце, одевшись по погоде,
не пунш по вечерам пьёт, а улун.

Подвёл Марусю Ветер Перемен.
Сам прилетал, а перемены где-то
все раздарил... то ль осени, то ль лету...
Не ветреник – обычный джентльмен.

Сменила Леди зонтик на метлу...
Жизнь карусельно проплывает мимо...
В альбоме – совершенства фотоснимок,
где зонт летит, а не грустит в углу.

Ну, всё... сезон любви закончен.
И ветер, ставнями скрипя,
Насквозь пронзает трепет ночи.
А дни – печальней и короче –
В тумане с головы до пят.

Ну, всё... последний вдох на даче.
В корзинки – сада аромат.
(сейчас, как девочка, расплачусь)
Прощаемся. Нельзя иначе.
И лето не вернуть назад.

Ну, всё... замки, ключи и ставни.
И обесточен старый дом.
Сезон закончен – тёплый, славный –
И, ставший в нашей жизни главным,
Сезон «сейчас», а не «потом».

Ну, всё... давай без слов печали.
И без рываний на крыльце.
Сезон закончился... Вначале
Нас зори тёплые венчали,
А ночи звёздные – в конце.

– Родишь... потом отдашь на крест...
– За что?
– Во имя!
И слушала Благую весть
В слезах Мария.

И ангелы запели вдруг,
Чтоб скрасить радость.
Живот... и руки в полуокруг...
– Ну, если надо...

Наталья Мерзликина

– Я счастлива – твердила днём
(Куда же деться?)
Душа горит святым огнём,
Но плачет сердце.

Сдавила шею нитка бус...
Считай молитвы!
– Мой сын! Мой мальчик! Мой Иисус!..
...Вновь схваток ритмы.

Иосиф рядом – Ты не плачь!
Уже большая...

– А крест готов?
И ждёт палач?
Уже... рожаю!!!

Нам не гулять под ручку старицами
И птиц в Кольцовском сквере не кормить.
Так не прочна, связавшая нас нить!
А наши дети – преткновенья камень –
У каждого свои.

Нам не смотреть, укрывшись общим пледом,
Любимый нами, старый, добрый фильм.
На море чувств печально – мёртвый штиль.
А внуки нас зовут бабулей, дедом.
У каждого свои.

От памяти, бессонницей хранимой,
Чудес не жду (нас в прошлом не свести!)
И в настоящем – разные пути.
Мечты по ним проходят снова мимо.
У каждого свои.

Под окнами голос. Старёвщик усталый.
Свистульки в обмен на чужое тряпье...
И вот исчезает в тележке моё
Недавнее прошлое. Ветошью стало.

Не жаль полинялые платья из ситца.
Не жаль на коленках зашитых штанов –
Свистулькою чудо в обмен мне дано.
Поёт, заливаясь, из глины синица...

...На месте, где счастье в свистульке звенело
Под кружевом тени от старых берёз,
Мне память глаза разъедает до слёз...
Старёвщик!

Свистульку!
Тряпье надоело!

Студентка филологического факультета ВГУ,
фотохудожник

Всё привычней становятся очереди, вокзалы
и автобусных стёкол чаще касаюсь лбом.
Когда я уезжала впервые, то показалось:
путешествие – точно такой же дом.

Сколько новых знакомств, событий на факультете,
семинаров, коллоквиумов, творческих вечеров.
Я, конечно, мечтала, мечтала всегда об этом,
но на прошлую жизнь нажать не желаю off.

Забронировать память и биссектрисой
расчертить на «сейчас» душу свою и «до».
Значит, вовсе не жить, а существовать актрисой.
Даже «существовать» даётся с большим трудом.

Выходные встречаю с билетом и в душном зале.
городские часы на площади стукнут – «бом!»
Если бы разрешили на миг лишь открыть глаза мне,
то хотелось бы увидеть одну лишь картину – дом.

Собираю по снимкам город,
где-то в сердце храня его.

От дождя не спасает ворот,
ворот поднятый. Под ногой
не асфальт мостовой – брускатка.
Русский великолепный век.

Можешь разом пообещать мне,
что прохожий тот – человек?
А не призрак, хранитель сказок,
предсказаний или легенд?
Город светом фонарным связан
наподобие тонких лент.

Можешь сразу ответить честно,
что в кармане не прячешь звёзд
и, сворачивая направо,
рукотворный увидим мост?

Прах истории на подошвах
остаётся, а над Невой
отражается небо прошлого.

Позолоченной головой
храм качает на снимках светлых,
что на память кладу в рюкзак.

По брускатке бежит монетка –
я вернусь сюда.

Это знак.

По реке приплыла бутылка,
в ней скрывается целый мир!
Мальчик тихо заходит в ил, как
будто рыб опять покормить.

Она послана Робинзоном
с неизведанных островов.
Мальчик видит себя в камзоле
Капитана. Корабль готов!

И пылает в груди отвага –
пусть таится средь бездны риф!
Отливает на солнце шпага,
в ясном небе – парящий гриф.

Не пугают пираты, мели –
мальчик мчится сквозь мягкий лён.
Если ты – капитан, то – смелый,
раз командуешь кораблём!

Он плывёт, ветром гнутся мачты,
вон причалы заморских стран!
Там индейцы живут, а значит...
В джунглях отблески от костра.

Мальчик мал ещё так, но видит
свет далёкого маяка,
осьминогов, гепардов, мидий.
То фантазии лишь пока.

Для того ведь горят рассветы,
кто имеет в душе огни.
Как построить корабль? Совета
мальчик спросит.

Поедешь с ним?

В небе треснула звонко чаша –
дождь прольётся на землю вдоволь.
Солнце над горизонтом пляшет,
будто вырвавшись из неволи.

Ты любуешься васильками,
что живее любого фото.
Был ты прежде лежачий камень,
нынче слышишь природы шёпот.

Жизнь теперь началась другая –
так лежать и смотреть на тучи,
проплывавшие над стогами...
Разве что-то бывает лучше?

Средь рассветов, дождя и мяты
расцветать вместе с хрупким миром...
Для того, чтобы объять необъятное,
нужно руки раскинуть шире.

Вместе с туманом летним детство ушло, растаяло
солнечным светом. Птицы исчезли стаями.
В спальне остался мишка, забытый, плюшевый.
Только тебе-то стало,
стало тебе-то лучше ли?

Облако на закате тонкое, словно плёнка.
С дедушкой на закате шли загонять телёнка
пыльной дорогой, были вокруг подсолнухи.
... Я закрываю глаза, будто всё – сон лихой.

Я улыбаюсь, падаю – весело на траве!
Больше никто не скажет «Полно тебе реветь!»,
так говорила бабушка – тихо и ладно с ней.
Больше ведь не бывало легче и радостней.

Солнце почти заснуло в пОля прохладной нише,
помни всё это, если...
если ещё ты дышишь.
Гладишь ладонью землю, видишь на небе звёзды.

Что от тебя осталось? Ты по крупицам роздан...

Юлия Мирошниченко

Закончила магистратуру факультета журналистики
ВГУ. Главный редактор газеты «Сельский восход»
Измалковского района Липецкой области.

Поэт в веках

Он по жизни своей не прошёл – пролетел,
Он мириться с судьбой ни за что не хотел.
Был характер, как сталь. Называли: бунтарь.
Опалённый поэт... Самородок... Янтарь...

Не страшась никого, вопрошая: «Зачем?»,
Он смеялся над теми, кто был не у дел,
Кто, преследуя цель, людям души топтал,
Есть Никто, был Никем и вдруг Лидером стал.

В том неравном бою был он песней силён,
Не склонил головы в вечной гонке времён,
И в куплетах о главном всю правду хрюпел
Не для славы и денег... Иного хотел.

В этих поисках – боль и отчаянья знак,
В поле воин один, знал он: что-то не так!
Сердцем чувствовал фальшивь, разжимая тиски,
Поднимался и падал в объятья тоски.

И, взывая с надрывом к нахлынувшей тьме,
Он прошёл до конца в наказанье себе...
И исчез навсегда, но остался навек
Его смелых аккордов безудержный бег.

Он был избран судьбой и богемой томим,
Только память народа всегда будет с ним...

Лишь стихи неподвластны течению лет,
А таких, как Высоцкий, не будет и нет!

Мама умеет ждать

Поздним вечером тихим сядет мать за край стола,
Шаль накинув на хрупкие плечи:
– Вдаль умчались года... Будто и не жила,
Только старость зажгла свои свечи.

Милый дом, мы с тобою остались вдвоём,
Даже ночью совсем нам не спится.
Лишь часы на стене да сверчок за окном...
Как смогла здесь печаль поселиться?

Помнишь, Санька твердил, станет лётчиком он,
Унесёт нас с отцом в поднебесье.
А Катюшка как будто брала микрофон:
– Буду петь, мам, ты только не смейся.

Как давно это было... Нет, недавно совсем!
Смотрит мать на семейное фото.
Где-то кружит детей вальс житейских проблем...
И заплачет она отчего-то.

Ей не надо богатств и красот дальних стран,
Лишил бы весточку дочка прислала,
Только б сын уцелел, не попался в капкан
Искушений, которых не мало.

Луч рассветный тихонько стучится в окно,
Гонит прочь полуночные тени...
В сердце мамы надежда живёт всё равно,
Мама ждёт, до последнего верит.

Бег сплошных скоростей остановит детей,
И душа в отчий дом устремится, –
Только б не было поздно... Спешите скорей,
Пока маме ночами не спится...

Мелодия родного края

Мелодию рассвета играет это лето,
Касаясь осторожно заветных струн души,
И в солнечных ладонях земля моя согрета,
Родимые просторы, как прежде, хороши.
Прохладой дышат речки и тишину качают,
А родничок весёлый без устали звенит,
Ковром зелёным травы пригорки устилают,
И роща с ветром резвым о чём-то говорит.
Сюда ведёт тропинка вдоль поля золотого,
Под босыми ногами пульсирует земля
И наполняет верой, и возрождает снова, –
Так исцелять умеет Родина моя.
Лишь тот поймёт, кто ценит,
Кто здесь родился, знает,
Как небо голубое волнует и влечёт,
И белая ромашка любовь оберегает,
А жаворонок в поле удачу принесёт.
...Устало солнце за день, уж вечер кистью тонкой,

Надев костюм солидный, штрихует облака,
И дивные пейзажи растут за горизонтом,
И обнимает звёзды уснувшая река.

Василий Нацентов

Студент факультета географии, геоэкологии и туризма. Печатался в "Подъёме" и "Нашем современнике". Участник Воронежского областного совещания молодых литераторов (2016) и Совещания молодых писателей Союза писателей Москвы (2017).

Полынья моя...
Л. Губанов

1.

Рука и водка. Полынья. Полина.
Толпятся тени, тени на полу,
и тянутся в окно подобъем клина,
последнему помятому крылу
мой белый выдох, горький и обманчивый,
закуска губ, обветренное "о"
колечком дыма было и не значило
немое и земное ничего.
Как будто воздух окриками взгляда
напрягся в жилах долгой темноты,
где снегопад предчувствием распада
и первым ощущением пустоты.
Сажать цветы, и верить идиотам,
и жить печально чахнущей травы,
оправдываю губы и длинноты
холодной водкой вяленой строфы.
И ранним быть и раненным – и только –
молчать и пить по чёрным запятым.
Любви и речи скомканная койка,
как тонких сигарет надменный дым,
бледнеет, тяжелеет рукавами
моей зимы по улицам Москвы,
сыреющими рыхлыми словами
на повороте рыжей головы.

2.

На повороте первого трамвая
ресничка на малиновой щеке
пером из облака и снега убывает
любовью в перечёркнутой строке.
По кругу ритма, юности и света
тугая мысль сгибается в дугу
и режет память рёв мотоциклиста
в непостижимом сохнущем кругу.
По швам, по каплям нежности и водки –
на голос глаз, на голос глубины
по контурам слабеющей походки
тоски и правды, смерти и страны.
Целуй меня – о музыка, о мука,
о сигареты синие – дотла,
к трамвайному прислушиваясь стуку
из-за обрыва боли и угла.

3.

Из-за угла легла порожним облаком
на мякоть глухозимья голова.
Как вязанку по снегу, тянут волоком
ненужные слова. Права, права
и ворожба немеющего дуба,
и дуб, и хруст дубового листа.
От поцелуя, церкви, от креста,
от губ, от горьких губ. Какие губы!
...Жива синица очерком полёта,
жива синица, значит, не умру,
но полечу и вылечу о чём-то
по чёрному опухшему двору.
И вмёрнет взгляд в смертельную петлю.
Взросление слез. Пересеченья света,
любви и воздуха уставшего поэта
на этом
и на том краю.

Мой мокрый шелест крыльев и листвы
по каплям рассыпается и тает.
О чём у вечера, о девочка, есть вы,
о чём любовь любая облетает?
На тротуарах траурно, темно.
Как в темноте родные губы курят,
как пьют они дешёвое вино,
как всё равно – живу я!
Ненужный жар остыл у слов и лиц,
горячemu, чужому – не с кем, нечего.
Осенний край беспомощных синиц
у ваших рук – несказанно, невстреченно.
У ваших ног, нагие, бестолково
толпятся оловянно дерева,
нащупывая истинное слово,
выступают глупые слова.

Валентин Нервин

Работал в МЛЭУ ВГУ. Член Союза российских писателей

Пасхальные дни

Мария

Выше города – небо весны –
надо всеми домами, дымами...
Но какие заветные сны
пролегли между небом и нами!
Накануне живого тепла,
по традиции патриархальной,
просыпаются колокола
на лиующей ноте пасхальной.
Возле храма толпится народ:
кто венчается, кто поминает,
а Мария сидит у ворот
и младенца в тряпье пеленает.

Жизнь устаканилась
и понемногу
определилось её существо:
я направляю послания Богу
и получаю ответы его.
Если идти по течению Леты,
то получается, как ни крути,
что доставляются эти ответы
через людей незнакомых почти.
Вон, рыбачок у причала шаманит,
я подойду, за спиной постою;
он обернётся и запросто глянет
с облака

в самую душу мою.

На Пасху

Пасха –
чудо,
целованье,
ликование кругом,
а какой-то пьяный Ваня
пнул собаку сапогом.
В день высокого Завета
и поверженного зла,
чем ему собака эта
не по норову была?
Неужели настроение
человека таково,
чтобы в это Воскресенье
пнуть живое существо?..
Сколько мы не вопрошали,
разобраться не могли –
чертё следом поспешили,
Ваню под руки вели.

Чуть авитаминозная,
гуляет по весне
душа моя бесхозная,
как музыка во сне.
Тем, у кого бессонница,
и тем, что влюблены,
пожизненно запомнится
мелодия весны.
Что у любви получится
в соавторстве со мной,
пока не улетучатся
все ноты до одной?

Не черёмуха и не сирень,
а душа расцвела к Первомаю.
Я гуляю – берет набекрень –
и судьбу,
словно ветки, ломаю.
Потому что деньгами сорю,
не считайте меня сумасбродом:

я Вам эти цветы подарю
мимоходом,
почти мимоходом.
Вы поставите их у окна,
чтобы с улицы видели сразу,
что на сердце и в доме весна
и черёмуха –
как по заказу!

Ночной трамвай

По следу ночного трамвая
летят золотые огни,
до самого Первого Мая
продлятся пасхальные дни.
А воздух пропах куличами,
поэтому тошно чертям
шататься такими ночами
по нашим трамвайным путям.
Гуляй, чернозёмная рота! –
любая душа, на пропой,
усыпана до поворота
яичной цветной скорлупой.

Я даже не подозреваю,
что время глядит на меня
с подножки ночного трамвая,
на стыках пространства звеня.

Ирина Олей

Студентка экономического факультета ВГУ

В чертогах запотевшего окна
Луна восходит между облаков.
Прозрачно тянется её рука,
Небрежно замирая у виска,
Да снег кружится стаей мотыльков.

Шуршат страницы старых пыльных книжек,
Здесь каждый книжный том по-своему обижен.
Вот пристально взирает старина Адам,
А грустный Карл растрёпан и потерян –
Их век неисчерпаем и размерен,
Но в сотый раз читаю по слогам.

Покой гнездится в изголовье комнат,
Чуть слышен бас гитар издалека,
Такой родной и, несомненно, томный,
И не похожий на других никак.

Эльвира Пархоц

Выпускница филологического факультета ВГУ.
Работает в Научно-исследовательской лаборатории
воронежского лингвокраеведения им. проф. В.И. Со-
бинниковой при кафедре славянской филологии.

Колыбельная о Месяце

Месяц, лохматый дед,
Рыжая шапка – два уха,
По ольховым лесам идёт
Тихо-тихо в туманах-валенках.

Собирает тёмной рукой
В буреломах закаты-яблоки;
Расставляет, шурша камышом,
На реке золотую сеть.

Кто в неё попадёт – не избудет печали
Травяных, горьковатых осенних дум,
И тягучая песня – рябиновый мёд –
Растечётся зарёй в перелесках.

В ожидании радуги

Он приходит с работы пораньше,
Долго возится в стареньком гараже.
А жене его отчего-то душно, и мысли
Всё звенят, как стрекозы:
Наверное, будет гроза.

Он так любит работать по тёплому дереву,
Его руки в заусеницах и царапинах, как кора.
Но за городом собираются тучи – и мчатся
Чёрным валом, закручиваясь на верхах.

Он сажает за пазуху кошку,
Заворачивает в драный пиджак кота
И зовёт жену посмотреть в гараж.

Солнце схлынуло. Солнце слинулось волной,
Словно детская формочка с пляжа.
По асфальту бежит холодок,
Семенит, как спасающиеся мыши.
Дождь – шипящими стрелами,
Возвратившимся ядом,
Дождь уже на пути к земле.

В темноте гаража пахнет стружкой, строительным
потом и яблоком.
Там, где сломанная коляска и банки с соленьями,
Возвышается горохромный, смолистый
Деревянный корабль.

Муж выкатывает корабль во двор, отворяет
и просит жену:
«Входи».
На лицо тихо падают первые капли.

...Она смотрит в стекло окна.
Там рябая гладь и осенний ветер.
Вспоминает заржавленные качели –
Как летала в опавшие листья с портфелем.
Вспоминает астры и голубей –
Их кормила сварливая дворничиха;
Львиный зев, разевавший птенцовые жёлтые пасти;
И резные окошки, и карие взгляды
Подходивших у рынка дворняг;
А ещё тишину корабельного бора,
Медный гул предзакатных полей...

Дождь почти перестал.
Сквозь завесу пробились лучи
И стоят вдалеке на воде
Позабытой верстой или дивой.
Может быть, соляным столбом.

Осенняя муз

Осень. Листья ещё молодятся.
Я живу там, где были сосновые рощи –
В новостройках. И ночью мне чудится,
Как шуршит в коридоре опавшая хвоя.
Я устал, как трава. Муза курит на кухне.
Так хотел её в дом к себе – тёплую, здешнюю...
Получил. Распишись.
Счастлив? Может быть, слюбишься...
А ведь было совсем по-другому.

Помню, шёл за тобой перелесками,
Задевая подвесочки хмеля.
И звенела в ответ тишина.
А была ты – рассеянным светом,
Еле слышным берёзовым смехом
И теряла узорный рябиновый плат.
Расковалась цепочка времён:
Блики-звенья упали в ручьи
На волнистый песок.

И я шёл по вечерним полям,
По заросшим, кривым колеям
(Там гнездились перекати-поле).
Осень рядом кружила сторожкой лисицей;
И иссохший шалфей – словно песенный вереск...
Ты стояла, как дым, над холмом.

На сиреневой кофте – репей;
Или, может, пристала звезда.
Капнув с края железного ковшика.
Напоила б меня – может, охолонулся...

Разливался медовый закат;
Гулко ткуали яблоки в ветхие крыши.
По колено в тумане –
К рассвету, в овраг ли –
Мы шли.

По меже, по шоссе – в города,
Мимо свалок, заправок и пьяных,
Я пронёс тебя, как контрабанду,

В неприступный, недавно отстроенный замок.
А вокруг – рёв машин, будто ров.

...Ты сидишь у окна.
Заплатаётся дым.
Подсыхает огрызок луны.
«Мусор вынеси». Льётся вода у соседей.
Стали волосы тусклы,
А голос – седым.
Что я
сделал? Моя луговая,
Прости,
Ведь – нечаянно...

Завари мне, пожалуйста, чаю.

Злое слово

Помыслы-коромысла
Холодную воду несут;
Выплеснут слово
Злое, студёное.
Ветры гремучие
Рассеют по свету его
Грозами да болотной
Мглою.

* * *

За багряной рекой
Пламенеющих дат –
Только тиши,
Только шорох страниц, как камыш.
Ночь листает сгоревший дотла фолиант,
Ставит вехи сверхновых на Млечном Пути.

Много истин. Правдива, наверно, одна.
Переправа пока впереди, впереди.
И неспешно качается якорь-луна
Позабытой ладьи.

Николай Писаревский

Профессор кафедры археологии и истории древнего мира исторического факультета

Закон

Гармония – основа красоты.
И музыка небесных сфер.
Любви число.
Созвучие.
И мера.
И Чувство.
Память.
Ритм.
Связующий курьер.
В господство разума нацеленная вера.

Мысли

Кто Я? Что Я? Почему Я такой?
Где и когда обрету свой покой?
Где поостынет горячий мой пыл?
Кем я в истории прошлого был?

Подлой гиеной? Грифоном? Орлом?
Гостем? Хозяином жизни? Рабом?
Богом? Пиратом...
А может быть, я
Яд и нектар самого Бытия?

Музыка

Волшебный мир растаял.
Распался на куски.
Мелодии одна с другой сливались,
И чувством радостной надежды – не тоски –
Сердца у зрителей их волшеством переполнялись.

Гармонии незримой чудеса.
Простор. Полёт.
Иная – без пределов – Вечность.
И снег, и дождь, и солнце, и роса,
И чувств нежнейших полная беспечность...

Играл простейший симфонический сектет.
И музыка лилась, вилась,
Кружка под потолком, фланируя над крышей,
Невидимый свой опредмечивая след,
Чтоб каждый мог понять её,
И больше: сердцем смог услышать!

Последнее стихотворение Г.Я. Велласа

Обрушились столетья, как лавина,
А жизни нашей словно бы и нет.
Мечта ушла, запуталась среди сухих травинок
И обнажила сердца прошлогодний след...
24 декабря 2015 года. Афины.

Татьяна Повалюхина

Выпускница филологического факультета ВГУ

Взгляд на послевоенный Воронеж

Не нарядным, цветущим – израненным
В сорок третьем военном году
Просыпался рассветами ранними,
Начинал отводить беду –

От развалин, сгоревшего сада,
Заминированных площадей,
Это здесь разрывали снаряды
Наших мирно игравших детей...

Войны жаждут жертвенной пищи
В свежих ранах любых времён...
Но тянулись на пепелища
Те, кто изгнан был. И спасён.

И спешили наладить рейсы –
Мирных дел проложить следы,
Пролагались трамвайные рельсы,
Тонких саженцев встали ряды.

Ты, мой город, вставал из пепла,
В душу воздух свободы вобрал,
И ценой отреченья крепла
Окрыленность твоя.

И нрав

Был таков, что в тебя вросли мы
В связь реалий, иллюзий, идей,
И молитвою предков хранимы,
И строкою крылатых людей...

Забывалась в тебе надменность
И пустоты неверных действ.
Ты судьбою данная ценность,
Мною память рисует здесь.

Владыке Андрею (Тарасову)

Что с того, что вдруг подводят слова?
Только б солнце, как и прежде, взошло.
Путь-дорога жизнь не в силу родства,
В силу духа, знать, и конь, и седло.

В силу дружб, торить и лист, и стило,
Те слова из гула, плеска волны,
Что едва слышны, а здесь набело,
Что послушливы, а всё же вольны.

Чтобы там, на дальнем береге веков,
В том космическом и райском саду.
Мы запомнили и близких, и кров.
Русских слез и песен боль и страду.

Здесь же, как и встарь, простор подавай,
Столбовой дороги пыль, крутояр,
Дона синий необъезженный край,
Обращения к грядущему дар.

23 февраля

A. C.

Голос был в трубке растерян и тонок
в сомненьях, в напряге, тревогой томим.
Я поздравляю тебя, ребёнок,
с праздником взрослых, теперь и твоим.

Год не прошёл ещё с того мига,
где ждать обещали и школа, и класс.

С чем вы ушли? С ощущением мира
или войны, что волнует вас,

словно героев баллад гитарных,
коим досаден их возраст и быт...
Только не это! – Возьмите, парни,
Тяжесть креста, невесомость обид

И замыканье житейского тока,
Памяти фокус, что к сердцу смещён,
Где не песчинками в волнах потока
Тонем, но каждый по слову крещён.

В краю, где черна колея,
Где слово не «ave», не «ole»,
Бреду. Это я иль не я?
Здесь воля моя иль неволя?
О, как я запомню легко
Свой серый пейзаж «окружного»!
Берёзоньки в белых трико
Да отзвуки ветра шального.
А что было снегом, то вдрызг
Летит из-под шины, да в яму.
С кого-то срисованный риск.
И данность повадке упрямой.
В ней право взлететь и упасть,
Но нет понимания, Творче,
Что великолушная власть
Жестокой – мудрее и зорче.

Павел Пономарёв

Студент 3-го курса факультета журналистики ВГУ.
Член Общероссийского Союза писателей «Воинское
содружество». Лауреат 1-го всероссийского слёта
молодых поэтов «Зелёный листок» (Тверь, 2017).
Участник всероссийского творческого проекта
«Поэзия в лицах» (2017). Автор сборника стихов
«Покров» (2017)

Покров

И ни двора, и – даже – ни кола,
А всё спешат – к вечерне, на поклоны...
В сусальном инее синеют купола,
И сумрак вечерит на колокольне.

Октябрьский горизонт упал без сил,
Перед рассветом чуя неизбежность,
А над лампадою как «иже» и «еси»
Смежались безмятежность, нежность, снежность.

И распластался утренний покой
По-над рекой, у самого обрыва,
Где стелет Богородица покров
Колоколов – заутренний, призывный.

Зеркала

По проторенным кем-то путям
Я иду от себя – в непути.
Подбоченясь, бичуя, а там –
Всё туман...
И не ты. И не ты.

И – не я.
И не явь, и не быль.
И расколоты все зеркала.
Перепутья.
И сушь.
И – ковыль.
Или – пыль?
Только пыль – а слова?

А слова говорят о своём.
Кто их слышит и кто понимает?
Будет мир.
Будет май.
И споёт
Соловей в отмирающем мае.

Ну, а я, умирая без слов,
Уходя в непути и туманы,
Зеркала собираю весной
По дорогам,
по сколам,
по ранам.

И не вправе пенять. И принять.
Отпустить – но отпущенном помнить.
Золотая зеркальная прядь –
Мироточит икона.

Семнадцатый год

Иду.
Куда?
Не знаю сам.
Кружат снежинки,
вьются, вьются...
В столетие двух революций
Бросает нас
по сторонам.

Февраль. Чернила на столе.
И остаётся лишь заплакать...
Писать, писать – о феврале!..
Февраль, октябрь... и слёзы. Слякоть.

Как в комнате той дым табачный,
Мой воздух в медной дымке выел;
А мысли волками мне взвыли
О русском плаче –
не иначе?

Но спит за далью дней и судеб
Идей бессовестная память.

Покуда спит.
А вдруг разбудят?
А вдруг?
За-бара-банят-банят!..

И что?
И как?
И кто?
И с кем?
В тайфуне радуг, светофоров
Зальёт поток кровавых споров
Рекою красной
белый снег.

Я возвращаюсь в двадцать первый.
Иду.
Куда?
Наверно, знаю.
Неверья думы
дуют в нервы
И пламя
задувает знамя.

Памяти дяди Миши

М. Н. Задорнову

Мельчит, мельчит дождь по наждачным крышам...
Слезой щеку небритую мне тронет –
Сегодня провожаем Дядю Мишу
В последние – прощальные – гастроли.

И ниточка табачная – в туманы.
Селёдка. Водка. Банка огурцов.
Он – в Юрмалу, с вагонами, с экрана –
Весёлый голос. Грустное лицо.

И только наш, и русский по наитию,
Он попросил перед отъездом в «не»:
«Библиотеку в Риге сохраните –
На память об отце. И обо мне».

Смешно, когда неизлечимо грустно.
Нет, излечимо, если снова вижу
Улыбку друга, стопку и закуску...
Не чокаясь! За Дядю Мишу!

Мама

Простудно. Студно. И не до тепла
Чуть вздувшимся прожилкам на руках.
Как Дон и Мечя юность протекла.
В пяти строфах иль двадцати строках.

И оскользнёшься материнским взглядом,
А я мальчишеским – сыновым – промахну.
Заумный сын, да нет со мною слада –
Ты про себя, а я всё про Москву...

Летят, летят автобусные будни –
И ты не глухишь на ночь телефон.

Педант-будильник – восемь, девять – будит,
Не заглушая лебедянский сон.

Не лебедянский. Сон – а, может, стон?
Я далеко, и пятница не близко.
Налейте мне, пожалуйста, за сто
Компот и щи – в студенческую миску.

...Приеду, мама! Скоро. А пока
У Богородицы погреюсь. Помолчу.
И зайчики с алтарного окна
Срываются в очки и на свечу.

Алёна Пояркова

Училась на историческом факультете ВГУ и в Литературном институте им. Горького. Печаталась в журналах «Нева», «Юность», «Белая вежа». Член СП России. Автор книг «Я не отсюда», «Не к этой погоде», «В переулке прокатится слово»

«Он стар, он сед... но как прекрасен!»
Евдокия Ростопчина
На ложь зеркал не обращай вниманья,
Известно: слуги дьявола они.
Ты – утра свет, ты – свежести дыханье,
Ты Ангел, посетивший эти дни.
Ты божество, привыкшее стесняться,
Ну вот опять... опять не веришь ты,
Что я готова вечно любоваться
На благодать душевной красоты.
И не старик, ты – мальчик бестолковый,
Коль в сотый раз намерен отрицать,
Что голос твой хрустальный, родниковый,
Глазам твоим сияющим под стать.
Но как он полон мудрости бесценной,
Твой разговор: серъёзный и живой!
Прекрасней всех созданий во Вселенной
Любимый мой!

Небесные алкоголики

Есть такие небесные алкоголики,
Незаметные, полупрозрачные,
И мне кажется, что ноги их
Выше нашей грешной земли
На сантиметр, не меньше.
С белым поясом на тонкой талии,
С волосами – тяжёлым облаком,
Они на гитарах играют нам
И читают Есенина
(И не только Есенина),
Но, если у них не спросишь ты,
Никогда не узнаешь этого.
И придут, починят, что надо
И что тебе починили они,
Никогда потом не ломается.

Есть такие небесные алкоголики,
Считывающие недостойными себя
Всяких благ человеческих.
... Им бы просто дешёвой водочки.
Им бы жизнь эту как-то вытянуть,
Осторожно так,
По касательной,
Отлетая все время в сторону.

Трамвай

Мне приснился трамвай.
Он бежал – искромётный и ловкий,
Он любил эту жизнь и, шутя, целовал провода.
Полный разных людей –
Встал и замер на остановке,
Той, с которой с тобой провожали друг друга всегда.
Мне приснился трамвай,
Там зачем-то заклинило двери,
Ни назад, ни вперёд было ехать ему не дано.
Было трудно дышать. Мы так выйти оттуда хотели!
Но никто из людей не разбил во спасенье окно.
Мне приснился трамвай.
Там, где рельс уже годы как нету,
А очнулась, когда поняла – он стоит до сих пор.
И оттуда никто не вернётся до белого свету,
Иногда до других приглушенный доносится спор...
Кто-то вздрогнет на миг, и пройдёт поперёк, и не
вспомнит.
Я не знаю сама: это время стоит иль идёт?
....Мне приснится трамвай и о нас, о счастливых,
напомнит.
И так страшно подумать, что кто-то стекло
разобьёт...

26 декабря

Александру Лисняку

Двор нежным светом окружён,
В метели тихо город тонет.
Опять снежинка на ладони
Из наших радостных времён.
Те времена, как снег, прошли,
Но что-то большее, чем счастье,
Сюда заставит возвращаться
Сквозь все другие декабри.
...Деревья в безмятежном сне,
Метели лёгкое дыханье...
И ты идёшь ко мне сквозь снег
На наше вечное свиданье.

Елена Правда

Выпускница филологического факультета
Воронежского госуниверситета, доцент ВГПУ

Прожит день. Ещё один
На иглу, как чек, нанизан.

Был он сложен из капризов,
Драматических картин,
Из нерадостных вестей
И пустых переживаний,
Из несбытий желаний
И непрошенных гостей.
Из каких-то глупых встреч,
Из обид непониманья,
Из усмешки на прощанье...
День прошёл – и до свиданья,
Словно груз с усталых плеч.

Всё, что нужно, сказано.
Всё, что можно, сделано.
Что связалось – связано.
Ну а нет – потеряно.
Ну а нет – забудется
(Дай же силы, Господи!)...
Снег идёт на улице.
Воскресенье в городе.

Аркадий Пресман

Выпускник филологического факультета ВГУ.
Член Союза российских писателей

Пушкинские уроки

Не исследую хлам описок,
пересудов и сплетен тьму,
и чужой Дон-Жуановский список
мне заучивать ни к чему.

Я вникаю в поэта строки,
где любви торжествует свет,
а грехи его и пороки
смаковать я не буду, нет.

Пятна порчи искать на солнце
только чёрту было б не лень,
а ко мне струится в оконце
благодатью согретый день.

Вспоминать уроки не скучно
смуглолицего мудреца:
«Хвалу и клевету приемли равнодушно
и не оспоривай глупца».

На даче

Припомню я детсадовскую дачу:
я хмурюсь, обижаясь, но не плачу –
сыграть не получилось в городки.
Мешал всё время лопоухий Ромка,
а ветерок задумчиво, негромко
доносит паровозные гудки.

Ложиться дошколятам рановато,
в кружок уселись бойкие ребята.
Ещё до сна осталось полчаса.
Послушать необычное охота.
Застыла деревянная пехота,
и грузовик застыл без колеса.

Рассказывает хроменькая няня
о том, кто принял жуткие страданья,
о ранах на измученном лице.
Она, скрывая в голосе опаску,
рассказывала сказку и не сказку,
где сон и явь стыкуются в конце.

Таинственно-мистическое что-то
входило в наши души навсегда,
и грозная тревожная забота
манила нас неведомо куда...

Я засыпаю и не засыпаю,
о дальних путешествиях мечтаю,
уже умею досчитать до ста.
Жалею маму, бабушку и папу,
и нашу воспитательницу Капу,
а больше всех распятого Христа.

Книжный рынок

Евг. Слепых

Ясно вижу незабытый
старый Брикмановский сквер
и портфель полуоткрытый –
из него торчит Бодлер.

На клеёночке непыльной
ждали книжников тома:
Лев Толстой и Кафка стильный,
Вальтер Скотт и Моруа...

Бодро шли на рынок чёрный,
огибая светлый двор,
и пожарник, и учёный,
и заслуженный актёр...

Переплачивали слишком
(был велик ажиотаж),
а зато хорошей книжкой
пополняли свой багаж.

Опера не разбирались,
разгоняли всех подряд.
Ну а люди возвращались
потихонечку назад.

Штраф нисколько не оплакав,
как бы вновь кивали нам
независимый Булгаков,
своевольный Мандельштам...

Но бесстыдно, грубо, люто,
одобренья не спросив,
книги вытеснил компьютер...
Ну а книжный рынок жив.

Книг не предал знаменитых,
тех, которым дал разбег
чуть усталый, чуть сердитый,
гениальный Гуттенберг.

Коллекция

Какие марки были у меня!
Они, воображение дразня,
располагались в кляссере красиво:
Марокко, Мавритания, Алжир...
Коллекция вбирала целый мир,
и главная страна была – Россия.

Поблизости библейская страна
с тем городком, что был войной изранен,
хранилась марка у меня одна
с лиловой надпечаткою –
Израиль...

Вот и сегодня я живу храня,
всё тот же кляссер
элегантно-узкий,
а в сердце два народа у меня,
два дивных языка: иврит
и русский.

Памяти Алексея Прасолова

Он просил не мало и не много,
глядя в зарешеченную тьму,
он писал: «Пришлите, ради бога,
однотомник блоковский в тюрьму».

Выюга двор залепливала густо.
Что на воле вольной – не понять.
Флорентийский профиль златоуста
узнику мерещился опять.

И, тоску глухую не осиля,
видел он, как под метельный вой
по России шествует мессия,
за которым движется конвой...

Две зимы бушлатных за плечами,
поослабло напряжение пут
оттого, что тёплыми ночами
соловьи о вольности поют.

Лагерные таяли невзгоды,
но поплыли, словно корабли,
день за днём томительные годы
той самоубийственной свободы,
от которой прступил на горле
горький отиск роковой петли...

Валентин Рахманин

Вечный (с 1948 г.) студент, экс-профессор ВГУ,
доктор философских наук

Я живу в ВГУ

Не взыскую к наградам;
Перед всеми в долгу.
Неизменность отрады –
Я живу в ВГУ.

В развороте событий,
В перехлёстах страстей,
В откровеньях открытый
Беспокойных людей.

Всероссийскую смуту
Пережить не смогу...
Как бы ни было круто,
Я живу в ВГУ.

Как последнюю правду,
Я любовь берегу...
И в печали, и в радость
Я живу в ВГУ.

Университетским коллегам

Гоняясь за капризной славой,
Ловя удачливый момент,
Мой друг, не уклоняйся вправо,
Поскольку ты интеллигент.

Познанья возрастает древо;
Его листву стрижёт студент.
Мой друг, не уклоняйся влево,
Поскольку ты интеллигент.

Не просто выверить свой вектор;
Таит соблазны бытиё.
Мой друг, есть совесть интеллекта,
И мы – избранники её.

Когда в глазах стоит туман,
В безмолвии тоскуют уши,
Я погружаюсь в океан
По имени Великий Пушкин.
И воскресает жизни шум,
И горизонт не застят тени;
И вновь свободою дышу,
И поднимаюсь к откровеньям.

А может, не всё сказали
Иль не был кто-то услышан,
Не те узлы развязали
Иль развязали слишком?

А может, иначе всё было?
А может, и не было вовсе?
Когда-то душу томило,
Да отпустило после.

А кто-то делился хлебом;
А кто-то прошёл сторонкой;
А кто-то услышал в небе
Последнего жаворонка.

Как часто мы без проку
Гоняем дни по кругу...
Давайте ненароком
Стихи писать друг другу.

И в помыслах высоких,
И в суетливом быте
Давайте ненароком
Отринем все обиды.

А коль судьба-морока
Пошлёт кого-то в угол,
Давайте ненароком
Плечо подставим другу.

Засвищет в поле выюга,
Зима ль придёт до срока,
Давайте-ка друг в друга
Влюбляться ненароком.

Берёза брызнет соком,
И зацветёт подснежник,
Давайте ненароком
Дарить друг другу нежность.

В заботах повседневных
И в радостях отрадных
Давайте откровенно
Свободно жить по правде.

Олег Рахманин

Выпускник физического факультета 1979 года,
сотрудник АО «Концерн «Созвездие»

Сонет последних мгновений весны

Две минуты до лета
В запоздалой весне
Первой строчкой сонета
Отзовались во мне.
В этом дне беспечальном
Мы с тобою вдвоём,
Как в кафе привокзальном,
Отправления ждём...
В ожиданье рассвета
Полночь шляется где-то...
В чьей немыслимой власти

Бег замедлить минут? –
Два мгновенья для счастья...
И часы отстают.

Памяти Юлии Друниной. 21 ноября 1991 г.

Седая мгла опустится на город...
Под сумеречный грохот мостовых
Две пригоршни тумана мне за ворот
Смахнет Нева с ладоней ледяных.
Аорту рвёт осколок Ленинграда.
Поэзия уходит в мир иной,
Когда непостижимая блокада
Нависла не над городом – страной!
А под святым покровом Петербурга
Раскаты бирж и громкие торги:
Вино и сталь, зерно и чернобурка...
...Вот только умирают старики –
В очередях, в нетопленых квартирах,
Не пережив ещё одной весны.
И струны обрываются на лирах,
Когда звучит минута тишины.
И снова слезы землю оросили.
Что, впрочем, слезы? – так, одна вода...
На пропитанье матушке-России
Подайте, кто что может, господа!

Вариация на стихотворение

Осипа Мандельштама

"Я буду метаться
по табору улицы темной"..."
О. Мандельштам

Да, я буду метаться
по клетке затравленным волком.
Нет замков и засовов
и некуда толком бежать.
И разбитое зеркало
в сердце вмерзает осколком.
Вроде все в сквозняках,
но мучительно нечем дышать.
Прочь – от всех этих лиц
любопытных и жадно-жестоких,
Раздевающих плоть
и свежающих взглядом меня,
Прочь от этих людей,
что всесильны и слабы, как боги,
Но прощая их всех
и в безумье обид не кляня.
Прочь! – в стремительный бег,
в кровь сбивая отвыкшие ноги,
И простреленный воздух
глотая кусками, хрипя,
В заповедном лесу,
где рождается день синеокий,
В твоём тайном лесу,
отыщу я однажды тебя.
Я тебя отыщу –
в тридевятом ли царстве Кощея,
На краю ли Вселенной,
где время торопится вспять,

Прозревая во тьме,
до глубин мирозданья вещея,
Я тебя отыщу,
чтобы больше уже не терять.

Троице-Сергиева лавра. Зимняя вариация

Соборы... Церкви... Стены крепостные...
В щелях бойничных голубиный стон.
И кажется, России сны густые
Здесь не разбудит колокольный звон.
В прозрачных кельях старцы восковые
Надсадно кашляют, вставая поутру.
И кутаются в рясы снеговые
Монахи, пробегая по двору.
Людской поток – сквозь храмы и палаты,
А в стороне праздномузейных толп
Согбенный инок черенок лопаты
Сломал, пытаясь приподнять сугроб.
Двойное небо на мохнатых елях,
И звезды вбиты в твердь рукой Творца.
Рукою той же в каменных купелях
Излиты боль тернового венца.
Здесь время многомерно и пластато,
Слоится дым столетий и минут.
Мгновение – подумаешь, утрата! –
Когда вся вечность свита в серый жгут!..

Александр Романовский

Выпускник филологического факультета ВГУ.
Стихи публиковались в журналах «Арион»,
«Знамя», «Волга» и др., вошли в антологию
«Нестоличная литература» (М., 2001)

Эти чащи в этих рощах
По весне в такую гущу
Превращаются, что можно
Перебрать неосторожно,
Отхлебнув зелёной смеси
И цветочной влажной взвеси.

По весне в таких вот кущах
Листья смешаны с птенцами,
Словно умные с глупцами:
Каждый с фигою в кармане,
Каждый рад попасть впросак.
Ну а если нас застанет
Дождь – одетых кое-как...
В этих чащах, в этих рощах
По весне случится с нами,
И над нами, и под нами
Первых молний кавардак.
Ну а если обернуться
По дороге прочь из чащи,
Этой гущи, этой рощи,
Страх внезапный побороть –
Вот как выглядит Господь.

Приглашение

Сначала, милая, зайдёмся пилкой дров.
Пойми, я не был бы суров,
Но у пилы две ручки – посмотри.
А после дашь ладонь, я сдую волдыри.

Затем топор, что не для женских рук,
Возьмёт поленья на испуг.
А ты, тем временем, в ещё холодный чан,
Швырнёшь траву, что губит англичан.

По щепочке вползёт огонь в жерло
И скажет: «Вот так повезло!
С берёзой смешан дуб, коричневое с млечным!»,
И станет выть и буйствовать беспечно.

Как закипит вода, огонь сойдёт с ума,
Наполнив сруб отчаяньем древесным.
«Пора», – ты скажешь мне, кума,
Каким-то голосом небесным...

Пока мы будем там, наступит полночь здесь,
Мороз ударит, банное окошко
Затянет льдом. Качаясь, но немножко,
Одета лишь в девическую честь,

Ты выплынешь.

Троя

Дело было на ночь глядя. В юности. В Крыму.
Жестяной «козёл» совхозный проскакал во тьму.
Человек пятнадцать было под брезентом нас,
И водитель, пьяный в стельку, путал тормоз-газ.
Я сидел верхом на ком-то, кто-то был на мне
(Так катаются ахейцы в горной той стране).

Я практически в команде никого не знал,
Тем не менее, вписался в этот криминал.
Нас ждала на танцплощадке драка на ножах
За каких-то местных, толстых, огненных девах.
Но, когда нас вынес ветер на берег морской,
«Миру мир!» – восславил чей-то голос пропитой.

И побрёл я, чуть шатаясь, черпая песок,
Навзничь лёг, перевернулся, снова навзничь лёг.
А как только докатился до сырой черты,
Краем глаза обнаружил, что подходишь ты.
Незнакомая, садишься рядышком со мной,
Мне буквально в сердце дышишь пивом и луной,
Прижимаешься невинно всею худобой,
Как трофей войны троянской, жалкий, чуть живой.
Будто я во всей округе вырезал мужчин
И остался безраздельно царствовать один,
И поэтому на здешних землях и морях
Только я распределяю и любовь, и страх.

Вот я приехал на дачу. На даче
Буду сегодня один ночевать.
– Ой, погоди, тут замок заедает,
В скважине вечно вода замерзает.
Вот я приехал на дачу. На даче
Буду сегодня один ночевать.

Вот я вхожу, постучав сапогами.
Пахнет мышами и мёрзлым тряпьём.
– Ну, проходи, подыши тут немного,
Не разувайся пока, ради бога.
Вот я вхожу, постучав сапогами.
Пахнет мышами и мёрзлым тряпьём.

Вот я поленце уже расщепляю,
Комкаю старой газеты клочок.
– Ну-ка, давай, придvigайся поближе,
Скоро согреешься, да не скули же!
Вот я поленце уже расщепляю,
Комкаю старой газеты клочок.

Вот огонёк, наконец, разошёлся,
Брёвна еловые стали стрелять.
– Поосторожней! Давай-ка пальтишко,
Дырку прожечь – это было бы слишком.
Вот огонёк, наконец, разошёлся,
Брёвна еловые стали стрелять.

Где-то здесь было чуть-чуть на растирку,
Если ещё не допил домовой.
– Ну-ка, глоточек прими через силу –
Выдохни, дёрни. Ну вот. Закусила.
Где-то здесь было чуть-чуть на растирку,
Если ещё не допил домовой.

– Глянь-ка, на улице звери лесные
Рысью салазки везут расписные,
Девочкам дарят носки запасные.
Вот они! Видишь? Держи, надевай.
Нет, лучше сам я возьму эти пятки,
С ними сыграю в весёлые прятки.
Вот я приехал на дачу. На даче –
Домик с камином. Забор и сарай.

Любому поэту, вообще-то,
Необходимо облако.
То есть входишь куда-то
Или даже ещё не входишь,
А оно уже здесь.
То есть там.
То есть чуть впереди.
В то же время идёт по пятам.
(Ну, вы поняли!)
Впрочем, возможно, не поняли вы?
В общем, дело тут в запахе прелой листвы
Или жухлой травы,
Или свежей весенней травы.
Плеск плотвы,

Звон какой-нибудь тетивы...
А ещё чьи-нибудь полуздохи,
На которые ловятся лохи.

Впрочем, может, не поняли вы,
Что любому поэту – вообще-то –
Необходимо облако?
То есть чтобы оно...
(Как бы это сказать?)
Ну, короче, предшествовало
Появлению поэта,
Да и спину его прикрывало.

А без облака будет вот так –
Просто скажут: «Припёрся, мудак!»
А на выходе скажут: «Дурак!»

Артисты в подвале мою репетируют пьесу.
Подвал за высоким бугром, за морями-лесами.
У них в первом акте на сцене танцует принцесса
С распущенными волосами.
Но вскоре на лошадь садится, пускается в путь.
Погода отвратная – холод и снежная муть,
И ветер такой, что румянец не сходит со щёк.
– Куда она скакет?
– К тебе. А к кому же ещё?

Но вот уже сцена другая и время другое.
Какого-то лешего слева и справа солдаты.
Гляди, разминают мечи и хвосты перед боем,
Все веселы, злы и поддаты!
Скачи через них, дорогая, по слякоти мчи!
(На шее звенят от далёкой темницы ключи.)
Вот первые пули орешками – щёлк да пощёлк!
– Куда ты, красотка?
– К нему, а к кому же ещё?

Базарная площадь. От мяса и зелени пар,
И голубь тяжёлый взлетает с измятой газеты.
Прочти и получишь селёдочно-сахарный дар.
(Пожалуйста, только не это!)
Здесь трудно слепому пройти, но зажмурься скорей
И клячу веди не спеша мимо мёртвых зверей.
Здесь до смерти помнят проценты и долг не
прощён.
– Куда, побиушка, плетёшься?
– К кому же ещё?

Итак, антиподы мою репетируют пьесу.
У них перед этим игрался Шекспир или Чехов.
А я, между прочим, совсем не причастен к процессу
–
Сижу, никуда не приехав.
Пока от актёрских радений трясётся подвал,
Я пиво купил, я случайную даму позвал.
Ведь есть берега, куда автору въезд воспрещён.
– Куда ты, удача?!

– К тебе, а к кому же ещё?

Светлана Ромашина

Выпускница филологического факультета ВГУ

Ты с ума сошла, совсем другая!
От того, что было, нет следа.
Где теперь ты, беженка из края,
Где цветут жасмин и резеда?
И зачем на запахи полыни
Променяла тонкий аромат?
Не спеши принять чужое имя,
Если звуки прежние манят!
Милая, мы здесь не по желанью,
Уходи и не зови с собой,
Да закрой своей прозрачной дланью
От полыни взор свой голубой!..
Нет, постой, прости, я позабыла,
Что отсюда нет пути назад...
Ты глаза полынью бы омыла –
Здесь у нас так сине неглядят

Лев Рудковский

Выпускник естественно-географического факультета Южно-Сахалинского государственного педагогического института, работает в Зональной научной библиотеке ВГУ, автор поэтического сборника «Тебе Воронеж»

Дом Гардениных. Последние дни

Дом сегодня, словно туча,
Как заброшенная тень,
Ветер съёжился колюче –
Впереди тяжёлый день.

Окна разом потускнели,
Свет запутался в кустах –
Здесь когда-то птицы пели
О несбыточных мечтах.

Не даёт судьба покоя,
В испытаниях – держись,
Потому-то сердце ноет,
Улетая сразу вниз.

Не скрывайся. Не поможет...
И деревья не спасут.
А венки у дома сложат,
Час настанет – всё снесут.

За чертою жизни ломкой
Наш забытый старожил.
Только помните, потомки –
Предок славу заслужил!

О Воронеже

С кем говорить о наболевшем –
Пусть иногда, начистоту,
Не уходи же поседевшим,
Мне без тебя невмоготу.
Так тяжело с тобою рядом
Без долгожданного дождя,
Воронеж, щуриться не надо,
В глухую полночь уходя.
А эти окна после ливня,
Скупые в чёткости всегда,
Бывали проще и наивней,
Как родниковая вода.
Одной достаточно минуты
Влюбиться, словно без ума,
В проспект вальяжный и надутый,
И разноцветные дома,
В твои зовущие просторы,
Гирлянды яркие мостов,
Садов волшебные узоры...
Я для тебя на всё готов!

Звенящие мгновения

Весна. Звенящие мгновенья
Сплетают времени узор.
О, где же юности простор,
Места былого вдохновенья,
Где вольно пелось и дышалось,
Душа летела вольной птицей,
Туда, где небо серебрится,
И туча влагу набирала...
А я бежал грозе навстречу,
С ветрами спорил, кто быстрей,
Не понимая – тот мудрей,
Кто силой тайною отмечен.
Герой ли, юноша, мудрец –
Отважным станешь поневоле,
Когда выходишь ночью в поле –
Там прозреваешь наконец.
Понять бы, кто я в этом мире –
В тумане видится ответ:
Страданья, сумерки и свет,
И муки творческие – лире!

Петербургу

Этот город, знаю, вечен.
Блеск, особенная стать.
Оживленье. Летний вечер.
Стрелка. Волны. Благодать.

Этот город, знаю, молод.
Пушки. Выстрел. Метроном.
Бастионы. Камень. Холод
Пролетели мимо сном.

Здесь сошлись вода и пламя,
Шум Невы и Летний сад,

С наведёнными мостами,
Как и триста лет назад.

Блеск и прихоти Дворцовой.
Бег повозок. Эрмитаж.
Напоследок только слово:
Этот город, знаю, наш!

Университету

День Рождения. Виват!
И для многих поколений
Доброй памятью слова:
Это мы – всегда в движенье!
ВГУ – как высота,
До мечты подать рукою,
Та же утром суeta,
Нам ли думать о покое...
Универ, Ты о себе
Рассказать уполномочен,
С болью, с радостью – к тебе,
И дела – до самой ночи.
Тот же ты в салют побед,
В ритме жизни бесконечной,
Говорят: Ученье – свет,
Остальное быстротечно.
Юбилей ждёт вековой –
Сотни, тысячи ступеней,
Ты с задором, боевой,
Впереди – всегда в движенье!

Рудольф Рудченко

Окончил биолого-почвенный факультет ВГУ, земле-проходец, натуралист

Под камень лежачий вода не течёт

Звезда,
Инфузория
Иль человек,

Планеты ядро
Иль эфир,

Подснежник заснеженный,
Первый ли снег,

Не суть –
Всё непознанный мир.

Под камень лежачий вода не течёт,
Завещано предками нам.

Любое мгновенье –
Вперёд!

Лишь вперёд!

К иным –
Неизвестным мирам.

Дарья Русова

Выпускница филологического факультета ВГУ

Прошлое

ты встречаешь его...
казалось, когда-то сложное,
а теперь ничего
ты его называешь – прошлое...

Папе

1.
Порой мне не хватало сил бороться,
Порой текли из глаз ручьём слова.
Прости, не понимала, что ты – Солнце ,
Поэтому сейчас на сердце тьма.
Прости, не понимала, что счастливой,
Такой счастливой я всегда была.
И это придаёт теперь мне силы,
Чтоб никогда тебя не подвела

2.
На звук сигнализации бегу,
Мне кажется, что это ты приехал
Я без тебя, наверно, не смогу.
Ты знаешь, пап, в апреле много снега?
Ты знаешь, пап, я не хочу сильней,
Я так хочу, чтоб просто ты вернулся
Мне холодно одной среди людей,
И оказалось – очень мало нужно.
Но верю солнцу, верю тем дождям,
Что ты любил, и музыке, и ветру,
Я знаю, там машина не твоя...
Тогда смотрю куда-то прямо в небо.

3.
И видел только ты, какая я,
и уважал за доброту и храбрость,
Не знаю, смог ли ты простить меня,
Мне ничего здесь больше не осталось
Быть может, слышишь, как благодарю,
Быть может, видишь, как порой мне трудно,
Но я всё выдержу, я всё теперь стерплю,
Неважно мне – я ожидаю чуда
И большего у Неба не прошу:
Чтобы когда-нибудь тебя увидеть!
...Мне кажется, по-новому дышу
И что-то понимаю в этом мире.

Сергей Рыбкин

Студент экономического факультета ВГУ

Как злое эхо резонанса,
перевожу слова в слова –
Тук-тук, тук-тук.
Хриплю романсы.
Висками сжата голова.

Ладони – вестники покоя –
сдавили лоб еще сильней,
но словно дьявольскою волей
там кто-то давит из костей.

Куда бежать? Лучом кривится
вдали надежды хитрый глаз,
И мысль о смерти коренится
Крест-накрест с воплем: «Кто бы спас?»

Выпросить счастье безумным потоком мечт.
Жизнь – собирать, как малину, в корзину дня.
Сухость и хрип не пускают по горлу речь.
Жаль, что тоске так легко припугнуть меня.

Пиво глотками и пинтами топит грудь,
что охлаждается. Боль затихает враз.
С этим лекарством не ждёт меня долгий путь.
Скоро я кончусь и вряд ли найду Парнас.

Если найду, то закончусь ещё быстрей.
Сердце, набитое порохом, ждёт огня.
Пепел, как листья, только слетел с ветвей –
осень пожизненно грустью зажгла меня.

Жаль, что на многое есть прототип, ответ.
Вот и печаль лживым эхом гласит: «покой».
Только тебе прототипа иного нет.
И, может, это – единственный смысл земной.

Когда так тихо поутру,
и всюду след печалей колких.
Я сон с лица рукой сотру
и щебень чувств пущу из лёгких.

Сажусь за стол, беру тетрадь,
едва остывшую от капель,
и вывожу на ней опять
тобой отвергнутые знаки.

Все так. Стока коптит смолой,
зигзагом твёрдого графита
остался след, и голос твой
в аранжировке алфавита,

отрывком лёгкости звучит
– за кистью... не остановиться!
И входит в грудь, как в монолит,
не зная с чем соединиться.

В доме тень растянулась по комнате
под овации капель-крыш.
Шторы глаз приоткрыли, и в темноте
луч поскрёбся в углу, как мышь.

И его не прогнать, он не так уж плох.
Одеяла конверт открыть –
выдох тел обменять на холодный вдох,
и восторги дождями смыть.

Прогреметь, прошуметь, занавесы врозвь –
разлучить до возни времён:
ночь прикажет уснуть – мы уснем, авось;
день прикажет, и мы – пойдем.

А пока в доме тень, и едва слышны
лай собаки и запах льда.
Мы встаём, мы идём, но кому нужны
сами Мы,
Завтра и Вчера?

Тоска в глазу размешана. По каплям
её не выплакать, увы, не расплескать.
И дождь подобен ей. Стоит, как цапля, –
один фонарь, и я – один – под стать
Грушу дождём, и ветр меня шатает
меж луж переплётённых, шаг мой груб.
Ругательства летят вороньей стаей –
ссыпаются в испуге с моих губ.

До дома взгляд дотронулся – он близко,
но есть ли мне резон скрипеть дверьми?

Не знаю. Но уже собачья миска
гримит, попавши под ноги мои.
Я здесь. Я дома. Вот я. Я при-и-е-ха-л!
Взволнованная мать встречает. Что ж....
Закусыва щи горбушкой хлеба,
но хлебом все ж тоску не зажуёшь.

Мы поедем с тобою на А и на Б
А. Еременко

Как призрак серый крышу обнял
туман. Декабрь омертвел.
И в тишине таится вопль,
а я снежку вдруг захотел.

Ладони выставить к полёту –
как стих, читать мольбу, просить,
И получать снегов без счета –
С собою в дом не уносить.

Закрыть глаза, ослабить веки,
пьянеть от сумерек вина.
Перенестись хоть в когни веки
от А до Б, от Б до А.

Застрял я будто бы меж ними.
Синяк, как тень от впалых глаз,
зрачок как будто опрокинут
и стек к щеке.
Где примут нас?

Хотелось бы, чтоб в крайне точке.
Хотелось бы, чтоб вверх иль вниз.
Чтоб души цепью позвоночной
хоть бы на миг переплелись!

Ну а пока – туман и морось
глаза подкрашивают мне.
Один лишь мой дрожащий голос
летит, как снег, от А до Б.

Владимир Рядинский

Выпускник исторического факультета 1973 года

На изломе веков
(к 100-летию ВЛКСМ)

Среди ратных полей,
изумрудных лесов
Для Отчизны своей
созидал комсомол.
На просторах Великой страны
Наши лучшие годы прошли.
Годы дружбы, любви
промелькнули, исчезли.
И на новом пути
мы в строю, как и прежде,

Но с приходом весны
розовеют мечты.
Оживают сады и надежды.
Время быстро летит,
для кого-то течёт,
И куда нам от этого деться?
Молодые вперёд!
Действий Родина ждёт.
Остаёмся в делах мы навечно.
Всё здесь ясно без слов:
на изломе веков
Строил БАМ, Байконур комсомол.
Строил ГОКи и порты,
поднимал целину Казахстана.
Современник, пойми
славных дел молодёжи немало.
Как партийный наказ
и Отчизны приказ,
Выполняли мы план пятилетки.
Шли на труд, шли на бой,
жили дружной семьёй –
Продолжатели подвига предков.
Мать-Россия, цени,
подбодри, поддержи –
Мы служили тебе беззаветно.

Екатерина Савко

Студентка факультета РГФ

Свет моей души

Я возвращался много раз к надгробью,
На пятачок истоптанной земли,
Что до меня годами гулкой дробью
Озябший дождь разглаживал в ночи.

Вновь целовал холодный белый мрамор
И говорил с букетами цветов.
Никто не знал, каким мне было даром
Смотреть на мир и просто быть с тобой.

Твой вечный взгляд, прикованный к закату,
И эти локоны, что падали на сгиб,
Набросок плеч, как в жизни, чуть покатых,
Резьба вуали, тонкий стан и лик.

И каждый вдох наполнен был свободой,
Дыханьем роз под гнетом бус росы,
Пьянящий привкус моря, столь знакомый,
Мне наполнял волнующие сны.

Раскинув руки, я лежал и слушал,
Как шепчут в травах души остальных,
Но голос твой их тихий гомон рушил
И пел мне грустно о годах былых.

Мне вспоминались голые равнины
И жёсткий вереск на холмах пустых,

Промозглый ветер, дующий с трясины,
Что гнал на юг и мёртвых и живых.

А ты бродила по пустым дорогам
И тихо пел ласковый мотив,
Чуть жмуряясь, грустно улыбалась богу,
Глядящему сквозь ветви серых ив.

Мы повстречались в пасмурное утро.
Я шёл неспешно по сухой траве,
И жемчуг мокрый цвета перламутра
Стремился вниз к потресканной земле.

А ты бежала в белом лёгком платье
По жухлым волнам облачной весны,
Навстречу ветру распахнув объятья
И рассыпая звонкий смех листвы.

Так и столкнулись судьбами планеты
В бездонном вакууме безликих серых дней,
И вот уже, как в вальсе, по орбите
Скользим по снам заоблачных огней.

Но век звезды отнюдь совсем не долгий –
Она сгорает, только докоснись,
Один раз вспыхнув для толпы огромной,
Она срывается холодным камнем вниз.

И вот теперь чуть тёплый мрамор кожи
Я гляжу нежно старою рукой,
Стою в ночи, озябший весь до дрожи,
И говорю о прошлом шёпотом с тобой.

Мигают звезды тихо надо мною,
А я всё слушаю твой шелест с вышины
И сердцем чувствую, что скоро над тобою
Зажжётся в небе свет моей души.

Юлия Санина

Выпускница филологического факультета ВГУ.
Член Союза российских писателей. Член жюри
международного фестиваля русской поэзии и
культуры в Израиле «Арфа Давида»

Ползу полжизни на возу –
Ни сена, ни соломки.
Осознаю: слезу везу
К другим слезам, в солонке...
Свербит мозги прямой Вопрос,
Стоящий криво-косо...
Я, глазом раз окинув воз,
Постигла Соль Вопроса:

Всегда солонка слёз полней,
Чем следовало, чтобы
Последней капле место в ней
Бронировать особо:

Добавить соли в рацион,
И – вот они, отёки!
А воз – тащить?! Навоз мне он! –
Вместилище мороки!..

Слезу я «с возу» соскоблю,
Смахну слезы обломки...
Не раз-люблю, а воз-люблю...
Но – подстелю соломки:
Раз возлюбя, приятно впредь
Пройтись пешочком! – либо
В соломке с милым воза средь
Повсюдливать сопливо!

Не в наших авторских правах
Ни подлый штиль,
ни полный крах,
Ни прокажённый новизной
Ветшаний ужас возрастной.
Влекут сквозь терние примет
Потоки Леты тонны лет:
Переполнитель Летних вод –
Земных кровей Круговорот.

Демисезонный зреет спрос
На соль акупунктурных слёз
И пресной облачности пресс –
Обратных слёз – уже с Небес,
Из оросительных горстей,
Огородивших от гостей
Судеб приватные сады
Стальными прутьями воды.

Так налагается запрет
На осень вёсен, осень лет...
Засим – суммарная зима –
В суне – надежды ни зерна...
Там и по нас сучилась плеть –
Мы рисковали... не успеть
К любви,
в сомнениях бродя...
А ведь – успели... до Дождя!

Не то вы не писали мемуары?
Что ж не писали? Не настолько стары?
Поторопитесь! Мир, забытый бытом,
На склоне лет увидится размытым.
Покуда всё не позабыли сами,
Начните так: «Сверяясь с образцами,
Я к Вам пишу...» А может, по-другому...
Излейте на бумагу всю истому,
Иронию, избыток тонкой грусти,
Не сильно напрягайтесь и не трусьте:
Что устарело, станет вечно ново –
Не брезгуйте примером Льва Толстого:
У многих, кем история богата,
Воспоминаний не было когда-то,

А нынче – есть. И помните о стиле,
Пока павлиний хвост не распустили!

... Киса, я давно хотел Вас спросить
как художник художника:
Вы рисовать умеете?..
Из к/ф «Двенадцать стульев»
Замечу как поэт поэту:
В литературе местечковой
Зима, повёрнутая к лету,
Пуантой дрыгает толчковой:

Сейчас её омоют лужей –
И фуэтой зафуetaet...
До дна миндалины застуJит,
Покамест лёдом не потает.

В утробы туч готовы взвиться,
Снежинки прут наоборотом –
Хвала маxровому Провинцу,
С душой хлебаемому ботом!

Среди господ – причудой бесьеy! –
Себя найти – проблема dame:
Именования профессий
Для дам опошлены полами!

Здоров, читатель... либо... полу-
здоров – готовься с полу-свиста
Понять, какого нынче пола
Тебе иметь специалиста:

ПЕДАГОGичка... ЖУРНАЛИСТка...
ВРАЧиха-ха!... ИНЖЕНЕРИца...
Экс-ПРОКУРОРка – карьеристка,
Что в АДВОКАТИцы стремиЦ-ЦА?..

ИСКУССТВОВЕДиха... КАССИРша...
И... ПРОРАБá – ИО прорáба...
Набита суффиксами ниша:
Отъял – мужик, приделал – баба –

Башка-избушка – ножка курья –
У леса вертится спросонья...
...Язык дурного субкультура –
Гриппозный вирус межсезонья:

Он публицистику и прессу
Кидает в... дрызг – от стресса к риску,
Как ПОЭТессеc – ПОЭТессу...
Как борзописец – БОРЗОПИСку...

Людмила Семёнова

Выпускница биолого-почвенного факультета ВГУ

У фотографии

Но почему так краток век мужской?
И отчего на женщин горе катится?
Надеть бы ей из крепдешина платьице,
Заправить волосы под шляпку, взять манто,
И как тогда, как много лет назад,
Пройтись с ним вместе по аллее парковой,
И чтоб вороны на деревьях каркали,
И чтобы был букет в руках...
И чтоб не плакала...

Тавтология

Собака пробежит семь вёрст,
Совсем не крюк,
А мы с тобой, мой друг,
Как помнится, круг дали.
Собака та мне – друг,
Пойдёт в любые дали,
Чтоб только быть со мной.
А ты – едва ли.
Собака перестанет жить,
Тоска, слеза из глаза.
А что же ты?
Уехала – забыл,
Легко и сразу.
Собака пробежит хоть крюк,
Чтоб лишь увидеть.
А ты, друг, выбираешь путь
Слегка обидеть.
Вот оттого-то выбор мой –
Ответ искомый –
Собака та – мне друг,
А ты – знакомый.

Светлана Симонова

Выпускница факультета РГФ, работала на кафедре культурологии факультета ФиПси, ныне профессор кафедры теории и методологии управления Академии МВД России

Кто виноват?

Щенок один остался в доме.
Сначала он скучал, скулил,
Потом чуть подремал, и вскоре
Квартиру осмотреть решил.

Зашёл сначала к другу Владу:
Проверил шкаф, залез под стол.
Среди разбросанных тетрадок
Щенок его носки нашёл.

И начал с ними он сражаться!
Сначала гавкал и рычал,
Затем стал на носки бросаться,
Их лапой бил, зубами рвал!

Изгрыз носки, а их остатки
По всей квартире разбросал,
И на шуршащие тетрадки
Лёг отдохнуть: он так устал...

Потом сказала мама Владу –
Сын, не щенок, а ты не прав!
Чтобы в квартире был порядок,
Тетрадки – в стол, носочки – в шкаф!

Первый снег

Первый снег явился ночью,
С осторожностью, украдкой.
А потом подтяял, точно
Поиграть задумал в прятки.

Выпал, словно бы случайно,
Лёг на землю лентой тонкой.
Там и здесь следы оставил,
Как рисунки у ребенка.

Где-то мельче, где-то шире,
Где-то чуть мазнул по краю.
Задержался на рябине,
А под ней – совсем растаял.

Воробы с весёлым чиром
С красных ягод снег сбивают.
Белый снег кружит над миром,
Будто все о мире знает.

Закат в Нячанге

Облака вырастают из моря
И выстраиваются в фаланги.
Я сегодня останусь с тобою
Посмотреть на закат в Нячанге.

Будем слушать поющие волны,
Флиртовать и играть словами,
Наблюдая, как тёмные горы
Укрываются облаками.

Азиатские тонкие краски
Прорисовывают настроения:
Ожидание призрачной сказки,
И желания, и сомнения.

Все на грани – хотела б, и нет,
Все – покой и однообразие.
Я хочу получить совет
Утончённой природы Азии.

Край горы отблестел перламутром,
Заискрилась вода под луною.
Я б хотела уехать утром,
Я б хотела уехать с тобою.

Елена Смолицкая

Выпускница юридического факультета ВГУ. Кандидат юридических наук. Преподает в Воронежском юридическом техникуме и ВГУ. Член Молодёжного Совета при Департаменте культуры Воронежской области

Озёра

Тёмные воды, возьмите мою печаль.
Светлые воды, вместите большое небо.
Пусть повторится в вас голубая даль!
Ваше спокойствие и гармоничность мне бы...

Я растворяюсь в каплях своей мечты.
Я забываю про тесные злые стены.
Взгляд утопает в спокойствии красоты,
Память смывает объятья стального плены.

Эти озёра для сердца дают приют,
Дарят смирение мыслям моим мятежным
И в отраженье Меня они узнают –
Той, неизменной, тысячелетнепрежней.

Земное Притяжение

Я слушала моргание ресниц,
А белый снег, ложась на мостовые,
Кружил, кружил и падал, падал ниц –
Туда, где жизни всей передовые.

Но, прорезая бремя всех снегов,
Бутон пушистый цвета просветленья
Неслышно пел мелодию богов –
И в том была победа и спасенье.

А жизнь текла, бурлила и неслась,
Даря неповторимые мгновенья...
А я стояла, плача и смеясь,
Вдруг ощущив Земное Притяжение.

Из цикла «Горела молодость»

Посвящается участникам подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» в г. Краснодон. В 2018 году исполняется 75 лет с момента гибели юных героев.

Олегу Кошевому

Светловолосый милый паренёк
С душой поэта, сердцем, очень нежным,
Стать крепче стали ты однажды смог –
Огромным, сильным, как рассвет, безбрежным.

Твой юный подвиг помнит вся страна...
Всего шестнадцать, а виски – седые.
Горючей боли ты хлебнул сполна,
Пал страшной смертью в годы молодые.

Как много улиц, песен и стихов
С благоговеньем вторят это имя...
А в нашем небе – светлом, без оков –
Твои глаза всё смотрят часовыми.

Полюбить, когда сёла в огне

Полюбить – когда сёла в огне,
Полюбить – когда смерть на пороге,
И молиться – когда в тишине
Только шёпотом можно – о Боге.

Улыбнуться – зачёркивать страх,
Танцевать – на секретной квартире,
Песню петь – когда крик на устах
Разрывает всё светлое в мире.

Верить в счастье – под грохотом бомб,
Ждать свиданья – не верить разлуке,
Выполнять без остатка свой долг,
Несмотря на угрозы и муки.

Распрямиться! Плевать, что расстрел!
Вспомнить самых родных и любимых,
И раскаяться, что не успел
Сделать больше для улиц родимых.

И надеждою – жизнь утвердить!
И бесстрашием – жизнь утвердить!
Гордым подвигом – жизнь утвердить!..
До последнего мига – любить.

Герои, научите нас любить!

Отважные – неистово молчат
И шлют своё высокое посланье,
Что заполняет самый важный чат,
Пронизывая нити Мирозданья.

А мы живём, не помня о былом,
И не листаем жёлтые страницы,
Оставив бесконечность на потом,
Забыв их героические лица.

Коль повторится горестный урок,
И чаша боли снова разольётся,
Для них настанет триумфальный срок,
И в наших душах голос их пробьётся.

Герои! Научите нас любить,
Быть сильными, не знать преград и страха!
И, может, мы сумеем отвратить
Тот ход событий, где бушует плаха.

Без времени ушедшие, вы впрок
Пошлите нам своё предупрежденье,
Чтоб мы испили мудрости глоток,
Чтоб мы узрели Божье Провиденье.

Коль искра сильных разгорится в нас,
Мы разрешим судьбы головоломки,
И жизнь прекрасной сделать без прикрас
Сумеем мы, достойные потомки.

Эмма Старова

Училась на физическом факультете ВГУ. Член общероссийского Союза военных писателей «Воинское содружество»

Ребятам-альпинистам 60-х – студентам ВГУ

Нам в жизни что-то хочется успеть
О чём мечталось, сделать в этом мире,
Но время ускользает, лишь стареть
Мы продолжаем в тишине квартиры.

А за окном так же бегут года,
Играет музыка, гудят машины,
Мелькают фильмы – растут города,
И мы всё вспоминаем гор вершины.

Нас было восемь – семь ребят и я,
Такой была спортивная команда,
Сдружили годы нас, к себе маня,
Они с нами навечно – это правда.

Как быстро наша молодость прошла,
Мы постигали новые науки,
А жажда жизни как заря цвела,
И детский смех, и наших песен звуки.

Так хочется друг другу пожелать,
Чтобы сбылась хоть часть, о чём мечталось,
Родные лица видеть, вновь встречать,
И очень ненадолго расставаясь.

Надежда

Жизнь идёт, и ничто не поможет
Вернуть дорогие страницы.
Только сердце все бъётся тревожно,
Ожидая, что чудо свершится.

И опять будут солнце и небо
Нас встречать на рассветных лугах,
Голубые вершины со снегом
Споют песнь о далёких мирах.

И продолжится жизни теченье,
Встречи с тем, кто и помнит, и любит,
Вера в Бога – наше спасенье
И надежда, что так и будет.

Екатерина Стрельникова

Магистрант филологического факультета ВГУ

Когда за окном дождь,
Когда на душе боль,
Беды моей не тревожь,
Печали моей не тронь.

Отвечу – больнее в сто,
Смолчу – тяжелее в двести.
Сбегу – к тараканам в стол,
Усну – на мышином месте.

Не мне в небесах – блесна,
Не ко мне прилетят грачи...
Не мне молода Весна
На шею несёт калачи.

Окно

На душе заскребли чёрно-белые злые кошки,
И опять не до сна...
Это просто за тусклым окошком
Гуляет весна.

Бередит заскорузлые раны
И сиренью цветёт,
Согревает бомжей пьяных
И пьянит народ.

Распускает лихие трели
Соловья под окном,
А удары глухой капели
Превращает в звон.

Покрывает асфальт грязью
Проливных дождей,
Мажет серой цементной мазью
Плиты площадей.

Тонкой кисточкой жёлтой краской
В молодой траве
Много солнышек жгуче-ясных
Нарисует мне.

Но не знает весна, что в неволе
Распеваются коты
Не от марта – от страшной боли
В лапах темноты.

Сквозь город, луной объятый,
со злостью чеканю шаг –
как будто бы все виноваты,
что что-то со мной не так.

Что я – бесцелесный призрак,
что имя моё – ничто,

и что на обочине жизни
я прячусь за веками штор.

Пока все смеются странно,
пока у других – пир,
бесшумно и филигранно
ломается мой мир,

пропитанный терпким соком
ушедших осенних дней,
страдающий о высоком,
сбегающий от людей.

Вышел месяц из тумана

Я не сплю, встревоженный.
Гляну на восток –
Месяц настороженно
Точит свой клинок.

Улыбнётся вогнуто
В пепле папирос –
Жёлтый, как препоклятый
Цвет твоих волос.

Мне с эпохи Рюрика
Этот господин
Страшен, как безумие
И амфетамин.

И ко мне на лампочку
Через лёд окон,
Как ночная бабочка,
Прилетает он.

И молчит, бесчувственно
Глядя на меня,
Обречённо-грустного
В тусклости огня.

Я стою, бессмысленно,
Подавляя дрожь,
Когда он неистово
Вскинет острый нож,

Полоснёт сверкающим,
Тут же спрячет клин –
Горло зажимающий,
Падаю пред ним...

Слышу тьмы бренчание,
Вздохи бытия,
И твоё молчание
Около меня.

Свидание

Я плелась за тобой неизвестно куда.
Растекались минуты в пустые года.

Трепетала листва, фонаря остириё
Освещало причудливый танец её.

Я глазела на небо, слагая стихи,
Игнорируя кокон твоей чепухи,
Позволяя тащить себя в тихой тоске
На коротком, сдавившем кадык поводке.

Из озёр на проспектном тугом полотне
Сизый месяц с улыбкой подмигивал мне.
Я уже насчитала шесть сотен машин...
А ты был и остался фатально чужим.

Александр Тарнов

Выпускник исторического факультета ВГУ

Александру Кретову, гвардии старшему лейтенанту, погившему в двадцать один год – 28 марта 1945 года в последней атаке бессмысленного штурма курляндской группировки

Не я один ушёл тогда
В семнадцать лет, как май цветущих.

В Россию хлынула орда
Своё собачье «хайль» ревущих.

До Сталинграда шла война.
Его кошмар застыл в металле:
Кому-то дали ордена,
Нам, лейтенантам, по медали.

А в сорок третьем трибунал
За то, что взвод живой остался,
Лужёной глоткой проорал:
Напрасно ты, «Старшой», старался.

Ну и пошло. Крутой бульон
Из крови с порохом хлебали...
Родной, штрафной мой батальон,
Прости... Мне орден Славы дали.

Я понимал, что обрёэн,
Родным писал, что все нормально,
Хотя с войной был обручён
Уж в сорок первом – и не тайно.

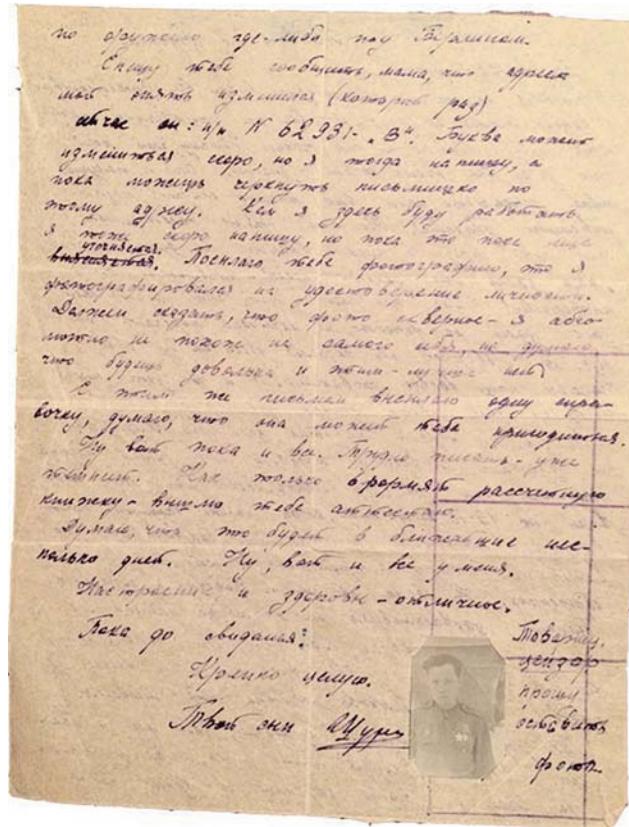
Что ж. В сорок пятом я погиб.
Весной. Уж птицы пели звонко.
Судьбы моей крутой изгиб
Закончился воронкой

Конечно, жаль себя, ребят...
Мы жить мечтали в разговорах.
Но выпал жребий для солдат
Остаться здесь на вечных сборах.

24 марта 2018 г.

Покоя нет. В строю стоим
Лицом к холодному цинизму –
Смердит опять душком своим
Гадюка древнего нацизма.

В гнилой Курляндии наш прах
Тревожат нелюдь-людоеды...
Забыли, видно, дикий страх
В Великий день – наш день Победы!

Есть у русской осени
Сводная сестра.
В листопады поздние
К нам придёт с утра.

Солнечной картиною,
Небом голубым,
Белой паутиною
Лёгкою, как дым.

Будет день как радуга
И сиять и цвести!
Жаль вот, что ненадолго
Чудо это есть.

Бабьим летом названа
Осени сестра.
Хороша несказанно
Краткая пора!

Сон-1977

Под жёлтым парусом сентябрь
У Стрельны бросил якоря.
Вослед ему спешил октябрь
Из дальних стран через моря

Съезжались люди не спеша
На отдых в бархатный сезон.
Была погода хороша!
В одно сливались явь и сон...

Нас танец медленный всё звал
По вечерам. А в жаркий день
Огромный парк приют давал.
Любезно липы звали в тень.

Звучал мелодией в тени
Твой голос нежный нараспев...
Вдаль вереницей плыли дни
И их чарующий напев.

Прекрасный сон! Уж много лет
Не меркнут краски дней былых.
Твой милый лик, в руках букет
Кленовых листьев золотых...

.....
Не сбылся он... Моя вина.
Невинных встреч не повторить.
Но для чего-то нам дана
«Времён связующая нить»!?

Владимир Тулупов

Декан факультета журналистики ВГУ

Из лирического дневника

Когда суета заедает
И дни убегают, грозя,
Когда и во сне не летаешь
И глупостей делать нельзя, –
Заставь себя встать рано-рано,
Лицо повернуть на восток,
Где снова ковёр златотканый
Прошёл вдруг лучистый поток.
И, может, почувствуешь вечность,
И крови услышишь отток...
За солнцем она – бесконечность...
Лицо поверни на восток!

Какое просветление в небесах,
Как обострились наши ощущенья...
Да, это возвращается весна,
И мы – свидетели перемещенья...
И мы приветствуем переворот,
Движение льдов и перестук капели –

Природы обновленной поворот,
Чего так ждали и чего хотели!..

Туча-свинец над Невою,
в метре не видно ни зги,
ветер-животное воет –
снежной причина пурги.
...Ночь пролетела, и утром
солнцем блистает река,
не было бури той будто –
так... пошутили слегка...

Коктебель, Коктебель, Коктебель,
Я тебя не забуду теперь –
Пусть хоть в мыслях, но знаю, потом
Я вернусь в этот старенький дом,
В этот скромный ухоженный сад,
Чтоб уснуть под жужжанье цикад...

Осенние зарисовки

Дорога мчится, лес багряный,
Сентябрьский погожий день,
Мы едем в Ясную Поляну,
Прервавши буден дребедень.
Вот знаменитый дом и флигель,
Конюшни, кучера изба,
С пригорка перелесок виден –
Здесь почва дышит и судьба!
Здесь не зависим от велений
Трудился бородатый гений...

Гуляет в Воронеже рыжая осень,
Умывшись под утро коротким дождём,
Любуются люди и небушко просят:
«А может, с ветрами пока подождём?..»
Каштан семилистный узорно-наряден,
И клён, словно в золоте, рядом стоит
Средь шумных шоссе и бетонных громадин...
Так трогает их непричёсанный вид!..

Ноябрь наступился: и хмуры облака,
И тусклы краски, горизонт в тумане.
Светает поздно, снега нет пока,
Но веет холодом – природу не обманешь...
Уснула пашня, охраняет лес
Её покой до мартовского солнца,
Дым от ботвы, горящей до небес...
Таков пейзаж из дачного оконца.

Акварельное стекло:
скрипнут дворники натужно –
выйдет веер полукружный...
А в кабине-то тепло,
а в кабине дождь не слышен –

он бушует за и выше...
Дождь вернулся к нам опять –
на термометре плюс пять...

Из цикла «Вредные советы декана»

Если ты на остановке
Долго ожидаешь транспорт
И толпа из пассажиров
На глазах твоих растёт,
Растолкал скорее бабок,
Чтобы быть у двери первым,
Чтобы в кресло у окошка
Сесть быстрей и в ус не дуть.
И пускай дедуля старый
Над тобой кряхтит натужно,
Он привыкший – пионером
Так, небось, в авто стоял.

Если ты один в квартире
(Предки убрались на дачу!) –
Заводи скорее магнит
И на максимум включи!
Пусть весь двор тебя услышит,
Пусть проснётся и младенец,
Пусть гремит меж этажами
Современнейший музон!
И открой ещё все окна,
Распахни дверь на балконе –
Пусть весь Северный узнает,
Что в трёхкомнатной квартире
И на целом белом свете
Ты как будто бы ОДИН!

Если кто желает в тренде,
в самом-самом модном тренде
быть сегодня, то тогда
следует пойти на рынок,
там купить, допустим, джинсы,
очень дорогие джинсы,
и собаке их отдать.
Пусть собака ихкусает,
рвёт и всячески валяет
джинсы новые в пыли.
Вы затем их отберите
(если сможете отнять)
и наденьте, и пойдите
в них... Всё можно показать
в столь дырявых,
бывших новых,
а теперь как будто старых,
очень старых новых джинсах!
С ветром классно щеголять!

Татьяна Тюрина

Выпускница юридического факультета ВГУ, исполнительный директор Нотариальной палаты Воронежской области

День поэзии

Уставший день, такой же, как и я,
Мечтал о том, что скоро будет вечер.
Но если разум есть, и в нём живёт мечта,
То далее по жанру будет встреча.

Мечтаю дальше: тёплая волна
На берег вытекает отрешенно.
И я сижу за столиком одна
И наблюдаю за закатом томно.

Ну что за чушь, набор банальных слов.
А где цветы, торжественные речи?
И вдруг звонок, что Альманах готов,
И вот она – обещанная встреча!

Уж много лет, я знаю точно,
Кто болен этой страстью прочно,
Готовы слушать рифмы бесконечно.
И время им не властно: слово вечно.

Спасибо

Спасибо за горы и небо.
Спасибо, что был и не был.

Летом снег на Эльбрусе тает.
И канаты порою рвутся.
Самолёт без меня летает.
И родные на век расстаются.

Золотые оковы не свяжут.
Даже если они с бриллиантом.
Голубая Катунь не скажет,
Что досталось мне с этим фантом.

На Алтай я уже не поеду.
Санаторную карту брошу.
Мы закончили эту беседу.
Пусть останется всё хорошим.

Галина Умывакина

Выпускница филологического факультета. Председатель Правления Воронежского регионального отделения Союза российских писателей

Сквозь годы

В.П. Скобелеву

Идут года стремительно на убыль,
но времени неукротимый ход
нам на руку, упрямым жизнелюбам:
пока даёт – всё ж больше, чем берёт.

Но если впрямь оно идёт, грозя
усталостью душевной и телесной, –
пусть не стареют старшие друзья,
пусть обойдут невзгоды их. Но если

на всех у жизни не хватает сдачи
за наши траты, годы и труды, –
пусть к ним спешит помощница-удача
и служба неотложной доброты.

Пусть жизнь свои целебные лекарства
не нам, а им торопится отдать:
мы подождём – мы молоды пока что,
мы подождём – нам с ними легче ждать.

Не дай-то бог услышать голос слабый
и с нежностью, нахлынувшей как боль,
жалеть того, кто помогал нам сладить
с бедой, сомнением, страхом и собой.

В.А. Свительскому

Ищи-свищи: кто здесь не из калек,
не бит, не доставался костолому?
Не успеваешь подстилать солому:
поди узнай, как размахнётся век.
Кого тут не хватали за грудки,
не пытан кто и кто не колесован?
Крепки, как лбы, родимые засовы,
узилища, как души, глубоки.
Кто не был виноватым без вины,
не выл на дыбе, не стенал, распятый,
совковою державною лопатой
не брошен в жерло мачехи-страны?!

Как в прорву жизни бедные летят...
Кому пенять, кого винить за это?
– Русь, дай ответ!
Но не даёт ответа
и лишь тихонько плачет, как дитя.

А.Б. Ботниковой

Тем временам, что кончились давно,
чья плоть почти поблекла и истлела,
тем временам пропащим всё ж дано –
из тьмы прорваться и восстать из тленя.

Тогда из глуби жизни иль трухи
житейской, бренной, словом, персти сорной –
придут воспоминанья, как стихи,
не ведая ни страха, ни позора.

Тогда не знаешь – кто кому указ:
ум своенравен, сердце беззаконно,
слух прихотлив, а своевольный глаз
то в суть глядит, то к пустякам прикован.

Тогда достанешь письма, дневники
да ворох старых разномастных снимков.
Всю эту ветошь вокруг себя раскинь,
воспрянув духом иль в печали сникнув.

И ладно бы – с собой наедине...
А вдруг дерзнёшь – и на миру, прилюдно?
Тогда всех лиц живых, родных теней,
всех милых душ созвавши из-под спуда

дней отгоревших, отшумевших лет,
больного часа, радостного мига, –
живую память вызволишь на свет
и жизнь свою раскроешь, словно книгу.

Светлана Филюшкина

Профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы

Небо. Посвящается Миле

На седьмом этаже одного из лондонских зданий
находится искусно сделанный сад

Это Лондон внизу, на кварталы размеченный,
В сероватой и красной чешуе черепицы.
Города с высоты беззащитно доверчивы,
Даже если они и большие столицы.

В позолоте осенней, дымками обвитый,
Он лежит перед нами, огромный и смирный.
Так забавно машины шныряют по «стритам»
И по солнцу увозят на лаковых спинах.

Здесь, на крыше, мы словно на маленьком острове,
Как в оазисе, в вольной воздушной пустыне,
Здесь и камни, и кактусы с иглами острыми,
И игрушечный пруд с камышами густыми.

И стучит водопадик, негромкий и светлый,
В серый камень вонзая блестящие клинья...

Но оглянешься – и словно вспышка ракеты,
Вдруг ударит в глаза необъятною синью.

Даже вздрогнешь от тяжести неба слепого –
Как его нелегко удержать над землёю,
Чтоб со стоном оно не обрушилось снова,
Не хлестнуло по окнам взрывною волною!

Дышит город внизу по-осеннему влажно,
Даль проспектов своих открывая беспечно.
Мы с тобою Атланты, конечно, неважные,
Но мы подставляем девчоночки плечи.

Небо держим с тобою, огромное, синее,
В паутинках и струйках дымка золотого.
И мы чувствуем, как помогает Россия нам,
Поднимаясь над крышами шара земного.

На разных кладбищах отец и мать –
Цивилизация, законы гигиены.
Так просто только метры сосчитать,
Не веря ни в Небо, ни в Геенну.

Я не о Боге, сказкой золотой
Не попытаюсь в горести согреться.
Но есть закон, воистину святой,
Закон любви, закон земного сердца.

Его я не сумела отстоять,
Склонилась перед злой, безликой силой.
На разных кладбищах отец и мать –
Чтоб были вместе, справки не хватило!

Памяти мамы

Ведь есть ещё что-то, ведь есть ещё что-то —
Хорошая книга и искренний смех,
И жёсткие ритмы бессменной работы,
И колкой позёмки прерывистый бег,

И шорохи леса, и запахи луга,
И полные света октябрьские дни...
Они не заменят ушедшего друга,
Но всё-таки, всё-таки есть же они!

И пусть не излечит свеченье каштана
Той боли, с которой привычно живёшь,
И памятна будет щемящею раной
Душевный союз оборвавшая ложь,

Но все-таки где-то каштан расцветает,
И где-то глаза незабудок ясны.
И жизнь не проходит, а весело тает,
Как снег под огнём неизбежной весны.

Галина Хожаинова,

Ассистент кафедры биохимии и физиологии клетки
ВГУ

Берёзы уже пожелтели,
А липы стоят зелены.
В саду заскрипели качели,
Им вспомнились летние дни.
В аллее, близ старого пруда,
Кружит листопадом листва.
Осенняя жёлтая выюга
Пьянящим дурманом полна.
Пылает стыдливо рябина,
На иве поблекли листы
И синие ягоды тёрна
Украсили в иглах кусты.

Кристина Хорошилова

Выпускница факультета РГФ ВГУ

Нет в этом мире стены прочней!
Нет выше яблонь и крепче вин,
Чем в тихом доме семьи моей,
Что затерялся среди равнин.

Травы озябшие, сад седой,
Сколько уж дней я вдали от вас?
Мне нестерпим этот адский зной
Без ваших строгих и мудрых глаз.

Снегом укрыт ли мой милый сад?
Чинит ли крышу глухой сосед?
Нет, не вернуться уже назад,
В злую метель замело мой след...

Но ничего! Погрущу слегка.
Домом своим нареку чужой.
Но как нежна была, как легка
Песня, напетая в детстве мной...

В этой жизни есть Бог и ты,
И главней не отыщешь вещи.
Дремлет зло в тишине зловещей,
С шей стремится сорвать кресты.

Мир – пленительный маскарад,
Где на сцене артист прелестный –
Мелкий жулик и конокрад.
Мир – серебряный путь над бездной.

Мир – ужаснейший вор, так вот:
Украдёт он и юность нашу.
Но Господь не упустит кражу:
Детям нежным её вернёт.

Лживо всё. Ничему не верь:
Солнце светит, но выйдут тучи,
И ненастье тебя измучит,
Если Бога не впустишь в дверь.

Если станешь земным, как червь,
Обратишься в морскую пену.
Будь небесным – земное тленно!
Будь неспящим – как голый нерв.

Будь простым, как дворовый пёс,
Не чурайся людского горя.
Будь таким, и я стану морем
Тихим, нежным, как сладость грёз.

Мир так прост, если знать одно:
Бог и я – всё, что будет рядом,
Когда в грудь полетят снаряды
И поманит морское дно.

Я люблю тебя и прошу:
Будь живым, будь моим, будь вешним!
Будь мне светом во тьме кромешной,
Будь со мною, пока дышу.

Мамочка, рук твоих благодать
Сердце моё обнимает так,
Что убоится и лютый враг
Вырвать его и меня распять.

Мамочка, Тиши моя, мой Покой.
Кровь моя – мамочка – плоть и кровь.
В миг неурядиц – в кровавый бой
Ноги босые несут домой.

Мамочка, Жизнь моя, мой Родник.
Жажду ли, мама, томясь в аду –
Знаю, что, коли тебя найду,
В этой пустыне – подашь воды.

Мамочка, лечь к тебе на плечо,
Лечь и уснуть, позабыв про боль.
Бог меня гладит твоей рукой
В час безутешный перед свечой.

Галина Царакова

Окончила филологический факультет ВГУ.
Имеет высшее политобразование. Член Совета
при Комитете по культуре и историческому
наследию Воронежской областной Думы

Из цикла «Сокровенное»

Моя поэзия жива
пока её готовы слушать...
Волшебной магии слова
прохладой освежают душу.

Духовное родство

Я чувствую духовное родство
С поэтами, чьё Божье ремесло
Есть высшее земное естество,
Несущее нам Свет и Мастерство.
И я стараюсь, отточив перо, –
Занятье это веще старо –
Своей душой настроить лиру
И зазвучать, поведав миру
Чувств сокровенных вечную печаль
И помыслов неведомую даль...
И ощутить присутствие того,
В ком чувствую духовное родство.

Искра Божия

Ты Искру Божию души
Неси по жизни, не спеши
Задуть её святой огонь,
Прошу тебя, её не тронь!
Лелей, храни, оберегай,
Огонь священный раздувай!
Как факелом дорогу освети
И обогрей озябшего в пути...
Тогда возьмет твои стихи
Рука, чьи тяжела грехи...
Таков высокий твой удел –
Уж так Всеышний захотел.
Смиренно дар Его прими –
Он так полезен меж людьми.

Простые желания

А мне бы с книгой ночи коротать,
А белым днем беспечно, сладко спать,
Тихонечко свернувшись калачом,
Не думая, не мысля ни о чём...
А вечерами свежим, вольным ветром
Дышать. И наслаждаться фильмом-ретро.
Иль сочинять при сумерках «захода»,
Коль «снизойдет» неволя иль охота...
Но шанс осуществить всё это мал –
Недосыпаем мильй «идеал».

Без Героя

*О, одиночество, как твой
характер крут...*
Б. Ахмадулина

Будоражат мысли,
Не дают покоя...
О прожитой жизни,
Жизни без Героя.
Без подруги верной,
Без любви хорошей,
Разве только «первой»,
Да быльём поросшей...
И средь встреч публичных,
Среди лиц знакомых –
Чуждое обличье,

Нет средь них «иконных».
Не к кому тянуться
Ни душой, ни делом,
Сердцем прикоснуться,
Сердцем охладелым...

Мои заветные мечты

Что хочется ещё успеть?
С друзьями детства посидеть
И почтать любимые стихи,
И ближнему простить грехи.
Что хочется ещё успеть?
О самом главном в жизни «спеть»,
В своих стихах, конечно, в меру
Излить и помыслы и Веру.
Что хочется ещё успеть?
На счастье внука посмотреть
Среди успеха и достатка,
Хотя бы в щелочку, украдкой...
Ещё хотелось бы посметь
Остаток жизни не болеть,
Чтоб никому не в тягость быть,-
Спокойно к «финишу» доплыть.
Ещё мне хочется успеть,
Париж, Париж, тебя узреть...
А после можно умереть?
Такое мне не по нутру –
Так, значит, вовсе не умру!

Сквозь сумрак скоротечных лет
неси души незримый свет
пока в нас вера горяча,
пока горит твоя свеча...

Анастасия Червинская

Магистрант 2 курса физического факультета

Храбрый портняжка

Давным-давно портняжка в мансарде проживал,
Где он кроил рубашки, манишки вышивал.
И если ошибался и выходило криво, то начинал
сначала,
Что б было всё красиво.

Та сказка всем известна, как всех перехитрил,
Как злого великаны один он победил,
Прогнал он злого вепря, разбойника прогнал,
Вошёл с победой в город и королём там стал.

Ещё единорога привёл он во дворец.
И чуть было с принцессой не стал он под венец.
Но, может, ошибаюсь, и было всё не так.
Но был конец счастливый, и счастлив был бедняк.

И, думаю, не хитрость была тому причиной.
И в общем-то не сильным портняжка был мужчиной.
Но верил он в победу, совсем не унывал,
Поэтому задачи все с лёгкостью решал.

У финиша ведь первый – не кто быстрей всех скакет,
А кто не унывает, а верит лишь в удачу.
Кто в трудные минуты не плачет, а поёт,
А если вышло косо, то заново начнёт.

Незнакомая страна

Когда мальчишкой был ещё,
На вишню я влезал
И сидя средь густых ветвей
За всеми наблюдал.

А сверху вид совсем другой –
Лежит трава ковром,
И сверху маленьkim совсем
Мне кажется мой дом.

И лентой убегает вдаль
Лазурная река,
И медленно, как острова,
Плынут в ней облака.

Пылит дорога вдалеке.
Куда она ведёт?
А по дороге человек
С котомкою идёт.

Ах, если б дерево найти
повыше мне, тогда
Я смог узнать, куда течёт
Лазурная река.

Куда впадает: в море ли
Иль, может, в океан?
Куда с котомкой на спине
Шагает стариан?

Волшебник это, может быть?
Домой он держит путь,
Взмахнёт лишь палочкой своей –
Игрушки оживут.

Город

(Пер. с нем.)

Площади и переулки, уголки и закоулки,
Башни, арки и мосты, в скверах, садиках цветы.
Звон трамваев, шорох шин, шум гудков и скрип
 машин,
Стук отбойных молотков, пенье длинных проводов.
Что такое? Кто такой? Это город мой родной!

Люди по делам спешат, мамы кличут малышат,
Из окошка слышен плач, по ступенькам скакет
мяч.

Мышь пищит, собаки лают, во дворе коты гуляют,
Скрип тележки, крик осла, – и у всех свои дела!
Что такое? Кто такой? Это город мой родной!

Вот воздушная дорога: трос, вагончик, высота.
И людей совсем немного. Есть свободные места!
Если очень захочу, то до неба я домчу.
Буду в небе я лететь, сверху – вниз на всех
глядеть.
Что такое? Кто такой? Это город мой родной!

Ольга Червинская

Ведущий инженер кафедры ядерной физики

Жаркий полдень

Тихо, пусто во дворе, не видать людей нигде.
Только лишь шуршит трава, сверху шелестит
листва.
Тени, блики на стене, чей-то силуэт в окне.

Разлетелась детвора, кто на дачу, кто куда.
Жаркий полдень, летний зной. Я спешу к себе
домой.
В тишине двора слышны быстрые мои шаги.

Стук-стук-стук, тук-тук-тук – гулко раздаётся звук.
Я хожу здесь много лет, не хранит асфальт мой
след,
Хоть и вовсе не легки мои быстрые шаги.

Как бы было хорошо, если б рядом кто-то шёл!
Пусть стучали каблуки, пусть скрипели башмаки.
Веселей домой идти, если с кем-то по пути!

Стук-стук-стук, тук-тук-тук – отдавался б эхом звук.
Хорошо домой идти, когда с кем-то по пути.
И ни на день, ни на год, а на много лет вперёд!

Хризантема

Сад опустел, осыпались все розы.
Не слышно пенья птиц,
Засохшая трава,
И первые осенние морозы,
И жёлтая увядшая листва.

Осыпались цветы,
Но вижу хризантему.
В пустом саду цветёт она одна.
Ей не страшны дожди,
Погоды перемены,
Суровая и близкая зима.

Она цветёт
Как добрый знак надежды,
Как символ стойкости
Перед изменчивой судьбой.

Своим цветеньем твёрдо обещает,
Что будем счастливы когда-нибудь
И мы с тобой.

Мотылёнок

Как лёгкий разноцветный лоскуток,
Порхает над травою мотылёнок.
Так лёгок, невесом его полёт,
Что боязно – вдруг ветер унесёт!
Век короток, хоть жизнь его сладка,
Пожалуйста, не троньте мотылька!

Не хотите ли чаю?

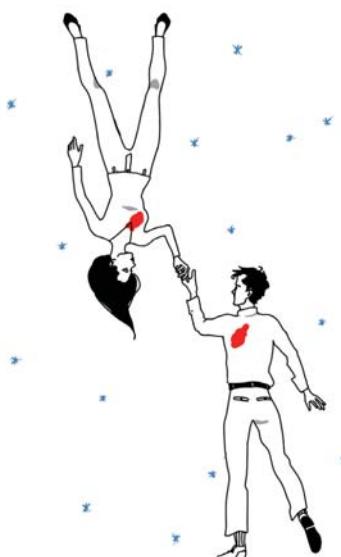
«Не хотите ли чаю?» – сказали Вы мне.
Согласился. Зачем? – И не знаю.
Посидели, попили до ночи в окне.
До прихожей меня провожают.

Обуваюсь, оделся и шапка в руке,
И уж дверь пред собой отворяю.
«Оставайтесь!» – внезапно сказали Вы мне.
Согласился. Зачем? – И не знаю.

Дмитрий Чугунов

Выпускник филфака и факультета РГФ,
профессор филологического факультета ВГУ,
член Союза писателей России

Всё – спать! Пока не заболят бока!
Река всех сновидений глубока.
Бездонно дно, безбрежны берега,
А где-то там, в другой реальности, – снега...
А где-то здесь, во сне, мы вдруг живём,
Вот лабиринт зеркал, вот – страшный дом,

Пространства перевёрнуты подчас,
Но мы плывём, и окружают нас
Волшебно стоящие стеной
Загадки – ты со мной, а я с тобой,
Загадки на прекраснейшей реке,
Когда вдвоём, когда рука в руке...

Не выходи из комнаты...

Не выключай питание, не выходи из Сети,
Живи счастливо в себе, как дети;
Кто так не думает, не знает жизни,
Не совершай ошибки, не пей на тризне!
Зачем уходишь? К чему поспешность?
Оставил в Сети вино и нежность,
Оставил где-то за кликом мышки
Всю сладость мира – французской пышки.
Не пей на тризне, там осень скорбна,
Куда уж лучше родные морды,
Родные хари, родные лица –
Закликать до смерти, в экстазе слиться!
Реальность сера, как грязь асфальта,
В ней нет Роландов – есть Эфиальты,
Не покидай гармонии, тепла экрана,
Не выходи из Сети, ещё так рано
Стремиться прочь, к пробелам в мыслях,
Как будто точь-в-точь в каком-то смысле,
Как будто сможешь сложить все пазлы –
Приметив цель, ты сможешь смазать
Все краски вместе, все дни на свете,
Не выключай питания, не выходи из Сети!

Мне снились дороги четвёртую ночь,
И сны были сладки, и я был не прочь
Кусочками сна поделиться с тобой –
Быть может, ты бродишь под той же луной,
Быть может, ты так же стоишь у окна
В надежде увидеть дорогу из сна.
И верилось мне, что ты примешь мой сон –
Случайный подарок из тёмных времён.

Мне снились дороги и снились миры,
И не было в этом ни капли игры,
Напротив, с досадой встречал я рассвет,
Бросавший в лицо мне докучливый свет.
Он рушил пространства, стирая слова,
Которые пел я, засыпав едва.
И верилось мне, что недолг тот час,
Когда сновиденья уходят от нас.

Мне снились дороги и снилась их боль –
У каждой дороги есть горечь, и соль,
И холод октябрьский, и капли дождя,
И вспышкою, вдруг – невозможность тебя.
До дрожи в коленях, до уст немоты,
Хотелось дойти до последней черты,
И, дрогнув, рука замирала у лба...
Мне снились дороги и снилась судьба.

Всё дальше от тебя, всё ближе – к снам.
Глаза святых суровы в тёмном храме.
В них истина, как птица, бьётся в раме,
Моим пока не явлена глазам.

А дни бегут ко дням, года – к годам,
Привычные дороги многолюдны,
Ведь если – вместе, путь совсем не трудный,
И все мы прибываемся к стадам,

Устав бродить во тьме поодиночке.
И только память – странный часовой –
Склоняется над нашу судьбой,

Из дневника подсовывая строчки.
И в них – наивный, не вечерний свет.
Ведь был ответ? Конечно, был ответ...

Иван Щёлоков

Выпускник филологического факультета ВГУ. Лауреат многих всероссийских и региональных литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ. Директор-главный редактор журнала «Подъём»

Возвращаюсь по сумрачной рани.
Двухэтажный экспресс скор и хмур.
На туманном перроне Рязани
Две минуты всего перекур.

Затянусь – и в вагон по ступеням
К чашке чая, газете, теплу.
За Рязанью пожалует темень,
Постучавшись дождём по стеклу.

Принимая как должное морось
С промелькнувшим в окне фонарём,
Поудобнее в кресле устроюсь,
Буду думать о чём-то своём.

До Воронежа вечером мглистым
Рельсы сон мой в труху перетрут...
Поезд – рай для непознанных истин,
И понять их поможет маршрут.

Век мой белый, век мой красный,
Весь в бореньях поседелый,
Ты ужасный ли, прекрасный
Или просто обалделый.

Просто душу потрепавший,
Просто сердце простреливший...
Брат, в чужом краю пропавший,
Сват, в тайге сибирской сгнивший...

Кто ты мне, мой век-разбойник,

Резких красок злой метатель?
Прадед был кулак-раскольник,
Дед – партийный, председатель.

Красит лист октябрь подённо
В красный, в белый, в серебро ли...
Красный – с конницей Будённый,
Белый – Мамонтов, Шкуро ли...

Ты, Воронеж, в переливах
Цвета пёстр, в былое канул
Вихрем белого прорыва,
Маршем с красными полками.

В революцию, как в небо,
Вместе с памятью вплываю...
Век прошёл, а мне бы, мне бы
Примириться, как – не знаю.

Блины

Масленица, масленица!
Девкой к сердцу ластится...
Напеки-ка, тёща,
Сто блинов потолще!

Здесь блинов не печётся румяных –
Отбродили в эмалях кастрюль.
Никого... Свищут ветры в бурьянах,
Будто тысячи вражеских пуль.

Жил тут Прошка – с Гражданской без глаза,
Глеб – с Отечественной без руки...
Жизнь опарой бежала, зараза,
С пылу с жару – и в бой мужики.

Бабка Доня пекла из пшеничной,
А сноха – из овсяной муки...
Ноздреватым блином горемычный
Век уплюёт их за обе щеки.

А потом и отцов с матерями,
С пятистенками, с кровлей – где жесть...
На картошке вприкуску с блинами
Мы росли, а чего ещё есть!

В перестроенном хмеле блудливый
Век на модных заморских дрожжах
Склёк, как блин у жены нерадивой,
Аж дыханье в зобу пережал...

Похожу по двору. Из сарай
Щели прошлым лицо обожгут...
– Замеси-ка блинов, дорогая:
Скуден что-то цивильный фас-фут!

Масленица, масленица!
Больно сердце казнится...
На закваске старой
Не встаёт опара.

Запросто мог бы на дно опуститься,
Бомжем на лавке лежать в подворотне,
Но твоё платье в горошек из ситца
Чар колдовских во сто крат приворотней.

Как и откуда волшебные ветки
Вызрели в нежных девичьих изгибах,
Чтобы нести мои мёртвые клетки
К солнцу за голую плату: спасибо!

Двор клокотал от порочных соблазнов,
Лихо вытряхивал медные гроши...
Ты выручила меня сообразно
Сказке, где вырос до неба горошок.

Время откупоришь – ортодоксальным
Страхом террора скрёжатся лица.
Быть бы и мне бородатым и сальным,
Если б не платье из яркого ситца.

В жизненной драке есть повод напиться
Либо скатиться по скользкой дорожке...
Но, затревожившись, платье из ситца
Ссыпается под ноги горьким горошком.

День по ступеням, а темь по дворам...
В городе привкус времён переменных.
Юность пушинкой вчерашиней к губам
Липнет на Пушкинской, возле пельменной.

Где тополей густолистственный кров
В белом распыле бунтующей плоти?
Липы кругом, с их горячих листов –
Вязкая зрелость на автокапоте.

... Девушка в ситце напротив, компот
Из сухофруктов в стакане гранёном, –
Так завершался студенческий год,
По уши в девушку эту влюблённым...

Давнее счастье как сытный пельмень
Стынет на столике памяти бренной.
И продают в бутике дребедень
Там же, на Пушкинской, вместо пельменной.

Красный паук на чернёной земле.
Лето в разгаре – от края до края.
Солнце букашкой на пыльном стекле
Радугу чертит, лучами играя.

Что это – страсть или грусть ни о ком:
Сроки сдвигать, словно шторы из тюля,
Чтобы букашкою с красным брюшком
Ползать в весёлых соцветьях июля?

Лето уйдёт – ни следа, ни тепла,
Лишь сохранится от целого частью
Радуга в раме на месте стекла
С красным брюшком от паучьего счастья.

Светлогорск. Впечатление

Ходит по берегу чайка.
Плещутся волны у ног.
Чайка одна здесь хозяйка
Радостей всех и тревог.

В солнечный лик Светлогорска
Август вдыхает любовь
С рыжей песчаной полоской
В линии береговой...

В парке, под сенью вуальной
Сосен, кафе, фонарей,
Блеска пурпур виртуальный
Брызжет в сто глаз и бровей.

За санаторной оградой
Оздоровляемый люд...
Чёрное море – отрада,
Балтика – сердцу приют.

Голос услышав, неспешно
Чайка взлетает с песка.
Вечер курортником грешным
Движется в глубь городка.

Стихи у картины

С.П. Гулевскому

Синий куст и небо синее,
И из сини бытия
Что-то вечное и сильное
Растревожило, клубя.

Как во что-то неизбежное,
Обронил художник кисть,
И пошли гулять мятежные
Краски, еле улеглись.

Их сменили ветры звучные,
Оживил их синий край
С речкой, берегом и тучею,
С голосами птичьих стай...

И томилась акварелово,
Свет и тень перемешав,
В этом зыбком синем времени
Чья-то чуткая душа.

Максим Эбен

Выпускник физического факультета ВГУ

Стихийное время

Я устал быть один, я устал не сейчас.
Это время во мне, а не со стороны,
где концепция судеб и просчёт, без прикрас,
Так понятны тому, чьи расчёты верны.

Видно тот, кто сюда отправлял за грехи,
Сделал это не первый, в последний бы раз.
Время нервно течёт, превращаясь в стихи,
А стихийное Время всегда среди нас.

Джабраил Яхьяев

Выпускник филологического факультета ВГУ

В ожидании другого слова
Я стоял на сумрачном мосту,
И среди молчания живого
Голос растревожил пустоту.

Он поведал всему миру:
«Люди!
На закате или на заре –
Каждый день вы молите о чуде,
Но его не можете узреть
В каждом шаге вашего дыханья,
В мирном утре с чистой синевой,
В самом нежном детском лепетанье
И в улыбке матери живой.
Каждый день становится вчерашним
В череде грядущих наших дней.
Где же чудо?
Чудо в настоящем».

...
Голос этот жил всегда во мне.

Уткнувшись в пятидюймовый экран,
Как заточённый в сенсорную бездну,
Ты потеряешь видимую грань
Между живым и мертвенно-полезным.

Твой мир вместился в тающий кулак,
И солнце в нём – невидимая точка.
Закрой глаза.
Закрой глаза!
Вот так...
Не открывай.

Откройся...

В день, когда я без Тебя заболел,
Снилось мне зимнее небо в золе,
Снилось немое сплетение рук
И безысходности замкнутый круг.

Снились стена на оставленных стенах,
Северный ветер свистел в высоте.
Семь воскресений горела постель,
И, наконец, я совсем опустел.

...Но протянула Ты руки-цветы –
Я улыбнулся.
Среди темноты
Голос твой песнями дом осветил.
В этом вся Ты.
В этом вся Ты.

В шумном свете городских иллюзий
Мы не ищем больше тишины.

Нас не чувствуют родные люди
За пределом комнатной стены.

Те, кого мы любим, стали дальше
Расстояния вытянутых рук.

Молча опустились руки наши
Перед громким бременем разлук.

Посмотрите: умирают звёзды,
Одиноко падая во тьму.

Человеку нужен чистый воздух
И чтоб кто-то руку дал ему.

Сохраните

В поисках неведомого счастья
Отняли мы Сердце у земли
И, пронзая небо, самовластно
К звёздам воздвигали корабли.

Но в безмерном грохоте открытый,
Кажется, никто не слышал, как
Повторяло Сердце:
– Сохраните
Эту землю, эти облака...

Мы открыли Сердце нараспашку.
Но, заставив города цветти,
Ничего прекраснее ромашки
Так и не смогли изобрести.

Наши гости

Галина Абделазиз

Окончила Московский горный институт.
Член Союза российских писателей

Сон мой ласковый...

Сон мой ласковый – львы, антилопы, фламинго,
Африканские тайны кочуют со мной,
Чёрный парус Анголы, огни Мозамбика
В караванном kraю параллели иной.

Сон мой ласковый – звёздные радуги ночи,
Золотые мосты от зари до зари.
Терема строит в небе неведомый зодчий,
И окно изумрудное в вечность горит.

Это ты сочиняешь осеннюю сказку.
Напиши мне одну о далёкой стране,
Где волшебной иглой платье шьёт Златовласка
Журавлиное платье, венчальное, мне...

Следы цветного хрусталя...

Пронёсся дождь, и в каждой капле
Следы цветного хрусталя.
И день застыл стеклянной цаплей
В проёме моего окна.

Стоит над лужами, и клювом
Вытаскивает жёлтый луч,
Потерянный в них стеклодувом,
Таящимся в палитре туч, –

Сверкает золотом макушка,
Он дует из последних сил:
Вот изумрудную лягушку
На подоконник положил...

Позолотив оврага бровку,
Лягушек выдувал на бис,
И даже божию коровку
Рубином выпустил на лист.

Рассыпал звонкое по саду
Из яшмы розовой драже,
Из мельхиора свил ограду,
И отчеканил –
Ф.а.б.е.р.ж.е!

Горите вечные огни...

*Отцу и всем дорогим моим ветеранам, прошедшим
дороги Великой Отечественной войны...*

Капитуляция, капитуляция,
Сделан последний решительный шаг!
Мир на земле, фейерверков овации
И над Берлином алеющий флаг.
Кровью танкиста, горевшем под Курском,
Кровью солёною волжской воды.
Гибнуть за Родину – это по-русски –
Глянь, пол-Европы – кресты, да кресты.
Помните, в Праге, в боях Кёнигсберга
Юный солдат с автоматом в руках
Думал о Вас в голубых пересверках
Пуль, улетающих в ночь, за века.
Думал: когда-нибудь маем зелёным
Выйдете вы поклониться ему
С красной гвоздикой, войной опалённой,
С сыном и внуком встречая весну...

На Босфоре тихие закаты...

*Ночь... слова шуршат как мыши,
Бризы флаг мечты колышут...*

На Босфоре тихие закаты,
Аисты кружатся в вышине.
Хорошо быть юным и крылатым...
Азия, опять ты снишься мне!

Голубые сопки, быль и небыль,
Чудеса из жизни жарких стран;
Месяц лёгкой лодкой режет небо,
Занеся над морем ятаган.

Бирюза прабабкиных колечек
Не тускнеет в памяти моей,
Узнаю в чужой певучей речи
Воркованье курских голубей...

Юрий Алтайцев

Доктор технических наук, занимается проблемами обеспечения безопасности Объекта «Укрытие» Чернобыльской АЭС

Ты помнишь, Мама

Ты помнишь, Мама, алые цветы.
На крутизнах уже малина спела
И пела песню жалобную ты
И боль разлуки в воздухе висела.
Пчелиный рой кружился над ольхой,
На косогоре, где тепло и сухе,
Лилась та песня, в ней казак лихой
Дивчину встретил и покой нарушил.
Я уходил из дома одинок,
Упрям к учёбе, зол и непослушен,
В далёкий край, где Запад и Восток
Враждой эпох всегда травили души.
Я жил в борьбе с разрухой и судьбой,
Был тороплив, любовь к тебе лелея,
Но вот уже и я тебя старее,
А ты осталась той же молодой.
И вот, когда тебя со мною нет,
Мы входим в мир с надеждой и опаской,
Нам так далёк святого детства свет!
Мы так стремимся к материнской ласке!

Иртыш

Светлы прорехи старых школьных крыш.
Весна пришла. Большая перемена.
И новый день уже встаёт из тлена
И катит воды сказочный Иртыш.
Уроками я мало дорожил.
Сбегал к реке с высокого обрыва,
Где над водой и плавно и игриво
Метались быстрокрылые стрижи.
Своим птенцам готовили жильё
И верещали весело и звонко.
Рыбак латал худую плоскодонку
И полоскали женщины бельё.
Река хранила в тайной глади вод
Седую тень воинственных монголов.
С восточных круч туда к заречным долам
Пожары заслоняли небосвод.
Неповторимы времени витки.
Но всё несёт Иртыш святые воды,
К Оби плывут большие пароходы
И слышатся прощальные гудки.
Я ни о чём не плакал, не жалел.
Отцовский дом пропал в тумане мглистом.
Я всё глядел внимательно на пристань,
Где твой платок настойчиво белел.

Виталий Апевалов

Выпускник БГПУ. Учитель русского языка и литературы Первомайской средней общеобразовательной школы Эртильского района

И снова осень в платье ситцевом
Спешит прожить короткий век.
Завистливо следит за птицами
Упавший духом человек:

«Вы на кого же нас покинули
На перекрёстке злых дорог?
А мы пропали, да не сгинули,
И даже Бог нам не помог.

Затянет ветер песню выюжную,
И будет снег мертвячки чист.
Ах, мы никчёмные, ненужные,
Как этот мокрый жёлтый лист!..»

Не плачьте, люди, вас не бросили
На произвол победы зла.
Горит костёр из листьев осени,
Сгорает медленно дотла.

Ты забудь мои признанья,
Ни к чему немой вопрос.
Наша радость – от незнанья,
Счастье – то, что не сбылось.

Боже мой, любить ушами
Старомодно и смешно.
Нет, любить – так под ножами:
Страстно, дерзко и грешно.

Что, не нравится? Ну что же,
О пустом не сожалей:
Не задержится прохожий
В душной комнате твоей.

Что за прелест эти руки!..
Каждый жест мне их не нов.
Слёзы высохнут от скуки
И от жажды новых слов.

Те слова, кусая губы,
Запинаясь, сам не свой,
Скажет, если не забудет,
С чувством кто-нибудь другой.

Свято место долго пусто
Не бывает. А глаза
Могут вовремя искусно
Там, где надо, подсказать...

Закрывай скорее двери:
Заболеешь на ветру.
Я не выдержал истерик
И заламыванья рук.

Вмиг уйдёт очарованье
Смеха, колкостей и слёз.
Наша радость – обещанье,
Счастье – то, что не сбылось.

Владимир Болгов

Кандидат педагогических наук, автор книг пародий и басен

Зови сильней

Лапкой трёт мордашку кот.
Баба ждёт. И деда ждёт.
Что же внуки не идут?
Внуков баба с дедой ждут.
Три сильнее, кот, сильней.
Внуков ждут и ждут детей.
Может быть, сумеет кот
и гостей к утру натрёт...

Не надо прощанья

Уходишь? – Прощанья не надо
И слов покаянных не жди.
Ни бурь, ураганов, ни града –
Следы твои смоют дожди.

Пусть сердце пока неспокойно
И даже болит иногда –
Пусть внешне всё будет пристойно,
Пусть будет, как было всегда.

Как было! Никто из знакомых
Не знал, что мы вместе живём.
Никто не узнает, что дома
С тобой мы не будем вдвоём.

Не будем мы длить наши встречи
И наши дела обсуждать.
И ждать я не буду под вечер,
Тебя я не стану встречать.

Автобус. Тот, твой, сто двадцатый –
Тебе в нём не ехать ко мне.
Не ждать! Не встречать! Не встречаться!
Осталось лишь – счастья тебе!

Григорий Бродский

Выпускник средней школы №1 им А.В. Кольцова,
директор ООО «Сигма-Опт»

Посвящение Другу

Бегут часы, мелькают жизни годы,
И седины волос не удержать,
Мужают дети, подрастают внуки,
Пытаемся мы всюду – не отстать...
Пришла пора немного оглянуться,
Расставить точки, дух перевести,
А может, стоит просто отмахнуться
От груза лет и вновь вперёд идти?
Ты верь в судьбу, отчаянно работай,
Неси свой Крест и радуй всех вокруг!
Таких, как ты уже совсем немного,
Ты – НАСТОЯЩИЙ, дорогой мой друг!

Виктор Водяных

Президент Воронежской областной общественной организации «Федерация Боевого Джину-джитсу»

Сентябрь

Лето ещё не сдаётся,
Просто торопится жить.
Смотришь на зелень и хочется
В роще, забывшись, грустить.
Листья, немного поблёкшие,
Зелени сбросят наряд,
Но в ожидании осени,
Все о весне говорят.
Что приуныла, берёзонька,
Ветви склонив у окна,
Будто бы девицей замуж
Ты сентябрю отдана.
Ветер-шалун, что когда-то
Рябью весь пруд одевал,
Гонит листочек куда-то,
Словно немного устал.
Небо, какое ты разное!
Смотришь на всех свысока,
Вечером огненно-красное,
Утром ты в дымке слегка.
Всё-таки лето уходит,
Солнце не так уж печёт,
Золото жёлто-червонное
Ветер на листьях несёт

Сергей Волков

Студент 4 курса гуманитарного факультета ВГПУ

Викингу

Сражайся же, брат мой, в чертогах Вальхалы!
Эйхерий навеки, Валькирий герой ты!
Ешь мясо, пей брагу ты в Одина залах
И песню запой же о воле и фьордах!

Бронхильдой ты выбран из множества воинов,
Ты сильный и храбрый, защитник от турсов!
И дух твой горячий не терпит пристоеов –
Ты движешься к цели намеченным курсом!

Судьба в Рагнарёк тебе битву подарит,
Ты будешь сражаться с горящим муспелом,
Почуешь проклятий ты запах нальгфара
Умрёт твой противник, покроется пеплом.

Сражайся же, брат мой, с проклятым Фенриром!
Погибнешь ты снова в великой той битве,
Но помни – ты умер в величии мира,
И мы посылаем за это молитвы!

Подражая Бёрнсу

При всём при том, при всём при том
Не нужно думать о плохом
И всё такое прочее...
Ведь дома ждёт нас милый дом,
Гостиная со шкафом и столом
И всё такое прочее...
И пусть когда-нибудь умрём
И Богу песнь свою споём
О том, как мирно мы живём,
И всё такое прочее...
При всём при том, при всём при том
Не нужно думать о плохом,
Ведь им и так уж полон дом
И всё такое прочее...
Присядь на плед перед огнём
И выпей, спой, друг, о своём,
И всё такое прочее...

Алиса Гулевская

Студентка Воронежского государственного промышленно-гуманитарного колледжа

Знаешь, многие ведь «назло»
Или вот еще... «вопреки»,
А мне попросту повезло
Повстречать тебя на пути.

И смеялась, закрыв глаза,
И в разлуке считала дни,

И на все громовые «нельзя»
Отвечала одно – прости...

Позабыты теперь адреса,
В море скрылись мы, как корабли...
Но, однажды взлетев в небеса,
Тянешь равенства знак от земли...

Анастасия Еремина

Ученица 11 класса МБОУ СОШ № 20

Оглянись

Оглянись! Распахни дверь пустующих комнат,
Где ты прячешься вновь, проживая свой век.
Вновь портреты на стенах о прошлом напомнят,
И опять ты с надеждою встретишь рассвет.

Ты мечтаешь любить, жить и верить в святое,
Ждать чудес и быть яркой своею душой.
Но четыре стены отдают пустотою,
И ты снова проводишь одна выходной.

Выбираешь все время между делать - не делать,
Монотонно твердишь: «Несолидно теперь»,
И, сжимая в руке томик с грустной новеллой,
Ты все ждешь, что любовь постучит к тебе в дверь.

Тебе страшно менять всё, ты боишься споткнуться,
Ожидая, что станет намного больней.
Но ты к жизни должна наконец-то вернуться –
Либо сломишься ты, либо станешь сильней.

Ты должна отпереть все засовы и двери,
Подышать полной грудью, увидеть рассвет.
И не будешь с собою ты вновь лицемерить,
Осознав, что преград для тебя больше нет.

Павел Зюзин

Воронежский студент второго курса ф-та Международной журналистики МГИМО. Финалист межрегионального конкурса «Россия – земля моя!» (2017)

Облака плывут над Доном,
Свет въедается в глаза,
За темнеющим затоном
Слышу птичьи голоса.

Подо мной зелёный берег
Шелестит своей листвой,
Ветер в омуте истерик
Ломит лес, как сам не свой.

Солнце озаряет дали,
Крыши тысячи домов,

Все, о чём давно мечтали,
Прячется у тех холмов.

Кажется – подать рукою
И коснуться старых грёз,
Что таятся за рекою
Средь мерцающих берёз.

Как музыку рассказывать по нотам –
Пытаться чувства передать словам,
Мы в этих фразах часто ищем что-то,
А нужно ведь искать совсем не там.

В словах любое чувство растворится,
Как от огня останется лишь дым.
Не много смысла в том, что говорится,
Гораздо больше в том, о чём молчим.

Зоя Колесникова

Неоднократный участник Дней поэзии ВГУ. Член Союза писателей России, директор Воронежского регионального отделения «Общероссийское Литературное сообщество», автор восьми книг стихотворений

Облетает акации цвет...
Холода среди лета иные...
И прошедшая тысяча лет
изменила забавы земные...

Впереди неоглядная даль,
позади всё берёзки да ивы...
Среди радости прячет печаль
добрый день. Он почти счастливый,
несмотря на потери мая,
обретения, – холода...
Цвет акации облетает...
И, – наверное, – навсегда.

Уже нетрудно думать о поре,
зовущей нас к Божественному Свету –
взойти к Нему на утренней заре,
иль на вечерней ... в полудрёме ветра.
Легко быть добрым. Белый свет жалеть...
Идти к Голгофе тысячу ступеней...
И до заката, может быть, успеть
услышать о причастности к Успению...
Как тихо на кордоне у реки!
Но птиц многоголосое звучанье, –
как жест всё той таинственной руки,
махнувшей нам отсюда на прощанье.

Этой ночью, долгой и безвидной –
пенье соловья и тихий дождь

где-то рядом зазвучали слитно
так что пронизала душу дрожь.

Есть одна всегдашняя примета –
если высоко – пора устать...
Полная луна над полусветом
перестанет дни мои считать...

Нехотя Земли живое тело
Приголубит, скроет, примет вновь...
Ветер всхлипнет детски-неумело
и развеет по небу любовь.

Как будто весна, а не лето,
Как будто синички поют...
Весь мир для меня и поэта –
земной и небесный уют.
Мы с ним столько лет пролистали
и ясных и пасмурных дней...
И только теперь мы устали...
И эта усталость видней
среди океана ромашек
и гула шмелей на лугу...
Теперь их покинуть не страшно
весной, на лету, на бегу...

С.П.

...Даже невесомые снежинки
притяженья требуют Земли,
находя возможность этой жизни,
не имея нежности в дали,
радостью сверх меры нас не мучा...
Полагая, что душа иной
нам вернёт почти священный случай,
нам казалось, был он не со мной...
И не потому что жить хотела
некая душа... Но, Боже мой!..
Бабочка на свет не полетела!..

.....
Ты её снежинками умой...
Вразуми! Наставь! Уговори!
Чтоб светилась, пела и творила...
И не смела гаснуть изнутри!

Павел Конча

Выпускник СКГМИ, горный инженер

Скорым поездом к маме

Всё к чертям! Собираюсь и еду.
Сколько можно гулять беглецу?
Скорым поездом в первую среду
Еду к маме я. Еду к отцу.
Пусть бушуют шальные метели,
Пусть лютуют друзья и враги,
Еду к маме я на две недели,

Еду лопать её пироги.
Я не связан какой-то причиной
И не время я еду убить,
Я устал! Я устал быть мужчиной
И хочу просто сыном побыть.
Позабыть все мирские напасти,
Ни о чём ни радеть, ни вздыхать,
У свечи двухнедельного счастья
Мотыльком беззаботным порхать.
Делать маме к обеду заказы,
Доверяться отцу, как врачу,
Получать наставленья, наказы
И капризничать – сколько хочу.
Знаю: всё, что мне надо – дадите,
Всё, что могут родители дать,
Но прошу одного я: ЖИВИТЕ!
И не вздумайте мне умирать.

.....
Вот и я становлюсь слабоватым.
Беглецу сантимент не к лицу.
Скорым поездом – двадцать девятый –
Еду к маме я. Еду к отцу.

Кирилл Корчилов

Учащийся 10 кл. гимназии им. А.В. Кольцова

Стихи где-то в бульварной дали...

Стихи где-то в бульварной дали,
Прокатившись предутренней тенью
Наши сны, там где мы не могли
Прошагать эти мили степенно.
Вспоминая обрывки шагов,
Просыпаясь и путая грани,
Между двух аморальных миров
Так желанно размыть очертанья.

Забываюсь в кровати уголок,
Зароюсь в одеяло.
Уставлюсь в белый потолок,
В хандре блаженно-вялой.
Я загоню овец в загон,
Четыреста кудрявых.
Наградой выдаст сон
Мне старикашка дряхлый.
Отправлюсь в путь я до утра,
Остановлюсь в Помпеях.
И пригласят Евклид, Сократ
С ними сходить в питейный.
Затем увижу Древний Рим,
Где заскочу к Да Винчи.
Отведаю столетних вин,
Не ощущив отличий.
Откушаю заморских яств,
Болтая с Ваней Грозным.
Владельцем стану я богатств,
Дуэт сыграю с Оззи.

Как друга встречу я рассвет,
В Вагоку*, первым рейсом.
Ведь он уже преклонных лет –
Огромный, жёлтый крейсер...
И снова белый потолок,
Щекочет луч мне щёчки.
Пока, уютный закуток,
Постельные комочки...

Наталья Мартинец

Финалист литературной премии «Наследие»
за 2016 г., фотограф, путешественница

Слияние рек

Шёрсткой жёсткой и колючей
Расстилается трава,
Круглый кактус смотрит с кручи.
С бездной сплавилась гора

Над скалой – чернее тучи;
Брошен клич, свистят крыла –
За своё орёл могучий
Раздерёт в бою орла!

Блёкнут камни, нагреваясь,
Бродят лошади округ,
Две реки, в одну сливаясь,
Горных духов стерегут.

О пороги скал сыпучих
Разбивается вода –
Две реки: Катунь и Чуя
С рёвом делят берега.

Узор кружевной

«Вреднуюшая прелесть моя», –
Нелепая странная строчка,
Ребячливый глупый посып,
В укор – аккуратная точка.

И всё же без шалостей жизнь
Теряет беспечность и свежесть!
По небу – армада из туч
Атакой на женскую нежность...

Вячеслав Океанский

Профессор Ивановского госуниверситета, науч-
ный руководитель Гуманитарного центра духовной
культуры «Надежда»

Неведение

Впереди – отчаянье,
Позади – тюрьма...

Жизнь – цветок нечаянный
На дворе ума.
Скрыть бы в поле дальнее
И разрушить двор,
И забыть печальные
Дни, как чай-то вздор...
Стать самим неведеньем –
Золотым ключом,
Быть лесным медведем бы,
С мёдом и без пчёл.

Город

Замело дома по крыши
И уснул под снегом город —
Но во сне тревожно дышит,
Набирая в сердце холод...
Он такой, как снег, бездомный
Во Вселенной опустелой;
Его сердце ночью тёмной
Замело метелью белой.

Нина Ольшанникова

Трудилась конструктором Воронежского механического завода – ныне активный член Совета ветеранов. Человек со светлой, творческой душой и добрым и отзывчивым сердцем

Осень

Ветер осени пронизывает насквозь,
Грусть закутываю в вихри пыли.
С красотою, что деревья в лужи сбросили,
Уплывают прожитые были.

Слёзно дождь в асфальт впивается,
Стоны сердца глохнут в стуке,
И не жаль мне прожитые дни,
Не состариться б в житейской скуке.

Я одна, а где-то ты теперь?
Утопают в мыслях думы...
Жаль, что у умов планеты всей
Нет формулы сближенья для людей.

Внуке моей

Мой лучик золотой, кровиночка моя,
В краю далёком я с тобою рядом.
Стараясь уберечь тебя от бед,
Невидимо тебя сопровождаю взглядом.

И в сердце место занято тобой,
Какую б ты ни выбрала дорогу,
И что там уготовано судьбой
Готова я пройти с тобою в ногу.

Ну, что ж тебе сегодня подарить,
Когда меж нас такое расстоянье?
Дарю тебе Полярную звезду
И Севера далёкого сиянье.

Ещё тебе я подарить хочу
Кусочек неба, солнца лучик
И ту безмерную любовь,
Которой бабушки ласкают внучек.

Екатерина Орлова

Студентка ВГПУ, автор-исполнитель своих песен

в тёплой постели
холодной комнаты
я не я.
ты не ты.
я надену клетчатые шорты,
в невесомость отправлю мечты.
загляну за окно, там черёмуха,
оголтелая вишня под звуки Баха.
мы с тобой вечно били без промаха
и с размаха,
находились в постоянной бессоннице.
промокну лицо
мне вдруг вспомнится,
как от глупости своей, ссугулившаяся,
почти покойница,
я считала тебя подлецом.
как съедала мандариновые корки
без остатка.
ждала очередной попойки,
Твоей койки,
и, немного, зарплаты.
как молчали трамваи,
как кошки за угол бегали
как на последние автобусы опоздали,
после чего окончательно устали
и друг к другу больше не приехали.

Ирина Полюшко

Врач-стоматолог. Родилась и училась в Воронеже.
Живёт и работает в Сарове Нижегородской обл.

Парк пионеров

В память о трагическом событии 13 июня 1942 г.

Парк пионеров. Июнь. Жара.
Музыка, песни, фонтана струи.
Радуйся солнышку, детвора!
В ста километрах отцы воюют...

Чтобы сынишка в тени аллей
Гнал трёхколёсный велосипедик,

Смело в атаку идёт старлей.
Каждый рывок – это шаг к Победе.

Город живёт вопреки войне:
Фронту – бойцов, а станкам – рабочих.
Думай, дочурка, что смерти нет,
Если кузнецик в траве стрекочет.

Низко над крышами – самолёт.
Взрыв прерывает игру... затишье...
Будет написан сухой отчёт
Кровью невинных трёхсот детишек.

Акт устрашения? – Приговор!
До наступления в обороне
Гнев нарастает, и даст отпор
Непокорённый живой Воронеж!

В парки и скверы придёт весна
Гимном Победы, и будет светел
Мир!.. Только бродит с косой война.
Шрам на лице у Земли заметен...

Поворот

Память становится куцею,
Что-то стирает и рвёт.
Прадед ушёл в революцию
В красный семнадцатый год.

Надо так было, не надо ли —
Правда, рулёжкой отмерь!
Долгомолчания надолбы
Нас разделяют теперь.

Смоет история хмель с лица,
Снимет с плеча эполёт...
Время, усталая мельница,
Сотню встревоженных лет

Крыльями не загораживай!
Судит потомок, как крот:
Красным был или оранжевым
В судьбах страны поворот?

Земляку

Посвящается лётчику Роману Филипову,
героически погившему в Сирии.

У мира на глазах, кроваво рдея,
Пылает Су...
ПЗРК опять в руках злодеев
И смерть несут...

Страна скорбит. Сегодня знает каждый
Про твой полёт.
Отец не думал, что тебя однажды
Переживёт.

Моторы дружно песню, как бывало,
Не пропоют,
А залп последний у мемориала —
Тебе салют!

Идут на Коминтерновское люди.
Маршрут не нов.
Простую надпись нынче не осудят:
«От пацанов».

Помянут сослуживцы и родные
Нальют стакан.
Хранят воспоминания живые
Чечня, Афган...

Аллея Славы. Вечно молодые.
Страны поклон.
Одна строка в истории России:
Не покорён!

Душа летит победно на параде
Меж облаков...
Приду к тебе. Здесь похоронен прадед
Недалеко...

Татьяна Полякова

Выпускница Витебского государственного педагогического института им. С.М. Кирова (ныне ВГУ им. П.М. Машерова)

При наличии зонтика...

При наличии зонтика
и отсутствии слов
исчезает экзотика
вечной сказки «Любовь».

Пусть природа дурачится,
а метели весны
(седовласые дачницы)
растревожили сны,

у меня не получится –
в омут дней с головой...
Жизнь... Слепая разлучница
на метле вороной?..

Как-то странно всё выходит...

Как-то странно всё выходит –
мчится жизни колесница,
и её лихие кони
не хотят остановиться

на пристанище безбедном
и на поприще духовном,
на бесстрастии победном,
на мгновении греховном...

Крест?.. – в бальзам земной печали
все намешаны ученья.
Мы, дружок, пока в начале
внеземного приключенья...

Горизонт – за горизонтом.
Знаю точно: не двоится.
Мысли огненным эскортом...
Мчится жизни колесница...

Сергей Попов

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Печатался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Арион», «Москва», «Юность» и других. Автор многих книг стихов и прозы. Член ПЕН-клуба (Русский ПЕН-центр) и Союза российских писателей

Это было давно и неправда –
хоть убей, времена перевру –
кучерявилась речка Непрядва
на вечернем восточном ветру.

Облака, охранявшие небо,
воскресали на илистом дне,
дабы числиться зрела потреба
с убиенными в кровной родне.

Эта экскурсионная осень
приключилась затем, что уже
пафос ярого лета несносен
был на том чумовом рубеже.

Мы с тобою, как в сказке, стояли,
точно жизнь защищали свою
на нечаянной речке Каяле –
у обрыва на самом краю.

Эти травы, и воды, и дали
отдаляли от времени Ч.
Это после безродно рыдали
у почившей любви на плече.

И, грядущей разборке переча,
в зазеркалье того сентября
пламенела Красивая Меча
и прекрасная меркла заря.

И дурной на поверхку историк
всё угарный не выдохну яд...
Дым Отечества сладок и горек,
если прежние реки горят.

Шум в Первомайском драного шапито
перекрывает ропот широких крон.

Пуля за пулей идёт в молоко, в ничто,
шатким животным не нанося урон.

Пенятся листья, как пиво окрест ларька,
лезут по форточкам близких к нему квартир.
Жизнь студиозуса, как ни крути, горька –
разве что цирк, шалманчик да старый тир.

Сад оголтелых, но колдовских причуд,
майских претензий выдюжить диамат –
там лишь хвостисту истому по плечу
определить, в чём соль и кто виноват.

Впрочем, ему и прочее нипочём –
всё веселуха перцу, всё до и по –
даром, что предки поедом – стань врачом.
Или завидней гайки крутить в депо?

Чопорный Гегель, яростный Фейербах
машут Асклепию из-за своих словес,
чтобы гороховый нежился на бобах
шут с чумовой воздушкой наперевес.

Чтобы кабан по проволоке скользил,
чтобы ковёрный пьяную тёр слезу,
чтоб и впustую не убывало сил
вышнему шуму радоваться внизу.

Где оформляется весёлый формалин
в черты медички у вечернего окна,
мерцает уголь мертвца, неутолим,
чтоб тень и здесь была длиной наделена.

Блефует лампа над коробкою конфет
и пухлым атласом с устройством рук и ног,
чтоб нежил головы токсический эффект
и оживлял давно почившего, как мог.

Фосфоресцируют косые живота
у перепутий препарированных жил,
чтоб синим пламенем горела нищета
и бог на бедность обольщенье одолжил.

По этой чёрной развороченной руке
блажному цинику грешно не погадать,
как он прошествует с подругой налегке
до той страны, где мнятся тишь и благодать.

Но даже фильм про анатомию любви
в слезоточивом пересказе не суметь
ему представить ясноглазой визави,
поскольку между – обязательная смерть.

Лишь сквозь неё, лукавотелую, одну
и пропадает ослепительный зачёт –
ведь если тень имеет форму и длину,
то время праха только завтра потечёт.

И загустеет формалиновая мгла,
и опустеет взгляд товарки у двери,
что без ошибки выбрать сладости могла –
поди о горьком только с ней заговори.

Там ангел смотрит вниз
из верхнего окна
и молча на карниз
ложится седина.

Со дна забвенья снег
до выстуженных туч,
ровняя смех и грех,
возносится, летуч.

Молчанье на крови
дерев, ушедших в сон,
по нраву визави,
что тих и невесом.

Час от часу верней
подъёмник снеговой
уносит дрожь корней
в пургу над головой.

Пурга и под, и над –
а лёд быльём согрет.
Есть ангельский талант
в куренье сигарет.

Курящий, наг и нем,
торчит в окне по грудь.
На дне его проблем
всё то, что не вернуть.

Но даром жжёт белки
заснеженная глушь –
каракули легки
на глади мёрзлых луж.

Там пишется, что нет
значений у времён,
покуда этот свет
в иной не претворён.

Аман Рахметов

Родом из Казахстана. С 2013 года учится в военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина

«...Всё начинается с любви»
Р. Рождественский

Мы целовались через листья,
читали Лондона до дыр.
огни захватывали местность,
а мы захватывали – мир.

Мы целовались через годы,
что мимо шли, как облака.
вокруг все неба пили звёзды,
мы пили звёзды коньяка!

Стояла поздняя неосень
в преддверье ранней незимы,
и среди всяких отрицаний
стояли всякие – не мы.

А на площадках проходимых
в высоких берцах и плащах –
мы целовались через листья,
любили – натощак!

О несуществующей строчке

На фоне светящихся фар
За окнами – здесь, на листочек,
Зачёркивается строфа
О несуществующей строчке.

Во мглу. В переулок причин.
Возникших из неоткуда
Остатки сгоревшей свечи,
Не знающих страсти этюды

О людях, пускающих дым,
О несуществующих судьбах
Вокруг внеземной череды
Влюблённости, старости скучной.

И меж догоревших свечей,
Во власти незнания проще
Блуждать чередою ночей,
На шёпот, на шелест, на ощупь,

Стекающих в сырости стен
И мнений стекающих в сырость.
За каждой дождливостью сцен
Скрывается сухость и стылость –

Истерзанная в них борьба
Событий подстрочной съёмки.
Зачёркивается судьба
для ёмкости.

Когда впервые с потолка
посыпал дождь – замкнула люстра.
Затем плечо, затем рука
покрылись влагой. А на утро
я начал строить корабли
из лиц и слов газет ненужных.
Так, наконец-таки смогли
Себя считать морями – лужи.

Я ждал, когда случится стук
моих соседей пьяных – снизу,
пока мой деревянный стул

почувствовал впервые в жизни
себя клочком земли, а стол
невольно плакал из-за писем,
что мокли в гордости – не слов,
а высохших в тех письмах мыслей.

Промокло всё. Как человек,
увы, соорудить ковчега
не смог. Усталость сонных век
порой разваленности века –
причина, но укрыл я то,
что было мне всего дороже –
того столетья малый том
стихотворений.

Мама

Я стою на холме,
Подо мною квартиры.
То ли холодно мне,
То ли мне терпеливо.

Я стою и смотрю
На тоску побережья –
Никогда не умру
И не стану как прежде.

На чужой мне земле
Я так странно – нелишний.
Я стою на холме
Или все-таки крыше?

Одинокий апрель
Так скучает по маю,
Словно я по тебе
мама.

Ариша Сергеева

Выпускница МГПУ им. В.И. Ленина

Увертюра

Тротуаров потёртые клавиши
Растревожат мои каблуки...
Их стаккато на слух распознаешь ты
В перекличке шумов городских.

Неспроста их касанием высечен
В партитуре проспектов мотив –
Ты его угадаешь из тысячи,
Камертоном души уловив.

Я явлюсь бесшабашною Музою,
Разгоню какофонии хмуры!
Чтобы стать твоей лучшею музыкой –
Ну, Маэстро, давай увертюру!

Дирижируй моими желаньями,
И своими меня взбаламуть!
Мы сегодня взаимно онлайновы,
Про другую сегодня забудь!

Пусть зеваки завистливо пялятся –
Но, взмывая аккордами чувств,
Под твоими горячими пальцами
Переливами струн зазвучу...

После звездопада...

Опять рассвет туманами размыт,
Утихомирив красок баламутство,
У августа кончается лимит
На запахи, на шорохи, на чувства...

А ведь недавно звёздами сорил,
Желая осчастливить всех и сразу,
И даже остоловы-фонари
От падающих звёзд теряли разум...

Но стрелки не замедлили свой бег,
И маятник чеканил получасья...
Жаль, что недолог августовский век
И быстротечен, как мгновенья счастья...

Прощаясь с летом, расстилаю лист
Для слов и рифм, чтобы не ушиблись оземь,
Когда, как звёзды, будут падать вниз
С задумчивого неба прямо в осень...

Полнолуние

Луна опять наела щёки,
И, по-крестьянски круглолица,
На посиделках одиноких
На землю сонную дивится...

Её свечением размыта,
Стекает ночь по горизонту
В бездонной вечности корыто,
Не подлежащее ремонту...

Ведь звезды – золотые рыбки –
Навряд ли попадутся в сети...
А все надежды также зыбки,
Как сны, что тают на рассвете...

Но полнолунится по полной –
Впитавшим чародейство магий –
Словам на девственно покорной,
Перу отдавшейся бумаге...

Наталья Смирнова

Главный администратор Воронежского ТЮЗа

Затопите маленький камин,
Чтоб узор дрожащего огня
Прихотливо лица изменил,
Я бы в людях близких отыскал себя.

Затопите маленький камин,
Чтобы жаркого огня трескучий голос
В сердце нашу песню возвратил,
Ту, что в памяти давно уж стёрлась.

Затопите маленький камин,
Чтобы верного огня живая кровь
Плавить научила лёд сомненья,
Чтоб дарить мы научились вновь.

Затопите маленький камин,
Чтоб была возможность всем собраться,
Посмотреть в глаза и догадаться –
Каждый здесь и любит и любим.

Мария Соколовская

Выпускница гуманитарного факультета ВГПУ, член Союза российских писателей, Союза журналистов России, Международной ассоциации писателей и публицистов

Любезные бесы подставят тебя под удар – языка.
И ты зазвенишь, расплетаясь мотивом созвучий.
Пусть ветреный день унесёт твоё гулкое «да»,
Ведь звонкое «нет» повторять неустанно наскучит...
И пламенный благовест, вырвавшись из тишины,
Сковавшей тебя застоявшейся душной свободой,
Окажется запахом скошенной в поле травы
В преддверии солнечной осени прошлого года.
Лежал посреди и, касаясь родной синевы
Слепым безударным мгновеньем сердечного гула,
Впервые заметил, как что-то сломалось внутри
И, судя по тяжести чувства, застыло чугунным.

Снег согревает корни. И я пригожусь тебе:
В лютые дни тиха я и неподвижна, но
Свет меня лечит, как верная псина, лижет
(Так закалялся наст в моей голове).

Чёрного звёздного неба глубокий звон,
Лес застывает радужкой вокруг луны.
Не отводи же взгляда, закон простой:
Я стану мягче. Талой дождись воды.

Начало марта вокруг, меж пятью церквями
По улочкам старого центра – ишу покоя.
Цепляюсь за воздух спасительный якорями
Растянутых кос. Из себя ничего не строю.
Одна перед Богом в какой-то бездонной луже
Смотрю на небо вокруг дорогих сапожек.
И медленно понимаю, что будет лучше,
Но позже.

«Бунин жив», – царапает в подъезде
Пьяная весёлая девчонка
И, кружась по лестнице, сбегает
От смазливых лиц, холодных пальцев
Нелюбимых мальчиков соседских.
А любим ей умерший в Париже,
В нищете забытый старый Бунин.
Никому не нужный. Только ей.

В парке распускается сирень,
Статный свежий ветер привлекателен.
Пьяная от солнечных деньков,
Девочка танцует и смеётся,
В стороне от миленьких подруг.
Мысли занимает русский Ваня,
Что в Париже ровно тридцать три
Года прожил.

Есть у девочки крещёная собака
(в детстве каждый знает: в рай с собакой
вход не запрещён). Фото папы.
Мама-алкоголик. Друг бездомный.
И старик, корпящий над столом,
Где-то в недоступном ей Париже.
Вот её богатство, путь, судьба.
Облако для свешивания ножек,
Цирк для избалованных детей.

Перед сном, сама того не зная,
Хмурит брови. Поджимает губы.
Безответно смотрит в никуда.
Нараспев тихонько произносит:
«Сент-Женевьев-де-буа».

Сидим на заборе из досок своих гробовых
Среди облаков (или что это, не разберу).
Сияет весеннее детство – одно на двоих –
И мы веселы и спокойны. И я говорю,
Что хочется петь и смеяться от света вокруг,
В нем кажется прошлое чудным и будто чужим.
И жизнь ведь была хороша, как цветущий бамбук*,
Но как хорошо, что ей больше не принадлежим.

* Бамбук цветёт один раз и умирает.

Хмелевская Надежда

Участница клуба «АртЛик» УВК №1

Комета Хейла-Боппа

По небу летела большая комета,
Её красота разрывала на части.
Тогда написали в солидных газетах
О том, что она предвещает несчастья:
Потопы, торнадо, крушение зданий
И даже земного конец мирозданья.

Другие твердили, что эта комета,
Как встарь, предвещает Христа возвращенье.
Однако, она, не заботясь об этом,
Спокойно летела в свой пункт назначенья.
То было прекрасное тёплое лето,
Покрытое ярким космическим светом.

Комета летела, летела комета.
Всё было так искренне, чисто и просто.
Мы были совсем не по моде одеты,
Мечтали, стремились к духовному росту.
И, глядя на небо, не верили – знали,
Что дверь приоткроется в звёздные дали.

Тогда я была так юна и наивна,
И в звёздные сказки я верила смело,
Но время летело, увы, непрерывно,
И эта комета давно улетела...
Пусть детство ушло, и забот теперь много,
На небе, как прежде, сияет дорога.

В нас умер дух авантюризма

Мы перестали верить в чудо.
Погрязнув в топи реализма,
Не можем выбраться оттуда.
В нас умер дух авантюризма.

Как в героическом романе,
В великий путь зовёт отчизна.
Но, распластавшись на диване,
В нас умер дух авантюризма.

Продав науку за «айфоны»,
Стеная, что судьба капризна,
Сидим, уткнувшись в телефоны.
В нас умер дух авантюризма.

Мы редко видимся с друзьями,
Купаясь в собственном сnobизме.
И за закрытыми дверями
В нас умер дух авантюризма.

Вперёд! В погоню за мечтами!
Весь мир – непознанная призма!
Мы управляем жизнью сами!
В нас умер дух авантюризма...

Жанна Хрупина

Библиотекарь Областной универсальной научной библиотеки им. И. С. Никитина

Трамвайные звонки

По городу родному проезжая,
Я с грустью отмечаю для себя,
Что не спешат весёлые трамваи
Звонками слух прохожих теребя.

Маршруток череда заполонила
Проспекты, где трамваем места нет,
Той технике, что людям всем служила
Достойно не один десяток лет.

Маршрутное такси куда быстрее,
Маневреннее – 21 век!
Но без трамвая чувствуешь острее,
Как одинок в толпе ты, человек!

Водителей лихих бесцеремонность,
Езда без правил, наперегонки,
Меж нами порождает разобщённость.
Услышать бы трамвайные звонки!

Белая хатка

На станции, в сирени утопая,
Стояла хатка, белая, как снег.
И в ней жила трудясь, не отдыхая,
Бабулечка, родной мой человек.

Всё хлопотала, шила и варила,
Копалась в огороде и в саду.
Вела хозяйство и внучат растила,
Жила с людьми и совестью в ладу.

В её домишке маленьком, опрятном
Сияло всё уютом, чистотой.
И мне, тогда девчушке, эта хата
Казалась нескованной красотой.

Промчались годы вскачь неумолимо,
И домика уж нет давным-давно...
Но светит всё в ночи неугасимо
Той хатки старой милое окно...

Сергей Чижик-Полейко

Окончил химфак МГУ. Живёт и работает в Воронеже

Книги

Им Гумилёва очень не хватало.
Казалось бы, и без того богата
поэзия советского начала,
поэзия российского заката.

Их имена – как вязь на обелиске,
как россыпь драгоценного зерна.
Из полумрака восстаёт Сельвинский,
и вдохновеньем дышит Пастернак...

Когорта их ещё не поредела,
и нету животворнее замеса.
И Гумилёва нет... Не в этом дело –
ему и в жизни не хватило места.

Опять бродяжий рай аэродромов,
бетон взлётно-посадочных полос,
чужие встречи, и тоска по дому,
и расставанья без обид и слёз.

Рассветный холод, мутный чай в буфете,
и прошлого нахлынувшая тень,
и всё плывёт – лишь ты на белом свете
как островок в вокзальной суете.

Досады справедливых наказаний,
восторги незаслуженных наград
и женщины с печальными глазами –
всё позади. И труден путь назад.

И вот опять к отлёту всё готово,
хрипит гудок, в последний раз завыв,
и мы прощаемся, и исчезаем снова
в холодных трюмах АНов грузовых.

Незнакомка

За ступенями храма, на западной стороне,
за оградой, куда выходили слепые стёкла,
я глядел на её косынку, как будто мне
делать нечего было, покуда косынка мокла.

Это было в одну из множества непогод,
я и толком теперь не вспомню, в канун какого
из бесчисленных праздников разных, в какой-то год
от двухтысячного до две тысячи восьмого.

И косынка, не отворачиваясь от дождя,
из бумажника вытряхнув мелочь за Бога ради,
оглядела меня внимательно, проходя
к иномарке своей, припаркованной к той ограде.

Что меня в ней так поразило? Не красота,
но пронзительное отсутствие силы, кроме
той единственной силы Женщины и Христа,
к материнской груди прильнувшего в полудрёме.

И глядел я, как зачарованный, ей вслед,
без зонта под холодными струями пропадая.
Может, мне она померещилась, может, нет –
одинокая, незнакомая, молодая.

Из двух неурядиц одна
мне кажется всё тяжелей:
Россия – родная страна,
но мне очень холодно в ней.

Большая планета Земля,
и много в ней разных могил.
Но мне всё дороже поля,
где родственников хоронил.

Я помню: вставало солнце
над нашими воротами.
Листочки осин
червонцев
облик приобретали.

Тяжёлых, теперь забытых,
царской ещё чеканки.

Вороны на ракитах
шумно сбивались в стаи,
каркали, гоготали
и сразу, как по сигналу,
не завершив перебранки,
на промысел улетали.

Утро так начиналось.

Бабушка поднималась
рано. Топила печку.
Варила крупу или сечку,
и с молока снимала,
и сливки мне оставляла.

А я выходил к рассвету,
потом забирался снова
в постель. Мне снились червонцы,
развешанные на осинах.

Заканчивалось лето
семьдесят второго.

Полонское, Пестово,
Вятка, Кривуха, Солнцево –
в нашей большой округе
всех деревень названья
усвоить я был не в силах
и многих уже не помню.
Мне нравились расстоянья,
запруды, мосты, плотины,
просёлочные дороги
мне нравятся и поныне.

Со временем нелегко мне.

И я всё теряю время,
оно от меня уходит,
а я его вспоминаю

и вижу – рассвет, деревья,
и вороны на деревьях,
деревни и расстоянья,
и улицы без названья,
где детство моё проходит...

В эту ночь не будет Воскресенья,
не сойти вам с жертвенного ложа.
Только ложью, ложью во спасенье
этая ночь с евангельскою схожа.

Умерла голубка над Багдадом,
 занавесил очи старый Вильнюс,
 затрубили ангелы над адом,
 и часы Земли остановились.

Но телам, покрытым плащаницей,
не принять живительного вдоха.
Так библейской ветхой страницей
в эту ночь закончилась эпоха.

Что мне дать, что мне боль, что мне воля?
Не внемлет ответу
золотая тиара, на синих висящая склонах.
Я пришёл в этот сказочный мир, чтоб, подобно
корвету,
оставлять своё имя и место на волнах солёных,

поднимая свой парус навстречу восточному ветру,
перелётные стаи качая на реях смолёных,
чтобы долгую жизнь обменять на огромную эту
тишину перед бурей, на скрипы в разбитых
кильсонах.

О безумство бравады! Каких мне забот не хватало
на широкой земле, онемевшей от пыли и зноя?
Что за чёрная птица меня по ночам окликала,
что за слава сияла вдали путеводной звездою?

Тишина в океане. Мерцает фонарь в полнакала,
и красавица Вега грустит в вышине над волною.

Евгений Шабунин

Поэт и автор-исполнитель, член Общероссийского союза военных писателей «Воинское содружество»

Картины Константиново

«Пояс Богородицы» –
Лента для невесты.
Шить «косоворотицы» –
Это ли не место!

Здесь туманы сходятся...
Здесь холмы, курганы...

И живут – не ссорятся
Мары да Иваны.

Тут овраги-лощины
Травами укрылись,
Тучей отполощены
Рощи раскрылились.

А петух за курами
Уследить пытается.
Ветер... словно кудрями
У берёз играется.

Здесь Ока-красавица
Катится размеренно...
И цветы ей нравятся,
И луга отмеряны.

Облака перистые
В водах отражаются.
Зарево искристое
Их лучом касается.

Вижу, как судёнышко
С волнами сражается...
Утро. Ясно солнышко...
Мир преображается.

А пока я жив...

Я когда-то уйду в параллельный
Мир, не видимый нашим очам,
В мир далёкий, такой безраздельный,
Где витаем порой по ночам.

Я когда-то уйду в безмятежность,
Всё мирское оставивши вам,
Окунусь в звёзд мерцающих нежность,
Чувства все раздаривши словам.

Я когда-то уйду... Ну, а мысли,
Что заложены в этих строках,
Человек, прочитавши, осмыслит
И подкову прибьёт на вратах.

Я когда-то уйду... и оттуда
Постараюсь сигнал вам послать, –
Недоел с кем я соли здесь пуда,
Не успел с кем я счастья познать.

Я уйду... и, возможно, там стану
Путеводной кому-то звездой,
Ну, а может... – обычно самой
На щеке заблестевшей слезой.

Я когда-то уйду в эту вечность,
В «лучший» мир, как сейчас говорят.
Всю земную пройдя быстротечность,
Души там не сгорая горят.

Я уйду... Но, пока ещё с вами,
Я желаю с открытой душой
Сердце другу украсить цветами
И любовью поэта... большой.

Татьяна Шепелева

Выпускница исторического факультета ВГПУ, автор нескольких поэтических сборников, работает в Воронежской областной юношеской библиотеке им. В. М. Кубанёва

Воронеж

Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож!
О. Мандельштам
Воротишься на родину. Ну что ж.
И. Бродский

Воротишься к несбыточному. Что ж,
Возможно, этот мир ещё реален,
Горяч, дуален и концептуален,
Возможно даже, чем-нибудь хорош.

Наступишь в лужу. В городе весна;
Кому ещё, зачем ещё ты нужен?
И если строй иллюзии нарушен,
То это, очевидно, неспроста.

Как хорошо, что стёрты имена,
Как хорошо, что неприметны лица,
Как хорошо, что в городе весна,
Пусть в нашем – я согласна поделиться.
Как хорошо, что прожитым годам
Обязаны мы тайне превращенья,
Как хорошо, что ты остался там,
А я обречена на возвращенья.

«Воротишься на родину. Ну что ж».
«Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож!»

Лицо

Жаль, не посмотришь дважды в одно лицо;
спи, мое зеркальце, пряслице, колесо.
Чёрточкам, точкам, капелькам-мотылькам
маяться мимикой в статике амальгам,
бликами биться, бояться: «А вдруг, а вдруг...»
Шаг уходящего – это не просто звук.

Эй, босоногое! Стелется красный шарф,
спицами, птицами небо своё обняв.
Там за горой, за городом, за рекой
нет никого, кто спросит: «Ты кто такой?»
нет никого, кто мелочь считая, плачет,
там ни число, ни лицо ничего не значат.

Полста

Полста плюс.
Стресс? Блюз?
Хруст
Сломанной ветки,
Пепины и ранетки.
Всё – компот (сахарок, водичка),
Всё – привычка,
Вода – привычка;
Не щебечет в водичке птичка,
Не шагает по небу рыбка –
В небе боязно, зыбко, глыбко...
А полста и ладонь пуста? –
Канифоль, скрипка.

Тёткина долька –
Говори: «Нисколько»,
Говори: «Довольна»,
Говори: «Не больно».
А полста? Кренделёк хвоста –
Кинь мне в «личку»
Портрет и кличку.

Про кота

Был один старичок, даже можно сказать, что жил –
Жарил яичницу, доставал огурцы из банки,
Пылесосил палас; не хандрил, не курил, не пил,
А однажды упал и умер.

Я его знал, пришёл, говорю: «Прощай».
Что тут ещё сказать, не реветь же в голос?
Только собрался уйти – чувствуя чей-то взгляд,
Обернулся и вижу – кот и его глаза.

Вот катавасия. Как же теперь коту?
Жизнь на помойке делает жизнь помойкой.
Так и бывает – брык – и ты сирота.
Всё-таки, тварь человек, ненадёжная тварь человек.

Шёл я по улице, думая ни о чём,
Переменная облачность, ветер ужасно гадкий
Прямо в лицо. Было холодно, как всегда.
Кот уткнулся в плечо и грел меня всю дорогу.

Два перевода из Байрона

Adieu, Adieu! My Native Shore (from "Childe Harold's Pilgrimage")

"Adieu, adieu! my native shore
Fades o'er the waters blue;
The Night-winds sigh, the breakers roar,
And shrieks the wild sea-mew.

Yon Sun that sets upon the sea
We follow in his flight;
Farewell awhile to him and thee,
My native Land – Good Night!
"A few short hours and He will rise
To give the morrow birth;
And I shall hail the main and skies,
But not my mother earth.
Deserted is my own good hall,
Its hearth is desolate;
Wild weeds are gathering on the wall;
My dog howls at the gate.

"And now I 'm in the world alone,
Upon the wide, wide sea:
But why should I for others groan,
When none will sigh for me?
Perchance my dog will whine in vain,
Till fed by stranger hands;
But long ere I come back again
He'd tear me where he stands.

"With thee, my bark, I 'll swiftly go
Athwart the foaming brine;
Nor care what land thou bear'st me to,
So not again to mine.
Welcome, welcome, ye dark blue waves!
And when you fail my sight,
Welcome, ye deserts, and ye caves!
My native Land – Good Night!"

Олеся Ачкасова

Гимназия им. А. В. Кольцова

Прощай, прощай, мой край родной,
Чей берег море точит.
Вздыхает бриз, ревёт прибой,
Крик чаек смерть пророчит.
Садится солнце за горой...
Прищурься что есть мочи.
Прощаться время нам с тобой,
Мой дом, спокойной ночи!
А завтра будет вновь рассвет,
Недолго спать осталось.
Уйду, умру я или нет –
Плевать, такая малость.
Давно погас огонь в печи
Любви к привычным лицам.
Собака заскулит в ночи,
С востока небо злится.

Теперь, как парус, одинок,
Гоним я по течению.
В тиши переступил порог,
Сбежал из заточения.
Цветами зла я весь оброс,
Мне хуже уж не будет:
По мне скорбит один лишь пёс,
И тот меня забудет.
Уйду в закат я налегке,
По линии прибоя,
Уйду с мечтой рука в руке,
Покину обжитое.
Дома, песок и блеск волны
Запомнят мои очи.
Прощайте, скалы и холмы.
Мой край, спокойной ночи!

Елена Краснова

Гимназия им. А. В. Кольцова

Прощай, прощай, мой милый край
Исчез ты за кормой!
Вздыхают чайки вслед ветрам,
Шумит морской прибой.
Плыту за солнцем по пути,
Его ищу я край,
Поспи, земля моя, поспи,
Мой милый край, прощай!

Прождав чуть-чуть, взойдёт оно,
Засветит поутру,
Прославлю море, небосвод,
Но не мою страну.
Заброшен мой пустынный дом,
Очаг давно погас,
Все стены заросли плющом,
И пёс скучит подчас.

Теперь я в мире одинок,
Лишь море мне судья.
Не вижу я в страданьях прок:
Никто не ждёт меня.
Мой пёс повоет день-другой,
Но лишь придёт чужой,
Он будет рад обедать мной,
Став чужаку служой.

Неси, корабль, неси быстрей
Сквозь пену, сквозь волну,
Неси, как хочется тебе,
Но не в мою страну.
Приветствую, морской простор,
Ты громко не вздыхай.
И вам привет, пустыни гор,
Земля моя, прощай!..

П. Пономарёв

Воронежские «Голоса» – на чьих плечах сегодня литература Черноземья

(отрывки из статьи)

Молодёжная литература в Воронеже — процесс, многообразие которого в столице Черноземья не наблюдали, по словам писателя Сергея Пылёва, на протяжении без малого 45-ти лет. Не наблюдали до сегодняшнего дня. Ибо, по словам того же Пылёва, сегодня молодёжная литература в Воронеже обрела свой новый голос. Да что там голос — голоса! И это в тех достаточно жестких условиях, в которых сегодня находится литературное творчество: профессия «писатель» удалена из реестра Минтруда, государственные издательства закрыты, «толстые» журналы не только не имеют возможности платить гонорары за опубликованные произведения хотя бы на уровне советского периода, они на них вообще не имеют средств, как и на достойные тиражи. А таланты при всем при том появляются с удивительной силой!

Когда-то нас всех свели две женщины: Поэзия и Зоя Константиновна Покорная (литературный псевдоним — Зоя Колесникова), известный российский поэт, член правления Воронежского регионального отделения Союза писателей России. Зоя Константиновна уже более семи лет руководит секцией поэзии при Воронежской писательской организации. Эта секция — возможность для талантливой молодёжи Воронежа сделать первые шаги в литературе.

Зоя Колесникова:

— Воронежская поэзия в российской литературе явление уникальное, которое подарило Советскому Союзу и современной России такие известные имена как Анатолий Жигулев и Алексей Прасолов, Валентин Сидоров и Владимир Шуваев, Станислав Никулин и Олег Шевченко... А теперь вот новая волна по-настоящему ярких талантов... Это в первую очередь юный гений — Василий Нацентов, затем — Екатерина Макушина, Эльвира Пархоц, Елена Смолицкая, Екатерина Стрельникова, Алиаскер Ашрафов, Павел Пономарев, Аман Рахметов, Сергей Рыбкин, Олег Коновалов, Антон Шамраев, Оксана Лесовик, Кристина Маркова, Евгения Кири-

ченко, Владимир Кузьменко, Татьяна Рудницкая, Татьяна Лозюк, Анна Ковалева, Виктория Минакова, Александра Третьякова.

Я назвала не всех воронежских талантливых поэтов, а только тех, кто занимается в литературной студии «Современник», которую я веду уже много лет. Они, конечно же, разные — по мере природного таланта, по тому, насколько у каждого есть гармоничное сочетание чувства слова, оригинальности мысли и способности к оформлению стиха таким образом, что читатель, к поэзии подготовленный, удивится и восхитится, невольно становясь соучастником великой тайны Слова.

<...>

Мы — студенты. Мы — воронежцы. Мы — поэты (дабы не обидеть прозаиков, назову их тоже поэтами, ибо настоящая проза — это поэзия, торжество слова). И если статусы «студент» и «воронежец» применимы к некоторым из нас не в полной мере (кто-то уже закончил учёбу, кто-то родом из других краёв), то статус «поэт» (статус — ни больше ни меньше!) — честь для каждого из нас. Поэт не столько по роду занятий — не берусь судить здесь и сейчас, кто из нас виртуознее владеет словом — поэт по складу души.

Есть такое выражение: «Жил как поэт». Уверен, что о нас — когда нас не станет — скажут именно так. О каждом из нас.

А как это — «как поэт»? Студентка 1-го курса магистратуры филологического факультета Воронежского госуниверситета (ВГУ) Кристина Маркова говорит:

— Поэзия — это наш мир, уютный, где мы сами являемся его создателями, где мы спасаемся от внешнего быта и настоящего времени. Действительно чувствуется, что когда мы вместе идём по улицам нашего города, когда мы читаем наши стихи «нараспашку» — громко, на всю округу, асфальт плавится под нашими шагами.

Ещё есть выражение: «Не может жить без творчества». А это как? Пафосно и гиперболично? Но ведь как «весна без грозы», так и автор — без веры читателя в искренность его слов.

— Когда я пишу, — продолжает Кристина, — я живу, я знаю, что стою на земле крепко, я знаю, что я нужна.

Кому мы нужны? Конечно же, в первую очередь, самим себе.

Говорят, поэта может обидеть каждый. Молодого поэта обидеть ещё проще — он молодой. Он неиз-

вестный. У него нет своего слушателя. Читателя. Площадки. Аудитории.

Но он уже не пишет в стол! Он не боится своего написанного, потому что однажды его поддержали такие же, как он сам. Они его поняли и приняли. Они — его единомышленники. Они — вместе. И только тогда они — сила...

Университетское притяжение

Столетие ВГУ — это не просто факт истории. Любая «круглая» дата условна. Десять, двадцать, двадцать пять — не что иное, как обычные цифры. Однако столетие Культуры, столетие дерзновенных научных и творческих исканий, начавшееся в Воронеже в 1918 году, — явление иного порядка. Город, обретший статус университетского, переменился.

Университетская жизнь не заканчивается получением диплома. Свет этой жизни в любой тьме светит. И потому на зов Дней поэзии ВГУ откликались поэты из самых далёких уголков Советского Союза, новой России, всего мира... Выходя из стен alma mater, выпускники всё равно остаются «университетскими» людьми. Как много их в литературных группах и творческих объединениях Воронежа! Как много тех, кто ещё учится, но уже точно знает: ВГУ — это особенное пространство жизни.

Мы представляем здесь лишь некоторые из тех творческих содружеств, о которых с полным правом можно сказать: они во власти университетского притяжения.

«Зинзивер»

Группа возникла в Воронежском университете в далёком 1988 году. В ней объединились студенты физфака и филфака, матфака и истфака, молодые актёры из института искусств и те, кто уже работал, служил, пел...

Светлана Владимирова

Растаял снег. С уходом февраля
Шалит температурная кривая,
И по-щенячьи сквозняки скулят,
Играются, квартиры обживая —

Касаться и казаться, целовать...
Не совпадаем. И необъяснимо,
Что как-то вдруг растаяли слова,
Накопленные за молчанья зиму.

Все рейсы жарких снов отменены,
Пожалуй, сны любые стали редки,
И странно мне неровный пульс весны
Не чувствовать, дотронувшись до ветки.

Мария Дарская (Федоринина)

Лестница

А если бежать вверх по лестнице,
Что устремилась вниз?
Какие тогда озаренья пригрезятся?
Чей захочешь исполнить каприз?
Да зачем ты вообще в подземелье спускаешься,
Если можно парить в небесах?
Это ложный посыл: не согрешишь, не покаешься...
Можно путь свой найти и приручить чудеса...
Даже если вдруг позабудешь вещицу важную
Прямо на полке у кассы метро...
То плеча коснётся ангел отважный
И вернёт пропажу, а ты подумаешь:
«Вот мой счастливый рок!»...

Дмитрий д'Артез

Всем тем, кто сидит в кафе,
уткнувшись в свои смартфоны...
Весь мир перестаёт существовать,
Всего лишь пара кликов по экрану:
Отдаться электронному роману —
И никого уже не замечать,

В кафе за чашкой кофе не дышать,
Ловить миры, не знаемые прежде,
И жить — о Боже, жить! — простой надеждой
На то, что без задержки отвечать

Вам станет тот, чья аватарка трижды,
Четырежды изучена уже...
Пусть скептик ум советует вам выждать,
Пока душа поёт на вираже,

Не слушайте его, живите дальше
Иллюзией, свободною от фальши!

Татьяна Шепелева

Тётки

тётки идут строем, пот хором, сверлят буром;
тётки — коровам — сено, печи — полено, зерно — курам;

тётки – борщи и шмотки, чума и дрязги в осиных сотах,
тётки в делах-заботах, в плащах и шляпах, в чулках и
ботах;

утром – платки-базары, корзины-куры и сами дуры,
вечером – тары-бары, из мелкой тары и шурмы-муры;
дыбом и хна, и басма, восхликают страстно:

«Сармат мой, скиф мой!»
после – об стол оболом, глаголом голым и рифмой,
рифмой!

Обыденное

Неделя выдалась ленивой и скучной,
протяжной, словно песнь болотной птицы;
часы тик-такали, скрипели половицы,
стучали клавиши... ну, шевелись, тупой!

На паутинках узелков не счешь –
модельки новостных чересполосиц,
а паучка назвали сенокосец.
За что такое прозвище? Бог весть...

Вода из крана капала в стакан,
бубнил тихонько пресловутый ящик...
...пусть растворимый, пусть не настоящий,
но все же что-то...
...в Чили ураган...

Последние сто жизней мне везло.
Жужжала муха, билась о стекло,
перегорела лампочка в подъезде...

Опять всю жизнь мы прожили не вместе.

Волей-неволей

Волей-неволей (неволей – чаще),
Я выбираюсь в лесные чащи....
О, кислород, хлорофилл, дендрарий!
Время танцует без наших арий,
фурий, горгулий, химер и пифий,
жёлобу – шар, а бумаге – грифель.
Время поёт и без наших жалоб,
что бы в безвременье с нами стало б?
Что же, пройдемся по мокрым тропам,
судьбы вверяя стопам и стопам,
не замечая ни страж, ни ветра,
не отмечая бревна и метра,
не замечая того, что бренно,
это – напев, и припев, и рефрен, но...
Уподобляясь прыгучей лани
время от времени, длань от длани
не отличая и не ревнуя –
в чащу лесную, в чащу лесную,
в рощу и бор, в зеленя, в малину...
Наши леса не стреляют в спину,
в наших окопах и порох слаше...
Волей-неволей.
Неволей – чаще.

Татьяна Повалюхина

Выпускница филологического факультета ВГУ

старшим на десятилетие

На поколение брежневианы
Сердце засматривалось снизу вверх.
Все ваши комплексы, чары, изъяны,
Воспринимая, как воздух, – навек.
Эти «шизгары», клёши и чёлки,
Высоцким отравленность и дискотней,
Эти взрослые парни с девочками,
что пели про «если... ты рядом со мной...».
Мне-то по школе приходится топать
К тем, кто на рэпе да во всю мочь,
И к протестующим. И не хлопать
Дверью, когда как чужая, дочь.
Приходишь и веришь, ты – героиня
На заполошных фото судьбы.
На самом деле, во чьё-то имя
Лиши саднят ранки надсад любых.
Узнаешь только, как верить детям,
И даже первой их взрослой лжи.
Но не променять ни на что на свете
Горькое счастье – с вами дружить.

Слово у Бога

*... И брошусь из битвы
Ему я навстречу.
Михаил Лермонтов.*

Откуда рождалось?
Из пламени боли.
Из света отваги
В плачевной юдоли.

Как только пробилось?
Ростком из бетона
И Высшею Милостью
В лице иконном.

Кому это пламя?
В ком совесть нетленна.
В ком теплится память,
В ком вера смиренна.

Оно незабвенно
Во зле и в блаженстве.
И в брани военной,
И в слабости женской.

Группа «Змей Горыныч»

Это три студента ВГУ: географ Василий Нацентов, журналист Павел Пономарёв и экономист Сергей Рыбкин. Он — ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ — трижды ездит по литературной России: в гости к Есенину на Рязанщину, к Бунину в Озёрки, к Пастернаку в Переделкино, к Дементьеву — в Тверь. Он трижды читает свои стихи с воронежских подмостков: в библиотеках и музеях, у памятников и в скверах, в Союзах, Центрах и Домах. Он трижды курит «Донской табак», смотрит «Осенний марафон» и тоскует по Оке и Ольке — трижды, трижды, трижды...

Василий Нацентов

И скучно и грустно...
М. Ю. Лермонтов

И странно и страшно, и вечное «и» на трубе
в соседстве со старой вороной и вянутым дымом
о рифме на «бе», но, вернее, о русской судьбе
белеет и блеет, о парус, то рымом, то Крымом.

А впрочем прекрасен последний полёт лепестка
моих сентябринок у вымокшей лавки, прекрасен
и капли ребяческий «плюх», и такая тоска,
что не представим — ни Антонов, ни Разин.

Усталой рябины рябой облетающий край
дырявым платком на поникшие плечи ложится.
И кто-то кому-то: «Пожалуйста, не умирай...»
И кто-то живёт.
И плывут одинокие лица.

Плывут одинокие, милые, без толку так
и тонут, немые, круги голубые рисуют.
И странно, и страшно... Зажато в холодный кулак
забытое «и», на трубе просидевшее всуе.

Где молоко рекой не расплескается,
дожди грибные слепо не пройдут.
Я девочке отчаянно понравиться
хотел и выветрил уют.

О лес и степь, о нежность и притворство,
усы, усы — портретам и вралям.
Жить оказалось холодно и поздно,
как в одиночку чтенье по ролям,

как на полях тетрадных голос птичий
не услыхать, не перейдя черту,
и наломать дрова сожжённых спичек,

не прикурив. Так звуки в немоту
уходят прочь. Карандашом чирикать,
раскачивать надмирную печаль.
И замолчать, и к тишине привыкнуть,
но продолжать качаться и качать.

Семафоры. Серафимы. Одиночество в снегу.
Горький шёпот шестикрыльй светлым словом
берегу.

В умирающих ладонях, в рыхлом воздухе видны
недоступные перроны неслучившейся страны.

Плачет женщина, — я с нею должен быть.
От долгих слёз
 даль двоится талым стуком утекающих колёс.

По высотам, по пределам, по горбатым городам
отступающее тело — наступающим снегам.

О душа! Глаза и голос — ломким локтем — в пепел,
в плен
о весне, о первом платье выше смерти и колен.

Сергей Рыбкин

Пластинка хрипнет
И окончит свой танец,
Короткий,
Такой же недолгий,
Как жизнь...
Дмитрий Кедрин

Платками розовыми руки
переплетаются в узлы.
В окне снежинка крутит трюки —
снежинки — божии послы.

Лети! Лети, дурная пташка!
Споткнись, исчезни, возродись!
Ресницы жаждут на отмашку
держать валяющуюся высь.

Пусть мы приравнены к заснежью —
косой изгиб — дуга, зигзаг...
Грудную брешь заполнит нежность,
что начинается в руках.

А где кончается? — В затылке.
Ему не вытолкнуть с лица
сегодняшний полет снежинки
и завтрашний указ Творца.

Глаза захлопнуты, как окна.
Другая жизнь, летят послы.
И мысли, чувства — как волокна,
переплетаются в узлы.

И вот Она – искра, крупинка,
слетела с мельницы минут...
Не исчезай, моя снежинка,
пока мы тут,
пока мы тут.

Губы в зубы – улыбкой зазубренной,
смоченные кровью, слюной разведённой.
Стынет Воронеж, туманом прокуренный,
ночью заржавленно-темной.

Скулы проспекта машиной скулящей
вздёрнуты. Наледь и спящая нега.
Город наглыблен, засорен летящей
стружкой крылатого снега.

Быются глаза – беззащитные слепки –
бабочки с крыльями стёртыми. Смяты
то ли бумажки в кармане, то ль небо,
падая, с хрустом ступает на пятки.

Выстелил белую рыхлую простынь
Кто-то. Внезапно. На кожу асфальта.
Люди, машины – мурашки. И воздух
делает снежное сальто.

Исколот наледью проспект
и дрожью перебит.
Любое «да» звучит, как «нет»,
любое – не звучит

словцо, нашёптанное мной.
Тобой – молчанья гул.
Едва раскачены губой
качели бледных скул.

Свистит меж арок пустота,
подтачивая шаг.
И под ногой хрустит плита,
как гречкий от ножа.

И я иду, портрет списав,
с Есенина – упрям.
И снег летит в мои глаза,
Как чайка в океан.

Павел Пономарёв

Еловые ветви

Падает снег на еловые ветви
Душами снежными, пылью остуженной.
Вера развенчанная моя, где ты?
Свежести. Свежести. Душно. Не слушай.

Снег отпевает еловые ветви.
Свечи без веры чадят, а не светят.
Вместо молитв с губ обветренных – кровь.
Снег, ты в пути их последнем укрой.

Пусть отболит. Пусть отмается. Пусть.
Пусть я еловово ветвью вернусь,
Веря, что
нет пути в никуда.
Падай, снег, – падай.
Подай, снег, – подай.

Снег

Ты холодна. А я горячий снег,
Что целовал тебя вчера во сне.

Я выпал таять. Стужей умирать.
Сгореть морозом – но не согревать.

Быть белым снегом на чужой душе.
Я мёл в раю – я мёл и в шалаше.

Дай Боже сил ту стынь перетерпеть –
Ведь ты не в силах этот снег согреть.

Ока и Олька

Разлука – мука, а пока
Приобниму тебя – случайно,
И вдруг покажутся нечаянно
Мне мимолётами века!..

Запомнить лучики у глаз
И сколько родинок на шее,
Но веки века тяжелеют,
И кроме нас... кто кроме нас?

А путь-то – в пустошь... пустота.
Тоска – и только...
Разлука – мука, а пока
Ока – и Олька.

Клуб поэзии «Левобережье»

Поэтический клуб «Левобережье» работает при поддержке Управления культуры г. Воронежа. Основатель и руководитель — поэт М. Н. Соловьёв. В арсенале клуба 4 коллективных сборника, выступления на радио, творческие вечера и концерты на городских культурных площадках

Николай Авдеев

Студент математического факультета ВГУ. В поэтическом клубе «Левобережье» состоит с самого его основания. Член общероссийского Союза военных писателей «Воинское содружество»

Флагшток

Сомкнём покрепче спины у флагштока,
Подняв на шпаги рухнувшую полночь.
Ты видишь: самолёт летит далёко?
Ещё минута — и прибудет помощь.

Ты слышишь: с постаментов спрыгнув ловко,
«Катюши» мчат в спасительном параде?
Под шпорой амазонки с монтировкой
Стальной олень летит по автостраде...

Ты чувствуешь, как рвётся ткань пространства,
Седое время корчится, старея?
Прорвавшись из-под глади океанской,
Линкор раскинул призрачные реи.

Пылает город, паникой объятый.
Здесь плленных не берут — война жестока.
Последние на стенах *alma mater* —
Сомкнём же крепче спины у флагштока!

Михаил Долгих

Выпускник юридического факультета ВГУ. Публиковался в коллективных сборниках и местной печати. Член ВГОО «Союз писателей "Воинское содружество"

*Посвящается 75-летию начала
Великой Отечественной войны...*

Укрылась редкая осока
В прибрежных зарослях лозы...
А в небе, чистом и высоком,
Нет той безжалостной грозы,

Что разразилась на рассвете,
Накрыв посёлки, города...
Во сне и взрослые, и дети
Не ведали: пришла беда.

Уже не гром стучится в ставни,
В окно не молния видна...
Как страшно было им представить,
Что это началась война.

А им пришлось. В снарядном гуле
Теряли люди кров, родных,
А вслед им мчались, как из улья
Десятки тысяч пчёл стальных,

Чтобы настигнув, вмиг ужалить,
Впустить свой смертоносный яд...
Как на отточенном кинжале,
Висел весь мир шесть лет подряд.

Тех мест, где кровь солдат пролита,
Боюсь, не сможем перечесть...
Земной поклон гранитным плитам
За незапятнанную честь.

Храня у сердца медальоны,
В поту кровавом и в пыли,
Бойцы сражались в батальонах
За каждый сантиметр земли.

Рассвет над нивами прольётся
На том и этом берегу...
У тех, кто больше не вернётся,
Мы в нескончаемом долгу.

Удел такой был дан им свыше:
Страданий чашу пить до дна,
Чтоб впредь не довелось нам слышать
Такое слово, как «война».

Константин Зайцев

Уроженец Луганской области, окончил магистратуру в Донецком Национальном техническом университете (2013), переехал в Воронеж (2014)

Колыбельная

Милая,
Добрая,
Тайная,
Светлая,
Стройная,
Ночь оккупирует улицы,
Звёзды в окно прорастают меж ветками,
Стены рельефом обояев нахмурятся.

Как воздыхатель младой и назойливый,
Месяц по комнате водит лучами.

Сладко ты спиши,
Безмятежная,
Вольная,
Юная,
Этого не замечая.

Великолепная,
Неотразимая,
Яркая,
Пылкая,
Мудрая,
Цельная,
Всех исполнителей мобилизовав,
Пишет Природа тебе колыбельную.

Холодом уличный гомон приглушенный,
Небо сегодня мне аккомпанирует,
Снова на бис шепчу тебе, вслушайся:
Светлая,
Тайная,
Добрая,
Милая.

Дарья Зайчикова

Публиковалась в «Литературной газете», журналах «Подъем», русско-немецком литературном журнале «Студия», коллективных сборниках

Кольцо Соломона

Всё проходит, пройдёшь и ты,
Точно дождь из случайной тучи.
Это росчерк слепой звезды.
Это случай.

Рябь проходит по облакам,
И из трещины свет прольётся.
Это грозный седой вулкан
Вдруг очнётся.

Ты заметишь в нём – пепел бел.
Он летит нам с тобой на руки.
Как сейчас мы до будних дел
Близоруки!

Путь короткий сплетут шаги –
В два штриха. Это звезды бьются.
Где ты? Лишь на воде круги
Разойдутся.

Не узнавшие почему,
Не запомним всего, что было.
Путь звезды проторён сквозь тьму.
Но куда упадёт светило?

Вектор

Поскрести по сусекам, но себя не слепить
Из «того» человека,
Из того, кем мне быть
Посчастливилось как-то
В полудрёме, в игре.
Это мой резус-фактор
Точка-точка-тире.

Как же мне разобраться
В этом перечне цифр?
Врач готов мне поклясться,
Будто Я – этот шифр.
Но ведь Я – это сумма
Малых древ и больших.
Но диагноз – как будто
Просто разность от них.
Поскрести по сусекам...
Что ищу я, дурак?
Человек – это вектор,
Но не точка, не знак.

Евгения Кириченко

Творческий путь начала в Донецке, выступала в рамках проектов «Клуб новых поэтов» и «Эскизы талантов» (г. Донецк). С 2016 года состоит в поэтическом клубе «Левобережье»

Сила любви

Каждый день стерегу я дыхание
У застывших, как вечность, дверей....
Вновь мечтаю о близком свидании,
Где закатная спит акварель.

Погружаясь в мир благостных будней,
В каждой капле отраду ищу.
Светит сердце всё лунней и лунней,
Как антоним ночному грачу.

Стылым утром сильней ожидания
И напористей импульсы чувств.
Благодарна тебе, расстояние,
Что любить непрестанно учусь.

Каждый день стерегу я дыхание,
Словно время «в твой шаг» облекли,
Может, это игра мироздания –
Гениальная сила любви!

Надежда Кудашова

Студентка факультета ПММ ВГУ

Здравствуй. Пишу тебе в шуме летящего поезда.
 Так получилось – купила последний билет,
 Ты не скучай по мне, мне ведь самой так боязно:
 Будет ли грустно мне, буду ли я жалеть?

Знаешь, порою так трудно решиться сделать
 Что-то безумное, что-то, что против правил.
 Я вот решилась, ведь нужно когда-то быть
 смелой?

Долго решалась – оставаться или оставить.

Там ведь осталось так много! Так много детства,
 Первые чувства, упавшие, как вода...
 Я бы вернулась, наверное, если честно –
 На долю секунды, по рельсам и проводам,

Коснулась бы лёгким жестом твоей руки.
 Но дальше и дальше становится это «там»,
 И страшно короткими кажутся здесь гудки.

Александра Сердюкова

Ученица гимназии № 9, одна из самых юных участников клуба «Левобережье»

Я не смею просить вспоминать и любить:
 Слишком фальшиво дешева для способности жить,
 И не буду молить дать мне знак или весть.
 Но, пожалуйста, знай. Просто знай, что я есть.
 Пусть мелькают года вереницей людей,
 Пусть жонглируют дни сотней тысяч идей,
 И, стирая набойки, танцовщик октября
 Пусть вальсирует с солнцем в дожде янтаря.
 Мне неважно, кто пишет сценарий для снов,
 Что тебя оградят от полночных штормов,
 Безразлично, кем полнится мыслей амбар,
 Разжигающий в сердце цветущий пожар.
 Не желаю пытаться неволить тебя,
 Легковесностью счастье на пошлость дробя,
 Не стараюсь хвататься за призрачный шанс,
 Превращая в частушку лиричный роман.
 Только, если однажды упрочит печаль
 Бренность мира, покрыв беззаконную даль,
 И ты, может, захочешь меня повстречать,
 То я буду с тобой говорить и молчать.
 Разделив пополам безысходности стяг,
 Мы ворвёмся в плеяду душевных бродяг.
 Чтоб вовек не стремился твой смех увядать,
 Время станет стеною в готовности ждать.
 За момент единенья неведомых грёз,
 За улыбки друг другу без горечи слёз,
 За посланье в глазах, что так трудно прочесть,
 И за прожитый миг, просто знай, что я есть.

Елена СмолицкаяВыпускница юридического факультета ВГУ,
 староста клуба «Левобережье»**Ураган**

Мы ищем родственные души,
 Но, поднимаясь на курган
 Сердце разбитых, «ты мне нужен», –
 Лепечем сквозь сплошной туман.
 Едва заметив черт похожесть,
 Едва взглянув судьбе в глаза,
 Мы увеличиваем скорость,
 Забыв про знаки и «нельзя».
 И дрожь, родившись в резонансе,
 Перетекает в ураган,
 Что кружит нас в пьянящем вальсе
 И снова падает в туман.
 Как много душ невинно-юных
 Сожгла безжалостная суть
 Поступков жарких и бездумных,
 Что преломляют жизни путь!

Истончение

Летели птицы по небу кругом,
 Зима манила нежно серебром,
 И падал, падал, белоснежный пух...
 На нас смотрело время, как пастух.

Мы собирали золото и шёлк,
 В занятиях бренных мы искали толк,
 А злое время мимо нас текло
 И забирало силы и тепло.

Мы истончались. Для ветров зимы
 Вдруг уязвимы оказались мы
 И ощутили: близок день и час,
 Когда снега запеленают нас.

Поблекли сразу красные шелка,
 И растворила суету река.
 Итоги. Мысли. Смыслы бытия.
 Познать себя спешит душа моя.

Михаил Соловьёв

Выпускник Воронежского технологического института. Член Союза писателей «Воинское содружество». Руководитель клуба «Левобережье»

Такое не забытьБеседа с защитником г. Воронежа
 полковником С.В. Некрашем

Товарищ полковник, Вы стойко сражались
 За город Воронеж в жестоком бою,

И Вы победили, и клятву сдержали,
Избавив от гадов Отчизну мою.

Я помню разруху. Я помню руины,
Завалы на улицах, плач матерей,
Когда подорвались мальчишки на мине
У дома без крыши, без окон, дверей.

Я к лагерю пленных пробрался украдкой,
Дождался, чтоб дальше ушёл часовой,
Открыл по фашистам огонь из рогатки,
И очень в тот миг я гордился собой.

Но утром пришёл участковый инспектор,
И помню, за «подвиг» отец всыпал мне...
Я помню скелет «Утюжка» на проспекте
И «Смерть оккупантам!» на красной стене.

Я помню, как тяжко жилось, как страдали
В холодном жилище, голодном бреду,
Как всё, что годилось в еду, мы съедали:
Паслён, жмых, турнепс, скороду, лебеду.

Цветы луговых колокольчиков ели,
Побеги у сосен и конский щавель,
Но люди, я помню, тогда чаще пели
И верили в счастье, и видели цель.

Я помню СК в искорёженных трубах,
С ломами, лопатами группы людей,
Их строгие лица, их сжатые губы,
Людей, закалённых в труде и в беде.

Людей из бараков, землянок, подвалов –
С гудком – на завод! Цель одна: возродить!
А к ночи домой возвращались устало,
Чтоб утром опять гнуть, крепить, возводить.

Разрушенный мост у ВОГРЭСа и пойму
С pontонным мостом, и Победы весну...
Товарищ полковник, я многое помню
И с детской поры ненавижу войну.

Ольга Сысуева

Выпускница исторического факультета ВГУ

Зимний сад

Ах, зимний сад! Подобно хрусталю
Свисают ветки.... Таинство природы.
И вечна жизнь... и вечны несвободы.
И вечно слово вечное «люблю».
И снова в путь! Мелодикой романса
Нас встретит этот сказочный февраль.
Когда мне грустно, разложу пасьянсы....
Нежна зимою сотканная шаль...
О, зимний сад! Сад вечный, сердцу милый;
Восторг любви, и лист календаря...

Покров зимы восторженный, любимый...
И им любуюсь пред закатом я.

«ЛИК»

Поэтический клуб и творческое содружество, возникшее на рубеже 1970—1980-х годов в Воронеже. 23 июля 1987 года клуб получил официальную регистрацию в горкоме ВЛКСМ и вошёл в состав Городского Молодёжного Центра. Первый публичный вечер клуба, в котором принимали участие поэты Маргарита Мельгунова и Валентин Нервин, состоялся в октябре 1987 года.

Наряду с «Зинзивером» «Лик» стоял в начале 1990-х годов в центре неофициальной поэтической жизни Воронежа.

Константин Кондратьев

Выпускник экономического факультета ВГУ

Весна (отрывок)

«Могильной пропасти она не слышит зева...»
...и впрямь – как будто древний морок
округу моросью покрыл:
вороны из-за мокрых корок
друг другу перья рвут из крыл,
коты свирепоолосуют
друг друга по косым зрачкам,
а кошки мерзко голосуют,
склоняясь к дерзким новичкам;
топорщат сивые загривки
из подворотен кобели...

...и осень в пушкинском Отрывке
на русский не перевели...

Алексей Серёгин

По специальности резчик по дереву. Стихи печатались в местных изданиях, в альманахе «Пегас» (Санкт-Петербург) и «Альманахе поэзии» (США), в альманахе «Образ» (Москва)

Птицы

Погода, как мелодия, звучит,
Когда звенит капель, ручей журчит,

И заставляют в поднебесье птицы
Нас вспоминать былое ремесло,
Знакомя с содержанием страницы.

Ручьём соринки грусти унесло,
И говорит консилиум грачей:
«Строй плот себе, ищи скорей весло!
Спеши за нами, если ты – ничей!»

Ведь будет только осенью итог,
Ну, а покуда – небо для полёта,
И в нем – певцы летучие звончей...
Смешалось все в стремительный поток,
Где все по правилам идёт, где все по нотам.

Левитанский хронометр

Часы бывают разными. Одни
Браслетами нам сковывают руки.
Качают маятниками от скуки
Другие. Третья скрашивают дни

Под действием противовеса-гири.
Пересыпают в пустоту песок
Одноимённые, под номером четыре.
Но суть одна – все отмеряют срок.

В кармане будь они или на башне,
Упрятанные или на виду,
Сегодняшнее делая вчерашним,
Они стоят на месте, но идут.

Усилием закрученной пружины
По-разному они чеканят шаг.
Бывает, отстают или спешат,
Но сами зачастую недвижимы.

Часы бывают разными. Беду
Они нам отмеряя или счастье,
Как сердце в упоенье бьются часто
И медленно в иные дни бредут.

Часы бывают разными на вид,
Но неизменно к нашим просьбам глухи.
И маятник назойливее мухи,
И стрелка циферблат не обновит.

Оправданье зимы

Когда сознанье обступает мрак,
Когда под пальцами колючий чуешь холод,
Зима – холоднокровный враг –
Пускает в ход свой способ наилучший,
И мир под снег запрятан ровный,
И лёд не сколот...

Заиндевел замОк,
Замёрз дверной проём,
И видно сквозь окно:
Холодный снеговой настил
С бездонностью небес вдвоём, -
И в горле ледяной комок
Застрял, застыл...

Когда от неба новой ждёшь беды,
Пока смотреть в окно не перестал,
И вместо капельки воды
Засохшей крошкой хлеба
Меж век – меж кадров зимнего кино –
Зрачок цепляет льда кристалл,

То где-то в глубине сознанья есть
Слова для оправданья зимней стужи,
Сомнения в её вине,
Ведь холод – не за лето месть,
Но неизбежность мирозданья,
И высшей цели служит.

Замирает событий река
Перед тем, как чему-то случиться,
Будто властная чья-то рука
Знак даёт, только время не мчится.

Ожиданьем пропитанный мир.
Очаровано время надеждой.
Застыгают слова меж людьми,
Красотой и значением между.

На какой-то коротенький срок
Звуки все в тишине потонули.
Будто спущен какой-то курок,
Не пришла лишь в движение пуля.

Всё, на тоненькой грани застыв,
Сделать шаг с нетерпением готово.
Ну, стреляй же, стартёр, холостым!
Начинайся, мгновение, снова!

Молодёжная группа в секции поэзии при Воронежском региональном отделении Союза писателей России

Дарья Гузеева

Старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин ЦФ Российского государственного университета правосудия. Член Союза журналистов России и Союза писателей России.

Диалоги

Диалоги, диалоги...
У судьбы все на пороге...
Видно, выпало не многим,
Самым преданным и строгим,
Не забывшим ни о Боге,
Ни о вере и в остроге,
Что в ХХ веке многим
Путь-дорожку обрубил...
Видно, выпало не многим,
Видно, истина убогим
Открывает лицо светил...

Распродажа

Письмо другу

Акция века:
Жизнь человека
Частями, кусками
Идёт с молотка.
Лет распродажа,
Чувств распродажа.
Не жалко, ты скажешь?
Всё, что ты нажил,
Всё – с молотка!
Воспоминанья,
Сердца признанья,
Душ покаянья –
Всё – с молотка!
Прошлого лики,
Словно улики,
Уничтожаешь,
Себя не щадя.
Нет сантиментам,
Светлым моментам,
Друга советам –
Всё, не жалея,
Всё – с молотка!

Двадцать лет, сорок...
Эти оковы
Выбросить в Лету!
Счастье за это?
Нет... Не получишь –
Золотой ключик
В прошлом остался,
На Родине-царстве,
В близких глазах,
Ждут ведь пока...
Ну что? С молотка?

Олег Коновалов

Выпускник ВГАСУ

Затуманилось липкими датами,
Закручинилось,
Запропало, приснилось закатами
Перочинными,

Засмотрелись на окна, на тёплые
Кольца-звёздочки...
Зашагали разбитыми стёклами
Да по косточкам...

Заалелась, запенилась кровь
Неприкаянно...
Да не в глаз не попав, и не в бровь
До отчаянья...

Собралась на побывку душа
На все стороны...
В благодатную землю сажать
Травы сорные...

Александра Наливкина

Студентка ВХУ

Эх, собака, я знаю, что значат печали,
Холод лютый, машины ревут по делам.
В звенящей голове страх с тоскою зачали
Одиночество гаснущих мыслей, что в хлам.

Эх, собака, ясна мне протяжная песня.
В липкой похоти битых улыбкой витрин
Отражения наши прижались так тесно.
Умереть что ли, оскалившись, молодым?

Эх, собака, замерзаем без снов, без целей.
Просто так, в темноту, вперив надежды взгляд.
Покурив, в подъезд тебе открываю двери,
Добро пожаловать в человеческий ад.

Эльвира Щербакова

Преподаватель ВГПУ, главный редактор газеты «Учитель» ВГПУ

Я стала меньше понимать
Твоих стихов неровный почерк –
Не разобрать мне аромат
Едва набухших твёрдых почек.

Ты изнутри закрыт на ключ –
Кодировать умеешь смыслы...
Набор каналов, ям и круч –
И не услышать твои мысли...

Передо мной твоя строка,
Передо мною жизни нитка,
Но не зовёт вперёд рука –
Моя желанная ошибка...

Ты дышишьтише и ровней,
В глазах две пропасти возникли...
Я перестала быть твоей,
Мы в унисон писать отвыкли.

От солнечно-жёлтого до мутного синего
Разлита тоска в небе зимнего инея,
Ирезаны линии лиц, у прохожего
Пылинками белыми сердце встревожено,
И облаком дымным себя убаюкало,
Свечене пуская сквозь дерево-пугало,
Ранимое зимнее солнце усталое
В ущелье ушло, и тоскливо вдруг стало мне,
И снежнымиискрами мелкими, колкими
Рассыпалось в воздухе солнца осколками,
И замерло сердце – морозом охвачено,
И воздух вдыхаю – колюч и прозрачен, но
В синей тоске среди зимнего инея
Останется жёлтой закатная линия.

Воронежский городской клуб поэтов «Поэтоград»

С января 2007 по январь 2017 г. – сценическая площадка Городской библиотеки искусств им. А.С. Пушкина, общая сцена для творческих клубов Воронежа, «Открытый поэтический ликбез». Клубные сборники: «Складчина» (Поэтоград, книга 1) -2007; «Складчина» (Поэтоград, книга 2) – 2017. С 2017 г. – выступления на городских культурных площадках, фестивалях, «квартирниках»...

Посвящаем памяти наших товарищей

Инна Чернышева

Поэт, выпускница филологического факультета ВГУ

«И если кто-нибудь сорвётся,
Мы не заплачем, а споём,
Он обязательно вернётся,
Пока мы будем петь о нём».

Лариса Гавrilova

Поэт-переводчик, выпускница РГФ ВГУ

«Не будет, скучно вам, клянусь,
Ни в мадrigale, ни в сонете:
Хочу, чтоб знали наизусть
Меня живущие на свете».

Сергей Заскин

Выпускник Воронежского медицинского института,
детский хирург

Километры дорог. Путь одинок.
В каждое утро прыжок.
Работа!
Номер палат. Белый халат.
Усталость назад.
Работа!

«Поэтоград» представляет «Стихи для вас»

Александр Гревцев

Я уеду из города.
А куда? Всё равно!
Всё возьму, что мне дорого,
Что люблю так давно.
Это будет гитара,
Это будут мечты...
Мы, конечно же, пара,
Значит, будешь и ты.

Я уеду из города,
Чтобы встретить зарю,
Утолить чувство голода
Рук, привычных к рулю.

Не забуду гитару,
Песни, что для души, –
Их споём мы на пару,
Ведь со мной будешь ты.

Я уеду из города.
Но, конечно, вернусь.
Для печали нет повода,
Мы забудем про грусть.
Будет рядом гитара,
Станут ближе мечты...
Мы, конечно же, пара,
И со мной будешь ты!

Владимир Емельяненко

Выпускник физфака ВГУ, член клуба «Лик»

Когда просторы снега грубы,
Когда мороз, как купчик, толст,
Бывает, знаешь, люди любят
За сотни неразъятых вёрст.

Спешит вдоль улиц оголтелых
Всегда пустынная толпа.
Ты вроде занят. Даже делом.
Но эта жизнь весьма глупа.

В том заводском печальном гуле
Пылится облако словес,
Лишь дома, когда все уснули,
Ты пишешь эти SMS.

Слова сжимаешь краткострочьем
И отпускаешь их в эфир,
И этой ночью, только ночью,
Ты понимаешь полый мир.

Ждёшь вновь ответа и привета,
Ты снова, как ребёнок прост.
Но жжёт вопрос: "Любовь ли это?"
Сквозь сотни хладнокровных вёрст.

Лариса Зимина

Выпускница филфака ВГУ

Страна Касталия

Когда меня не будет среди вас,
вы непременно вспомните о птицах,
поющих на отмеченных страницах
единой книги на горе Парнас.
И снова сердце, с кулачок,
стук-стук по крышке временнOго цикла,
и заскользит по древу цикля,
и запоёт невидимый сверчок.

Когда заснет мой город до утра,
разбудят ночь вселенские сады,
и запоют на все лады
вишнёвые ветра.

И я, сдержав пред вами обещанье
построить свой Поэтоград,
спою на память, на прощанье,
про наш совсем не скучный сад.

Когда ветра умчатся за моря,
в Страну ручьёв, в страну Касталия,
за облаками и так далее
я стану легче, проще говоря.
И мы, друг друга сразу узнавая
в снежинках, в инее, в росе,
прославим мир во всей красе
земного зарифированного рая.
Февраль 2018 г.

Галина Кирьянова

Выпускница филфака ВГПУ

Весенний сонет

Расплакалась весна в апреле
И землю напоила допьяна,
Так, что и птицы очумели
От тёплого весеннего вина.

И, словно в плясках карнавала,
Весна всем краски раздавала
В многообразье лиц без масок –
Из добрых наших русских сказок.

А в мае – первый гром и дождь,
И ветер-плут то тут, то там...
Май всё расставит по местам,
Пока навстречу ты идёшь.

Весна идёт, и ты идёшь,
Пока надеешься и ждёшь...

Не отпускай меня, прими как данность
И не ревнуй ни к песням, ни к стихам.
Любовь всегда причудливая странность,
Возврат к ещё не прожитым грехам.
Любовь для нас я нагадала в Святки –
Мороз и солнце – терпкое вино!
...В твои я влезу у порога тапки,
Не по размеру? – Всё равно!
Согреюсь у твоей улыбки –
Мою неловкость извини!
Там, за порогом, горькие ошибки –
Оставь их...Счастье не спугни!
Февраль 2018 г.

Виктор Колесниченко

Выпускник филфака ВГУ

Крещенское

Под снегом улицы. Морозно.
И пар из наших душ летит
И белой птицею тревожной
Над чёрным городом парит.

Дыханьем с небом мы сроднились,
Соединились с ночью мы
И, воспарившись, раздошлились,
И полетели вдоль зимы.

Так просто в небо устремиться
Живой белёсой пеленой
И одинокой белой птицей
Следить из бездны за собой.

Смотреть в мороз из тьмы глубокой
На свет дыханья своего
И в белых далях встретить Бога
И снежных ангелов его.
Январь 2018 г.

Павел Манжос

Выпускник филфака ВГУ

Клоун

Я смеюсь – мой смех как крик совы.
В корку смеха пряча боли мякоть,
Улыбаюсь, чтобы не завыть,
Чтобы не заохать, не заплакать.

И не знает, день свой не ценя,
Мир земной – беспечный недотёпа,
Что я всех спасаю от меня –
Слёзного вселенского потопа.

И друзей спасаю, и врагов,
Эту землю всю – старушку клячу:
Выйдет океан из берегов,
Всё губя, как только я заплачу.

Смейтесь же до колик в животе –
Упаду я или в страшном крене:
Я пока ещё на высоте,
Я кусаю губы на арене.

Люболь

Когда из сердца уходит любовь,
В нём поселяется боль.
И, сколько к боли себя ни готовь,
Точит она, как моль.

Я не отпустил любовь до конца,
И чувств получилась смесь,
И в сердце сладко горчит пыльца,
И нежная тлеет резь.

Взошёл в нём росток, пробив все льды,
И деревом крепким стал:
Так сладко пахнут его плоды,
Но горечью жгут уста.

Дочка плод его с ветки сорвёт:
"Горчит, как морская соль.
Мам, как называется этот плод?"
Ты тихо ответишь: "Люболь".

Юлия Санина

Выпускница филфака ВГУ

Иронические сонеты

О том, что дома отрок ночевал,
Я узнаю легко – по пеплу в ванной,
По характерной вмятине диванной
В скоплении толчёных одеял.

Мужской суровый идеал
С зубной щёткой, с палочкой ватной...
В беседе с ним, приветливо-приватной,
Семейный обозначен ареал.

И поиски коллекции носков...
От жареных сосисок и гренков
Струится аромат необычайный...

И – с пачкой сигаретною початой –
Уже в пути он, сытый, но печальный –
С чего? Пойми их, этих мужиков!..

На птичьем рынке купленный за грош
Ваш попугай похож... на динозавра!
Сейчас темно, но присмотритесь завтра,
С утра: неуловимо, но похож.

Он скажет вам: - Дур-рак! Какая ложь!
У динозавра цвет не тот и запах,
И ужин у него другой, и завтрак,
И внешне он не так хорош!

Да не смутит вас истина нагая,
Палеонтолог – нет, не «напрягаю»
Я Вас. Но не заметили ли Вы,

Как спрятанный средь девственной травы
Походит динозавр на...попугая?
Пытливым поворотом головы?

24 марта 2018 г.

Сергей Чижик-Полейко

выпускник химфака МГУ

Никто никогда никуда не возвращается.
Разве лишь тени прожитых судеб
приходят – по памяти – попрощаться
и бродят, потерянные, как люди.

Никто никогда никуда не возвращается.
Мир не вывернешь наизнанку,
как не заменишь руду на обманку.
Возвращение – запрещается.

Никто никогда никуда не...
Кажется – проще простого,
но по следам своих прежних скитаний
никогда не пройдёшь снова.

Как воздух был свеж, как чиста вода,
как близко – рукой коснуться...
Как жаль, что уже никогда никуда
не сможет никто вернуться.

Я сгинул бы с радостью, без следа,
когда бы я мог умчаться,
чтобы остаться там навсегда,
чтобы не возвращаться.

Да только никто никогда никуда,
покуда Земля вращается,
не может рассеяться без следа,
и каждый всегда возвращается.

Поздравления Воронежскому университету

Академия Миров Поэзии Индиго.Ру (АМПИР)

Клуба Поэтов «Лик»,

Областная юношеская библиотека им. В. Кубанёва

Воронежскому университету – к столетнему юбилею

Есть две основные безбрежности –
это безбрежность Космоса и безбрежность Океана
Разума.

Метафорически и по сути – это одно и то же.
Но стоит только задуматься – как становится ясно,
Что Космос вместить в себя Разум не сможет.
А город Воронеж смог, 100 лет назад приютив
у себя Университет,
эвакуированный из города Юрьева.

Вам, поэтам Универса, – во всех смыслах! –
наш САЛЮТ!

Михаил БОЛГОВ, президент клуба «ЛИК»,
Татьяна ШЕПЕЛЕВА, библиотекарь отдела
автоматизации Областной юношеской библиотеки
имени В. М. Кубанёва

Литературно-художественный клуб «Аллея»

Всех преподавателей и сотрудников ВГУ, всех его
студентов и всех выпускников, которых более 100
тысяч, литературно-художественный салон «Ал-
лея» поздравляет со славным юбилеем. Многие
лета вам! Новых открытий, новых побед! Гордимся
вами, радуемся за вас!

Елена Матросова, координатор проекта

Поэтический путеводитель 2018 года

Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883) – 200 лет со дня рождения

Несмотря на то, что сам Тургенев однажды разочаровался в своём таланте поэта, он оставил стихотворные произведения, вошедшие в мировую сокровищницу литературы. Одним из таких стало стихотворение **«В дороге»**. Оно родилось в душе двадцатипятилетнего Тургенева в тот момент, когда он переживал расставание с Татьяной Александровной Бакуниной. Вместе с тем в этом стихотворении могло отразиться и зародившееся чувство любви к Полине Виардо, которую писатель впервые увидел осенью 1843 г.

Тургеневским шедевром были вдохновлены многие композиторы, положившие его на музыку. Как романс оно известно по первым строкам — «Утро туманное...»

Максим Горький (1868–1936) – 150 лет со дня рождения

Стихи Горький начал сочинять в юности, подражая народным песням. В его поэтических опытах угадывалось также влияние романтических произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Г. Гейне, гражданской лирики Н. А. Некрасова, Т. Г. Шевченко. Значительным вкладом в историю русской поэзии стала стихотворная сказка «Девушка и Смерть». И в последующем эпическое

и лирическое начала существовали в его творчестве в удивительном союзе. Так, например, удивительные горьковские «Сказки об Италии» трудно представить себе без лирических вставок — **стихов Кермани** («Что прекрасней песен о стихах и звёздах?») или **стихов Винченцо** («На берег пустынный, на старые серые камни...»).

Борис Владимирович Заходер (1918–2000) – 100 лет со дня рождения

Имя Заходера мгновенно рождает ассоциацию со стихами для детей. Это действительно так, его «детские стихи» отражают особенное — невзрослое восприятие окружающего мира. При этом автор вложил в них столько тонкого юмора, что многие строчки превратились в афоризмы. А стихотворение «Кошки», например, стало шлягером в исполнении Ж. Агузаровой.

И лишь в последние годы мы открываем другого Заходера — поэта для взрослых, поэта-философа, поэта-парадоксалиста. Так, изумительна по лёгкости образов, по насыщенности смыслами его поэма **«Листки»**. (Хорошая статья о поэте: <http://www.zahoder.ru/content/view/1049/143/>)

Александр Исаевич Солженицын (1918–2008) – 100 лет со дня рождения

Солженицын в первую очередь известен как автор монументальных эпических произведений. Однако вот что писала в своих воспоминаниях Н. А. Решетовская, его первая жена: «Несмотря на всю нашу занятость, весной 41-го мы с мужем приняли участие в смотре художественной самодеятельности вузов и техникумов Ростовской области: он — с чтением своих стихов, я — с музыкальными номерами». В 1974 г. в издательстве ИМКА-пресс вышла небольшая книжечка стихов Солженицына — **«Прусские ночи»**. Они, по словам Ж. Нива, «уже с 1950 года устанавливают ту органическую связь, которая проходит через все творчество Солженицына: от довоенного студента, роющегося в библиотеках, к офицеру 1944 года, который смотрит на горящий Хохенштайн и вспоминает Самсона и собственного отца, к каторжнику 1948 года, сочиняющему “Прусские ночи”, и, наконец, к вермонтскому затворнику, вновь зарывшемуся в архивы, вновь старающемуся “связать” разбитую цепь времен и русской судьбы...»

Владимир Семёнович Высоцкий (1938–1980) – 80 лет со дня рождения

Полстолетия назад, весной 1968 года, его на время увольняют из Театра на Таганке. В газе-

24 марта 2018 г.

те «Советская Россия» спрашивают злобно: «Во имя чего поёт Высоцкий?» А он — поёт! В Сибири рождаются «Охота на волков» и «Банька». А кроме того, «Смерть истребителя», «Утренняя гимнастика» и множество других шедевров. И конечно же вспомним **«Туман»**, в котором есть замечательные строчки:

Выучи, вызубри, не забывай
И повторяй, как заклинанье:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»

По тропинкам поэзии вас вёл

Александр Астров.

Оглавление

Д. Чугунов. Поэзия.doc 3

ИСТОРИЯ

Поэзия как зеркало университетской жизни

СОВРЕМЕННОСТЬ

Университетская муз

Марина Баранова.....	107
Виктор Батраченко	108
Иван Белоусов	109
Виктория Белоусова.....	109
Елена Беспалова.....	110
Ольга Благонадеждина	110
Татьяна Брежнева	111
Владислава Бурносова.....	112
Роман Бутов.....	113
Светлана Владимирова	113
Екатерина Гарманова.....	114
Диана Гладнева	115
Андрей Гончарук	115
Ануш Давтян.....	117
Мария Дарская (Федоринина)	117
Юлия Дорошева	118
Владимир Емельяненко.....	119
Виктория Ерышева.....	119
Евгения Жаркова	120
Вера Жердева.....	121
Александр Журихин	122
Дарья Зайчикова	122
Лариса Зимина	123
Василий Зубков	125
Михаил Иnev	125
Анастасия Картавцева	125
Виктор Колесниченко	127
Дмитрий Колесниченко.....	127
Людмила Колесниченко	128
Людмила Кольцова	128
Константин Кондратьев	129
Ольга Костенко.....	130
Екатерина Кузьмичёва	130
Михаил Кулаков.....	131
Зинаида Лаврова	132
Мария Лапыгина	132
Александр Лисняк.....	133

Татьяна Лозюк.....	134
Валентина Мажулина (Мелёхина)	134
Иван Манаев.....	135
Павел Манжос	136
Кристина Маркова	138
Елена Матросова	138
Наталья Мерзликина.....	139
Юлия Мирошниченко.....	140
Василий Нацентов	141
Валентин Нервин	142
Ирина Олей	143
Эльвира Пархоц.....	143
Николай Писаревский	144
Татьяна Повалюхина	145
Павел Пономарёв	146
Алёна Пояркова	147
Елена Правда	148
Аркадий Пресман	148
Валентин Рахманин.....	150
Олег Рахманин.....	150
Александр Романовский	151
Светлана Ромашина	153
Лев Рудковский	153
Рудольф Рудченко	154
Дарья Русова	155
Сергей Рыбкин	155
Владимир Рядинский	156
Екатерина Савко	157
Юлия Санина	157
Людмила Семёнова	159
Светлана Симонова	159
Елена Смолицкая	160
Эмма Старова	161
Екатерина Стрельникова	161
Александр Тарнов	162
Владимир Тулупов	163
Татьяна Тюрина	165
Галина Умывакина	165
Светлана Филюшкина	166
Галина Хожайннова	167
Кристина Хорошилова	167
Галина Царакова	167
Анастасия Червинская	168
Ольга Червинская	169
Дмитрий Чугунов	170
Иван Щёлоков	171
Максим Эбен	173
Джабраил Яхъяев.....	173

Наши гости

Галина Абделазиз	174
Юрий Алтайцев	175
Виталий Апевалов	175
Владимир Болгов	176
Григорий Бродский	176
Виктор Водяных.....	176
Сергей Волков	177
Алиса Гулевская	177
Анастасия Еремина	177
Павел Зюзин.....	177
Зоя Колесникова.....	178
Павел Конча	178
Кирилл Корчилов.....	179
Наталья Мартинец	179
Вячеслав Океанский	179
Нина Ольшанникова	180
Екатерина Орлова	180
Ирина Полюшко.....	180
Татьяна Полякова.....	181
Сергей Попов.....	182
Аман Рахметов.....	183
Ариша Сергеева.....	184
Наталья Смирнова	185
Мария Соколовская.....	185
Хмелевская Надежда	186
Жанна Хрупина.....	186
Сергей Чижик-Полейко	186
Евгений Шабунин	188
Татьяна Шепелева	189

Два перевода из Байрона

Олеся Ачкасова	190
Елена Краснова	190

П. Пономарёв. Воронежские «голоса» – на чьих плечах сегодня литература Черноземья (отрывки из статьи)

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

«Зинзивер»

Светлана Владимирова	192
Мария Дарская (Федоринина)	192
Дмитрий д'Артез	192
Татьяна Шепелева	192
Татьяна Повалюхина	193

«Змей Горыныч»

Василий Нацентов	194
Сергей Рыбкин.....	194
Павел Пономарёв	195

«Левобережье»

Николай Авдеев.....	196
Михаил Долгих	196
Константин Зайцев	196
Дарья Зайчикова	197
Евгения Кириченко	197
Надежда Кудашова	198
Александра Сердюкова	198
Елена Смолицкая	198
Михаил Соловьёв.....	198
Ольга Сысуева	199

«Лик»

Константин Кондратьев	199
Алексей Серёгин	199

Молодёжная группа в секции поэзии при Воронежском региональном отделении Союза писателей России

Дарья Гузеева.....	201
Олег Коновалов	201
Александра Наливкина	201
Эльвира Щербакова.....	202

«Поэтоград»

Александр Гревцов	202
Владимир Емельяненко.....	203
Лариса Зимина	203
Галина Кирьянова.....	203
Виктор Колесниченко	204
Павел Манжос	204
Юлия Санина	204
Сергей Чижик-Полейко	205

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ 2018 ГОДА

Литературно-художественное издание

**День поэзии LXII
Посвящается 100-летию ВГУ**

Литературно-художественный альманах

24 марта 2018 г.

Редактор-составитель Д. А. Чугунов
Корректоры Л. И. Зимина, Д. А. Чугунов
Компьютерная вёрстка А. Сундуков

Semper in motu

